

МЮКА МУРКОК

Серебряная рука

Хроника Корума

Annotation

После победы над Пиковыми Владыками прошло много лет, возлюбленная Корума умерла от старости, а сам он постепенно сходит с ума, слыша по ночам голоса, зовущие его. Появившийся Джерри-а-Конел объясняет ему, что это призывают к Коруму далекие потомки из народа его возлюбленной. И Корум соглашается прийти к ним на помощь. Так он перемещается в другой мир, где остатки людей с трудом обороняются от натиска Фой Мьёр — Народа льдов. И Корум возглавляет их борьбу...

Майкл Муркок
Серебряная рука
ТОМ ПЕРВЫЙ
БЫК И КОПЬЕ / The Bull and the Spear

ВСТУПЛЕНИЕ

В то время были океаны, света, и города в небе, и дикие бронзовые птицы. Красные животные, выше замков, грозно рычали. В черных реках плавали изумрудные рыбы. То было время богов, сошедших на землю, великанов, блуждающих по воде; время гнусной нечисти и бездумных духов, которых можно было вызвать с помощью заклинаний и которые уходили только тогда, когда им приносилась страшная кровавая жертва; время магии, волшебства, меняющейся природы, безумных парадоксов; снов, которые сбывались, кошмаров, превращающихся в реальность.

Богатое на события время, мрачное время. Время Повелителей Мечей. Время, когда угасала цивилизация двух древних врагов, вадагов и надрагов. Время, когда появился Человек, раб страха, не ведая, что боится он самого себя. И это было так же смешно, как и многое другое, связанное с Человеком (который в те дни назвал свою расу «мабдены»).

Мабдены жили недолго и быстро размножались. В течение двух-трех веков они заселили западный континент, на котором появились, но из суеверия не посылали своих кораблей к вадагам и надрагам еще несколько столетий. Увидев, что на них не обращают внимания, мабдены осмелели, чувствуя ревность к древним расам, гневаясь на них великим гневом.

Вадаги и надраги ни о чем не подозревали. Миллион с лишним лет жили они на планете, на которой, как им казалось, наконец-то воцарился мир. Они знали о существовании мабденов, но считали их новым видом животных. Продолжая по традиции ненавидеть друг друга, они занимались изучением абстракций, создавали дивные произведения искусства, долгие часы проводили в размышлениях. Разумные, мудрые, обретшие внутренний покой, древние расы не могли поверить, что в мире грядут перемены. И поэтому, как всегда бывает, не замечали их зловещих признаков.

Стариннейшие враги не делились друг с другом знаниями, хотя последняя битва между ними отгремела много веков назад.

Вадаги жили отдельными семьями в замках, разбросанных по всему континенту, который они называли Бро-ан-Вадаг. Семьи эти редко общались между собой, потому что вадаги давно потеряли всякий интерес к путешествиям. Надраги жили в городах на островах в океане к северо-западу от Бро-ан-Вадага. Они тоже не любили общения и редко встречались даже со своими близкими.

Появившиеся Люди плодились и размножались, расселяясь по всей Земле. Подобно чуме истребляли они представителей древних рас, попадавших на их пути. Человек нес с собой не только смерть, но и страх. Намеренно превращал он старый мир в руины, засыпая ими обломки костей. Сам того не понимая, он натворил столько бед, что ужаснулись Великие Древние Боги.

Великие Древние Боги тоже познали страх.

А Человек, раб страха, нахальный в своем невежестве, продолжал, спотыкаясь на каждом шагу, творить прогресс. Ему было невдомек, какие страшные перемены вызвал он в мире, удовлетворяя свои ничемные потребности. Кроме того, Человек обладал всего несколькими чувствами и не знал о множественности Вселенной, в то время как вадаги и надраги могли путешествовать по иным мирам, сосуществующим с Землей, которые они называли Пятью Измерениями.

Казалось несправедливым, что мудрецы должны погибнуть от руки невежественных мабденов, которые мало чем отличались от животных. Они напоминали вампиров, пирующих над парализованным телом поэта, который смотрит на них изумленным взглядом, теряя жизнь, которую кровососы не способны понять.

«Если б они ценили то, что украли, если б они познали то, что уничтожили, — сказал один старый вадаг в рассказе „Последний Осенний Цветок“, — я был бы утешен».

Несправедливость была налицо.

Создав Человека, Вселенная предала древние расы.

Впрочем, это была извечная и неизбежная несправедливость. Живое существо может воспринимать и любить Вселенную, но Вселенная не может воспринимать и любить живое существо. Она не делает

различий между разнообразными формами жизни. Все равны. Вселенная, вооруженная материей и властью созидания, созидает. Она не способна управлять теми, кого созидает, и те, кого она созидает, не способны управлять Вселенной (хотя многие обманывают себя, думая иначе). Тот, кто борется против нее, пытается сокрушить несокрушимое. Тот, кто трясет кулаками, грозит слепым звездам.

Но это не означает, что во Вселенной не осталось созданий, которые борются за справедливость и пытаются превозмочь невозможное.

Такие создания будут всегда, и среди них найдется немало мудрецов, которые не захотят поверить в безразличие Вселенной,

Принц Корум Джайлин Ирси принадлежал к их числу. Он был одним из последних, а может, последним вадагом, и называли его «Принцем в Алой Мантии».

В этой хронике повествуется о нем.

КНИГА ПЕРВАЯ,

в которой принца Корума посещает неприятное и странное видение...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОШЛОЕ МЕРКНЕТ, БУДУЩЕЕ ПУГАЕТ

Красавица Ралина умерла. Девяносто шесть лет — предел для смертной женщины. Долго оплакивал ее Корум. Прошло семь лет, а принц все еще чувствовал тяжесть на сердце, ведь сам он мог прожить еще тысячу лет и потому краткий век мабденов вызывал в нем непонятную зависть. Самих же мабденов Корум сторонился, поскольку те напоминали ему о Ралине.

Вадаги вновь стали селиться в уединенных замках. Замки так походили на скалы, что мабдены видели в них не жилища, а глыбы гранита, известняка и базальта. Но Корум избегал и вадагов — годы, проведенные с Ралиной, приучили его к обществу мабденов. Странное это положение побуждало его к занятиям поэзией, живописью и музыкой, для чего в замке Эрорн были отведены особые залы.

Так, всем чужой, жил Корум в замке Эрорн у моря. Все реже и реже посещали его гости. Слуги (теперь это были вадаги) ломали себе голову над тем, как же внушить Принцу мысль о том, что следует жениться на вадагской женщине, которая нарожала бы ему детей и вернула бы интерес к жизни, как к настоящей, так и к будущей. Но не знали они, как подступиться к своему господину, Коруму Джайлину Ирси, Принцу в Алой Мантии, с помощью которого мир избавился от множества страхов и низверг всесильных богов.

В сердца слуг закрался страх. Они стали бояться Корума, одинокого вадага с повязкой, прикрывавшей пустую глазницу, Корума, безмолвно скитающегося ночью по темным залам замка или угрюмо едущего верхом по зимнему лесу.

Страшно было и самому Коруму. Его пугали пустые дни, годы, исполненные одиночества; он ждал одного — когда же медленный ход столетий приведет его к смерти.

Подумывал Принц и о самоубийстве, однако ему казалось, что подобное деяние будет оскорблять память о Ралине. Он думал и о новых походах; но где найти неосвоенные земли в этом уютном и спокойном мире. Даже дикие мабдены короля Лир-а-Брода вернулись к своим обычным занятиям, став земледельцами, торговцами, рыбаками, рудокопами. Миру ничто не угрожало, не было в нем и явной несправедливости. Лишившись древних богов, мабдены исполнились довольства, доброты и мудрости.

Корум вспоминал об увлечениях своей молодости. Когда-то он был охотником. Теперь же совершенно потерял вкус к охоте. Слишком часто Принц выступал в роли ловца в битве с Повелителями Мечей, для того, чтобы чувствовать что-либо кроме сострадания к преследуемому. В прошлом Корум много ездил верхом. Его радовали чудесные, покрытые пышной зеленью земли замка Эрорн. Теперь же вкус к жизни пропал. Впрочем, конные прогулки Принц совершал и поныне.

Путь его пролегал по лиственным лесам, окаймлявшим мыс, на котором стоял замок Эрорн. Порою Корум отваживался доезжать до зеленой низины, поросшей вереском, — его встречали густые заросли дрока, соколы, парящие в небе, и непроницаемая тишина. Иногда Корум возвращался в замок по приморской дороге, идущей в опасной близости от обрывистого, сыпучего берега. Далеко внизу высокие белые волны с шипением и гулом яростно набрасывались на скалы. Порою брызги долетали до Корума, но вряд ли он замечал их. А ведь когда-то это доставляло ему радость...

Большую часть времени Корум проводил в замке. Ни солнце, ни ветер, ни шум дождя не могли выманить его из мрачных комнат, залитых любовью, светом и весельем в ту пору, когда в них жила Ралина... Иногда Корум даже не вставал из своего кресла. Его стройное тело покоилось на подушках, его

желто-багровый глаз пытался пронзить мглу прошлого, которая год за годом сгущалась. Отчаяние Корума росло, поскольку многое из того, что связывало его с Галиной, стало блекнуть и забываться. Образ смертной женщины погрузил вадагского принца в бездны печали. Вместе с людьми в Эрорн вошли и призраки.

Порой, когда тоска ослабевала, Корум вспоминал Джерри-а-Конеля, такого же долгожителя, как и он сам, — и зачем только тот решил покинуть это Измерение... Спутник Героев свободно путешествовал по всем Пятнадцати Измерениям, он был проводником, товарищем и советником того, за множеством обликов которого, по мнению Джерри, скрывался сам Корум. Именно Джерри-а-Конель сказал, что вместе с ним они составляют некоего единого Великого Героя; в замке Войлодион-Гагнасдаг Джерри встречался с другими воплощениями Корума — Эрикеше и Эльриком. Корум мог принять эту идею умом, чувства же его сопротивлялись этому. Корумом был — он сам. В этом и состояла его судьба.

Корум сохранил коллекцию картин Джерри. В основном это были автопортреты, но были здесь и портреты Ралины и Корума, а также изображения черно-белого крылатого кота, которого Джерри всегда носил с собой, он был столь же неременной его принадлежностью, что и широкополая шляпа. В самые тяжелые минуты Корум вглядывался в картины, вспоминая о былом, но скоро и они стали казаться ему портретами каких-то незнакомых людей. Корум пытался думать о будущем, строить какие-то планы, но все его благие намеренья ни к чему не приводили. Сколь бы детальным и разумным не был бы план, его хватало ровно на день. Замок Эрорн был завален неоконченными поэмами, романами, картинами и партитурами Судьба превратила мирного вадага в воина, однако лишила его противников. В том и был рок Корума. Ему не нужно было возделывать землю, поскольку вадагская пища в изобилии водилась в стенах замка. Ни в мясе ни в вине не было недостатка. Замок Эрорн давал своим немногочисленным обитателям все необходимое для жизни. Многие годы Корум занимался изготовлением ручных протезов, подобных тем, что он видел в доме лекаря в мире Леди Джейн Пентальон. Теперь в его распоряжении был целый набор совершенных механизмов, ни в чем не уступавших настоящей руке. Больше всего времени Корум потратил на протез с кистью, сотканной из серебра, — серебряная рука была точной копией той, настоящей руки, которой лишил Принца сотню лет назад герцог Гландит-а-Край. Этой новой рукой Корум мог управляться и с мечом, и с пикой, и с луком, будь в том необходимость. Слабого движения мышц было достаточно для того, чтобы серебряная рука выполнила волю своего хозяина. Протез отличался от обычной руки только тем, что хватка ее была сильнее. Корум научился одинаково хорошо владеть обеими руками. Но, как бы то ни было, нового глаза сделать он не мог, ему приходилось довольствоваться обычной повязкой из алого шелка, украшенной сложным орнаментом, искусно вышитым Галиной. Он привык, размышляя, ощупывать пальцами левой руки эту вышивку.

Но вот, однажды — ночью, Корум услышал голоса, — он решил, что уединенное его существование подвело его к грани безумия. Голоса неслись откуда-то издалека, то и дело их хор повторял имя, что напоминало его имя на языке вадагов и, в то же самое время, отличалось от него. Он пытался изгнать голоса, но все попытки его были тщетными, столь же тщетными были попытки как-то расслышать их. Так продолжалось несколько ночей. Он пытался кричать в надежде изгнать их. Он тяжело стонал. Он катался по шелкам и мехам своего ложа, пытаясь заткнуть уши. Порою же он потешался над собой или устраивал долгие прогулки верхом, дабы вконец вымотаться и заснуть крепким сном. Но голоса неизбежно возвращались. Мало того, со временем Коруму стали являться и образы. Среди густого леса появлялись мутные фигуры. Они держали друг друга за руки, пытаясь взять Корума в кольцо. В своих видениях Принц обращался к ним, говоря о том, что не слышит их и не понимает, чего они хотят. Он просил их замолчать. Но они все пели и пели свою песнь. Глаза их были закрыты, тела раскачивались как в трансе из стороны в сторону.

«Корум. Корум. Корум. Корум.»

«Чего вы от меня хотите?»

«Корум. Спаси нас. Корум.»

Прорвавшись через их кольцо, он побежал в лес и лишь тогда пришел в себя. Он знал, что с ним происходит. Его разум играл сам с собой. Устав от блуждания в лабиринтах памяти, он принялся творить фантомы. Коруму еще не доводилось слышать о том, чтобы с вадагом произошло что-либо подобное, хотя

с мабденами это случалось часто. А может быть — как о том однажды говорил Шуль — он до сих пор живет во сне мабденов? Может быть сон вадагов и надрагов уже закончился? А сам Корум видит сон во сне?

Впрочем, подобные мысли нисколько не помогали. Корум попытался изгнать их. Ему нужен был совет, но не было того, кто дал бы его. Здесь больше не правили Владыки Закона и Хаоса, не было даже их слуг, владевших хоть каким-то знанием. Корум был знаком с философией, как никто другой. И все же существовали мудрые вадаги, пришедшие из Гласкор-Гриси, Города в Пирамиде, вадаги, что-то знавшие о подобных вещах.

Корум решил для себя так: если видения и голоса не прекратятся, он отправится в путешествие к одному из замков вадагов и там будет искать помощи. Как бы то ни было, думал он, голоса могут и не последовать за ним, — вполне возможно, что они связаны с самим замком.

Скачка становилась все неистовее, Корум загнал всех своих коней. Все дальше и дальше от замка Эрорн устремлялся он, словно надеялся нечто обрести. Но не было ничего, кроме моря на западе, падей и лесов на востоке, севере и юге. Здесь не было ни деревень, ни ферм, ни домишек угольщиков или лесничих, со времени падения короля Лир-а-Брода мабдены не любили селиться на землях вадагов. Неужели Корум искал именно их? Неужели ему хотелось к мабденам? Может быть голосами и образами владело его желание вновь связать свою жизнь со смертными? От этой мысли ему стало больно. Он ясно представил Ралину, юную, светлую, гордую и сильную.

Он мечом рубил папоротники. Он пику вонзал в стволы деревьев. Из лука он стрелял по камням. Такие теперь были битвы. Порою он падал в траву и рыдал.

А голоса все звали его:

«Корум. Корум. Спаси нас.»

«Спаси вас? — кричал Корум в ответ. — Это меня, меня надо спасать!»

«Корум. Корум. Корум...»

Слышал ли он эти голоса прежде? Происходило ли с ним что-либо подобное?

Коруму казалось, что все это однажды уже было, однако, вспоминая события своей жизни, понимал, что это не так. Никогда он не слышал этих голосов, никогда он не видел этих снов. И все же они были знакомы ему. Быть может, это память о прошлом воплощении? Выходит, он действительно Вечный Воитель?

Усталым и разбитым, порою потерявшим оружие или загнавшим коня Корум возвращался в замок Эрорн. Удары волн о скалу, на которой стоял замок, казались Коруму ударами его собственного сердца.

Слуги пытались поддержать и ободрить его. Но он не отвечал им, вежливо умалчивая причину своих страданий. Если бы он и сумел рассказать слугам о происходящем, те — он был уверен в этом — не поняли бы его.

Но вот однажды, когда Принц с трудом переступил через порог замка, едва держась на ногах от усталости, слуги сообщили ему о прибытии гостя; гость ждал его в одной из музыкальных комнат, запертой за несколько лет до этого самим Корумом, — сладость музыки напоминала ему о Ралине, кроме того, комната эта была ее любимой комнатой.

— Как его зовут? — угрюмо спросил Корум. — Это мабден, или это вадаг? Чего он хочет?

— Гость сказал только одно, — вы, мол, сами поймете, друг он или враг.

— Друг или враг? Этому шутнику сейчас несладко придется!

На самом деле Корум был сильно заинтригован, если не сказать больше, — он был крайне рад появлению таинственного посетителя. Прежде чем пойти в музыкальную комнату, он умылся, одел чистое платье и выпил вина, дабы произвести на незнакомца должное впечатление.

Арфы, органы и кристаллы палаты заиграли. Их тихие звуки сплетались в знакомую мелодию. Сильнейшее смятение охватило Корума, — он было решил отказать гостю в приеме, но музыка, чаруя, лишала его решительности. Он сочинил эту музыку ко дню рождения Ралины. Ей было уже девяносто лет,

но разум и тело ее почти не выказывали признаков старения.

— С тобой я молода, — говорила Ралина.

Глаз Корума наполнился слезами. Он смахнул их и вслух выбрал гостя, разбредившего его старые раны. Этот грубиян, которого никто не приглашал в заповедный Эрорн, посмел открыть заветную комнату. Интересно, что он скажет в свое оправдание?

Быть может это надраг? Корум слышал, что надраги и поныне ненавидят его. Те редкие надраги, что пережили владычество короля Лир-а-Брода, опустились донельзя, превратившись едва ли не в скотов. Что если один из них, движимый ненавистью, явился сюда, чтобы убить его, Корума? От этой мысли Коруму стало легче. Сейчас он насладится боем.

Взяв тонкий меч и пристегнув серебряный протез, он направился к музыкальной комнате.

Чем ближе подходил он к ней, тем громче и изысканнее становилась музыка. Казалось, борется Корум с сильнейшим ветром.

Он вошел в залу. Ее цвета скользили и кружились в такт музыке. Их яркость на миг ослепила Корума. Прищурившись, он окинул взглядом комнату, пытаясь разглядеть гостя.

Наконец он увидел его. Тот, поглощенный музыкой, сидел в тени. Корум подошел к огромным арфам, органам и кристаллам, при его касании они замолкали; наконец, установилась полная тишина. Цвета померкли. Человек поднялся со своего места и шагнул навстречу Коруму. Он был невысок, но шел очень важно. На нем была широкополая шляпа; правое же его плечо странно дыбилось, — видимо, у человека был горб. Поля шляпы совершенно скрывали лицо, однако Корум и без того сообразил, что за гость явился к нему.

Сначала он узнал кота. Он сидел у гостя на плече. Именно его Корум вначале принял за горб. Круглые глаза внимательно следили за Принцем. Кот замурлыкал. Гость поднял голову, и из-под шляпы появилось улыбающееся лицо Джерри-а-Конеля.

Так потрясен был Корум и так привык он к общению с призраками, что вначале не мог и двинуться.

— Джерри?

— Доброе утро, принц Корум. Надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я решил послушать ваши сочинения? Этой вещи я раньше не слышал.

— Это так. Она написана уже после вашего ухода. — Корум слышал свой голос словно издали.

— Играя ее, я вас расстроил? — участливо спросил Джерри.

— Да. Но сами вы в том не повинны. Эта вещь посвящена Ралине, сама же Ралина...

— Она умерла, — я знаю об этом. Говорят, она прожила хорошую жизнь, хорошую, счастливую жизнь.

— Да. Но очень короткую, — печально добавил Корум,

— Для смертных век ее был долог, Корум, — Джерри перевел разговор на другую тему. — Ты плохо выглядишь. Может, ты болен?

— С моей головой что-то происходит. Мне все еще трудно без Ралины, Джерри. Меня все еще снедает печаль. Мне хотелось бы. — Корум растерянно улыбнулся. Впрочем, зачем говорить о невозможном

— Ты считаешь, что невозможное существует? — Пальцы Джерри гладили покрытые мягкой шерсткой крылья кошки.

— Таков закон этого мира.

— Таков закон большинства миров. Но, невозможное здесь, где-то становится возможным. В этом-то и состоит прелесть путешествий по мирам.

— Ты отправлялся на поиски богов. Тебе удалось найти их?

— Кое-кого я нашел. Нашел я и героев, с которыми мне было по пути. Много открылось мне со времени нашего последнего разговора, — я видел, как рождается новый мир и как умирает мир старый.

Встречался я со множеством престранных тварей, выслушал массу суждений о природе этой Вселенной и существ, в ней обитающих. Жизнь приходит и уходит, Корум. В смерти нет ничего трагичного.

— Трагедии творятся здесь. Ты можешь встретиться с предметом своей любви лишь через сотни лет, и свяжет возлюбленных разве что забвенье.

— Пустой и странный разговор ты ведешь. Говорить так недостойно героя, засмеялся Джерри. — Более того, мой друг, говорить так глупо. А я спешил встретиться отнюдь не с глупцом!

Корум улыбнулся.

— Ты прав. Как только друзей оставишь, тут же и пропадешь, — будут мозги набекрень.

— Именно поэтому и прежде всего поэтому я предпочитаю жить в городе, сказал Джерри.

— Но разве город не лишает тебя сил? Надраги тоже жили в городах и, смотри, до чего они дошли!

— Дух находит себе пропитание едва ли не всюду. Разуму нужна опора. Связано это со стремлением к обретению равновесия. Определяется же все темпераментом. У меня, например, темперамент горожанина. Чем больше, населеннее и грязнее город, — тем лучше! Мне приходилось бывать в городах, где всего было столько, что и поверить-то в это невозможно! Ах, что это были за города!

Корум засмеялся.

— Я рад твоему возвращению, Джерри; все-то у тебя на месте, — и шляпа, и кот, и сарказм! Рассмеявшись, они обняли друг друга.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОЛОС УШЕДШЕГО БОЖЕСТВА

Ночью был устроен пир. Легко стало на сердце у Корума — впервые за эти семь лет он радовался вкусу вина и мяса.

— И тогда я оказался втянутым в самое странное из всех своих приключений; связано оно было с природой времени, — рассказывал Джерри. Почти два часа ушло у него на рассказ о приключившемся с ним за эти годы.

— Ты помнишь Рунный Посох, что помог нам у Войлодион-Гагнасдага? Странствия завели меня в мир, управляемый этим самым посохом. Там вечный герой, которого воплощаешь и ты, называет себя Хокмуном. Происшедшее с тобой ничто в сравнении с трагедией Хокмуна, он обрел друга, но потерял возлюбленную, двоих детей и...

Рассказ о Хокмуне длился целый час.

Затем последовали и другие истории. Корум согласился выслушать и их. История об Эльрике и Эрикесе, уже известных Коруму, о Кейне, Корнелиусе и Карнельяне, о Глогауэре и Бэстейбле, и прочая, и прочая. Все они по утверждению Джерри были воплощениями одного и того же воителя, сопровождаемого одними и теми же друзьями (похоже, Джерри имел в виду самого себя). О самых серьезных материях он говорил так остроумно, что Корум пришел в прекрасное расположение духа и, в конце концов, совершенно опьянел от смеха и вина.

Ранним утром Корум открыл Джерри свою тайну — он поведал ему о своем безумии.

— Я слышу голоса и вижу фигуры. Всегда одно и то же. Они зовут меня. Они просят меня прийти к ним. Может быть я принимаю их за зов Ралины? Я пытался избавиться от них, но мои попытки ни к чему не привели. Именно по этой причине я и покидал замок, — я пытаюсь загнать себя настолько, чтобы спать мертвецким сном,

Джерри нахмурился. Когда Корум закончил свой рассказ, он положил руку ему на плечо и сказал:

— Не бойся. Возможно, безумие и владело тобой все эти годы, но это не то безумие, о котором ты говоришь. Ты действительно слышишь голоса. Ты видишь настоящих людей. Они призывают, или пытаются призвать своего защитника, своего покровителя. Они пытаются призвать тебя к себе. И длится это уже много дней.

Корум вновь не понял Джерри.

— Своего покровителя? — спросил он растерянно.

— Ты уже стал их легендой, — ответил Джерри. — Ты стал их божеством. Для них ты Корум Лло Эрайнт — Корум Серебряная Рука. Великий воин. Великий покровитель своего народа. Существуют целые циклы легенд, рассказывающие о твоих подвигах и доказывающие твое божественное происхождение! — Джерри ухмыльнулся. — Как это обычно и бывает в легендах о богах и героях, считается, что ты вернешься к своему народу в его роковой час. Этот час действительно настал.

— О каком это «моем» народе ты говоришь?

— О потомках племени Лайвм-ан-Эша, о народе Ралины.

— Ралины?

— Прекрасный народ. Я его хорошо знаю.

— Ты пришел сюда прямо от них?

— Не совсем.

— Ты не можешь заставить их замолчать? Не можешь изгнать их из моих снов?

— Их силы день ото дня слабеют. Скоро они перестанут тревожить тебя. Ты вновь будешь спать

спокойно.

— Ты в этом уверен?

— Разумеется, уверен. Жить им осталось недолго — Люди Льдов покорят их. Народ Ели пленит или уничтожит их.

— Ну что ж. Помнится недавно ты говорил о том, что все преходяще.

— Да, это так. Но грустно будет видеть, как славный народец погибнет от рук свирепых варваров, сеющих ужас там, где прежде был мир, поселяющих страх там, где царила радость...

— Знакомые слова, — сухо ответил Корум. — Мир раз за разом движется по кругу. — Наконец-то он понял, куда клонит Джерри.

— Да, — раз за разом, — согласился Джерри.

— При всем моем желании я не могу помочь им. Я уже не могу путешествовать по мирам. Я их даже не вижу. И разве может помочь народу один воин?

— И один воин может сделать многое. А оказаться у них ты можешь их призыванием, — была бы на то твоя воля. Они слишком слабы. Они не могут пересилить твою волю. Ты сопротивляешься им. Их же становится все меньше, и сила их слабеет. Прежде же был велик этот народ. И называли они себя твоим именем, — Туха-на-Кремм Кройх.

— Кремм?

— Кремм или Корум. Это древняя форма. Слово это означает «повелитель» Повелитель Кургана. Поклоняясь тебе, они поклоняются каменной плите, водруженной на вершине кургана. Считается, что ты живешь под плитой и слышишь все их молитвы.

— Суеверный народ.

— Отчасти так. Но, надо сказать, боги их не заездили. Более всего они почитают Человека. Их боги — погибшие герои. Встречаются племена, которые творят богов из солнца, луны, ураганов, зверей и так далее. Эти же обожествляют лишь людское благородство и красоту человеческого тела. Ты вправе гордиться потомками своей супруги, Корум.

— Хорошо, — Корум, улыбаясь, покосился на Джерри. — А теперь скажи мне этот курган находится в лесу? Не дубы ли там растут?

— Верно, дубы.

— Я видел их во снах. Ответь мне и на другой вопрос — почему на них напали?

— Народ варваров пришел из-за восточного моря (некоторые говорят из-под моря). Земля, называвшаяся Бро-ан-Мабден, либо ушла под воду, либо покрылась вечными снегами. Ледник пригнал этих людей сюда. Говорят также, что варвары некогда завладели этой землей, но затем отступили назад, на свои земли. Когда-то несколько древних племен объединились для того, чтобы уничтожить прародителей мабденов Лайвм-ан-Эша. Говорят, в результате их смешения и появился народ варваров. Они не знают ни о Законе, ни о Хаосе. Силу они черпают в самих себе. Они умеют вызывать призраков и владеют сильными чарами. Они способны разить и огнем, и хладом. Есть у них и другие силы. Фой Мьёр, так зовут они себя, — управляют Северным Ветром. Их называют Народом Льдов, ибо северное и восточное моря послушны им. Их называют Племенем Ели и повинуются им черные волки. Жестоки эти люди, говорят, что рождены они от Хаоса и Древней Ночи. Быть может, в этом измерении Хаос нашел в них свое последнее прибежище.

Корум широко улыбнулся.

— И ты хочешь, чтобы я с такими воевал? Воевал ради народа, к которому я не принадлежу?

— Ты принял этот народ. Это народ твоей жены.

— Раз я уже влез в чужое дело, — Корум отвернулся и подлил себе вина.

— Чужое? Все это твои дела, Корум! Такая уж у тебя судьба.

— А если я буду сопротивляться судьбе?

— Надолго тебя не хватит. Я это точно знаю.

Лучше принять свою судьбу с достоинством, я бы даже сказал, с юмором.

— С юмором? — Корум одним глотком осушил бокал и вытер рукою губы. — Это не так-то просто, Джерри.

— С этим я спорить не стану. И все же только это может сделать жизнь сносной.

— Чем я рискую, если я откликнусь на зов и приду на помощь этим людям?

— Многим. Жизнью, например.

— Это пустяк. А чем еще?

— Наверное, душою.

— Что это, такое?

— Ответ ты получишь только тогда, когда приступишь к делу. Корум нахмурился.

— Джерри-а-Конель, мой дух не принадлежит мне. — Ты сам говорил мне об этом.

— Так я сказать не мог. Твой дух принадлежит тебе. Хотя действиями твоими могут руководить и иные силы. С другой стороны...

Корум вновь улыбнулся.

— Ты напоминаешь мне жрецов Аркина, — в Лайв-ан-Эше они процветали. Я считаю такую мораль сомнительной. Я скорее прагматик. Раса вадагов — это раса прагматиков.

Джерри удивленно поднял брови, но промолчал.

— Ты позволишь народу Кремм Кройх призвать себя?

— Я подумаю.

— Ты хотя бы поговори с ними.

— Я пытался, но они не слышат меня.

— Как знать. А может, ты должен настроиться на ответ определенным образом?

— Пожалуй, я рискну. Теперь скажи мне, Джерри, если я перенесусь в это измерение, отправишься ли и ты за мною?

— Вполне возможно.

— Ты не можешь говорить конкретнее?

— Я, как и ты, Вечный Воитель, не владею своей судьбой.

— Буду очень признателен тебе, если ты перестанешь называть меня этим именем, — сказал Корум. — Мне оно не нравится.

Джерри засмеялся:

— Корум Джайлин Ирси, можно подумать, я тебя оскорбляю!

Корум встал и вытянул руки перед собой, его серебряная кисть, отразив свет факела, сверкнула красным, словно налившись вдруг кровью. Он принялся внимательно рассматривать ее, поворачивая перед собою, казалось, он видит ее впервые.

— Корум Серебряная Рука, — произнес он насмешливо. — Я возьму ее с собой, — люди считают ее чудесной.

— Их опыт чудесного или сверхъестественного куда богаче опыта того, что вы величаете «наукой». Не стоит относиться к ним с презрением. В их мире много необычного. Природные же законы порой рождаются из людских идей.

— Я часто размышлял об этой теории, однако нет никакой возможности проверить ее.

— Состоятельность может быть сотворена подобным же образом. Ты мудр, коль ставишь под сомнение собственный прагматизм. Сам же я верю всему и ничему.

Корум зевнул и согласно кивнул.

— Полагаю, что это наилучшая точка зрения. Ладно, пошел я спать. Что бы из всего этого не вышло, знай, твой приход хоть немного развеял мое мрачное настроение. Поговорим утром. Посмотрим, как пройдет эта ночь.

Джерри чесал кота за ухом.

— Помощь зовущим тебя обернется для тебя самого великою пользой. Казалось, что слова эти были адресованы коту.

Корум приостановился:

— Ох, и надоели мне эти намеки! Что же это за великая польза, о которой ты говоришь?

— Я говорил тебе не более чем об условии. Больше я ничего не скажу. С моей стороны это было бы глупо. Может быть я уже и так сказал слишком много. Я тебя только с толку сбиваю.

— Что ж, тогда забудем об этом. Спокойной ночи, дружище.

— Спокойной ночи, Корум, желаю тебе ясных снов.

Корум покинул палату и направился наверх, в свою спальню. Впервые за много месяцев он ждал сна не со страхом, но с интересом.

Сон не заставил себя ждать.

И тут же зазвучали голоса. Корум не стал сопротивляться им, расслабившись, он прислушивался.

«Корум! Кремм Кройх! Твои люди ждут тебя.»

Несмотря на странный акцент, голос был совершенно внятным. Но Корум не видел хора, не видел кольца людей, сомкнутого вокруг кургана, стоявшего посереде дубовой рощи.

«Повелитель кургана. Повелитель Серебряной Руки. Лишь ты можешь спасти нас.»

И тут Корум услышал собственный голос:

«Как я могу помочь вам?»

Ответный голос исполнился волнения.

«Ты наконец ответил! Приди к нам, о, Корум Серебряная Рука! Приди к нам, о, Принц в Алой Мантии! Спаси нас, как ты спасал нас прежде!»

«Как я могу спасти вас?»

«Ты можешь найти для нас Быка и Копье, ты можешь повести нас на Фой Мьёр. Научи нас сражаться с ними, ибо сражаются они не так, как мы.»

Корум шевельнулся. Теперь он видел их. Это были высокие и красивые молодые люди, мужчины и женщины, на их загорелых телах зрелой пшеницей светилось золото, — украшения были затейливы и изящны. Ручные и ножные браслеты, ожерелья и кольца, — все было сделано из золота. Свободные одежды, сшитые из льняного полотна, были окрашены в розовый, голубой и желтый цвета. На ногах у людей были сандалии. Некоторые из собравшихся были светловолосыми, волосы же других походили своим цветом на ягоды спелой рябины. Несомненно это были люди из народа Лайвм-ан-Эша. Они стояли среди рощи, взявшись за руки и закрыв глаза; они говорили хором.

«Приди к нам, о, Корум. Приди к нам.»

«Я подумаю об этом, — Корум старался говорить мягко, — я уже давно не сражался, и позабыл воинское искусство.»

«Придешь ли ты?»

«Если я приду, то приду завтра.»

Картина померкла, голоса смолкли. До утра Корум спал мирно.

Проснувшись, Корум уже знал, как ему поступить. Решение пришло к нему во сне, — если удастся, он ответит на зов людей из дубравы. Его жизнь в Замке Эрорн была не просто жалкой, — она не нужна была никому, включая и его самого. Он придет к ним из других времен и миров спасителем, осиянным славой.

Джерри отыскал Принца в оружейной комнате. Корум выбрал для себя серебряный нагрудник и конический шлем из посеребренной стали, вокруг навершья которого было выгравировано полное имя Принца. Корум нашел ножные латы из позолоченной меди, достал алую шелковую мантию и рубаху из голубой парчи. К скамье был прислонен вадагский боевой топор с длинной ручкой, а рядом — меч, что ковался не на Земле, с рукоятью, украшенной красным и черным ониксом; пика, покрытая тончайшей резьбой, изображавшей сцены охоты, распадавшиеся на сотни крошечных фигурок, каждая из которых была детально вырисована; превосходный лук и колчан, полный стрел. Здесь же покоился щит, деревянная его основа была покрыта слоями кожи, меди и серебра, снаружи он был обтянут кожей белого носорога. Некогда носороги обитали в северных лесах страны Корума.

— И когда же ты к ним отправишься? — спросил Джерри, рассматривая доспехи.

— Сегодня ночью. — Корум оценил вес пики. — Теперь все зависит только от них. Я отправлюсь туда на коне. На своем буланом жеребце.

Джерри не стал интересоваться, каким же образом Корум попадет к людям, впрочем, Корум и сам не думал об этом.

Они знали одно, — некие законы будут приведены в действие, — на большее они и не рассчитывали.

Многое определялось силою заклинаний, творимых теми, кто ждал Принца в дубраве.

Покончив с трапезой, друзья поднялись на крепостной вал. С его высоты открывался вид на безбрежное море, омывавшее замок с запада, и на бескрайние леса и пустоши, лежавшие к востоку от замка. Ярко светило солнце, ясное небо сияло голубизной. День был исполнен покоя и благодати. Друзья вспоминали стародавние времена, имена ушедших товарищей, погибших или изгнанных богов, вспомнили они и о Кулле, который своей силою превосходил и Владык Закона, и Владык Хаоса, о Кулле, не ведавшем страха. Им хотелось понять, куда ушли Кулл и его брат Ринн, существуют ли иные миры за пределами Пятнадцати Измерений, и если да, то похожи ли те миры на Землю.

— Помимо прочего, — сказал Джерри, — существует и проблема слияния Миллиона Сфер, — совершенно неясно, какими могут быть последствия этого слияния. А может быть, оно уже произошло, — как ты думаешь?

— Слияние приведет к появлению новых законов. Но что будет подлежать им? Кто их установит? — Опершись о стену, Корум смотрел вдаль через узкую бойницу. — Порою мне кажется, что эти законы определяются нами. Однако, определяя их, мы сами не осознаем этого. Мы не способны даже отличить добро от зла, — я исхожу из их реальности. А вот для Кулла их попросту не существовало, и это вызывает у меня зависть. О, сколь мы жалки! Сколь жалки мои преданность и чувство долга! Сила ли побуждает меня отправиться к этим людям? Быть может, это слабость?

— Только что ты говорил о нашей неспособности распознавать добро и зло, а ведь с силой и слабостью дело обстоит совершенно так же! Эти понятия лишены смысла, — Джерри пожал плечами. — Вот любовь для меня что-то значит, любовь и ненависть. Иные из нас обладают физической силой — это мне тоже понятно. Есть люди физически слабые. Но что дает нам право определять посредством этих понятий характер человека? Мы не порицаем человека за его физическую слабость, слабость же его воли вызывает у нас презрение. Подобное отношение, но на уровне инстинктов, присуще животным, и в их случае оно оправдано. Люди же отличаются от животных. Люди это люди. Вот и все.

Корум грустно улыбнулся.

— Да, Джерри, люди — не боги!

— Не боги, но и не демоны. Люди — это мужчины и женщины. Как счастливы бы мы были, согласись мы с этим! — Джерри махнул рукой, но тут же рассмеялся. Ох, и зануды же мы! Мы исполнились излишнего благочестия, мой друг! Мы воины, а не святоши!

Корум повторил свой старый вопрос.

— Ты знаешь ту страну, в которую я решил направиться. Пойдешь ли ты вместе со мной?

— Я себе не хозяин. — Джерри принялся мерить шагами каменную площадку. Ты ведь это знаешь.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты был рядом.

— Корум, в этих пятнадцати измерениях у тебя существует огромное количество воплощений. Быть может, иной Корум в ином месте нуждается в спутнике; быть может, я должен идти именно с ним.

— Но ведь ты не уверен в этом?

— Да, в этом я не уверен. Корум пожал плечами.

— Если это правда, а я, похоже, должен относиться к сказанному именно так, я могу встретиться и с иным твоим воплощением, не знающим собственной судьбы, верно?

— Я тебе, помнится, уже говорил — память меня частенько подводит. То же самое можно сказать и об этом твоём воплощении.

— Надеюсь, встретившись в новом мире, мы узнаем друг друга.

— Я тоже надеюсь на это, Корум. Вечер они посвятили игре в шахматы. Корум отправился спать раньше обычного.

Когда голоса явились, Корум обратился к ним со словом. Речь его была неспешной.

«Я приду к вам в доспехах воина. Буланный жеребец будет подо мною. Зовите меня всею своею силой. Но прежде отдохните. Соберитесь с силами и через два часа приступайте к заклинанию.»

На то, чтобы одеть доспехи, шелка и парчу, у Корума ушел час, к этому времени конюх уже привел его коня во двор. Когда Принц уже был готов, когда его левая, одетая в перчатку рука уже держала поводья, а серебряная легла на лук седла, он обратился к своим слугам, объявив, что их господин отправляется в поход. В случае его смерти слуги должны были обратиться к Замку Эрорн в прибежище для путников, нуждающихся в крове: гостей следовало принимать так же, как и самого Принца, — дабы люди вспоминали его имя с благодарностью.

Корум выехал через главные ворота замка, спустился с холма и поскакал по тропе, ведущей прямо в чащу леса, — этой же тропой он скакал и сто лет назад, в пору, когда живы были еще его родители и сестры. Тогда он выехал утром. Теперь же была ночь, и месяц освещал ему дорогу.

Из всех обитателей Замка Эрорн с Корумом не попрощался один только Джерри-а-Конель.

Чем дальше Корум углублялся в древний лес, тем громче становились голоса.

«Корум! Корум!»

Его тело наполнилось странной легкостью. Он пришпорил коня, и тот перешел на галоп.

«Корум! Корум!»

«Я иду к вам!»

Жеребец поскакал быстрее, оставляя в мягком торфянике глубокие следы. Все дальше и дальше — в мрачную лесную чащу.

«Корум!»

Корум привстал в седле, то и дело ему приходилось уворачиваться от ветвей, хлеставших по лицу;

«Я иду!»

В сознании возник смутный образ — среди деревьев, образуя замкнутое кольцо, стояли люди.

Однако, Корум все пришпоривал и пришпоривал коня, чувствуя, как надвигается головокружение.

«Корум!»

Принцу вдруг показалось, что все это когда-то уже было, — он так же скакал в ночи, и голоса так же

призывали его, — он знал все то, что предстояло ему.

Деревья слились в сплошную темную линию, — так быстро он скакал.

«Корум!»

Вкруг закрубился туман. Теперь Корум ясно видел лица поющих. Голоса плыли. То тихими, то громкими становились они. Корум направил храпящего коня в самую гущу тумана. Туманом было само бытие. Туман был легендой. Туман был временем. Здания, которых ему никогда не приводилось видеть, вздымались ввысь на сотни и тысячи футов. Он видел многомиллионные армии и оружие, обладавшее ужасающей мощью. Он видел летающие машины и видел драконов. Он видел множество тварей самых разных ферм и размеров. Все они, казалось, пытались докричаться до него.

И тут он увидел Ралину.

Галина была девочкой и мальчиком, Ралина была мужчиной и старухой. Ралина была живой и Ралина была мертвой.

И тогда Корум закричал — он кричал, а конь уже вынес его на лесную Опушку, прорвав кольцо людей, стоявших вкруг кургана и хором певших.

— Корум! — Воскликнули люди на поляне. Крича, Принц достал из ножен меч и высоко поднял его над головой, сжимая рукоять серебряной рукой. Послушный ему конь остановился на самой вершине кургана.

— Корум! — ахнули люди, стоявшие на поляне.

Корум замолчал и склонил пред ними голову, не опуская при том меча.

Буланый вадагский конь в шелковой попоне бил копытом и храпел.

Корум обратился к людям, — голос его был спокоен и негромок. — Я — Корум. Я помогу вам. Но знайте, мне не ведомы ваши земля и время.

— Корум, — говорили люди, — Корум Лло Эрайнт.

Они смотрели на его серебряную руку и шептались, их лица светились радостью.

— Я — Корум, — сказал Принц. — Зачем вы позвали меня?

Человек, выглядевший старше других, с рыжей бородой, в которой виднелось множество седых прядей, и тяжелым золотым воротником вышел вперед.

— Корум, — сказал он. — Мы звали тебя потому, что ты — Корум.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТУХА-НА-КРЕММ КРОЙХ

Сознание Корума затуманилось. Он чувствовал, как овевают его ночные ветры, как ходит под ним конь, он видел людей, стоявших вокруг, но все это казалось ему сном. Неспешно он съехал с кургана. Легкий ветерок поднял полы его алой мантии, укрыв ею лицо. Мысль о том, что меж ним и привычным миром лежат тысячелетия, не давала ему покоя.

А может, — подумалось вдруг, — он действительно спит? В этом его убеждало ощущение собственной обособленности, обычно присущее снам.

Когда он достиг подножья поросшего травами кургана, мабдены почтительно расступились. Судя по выражениям их благообразных лиц, можно было понять, что происшедшее поразило их; похоже, они не слишком-то верили в собственные заклинания. Люди эти располагали к себе. Нет, не суеверные варвары, которых Корум ожидал встретить, стояли перед ним. Умными были их лица и чистыми взоры; они держались с достоинством, пусть — как думали они — пред ними и находилось сверхъестественное существо. Да, это были потомки народа Галины. В эту минуту Корум уже не сожалел о том, что ответил на их зов.

«Как только они не мерзнут?» — подумал Корум.

Сам он уже основательно продрог. Воздух обжигал холодом, на мабденах же были только тонкие плащи, оставлявшие открытыми грудь, руки и ноги, золотые украшения, кожаные пояса и высокие сандалии.

Человек, заговоривший с Корумом, был силен и строен, в росте он не уступал вадагам. Корум подъехал к нему и спешил. Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Затем Корум обратился к мабдену, стараясь оставаться бесстрастным.

— Я ничего не знаю о вашем мире, — сказал он. — Ты должен помочь мне

Потупив глаза, человек задумался, затем поднял голову и проговорил:

— Я — Маннах, здешний король. — Он слегка улыбнулся. — Нечто вроде волшебника. Некоторые величают меня друидом, хотя мне не хватает ни умения, ни мудрости подлинных друидов. И все же я знаю больше других, ибо люди забыли древнее знание. Я думаю, все наши беды связаны именно с этим. — Он добавил едва ли не смущенно: — Мы думали, что знание это уже не пригодится нам, но тут вернулись Фой Мьёр. — Он взглянул в лицо Коруму, словно не веря, что его заклинание возымело действие.

Король Маннах определенно понравился Коруму. Принцу была понятна и его недоверчивость (если только это было недоверчивостью). Заклинание не обладало достаточной силой именно потому, что Маннах и его люди не слишком-то верили в его действенность.

— Вы приступили к заклинанию только тогда, когда все прочие средства уже были испытаны? — спросил Корум.

— Да. Фой Мьёр оказались сильнее нас, ибо они сражаются иначе. Нам оставалось уповать только на древние легенды, — Маннах, смутившись, добавил, до этого часа я и сам не очень-то верил им.

Корум улыбнулся.

— Может статься, до этого часа им и не стоило верить,

Маннах нахмурился.

— Не как бог и не как великий герой говоришь ты; твои речи походят на речь человека. Не прими это за оскорбление.

— Друг мой, и богов, и героев, подобных мне, творят люди, — Корум обвел взглядом собравшихся. — Скажи сразу, чего ты от меня ждешь? Ибо не обладаю я мистическими способностями. Теперь уже улыбался Маннах.

— Возможно, ты и не обладал ими прежде. Корум приподнял свою серебряную руку.

— Ты говоришь об этом? Она сделана на Земле. Человек, обладающий достаточными знанием и мастерством, может изготовить то же самое.

— Ты владеешь иными дарами, — сказал король Маннах, — дарами своего народа, своего опыта, своей мудрости. Тебе присуще и умение, о. Владыка Кургана. В легендах говорится о том, что на Заре Мира ты низверг могущественных богов.

— Да, я сражался с богами.

— Именно богоборец нужен нам. Фой Мьёр — боги. Они разоряют нашу землю. Они выкрадывают наши Святыни. Они берут в плен наших людей. Наш Верховный Король — их пленник. Наши Великие Земли пали под их ударами, среди прочих пали Кэр-Ллюд и Крэг-Дон. Они поделили страну на части и тем разъединили людей. Наши силы раздробленны, мы не можем собрать их воедино для битвы.

— Сколь же они многочисленны, эти Фой Мьёр? — спросил Корум.

— Их всего семеро.

Корум промолчал, — изумление, которого он не сумел скрыть, говорило красноречивее всяческих слов.

— Их всего семеро, — продолжил король Маннах, — теперь же, о, Корум Кургана, прошу последовать за нами, в нашу крепость, что стоит в Кэр-Малод. Там ждут нас мясо и мед, там узнаешь, зачем мы позвали тебя.

Корум сел на коня, дозволив людям короля вести его в поводу. Вначале они шли по заиндеветшей от холода дубраве, затем стали подниматься на холм, стоявший над морем, освещенным мертвенным светом луны. Высокие каменные стены скрывали вершину холма; единственный ход вел в город, лежавший за стенами узкий тоннель сначала вел вниз, затем начинался подъем. Камень, из которого слагались стены, был белым. Казалось, весь мир замерз, и все в мире было сотворено из льда.

Град Кэр-Малод напоминал каменные города Лир-а-Брода, однако дома здесь были украшены резными фасадами и многоцветной росписью. Скорее это был не город, а крепость; мрачный его облик никак не сочетался с обликом людей, призывавших Корума.

— Это древние укрепления, — пояснил король Маннах. — Мы были изгнаны из наших городов, и потому нам пришлось селиться здесь, в городе наших предков. Как бы то ни было, крепости, подобные Кэр-Малоду, почти неприступны, к тому же отсюда хорошо видны окрестные земли.

Они вошли в одно из зданий; по стенам горели масляные лампы и свечи. Люди, стоявшие вместе с Маннахом у кургана, шли за ними.

Они остановились в зале с низкими сводами, тут стояли тяжелые деревянные столы и скамьи. На столах блестела золотая, серебряная и бронзовая посуда, поразившая Корума своим изяществом и красотой. Любая чаша, любое блюдо, любой кубок сияли таким совершенством, что с ними не могли сравниться даже виденные им недавно украшения. Свет факелов играл на посуде и украшениях людей Кремм Кройха, наполняя залу огнями.

— Это все, что осталось от наших сокровищ, — сказал король Маннах, содрогнувшись при этих словах. — Мясо тоже стало редкостью, ибо дичь почти выродилась, — Псы Кереноса рыскают в поисках добычи от заката и до восхода. Боюсь, однажды солнце и вовсе не подыметсЯ из-за горизонта, ибо останутся в этом мире лишь псы, да их хозяева. Снегом и льдом покроется вся земля наша, и настанет вечная Самхайн.

Последнее слово было знакомо Коруму, — народ Лайвм-ан-Эша называл подобным же словом самые темные и студеные дни зимы.

Они уселись на длинную деревянную скамью, и вскоре слуги принесли мясо. Еда выглядела не очень-то аппетитно, и королю пришлось извиняться вторично.

Но вот зазвучали арфы, и собравшиеся в зале запели песни о былой славе Туха-на-Кремм Кройх, о том, как Корум Джайлин Ирси поведет их на неприятеля, как вместе разобьют они врага, как на землю

придет вечное лето, — и в эту ночь тьма отступила от сердец. Коруму приятно было отметить, что женщины здесь во всем равны мужчинам. Маннах согласился с ним и сказал, что женщинам приходится и сражаться наравне с мужчинами, особенно искусны они в метании болы, ремня, скрепляющего собой два груза, что удушает врага или отрывает ему члены.

— Всеми этому мы научились за последние годы, — сказал король, подливая пенистый мед в золотой кубок Корума. — Воинское искусство превратилось у нас в забаву, в игру, которой мы развлекали себя по праздникам.

— Когда же появились Фой Мьёр? — спросил Корум.

— Три года тому назад. Мы были не готовы к их приходу. Зимой они тайно высадились на восточном берегу. Весна так и не пришла в тот край, и люди попытались найти причину этого. Когда мы впервые услышали о происшедшем от людей Кэр-Ллюда, то не поверили своим ушам. За это время Фой Мьёр установили свое владычество во всех восточных землях нашей страны, от севера и до юга. Теперь они продвигаются на запад. Вначале появляются Псы Кереноса, за ними идут сами Фой Мьёр.

— Семеро? Семеро людей?

— Семеро уродливых великанов, — пятеро мужчин и две женщины. Они владеют странною силой, которой подвластны природа, звери и, может так случиться, демоны.

— Ты говоришь, они пришли с востока. Откуда именно?

— Некоторые утверждают, что из-за моря, с огромного загадочного континента, о котором мы почти ничего не знаем. Жизнь ушла оттуда — весь этот континент покрыт льдами. Другие же считают, что они пришли прямо из морских глубин, из страны, где могут жить только они. Наши предки называли эти земли именем Анвин, сами же Фой Мьёр, видимо, называют их как-то иначе.

— А слышал ли ты о Лайвм-ан-Эше? Ты знаешь что-нибудь об этой стране?

— Согласно легендам, наш народ вышел из страны, носившей это имя. Но в незапамятные времена произошла битва Фой Мьёр с народом Лайвм-ан-Эша, и страна Лайвм-ан-Эш ушла на морское дно и стала частью страны Фой Мьёр. От Лайвм-ан-Эша осталось всего несколько островов, а города, стоявшие на них, превратились в груды развалин, — так я слышал. Но после случившегося бедствия нашим людям удалось одолеть Фой Мьёр, и в этом нам помогли волшебные предметы: Меч, Копье, Котел, Жеребец, Овен и Дуб. Все это хранилось в Кэр-Ллюде у нашего Верховного Короля, который правил всеми народами этой земли и в день солнечного солнцестояния решал самые сложные споры, которые не могли быть разрешены обычными правителями, подобными мне. Ныне же эти магические предметы утрачены, — некоторые говорят — навсегда, — сам же Верховный Король стал пленником Фой Мьёр. И потому нас охватило отчаяние, и потому мы вспомнили легенду о Коруме и позвали тебя на помощь.

— Ты заговорил о магических предметах, — заметил Корум. — Ни магия, ни мистика мне не понятны, — и все же я постараюсь помочь вам.

— Происходящее представляется мне крайне странным, — поразился словам Корума король Маннах, — я обедаю вместе с полубогом и вдруг обнаруживаю, что, несмотря на всю очевидность его присутствия, он подобно мне отрицает существование сверхъестественного! — Король покачал головой. — Да, Принц Корум Серебряная Рука, теперь нам придется приучить себя к этой вере. Силы Фой Мьёр липший раз доказывают реальность сверхъестественного.

— Это продемонстрировали и вы сами, — добавил Корум, — ведь именно силою вашего заклинания я оказался здесь!

Высокий рыжеволосый воин поднял свой кубок в честь Корума;

— Теперь мы победим Фой Мьёр. Их дьявольские псы подожмут хвосты! Слава Принцу Коруму! Все поднялись со своих мест и хором повторили:

— Слава Принцу Коруму!

Принц поблагодарил их и поднял свой кубок со словами:

— Слава Туха-на-Кремму Кройх!

Сердце его забилося чаще. Где же он слышал этот тост? Только не в этой жизни. Ему надлежало вспомнить иную жизнь, иное время, — время, когда он стал героем и спасителем для народа, чем-то похожего на этот. Почему же ему стало страшно? Неужели он предавал людей? Он попытался избавиться от этого неприятного чувства, но у него ничего не выходило.

Со скамьи поднялась женщина; слегка качаясь, она подошла к Коруму, обняла его мягкой сильной рукой и поцеловала в правую щеку.

— Приветствую тебя, о, герой! — прошептала она. — Теперь ты вернешь нам Быка. Ты призовешь нас на битву копьем Брионак. Ты вернешь наши утраченные сокровища и Великие Земли. А не подаришь ли ты нам сыновей, о, Корум? Не подаришь ли ты нам героев?

Она вновь поцеловала Принца.

Корум горько усмехнулся.

— Я сделаю все, что в моих силах, госпожа. Все что угодно, но только не последнее, — брак вадагов и мабденов не дает потомства.

Женщину это нисколько не расстроило.

— Я думаю, и на этот случай существует какое-нибудь волшебство, — сказала она.

Она поцеловала его в третий раз и только после этого вернулась на свое место. Желание проснулось в Коруме, и желание это напомнило ему о Ралине; он опечалился настолько, что это стало заметно для окружающих.

— Наверное, ты устал? — спросил его король после краткой паузы. Корум пожал плечами.

— Я слишком долго спал, король. Так что сил я накопил предостаточно.

— Ты спал? Спал в кургане?

— Все может быть, — ответил Корум задумчиво. — Может быть и в кургане, хотя мне самому так и не кажется. Я жил в замке, что стоит над морем, дни мои были исполнены грусти и одиночества. И тут вы позвали меня. Вначале я старался не обращать на вас внимания, пытался избавиться от вас, но вскоре появился мой старинный приятель, — он-то и посоветовал мне ответить на ваш зов. И я пришел к вам. Впрочем, все это могло быть и сном,

Корум почувствовал, что он уже перебрал сладкого меда. Напиток был достаточно крепким. Сознание его замутилось, им овладело странное состояние, в котором эйфория сочеталась с меланхолией.

— Король, тебе важно знать, откуда я пришел?

— Нет. Достаточно того, что ты здесь, в Кэр-Маледе, — твое присутствие укрепляет в людях воинский дух.

— Тогда продолжи свой рассказ о Фой Мьёр, расскажи мне о том, как они одолели вас.

— О Фой Мьёр многого не расскажешь. Говорят, что они не всегда были вместе, что они разных кровей. Мы помним, как воевали наши предки; Фой Мьёр же воюют совсем иначе. Раньше, когда сходились два войска, из их рядов выходило по человеку. Эти герои сражались один на один, пока один из них не одолевал другого. Победленного щадили, — если он и умирал, то только от тяжких ран, полученных во время боя. Часто оружие не применялось вообще, — бард состязался с бардом в язвительных сатирах на неприятеля, — побежденный убегал с поля боя, сгорая от стыда. У Фой Мьёр иное отношение к войне. Потому они и побеждали нас с такой легкостью. Мы не привыкли убивать, они же — самые настоящие убийцы. Они хотят Смерти, жаждут Смерти, идут за Смертью, они хотят, чтобы Смерть всегда была рядом с ними. Этот-то народ мы и называем народом Льдов. Народ Ели рыщет, следуя за Смертью и за вестником Царства Смерти, Владыкой Зимы, по всем Западным Землям, или Вро-ан-Мабден, как называете их вы, древние. Мы на Западных Землях. Люди наши живут на севере, на юге и на западе. Лишь на востоке никого не осталось, ибо все замерзло, ибо их покорил Народ Ели.

Король Маннах словно пел панихиду по погибшим своим соплеменникам.

— О, Корум, не суди о нас по тому, что ты видишь сейчас. Были и мы великим народом, была и у нас

великая сила, но напали на нас Фой Мьёр и мы сразу же обеднели и обессилели, ибо они унесли с собой землю Лайвм-ан-Эша, а вместе с нею все наши книги и все наше знание.

— Похоже, эта легенда создана лишь для того, чтобы объяснить события вполне естественные, — осторожно предположил Корум, — До последнего времени я относился к ней так же, теперь же я думаю иначе. — Корум вынужден был согласиться с королем.

— Хотя мы обеднели, — продолжал король, — и почти разучились управлять стихиями, мы остаемся тем же самым народом. Наше сознание осталось тем же. Мы не утратили свой ум.

Корум был поражен ясностью мысли короля, ожидая встретить куда более примитивных существ. Да, эти люди относились к магии и колдовству как к реальности, но их никак нельзя было назвать суеверными.

— Твои люди достойны самых высоких похвал, о, король Маннах, — искренне сказал Принц. — Я сделаю для них все, что в моих силах. Но именно ты должен сказать, в чем должно состоять мое служение, ибо ты больше знаешь о Фой Мьёр.

— Фой Мьёр страшатся наших древних сокровищ, сокровищ магических, ответил Маннах. — Мы забыли о них, считая их чем-то курьезным и пустым; лишь теперь нам стало открываться истинное их значение — они обладают могуществом, с которым не могут совладать и Фой Мьёр. Послушай, Принц Корум, люди, собравшиеся здесь, могут подтвердить мои слова — Бык Кринанасса появился в наших краях.

— Этого быка здесь уже поминали.

— Верно. Это огромный черный бык, поспорить с которым может только один человек. Только ему это под силу.

Корум улыбнулся:

— И этого человека зовут Корум?

— В древних текстах его имя не названо. Говорится же там следующее: в руке, сияющей лунным светом, этот человек будет держать копье, называемое Брионак.

— Копье Брионак?

— Волшебное копье, выкованное кузнецом Гоффаноном из народа Сидхи; кузнец этот владеет им и сейчас. Понимаешь, Принц Корум, после того как Фой Мьёр пришли в Кэр-Ллюд я пленили Верховного Короля, воин по имени Онраг, охранявший древние реликвии, бежал на колеснице, захватив сокровища с собой. Фой Мьёр стали преследовать его; скрываясь от них, Онраг растерял все реликвии. Некоторые из них попали в руки к Фой Мьёр. Другие попали к мабденам. Кое-что, если верить слухам, оказалось у народа, древностью своей превосходящего и мабденов, и Фой Мьёр, я говорю о народе Сидхов, который и даровал нам реликвии. Множество раз мы бросали руны и многое пришлось сделать нашим прорицателям, прежде чем мы узнали, что копье Брионак вновь попало к таинственному Сидхи, кузнецу Гоффанону.

— Вы знаете, где живет этот кузнец?

— Считается, что он живет в месте, называемом ныне Хи-Брисэйл, на таинственном острове, окутанном чарами, лежащем к югу от наших восточных берегов. Наши друиды говорили, что Хи-Брисэйл — это все, что осталось от Лайвм-ан-Эша.

— Но разве не Фой Мьёр правят теми землями?

— Они боятся чудесного острова. Причина этого мне неизвестна.

— Велика же должна быть опасность, угрожающая им, коль они покинули земли, некогда принадлежавшие им.

— Согласен с тобой, — кивнул Маннах. — Но не только Фой Мьёр боятся острова. Ни один мабден, отправлявшийся в Хи-Брисэйл, не возвратился оттуда. Говорят, что Сидхи находится в кровном родстве с вадагами. Многие считают их одним народом. И, вероятно, только вадаг может не только отправиться в Хи-Брисэйл, но и вернуться оттуда.

Корум рассмеялся:

— Наверное, ты прав! Хорошо, — я отправлюсь туда и постараюсь найти это копьё.

— Ты можешь найти там и собственную смерть.

— Смерти я не боюсь, король. Король Маннах, посерьезнев, кивнул:

— Похоже, я понимаю тебя. Ты лишний раз напомнил мне о том, что в эти суровые дни следует бояться не смерти, но вещей куда более страшных.

Оплавшие свечи догорали. Похоже, час веселья подходил к концу. Арфист запел тоскливую песню, говорилось в ней о любви и судьбе, о расставании и печали; Коруму, совершенно опьяневшему от меда, казалось, что мабден поет о любви Принца к Ралине. Ему вдруг подумалось, что девица, вступившая с ним в разговор, очень похожа на Ралину. Он пристально посмотрел на нее. Не замечая его взгляда, она смеялась, болтая о чем-то с молодым воином. Надежда вернулась в сердце Корума. Где-то в этом мире могла воплотиться и Ралина: он найдет ее, и она вновь полюбит Корума, не ведая, что некогда уже любила.

Девица повернулась в его сторону и перехватила взгляд. Улыбнувшись, она слегка поклонилась Принцу.

Корум встал, поднял свой кубок и громогласно возгласил:

— Пой, бард! Любимой моей, Ралине, я посвящаю этот тост! И да хватит у меня сил на то, чтобы вновь отыскать ее в этом страшном мире!

Корум опустил глаза, чувствуя, что ведет себя крайне глупо. При ближайшем рассмотрении оказалось, что девица вовсе не похожа на Ралину. Корум уселся на место, чувствуя на себе пристальный взгляд девицы; он вновь удивленно посмотрел на нее.

— Я смотрю, тебя заинтересовала моя дочь, о, Повелитель Кургана, — услышал Корум голос короля. В голосе звучала явная ирония.

— Твоя дочь?

— Ее зовут Медбх. Она хороша, верно?

— Да, да, она очень красива, король Маннах.

— Мать ее была убита в первой же битве с Фой Мьёр, с той поры Медбх выполняет роль королевы. Она — мой советник, моя правая рука. Великолепна она и в вою, — никто не может сравниться с нею в метании болы, стрельбе из пращи и бросании татлума.

— Что такое татлум?

— Твердый шар, сделанный из перемолотых мозгов и костей наших врагов. Фой Мьёр боится этого оружия. Поэтому мы и используем его. Мозги и кости смешиваются с известью, которая и придает шару твердость. Эти шары неплохо помогают нам в борьбе с Фой Мьёр.

Корум подлил себе меда и тихо сказал:

— Прежде чем отправиться за копьём, я хочу понять природу наших врагов. Король Маннах улыбнулся.

— Выполнить твою просьбу несложно, — двое Фой Мьёр вместе со своими сворами бродят где-то неподалеку. Паши разведчики считают, что Фой Мьёр направляются к Кэр-Малоду, с тем, чтобы атаковать крепость. К завтрашнему вечеру они будут здесь.

— И ты хочешь победить их? Меня смущает твое спокойствие.

— Сражаться с ними мы не будем. Подобные вылазки Фой Мьёр предпринимают вовсе не для того, чтобы нападать на нас. Порой они действительно уничтожают наши крепости, обычно же появляются лишь для того, чтобы поселить в нас страх.

— Стало быть, ты разрешаешь мне погостить у вас до завтрашнего вечера.

— Да. Но ты должен обещать мне, — если крепость падет, ты тут же покинешь ее и отправишься в Хи-Брисэйл.

— Я даю тебе такое обещание, — сказал Корум. Он вновь взглянул на дочь короля Маннаха. Смеясь, она пила из кубка; рыжие косы были откинuty назад. Он смотрел на ее тонкие запястья, украшенные браслетами, на ее крепкое и ладное тело. Он угадывал в ней и принцессу, и воительницу, но было в ней и что-то такое, чего Корум понять не мог. В глазах ее читались острый ум и веселый нрав. Впрочем, может быть, он попросту обманывал себя, желая видеть Ралину в любой женщине.

В конце концов, собравшись с силами, Корум покинул залу. Король Маннах проводил его в специально приготовленную для него комнату. Комната была обставлена очень просто; на деревянном ложе лежал соломенный матрас и шкуры. Корум тут же заснул. В эту ночь сновидения не тревожили его.

КНИГА ВТОРАЯ

Новые враги, новые друзья, новые напасти...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИЗРАКИ В ТУМАНЕ

Пришло утро, и Корум, наконец, увидел эту землю.

Сквозь промасленный пергамент, которым было затянато окно, Корум смутно видел Кэр-Малод, — крыши и стены домов сверкали инеем. Морозными искорками поблескивал серый гранит; морозом были скованы земля и деревья в соседнем лесу. Все было ослепительным и мертвым.

Костер, согревавший комнату ночью, к утру погас, обратившись в горстку пепла. Пока Корум умывался и облачался в одежды, он сильно замерз.

«И это, — думалось ему, — весна. А ведь когда-то весна здесь была ранней и скорой. Зимы едва замечали, казалось, будто щедрость осенних дней тут же превращается в свежесть весенних утренников.»

Коруму казалось, что он узнает эти земли. Где-то неподалеку находился мыс, на котором некогда стоял замок Эрорн. С моря полз густой туман, закрывая собой всю округу, виден был лишь утес, очертаниями своими удивительно походивший на один из утесов, стоявших у замка. Жгучее желание увидеть свой замок овладело Корумом, — быть может, кто-то живет там и поныне, быть может, живущие в замке что-то знают о его истории. Он покинет эти земли лишь после того, как побывает в замке, — так решил для себя Корум, — пусть тот и напомним лишний раз о его, Корума, бренности.

Он вдруг вспомнил гордую, смешливую девицу, виденную им прошедшей ночью. Да, она понравилась ему, и это новое чувство вовсе не было предательским по отношению к Ралине. Скорее всего, Принц ей тоже понравился.

Откуда же эта неловкость? Может быть, он просто боится? Скольких женщин он мог полюбить и схоронить за свою долгую жизнь? Сколько раз он мог испытать боль расставания? Может быть, он должен относиться к этому иначе, расставаться с женщинами еще до того, как по-настоящему полюбит их? Так будет лучше и для него, и для них, — иного выхода он просто не видел.

Корум с трудом отогнал от себя эти мысли, стараясь не думать о рыжеволосой дочери короля. Сегодня день битвы, и потому думать следует прежде всего о ратных делах, когда враги отнимут у неге жизнь, они лишат его и мыслей-. Он улыбнулся, вспомнив слова короля Маннаха. «Фой Мьёр идут за Смертью, — говорил Маннах.» Они прислуживают Смерти. — А разве нельзя сказать того же о Коруме? Если бы это было не так, разве стал бы он главным врагом Фой Мьёр?

Выйдя из спальни и миновав множество маленьких круглых комнаток, Корум Оказался в зале, где пировал прошлым вечером. Зала была пуста. Вся посуда со столов уже была убрана; слабый свет, сочившийся из узких окон, едва освещал мрачные стены. Здесь царили холод и строгость. В таком месте, — подумалось Коруму, — можно разве что готовить себя к битве, — встать на колени и изгнать из головы и сердца все лившее. Он сжал серебряную руку, пошевелил ее пальцами. Рука была изготовлена мастерски, — был повторен не только внешний вид, но, даже, линии ладони той, настоящей его руки. Серебряная кисть крепилась к запястью специальными зажимами. Отверстие в лучевой кости Корум просверлил собственноручно, здоровой правой рукой. Протез был столь совершенен, что его нетрудно было принять за некое волшебное творение. Выражение досады вдруг появилось на лице Корума. Эта рука — единственное, что он сделал за эти семьдесят лет. Единственный итог десятилетий, прошедших со времени падения Повелителей Мечей.

Отвращение к самому себе вдруг охватило его. Корум принялся расхаживать по зале, дыша словно пес, идущий по следу зверя.

А, может, он и сам жаждет боя? Да, да, — скорее всего именно так, — он жаждет боя, дабы избавиться от чего-то в себе. Но от чего же? От знания своей судьбы? От той участи, что пророчили ему Эльрик и Эрикесе?

— О, мои великие предки, пусть же грянет бой, я да будет бой этот страшен! — вскричал Принц. Он с силою извлек из ножен клинок и взмахнул им над головой, испытывая сталь на прочность. Щелчок, с которым клинок вернулся в ножны, отозвался в зале эхом.

— И да будет эта битва удачной для Кэр-Малода, о, Воитель! — это был сладкозвучный голос Медбх, дочери короля. Подбоченившись, она стояла в дверях. На тяжелом ремне, стягивавшем ее талию, висели одетые в ножны кинжал и палаш. Волосы ее были собраны в узел, кожаная накидка заменяла кольчугу. В руке девушка держала легкий шлем, формою походивший на шлемы вадагов, но сделанный, из меди. Корум, обычно не склонный к возвышенным речам, отвернулся к стене, не в силах скрыть своего смущения. Боевой дух вмиг оставил его.

— Госпожа, боюсь, что перед вами сейчас стоит явно не великий герой, холодно сказал он.

— На печального бога, о. Властитель Кургана, ты тоже малоходишь. Многие из нас сомневались в том, стоит ли вызывать тебя. Многие думали так: если ты и существуешь, то ты, скорее всего, похож на Фой Мьёр, — такой же жуткий и страшный, — потому, вызвав тебя, мы навлекли бы на наш народ новую беду. Но этим опасениям не суждено было сбыться, вместо бога к нам пришел человек. Человек куда сложнее бога. И потому нам куда сложнее будет прийти к цели, которую мы ставили перед собой, творя заклинание. Ты стал гневаться потому, что твой страх...

— Возможно, это и не страх, госпожа.

— Но, возможно, и страх. Ты решил поддержать нас. Мы не вправе были требовать этого. Нам казалось, что мы будем властны над тобой, но ошиблись. Сомнения и страхи терзают тебя, но несмотря ни на что, ты полон решимости помочь нам. И эта помощь для нас куда важнее помощи какого-то бездушного сверхъестественного существа, подобного Фой Мьёр. Фой Мьёр знакомы сказания о Коруме; они боятся тебя, — помни об этом.

Корум оставался недвижимым. Эта женщина очень добра. Он нравится ей. Она столь же умна, сколь и красива. Нет, он не мог повернуться к ней, ибо любовь тут же пронзила бы его сердце.

Борясь с волнением. Принц ответил ей:

— Благодарю тебя за твою доброту. Я сделаю для твоего народа все, что в моих силах, но не ждите от меня чего-то необычайного.

Он не мог повернуться к ней, ибо не доверял самому себе. Ему так не хватало Ралины, и, быть может, именно поэтому он видел ее в Медбх. И если это так, то какое право он имеет любить Медбх, — ведь он любит не ее, но отражение в ней Ралины, причем, отражение неверное.

Серебряные пальцы коснулись повязки, расшитой рукою Ралины. Холодные бесчувственные пальцы. Голос Принца обратился едва ли не в крик.

— Что ты скажешь о Фой Мьёр? Они уже пришли?

— Пока нет. Но туман становится все гуще. Значит они где-то рядом;

— За ними следует туман?

— Они следуют за туманом. За ними же идут снег и лед. Часто об их приходе оповещает людей Восточный Ветер, что приносит с собою градины размером с яйцо чайки. Земля гибнет и деревья ломаются, когда идут Фой Мьёр.

От слов девушки повеяло холодом.

Напряжение достигло предела.

И тут Медбх сказала:

— Ты не обязан любить меня, о, владыка.

Корум повернулся к ней.

Но девушки уже не было.

Вновь посмотрел он на свою металлическую руку, другою же, живой, он смахнул слезу.

Вдруг где-то вдалеке заиграла мабденская арфа, мелодия была прекрасна и печальна. Даже музыка, звучавшая в замке Эрорн, не могла сравниться с этой ни красотой своей, ни глубиной.

— Король Маннах, твой придворный арфист — гений.

Корум и король стояли на стене, окружавшей Кэр-Малод.

— Ты, значит, тоже слышал арфу? — нахмурился король.

Бронзовые латы защищали его грудь, сидящую голову покрывал бронзовый шлем. Его лицо было мрачно, в глазах же читалось удивление:

— Многие решили, что это ты играешь на арфе, о, Владыка Кургана. Корум поднял свою серебряную руку.

— Струны не выдержат моих железных пальцев. — Он посмотрел на небо. — Это играл мабден.

— Не думаю, — ответил Маннах. — По крайней мере, это человек не из моей свиты. Барды Кэр-Малода готовятся к бою. Они играли бы боевые песни, совсем не то, что мы слышали сегодня утром.

— Этот мотив тебе неизвестен?

— Однажды я его уже слышал. Это было на кургане в ту самую ночь, когда мы решили позвать тебя на помощь. Именно музыка убедила нас в том, что древняя легенда может оказаться былью. Если бы арфа не заиграла, мы прекратили бы заклинание.

Корум нахмурился.

— Чудеса мне никогда не нравились.

— Тогда тебе не должна нравиться и жизнь, о, Повелитель.

Корум улыбнулся.

— Я понимаю тебя, король Маннах. И все же к призрачным арфам я отношусь с подозрением.

Говорить больше было не о чем. Король Маннах указал рукой в направлении дубравы. Тяжелый, густой туман доходил уже до вершин деревьев. На глазах он густел и, опускаясь, совершенно скрывал из виду могучие дубы. Лес пропадал; лишь несколько покрытых инеем деревьев еще можно было разглядеть в молоке тумана. Солнце стояло высоко, но его свет был неярок, так как по небу поползли тонкие, призрачные облачка.

День еще не закончился.

Молчали лесные птицы. Беззвучно ходили по крепости воины. Крики людей взмывали было ясным колокольным звоном, но тут же вязли, сливаясь с тишиной.

К крепостным укреплениям подтаскивалось оружие, — пики, стрелы, луки, огромные камни и ядра татлумов, которые запускались из пращи. Воины стали расходиться вдоль стен, занимая назначенные им места. Крепость была невелика, но хорошо укреплена. Она стояла на вершине холма, склоны которого были круты настолько, что холм являл собой огромный конус, созданный руками человека. К югу и к северу виднелись другие похожие холмы, на вершинах двух из них можно было различить развалины крепостных стен. От древнего Кэр-Малода мало что осталось.

Корум обратил свой взор на море. Там туман рассеялся; солнце играло на спокойной синей глади, — казалось, непогода, охватившая землю, была невластна над морем. Давешняя догадка Корума оказалась верной. В двух или трех милях к югу лежал знакомый мыс, над которым возвышался утес, напоминающий развалины замка.

— Король Маннах, знаешь ли ты то место? — спросил Корум, указывая в направлении мыса.

— Мы называем его Замок Оуин. Издали эти скалы напоминают развалины замка, на самом же деле,

это — обычный камень. Если верить старым легендам, там жили сверхъестественные существа — Сидхи и Кремм Кройх. Но у Замка Оуин только один создатель, — ветер, и только один строитель, — море.

— И все же мне хотелось бы побывать там, — сказал Корум. — Если, конечно, такая возможность представится.

— Если мы оба переживем атаку Фой Мьёр, или, если Фой Мьёр почему-то не станут нападать на нас, я отведу тебя туда. Но смотреть там не на что. Принц Корум. Издали это место выглядит привлекательнее.

— Боюсь, что ты прав, король.

Пока они говорили, туман сгустился еще больше, скрыв за собой и море. Туман полз по узким улочкам Кэр-Малода. Он надвигался на крепость со всех сторон.

На стенах установилась полнейшая тишина, воины желали понять, что же несет с собою туман.

Свет померк; казалось, что наступил вечер. Стало заметно холодать, Корум, одетый теплее других, совершенно озяб и плотнее запахнулся в алуку мантию.

Из туманной мглы вдруг раздался вой собаки. Этот жуткий одинокий вой был подхвачен, и вскоре им было охвачено все пространство вокруг крепости, что носила славное имя Кэр-Малод.

Щуря свой единственный глаз, Корум пытался увидеть самих собак. Ему показалось, что у подножья холма мелькнула какая-то тень. Однако, как он ни старался, он больше ее не видел. Корум бережно взял свой лук, сделанный из кости, и длинную тонкую стрелу. Зажав лук серебряной кистью и натянув тетиву живою рукой, Корум стал ждать. Вскоре тень показалась вновь, и Принц тут же выстрелил.

— Стрела исчезла в тумане.

Раздался пронзительный вопль, который тут же перерос сначала в рычание, потом — в дикий рев. Вверх по склону стремительно скользнула тень.

Два желтых глаза смотрели прямо на Корума, словно зверь неким таинственным образом учуял своего обидчика. Коруму показалось было, что рядом с пышным, развевающимся на ветру хвостом собаки он видит еще один хвост, прямой и жесткий. Однако Принц тут же понял, что это стрела, угодившая собаке в бок. Он извлек из колчана следующую стрелу и снова натянул лук.

Собака ощерилась, обнажив желтые клыки; из ее красной пасти текла слюна. Шерсть была грубой и длинной, само же животное, как успел разглядеть Корум, размером было никак не меньше крупного пони.

Корум услышал злобное рычание, однако стрелять было еще рано, сильно мешал туман.

Шкура у псины была совершенно белой. Эта сияющая белизна почему-то вызывала отвращение. Лишь кончики ушей зверя были окрашены в цвет крови.

Все выше и выше взбирался пес. Стрела, похоже, ничуть не мешала ему, вой же его был вызван скорее не болью, но предвкушением того, как он вонзит клыки в глотку Корума. Желтые глаза собаки горели злой радостью.

Больше Корум ждать не мог. Он выстрелил.

Ему казалось, что стрела еле движется. Зверь заметил летящее, смертоносное жало, и попытался отклониться в сторону, но слишком велика была скорость, слишком сильно было желание зверя ускользнуть, пытаясь спасти свой правый глаз, собака сбилась с шага, и стрела угодила в ее левый глаз, пробив череп пса насквозь.

Зверь оскалился, но теперь уже беззвучно, в предсмертной агонии. Он упал наземь, скатился вниз и замер.

Корум вздохнул с облегчением и повернулся к королю Маннаху.

Однако королю было не до этого, — он делил копьем в туман, где целая сотня белых призрачных псов скалилась, пуская слюну, дружным воем выражая решимость отомстить убийцам своего собрата.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БИТВА ПРИ КЭР-МАЛОДЕ

— Да их же целая стая!

Король Маннах с трудом успел выговорить эти слова, ибо вслед за первым копьём ему тут же пришлось послать и второе.

— Никогда я их столько не видел.

Он огляделся по сторонам, желая понять, что происходит с его людьми. Воины ожесточенно бились с псами. Кружили пращи, слетали стрелы и копыя.

Кэр-Малод со всех сторон был окружен дьявольскими собаками.

— Их слишком много. Наверное, Фой Мьёр прослышали о том, что ты. Принц Корум, пришел к нам. Возможно, они решили уничтожить тебя.

Ответить Корум уже не смог, он увидел огромного белого пса, рыскавшего у самой стены и обнюхивавшего огромный камень, которым был привален вход в крепость. Перегнувшись за укрепление, Корум выпустил одну из последних своих стрел, — она угодила прямо в темя чудовищу. Собака взвыла и скрылась в тумане.

Убил он ее или нет, Корум не знал. Этих псов убивать было трудно. Туман и иней делали их почти невидимыми, — лишь кроваво-красные уши и желтые глаза виднелись в туманной мгле.

Впрочем, цвета уже не имели особенного значения.

Туман стал еще гуще. Он лез в глаза, в глотки защитников крепости, то и дело они смахивали с лица капли воды и кашляли, пытаясь очистить легкие от сырого холода. Но мужества они не теряли. Копье за копьём устремлялись вниз. Дождь стрел осыпал зловещих собак. Татлумы же оставались нетронутыми, причина этого была непонятна Коруму, ибо король не располагал временем и не мог внятно изъяснить ее. Запас стрел, копий и камней уже подходил к концу, убито же было всего несколько собак.

«Кем бы ни был этот Керенос, свору свою он натаскал хорошо,» — так думал Корум, выпуская последнюю стрелу. Он отбросил лук в сторону и достал из ножен меч.

Собачий вой леденит души воинов, им приходилось сражаться не только с псами, но и с собственным телом, цепенеющим от ужаса.

Король Маннах побежал вдоль укреплений, на ходу подбадривая воинов. Погибших пока не было. За мечи, топоры и пики воины возьмутся только тогда, когда у них кончатся метательные орудия. И это время было уже близко.

Корум перевел дыхание и попытался как-то оценить ситуацию. Крепость была окружена. Воинов же было чуть больше сотни. Стены крепости были достаточно высоки, и все же собакам ничего не стоило запрыгнуть на них, — в этом Корум ничуть не сомневался.

Не успев подумать об этом, Принц увидел, что прямо на него летит белый зверь, — передние лапы были вытянуты, зубы щелкали, глаза горели желтым огнем. Извлеки Корум меч секундой позже, зверь загрыз бы его. Зверюга прыгнула, и в тот же миг Корум нанес ей удар. Клинок вонзился чудовищу в брюхо; последний раз оно разинуло пасть и тихо зарычало, угадав вдруг свою судьбу, удивившись концу, пришедшему так внезапно. Через мгновение монстр уже летел вниз, на спины своих собратьев. Корум едва устоял на ногах, — таким огромным был зверь.

Казалось, на сегодня бой закончился, — псы Кереноса отступили от стен крепости. Однако рык и завывание не оставляли сомнений в том, что собаки отступили только для того, чтобы немного передохнуть и собраться с силами. Возможно, сам незримый Керенос, их хозяин, дал такую команду. Многие отдали бы Корум за то, чтобы увидеть самих Фой Мьёр, — понять, кто они, откуда черпают свои силы. Минуту раньше он увидел в тумане странную тень. Фигура эта стояла на двух ногах и была куда выше собак,

впрочем, Корум мог и обмануться — туман постоянно плыл, сплетая немыслимые формы. Если же он действительно видел Фой Мьёр, то несомненным становилось то, что они отличны от Людей, — они были слишком высоки. Это не вадаги, не надраги и не мабдены. Но кто же тогда? Откуда пришли?! Этот вопрос не давал Коруму покоя еще со времени первого их разговора с королем Маннахом.

— Псы! Псы!

Из тумана беззвучно выплыл сверкавший белизной зверь и подмял под собою кричавшего воина. Оба, и воин, и зверь, сорвались со стены и с ужасающим хрустом упали на мостовую.

Собака тут же проворно вскочила и впилась зубами в тело своей жертвы. Затем, довольно ощерившись, она понеслась вдоль по улице. Недолго думая, Корум метнул в нее свой меч. Меч угодил собаке в бок. Она завизжала и попыталась схватить зубами рукоять, торчавшую между ребер, — так щенок, играя, ловит зубами собственный хвост. Огромный пес закружился было на одном месте, но через миг уже испустил дух.

Корум спустился, на мостовую, чтобы извлечь свой меч из бездыханного тела.

Таких огромных собак Принц никогда не видел, не видел он и шкур с таким странным окрасом. С чувством крайнего отвращения выдернул он свой меч из грузного тела, вытер о белесую, грубую шерсть и бегом вернулся на свое место.

И тут он почувствовал вонь. Это был запах псины, сырой, грязной шкуры; вонь эта с каждой минутой становилась все сильнее и сильнее. Защитникам крепости приходилось тяжело, едкая вонь травила их, туман ел глаза и сжимал горло. В нескольких местах собаки забрались на стену, — четверо защитников уже лежали с перегрызенным горлом, Убито было всего два пса, одному из них начисто снесли голову.

Корум почувствовал усталость и лишний раз подивился выносливости защитников крепости. В обычном бою они давно лишились бы сил, но сейчас им приходилось сражаться не с людьми, а со зверьем, которым, казалось, управляли некие неведомые, безумные силы.

Корум отпрыгнул в сторону, — огромный пес перелетел через стену и оказался на площадке. Он тяжело дышал, высунув язык, с клыков стекала слюна. Волна вонь, шедшей из пасти зверя, обдала Корума. Утробно заурчав и прижав красные уши к своей узкой голове, зверь изготавился к атаке.

Корум закричал, схватил свой боевой топор, что стоял у стены, и бросился на зверя.

Зверь заметно испугался, когда топор просвистел над его головой. Он поджал было свой хвост, но тут же понял, что соперник куда мельче и слабее его, — и тогда зверь грозно зарычал, обнажив свой двенадцатидюймовые клыки.

Корум занес топор для второго удара, но вдруг потерял равновесие. Зверь тут же бросился на него. Корум умудрился отскочить в сторону и ударил зверя по задней лапе. Он стоял на самом краю стены. Спрыгнуть с нее означало по меньшей мере сломать ноги: еще один шаг назад — и он рухнет на мостовую.

Ему оставалось только одно. Когда зверь вновь бросился на Корума, тот ловко уклонился от него, и зверь, не удержавшись на стене, полетел вниз и разбился насмерть.

Шум боя доносился уже отовсюду. Несколько псов Кереноса рыскали по улочкам города, выискивая старых женщин и детей, что прятались за дверьми своих домов.

Медбх, дочь короля Маннаха, охраняла улицы.

Корум увидел ее во главе небольшого отряда воинов, загонявшего двух огромных псов. Пряди рыжих волос Медбх, выбившись из-под шлема, развевались на ветру. Гибкость, стремительность и точность движений, несомненная ее отвага изумили Корума. Никогда он не встречал женщин, похожих на Медбх; впрочем, здесь все женщины сражались наравне с мужчинами и подобно мужчинам переносили все тяготы битвы.

«Как красивы здешние женщины», — подумал Корум. И тут же он выругал себя за невнимательность: завывая и скрежеща зубами, на него несся зверь. Корум замахнулся и с боевым криком вадагов на устах нанес зверю смертельный удар прямо между алых ушей. «Скорее бы кончилась битва», — думал Принц с тоскою, он уже настолько ослаб, что сомневался, удастся ли ему совладать еще с одним чудовищем.

Казалось, что лай этих ужасных тварей становится все громче; зловонное дыхание наполняло воздух таким смрадом, что не хотелось дышать. Белое мощные тела все взлетали и взлетали на стену, скаля огромные клыки и сверкая желтыми глазами; гибли люди, чью плоть и чьи кости рвали и дробили страшные челюсти.

Тяжело дыша, Корум прислонился свиною к стене, — еще одна стычка — и он погибнет. Ему уже не хотелось защищаться. Он выдохся. Сейчас он умрет, и вмиг решатся все проблемы. Кэр-Малед падет. В мире восторжествуют Фой-Мьёр.

Что-то заставило его посмотреть на улицу. С мечом в руках там стояла Медбх. Прямо на нее несли огромный зверь. Весь ее отряд уже погиб. На мостовой лежали истерзанные трупы воинов. Теперь, похоже, настал черед Медбх.

Времени на раздумья у Корума не было — в тот же миг он спрыгнул со стены. Его обутые в сапоги ноги ударили прямо в крестец зверя, прижав тело животного к земле. Боевой топор со свистом рассек воздух и с хрустом вонзился в хребет собаки, разрубив ее едва ли не надвое. Корум перекатился через труп зверя, перепачкавшись в его крови, и повалился на спину, так и не сумев найти под ногами надежной опоры. Медбх так и не поняла, что же произошло, — она выстрелила в глаз псу, не понимая того, что пес уже мертв, и только после этого заметила Корума.

Когда он поднялся на ноги и принялся выдергивать топор из туши зверя, девушка улыбнулась.

— Так ты. Принц, не хочешь моей смерти?

— Ну что вы, госпожа, — ответил Корум, переводя дыхание. — Конечно же нет.

Он наконец выдернул топор и поспешил назад, на укрепления, где усталые воины боролись с бесчисленной сворой псов.

Корум бросился на помощь воину, который уже не мог бороться с нападавшим на него чудовищем. К тому времени топор Корума уже затупился и потому удар лишь слегка оглушил зверя, — пес тут же пришел в себя и рыча двинулся на Принца.

Удар пики пришелся псу в брюхо; волна густой зловонной крови выплеснулась на Корума.

Он отступил назад и устремил взор в туман, клубившийся за стеной. На сей раз он увидел в тумане неясную фигуру, — огромную фигуру человека с рогами оленя на голове. Лицо было уродливо, тело — криво. Человек поднес что-то к губам, казалось, будто он пьет.

И тут же раздался звук, заставивший собак замереть; оставшиеся в живых воины побросали свое оружие и зажали руками уши.

Звук этот был исполнен ужаса, в нем слышались и смех, и плач, и стенания, и победные крики. Это трубил Рог Кереноса, созывая псов.

Корум неотрывно смотрел на исполина, пока тот не скрылся во мгле. Псы тут же бросились вслед за хозяином, они легко перепрыгивали через стены и сбегали с холма, растворяясь в тумане. Вскоре в Кэр-Малоде не осталось ни одной живой собаки.

Туман стал подниматься и отступать к лесу, словно был мантией Кереноса.

Рог затрубил еще раз.

Кого-то из людей тошнило от невыносимого смрада, кто-то рыдал, кто-то кричал.

Неплохо позабавились в тот день Керенос и его свора. Они только поиграли с людьми Кэр-Малоде, явили им малую толику своей силы. Большого они и не хотели. Корум был почти уверен в том, что Фой Мьёр считали эту битву чем-то вроде торжественного парада перед главным сражением.

В битве при Кэр-Малоде люди убили тридцать четыре собаки.

Битва унесла жизни пятидесяти воинов, мужчин и женщин.

— Медбх! Татлум! — закричал король Маннах. Он был ранен в плечо. Из раны капала кровь.

Медбх взяла одно из ядер, слепленных из мозгов и извести, и раскрутила пращу.

Татлум полетел вослед Кереносу.

Но Фой Мьёр остался невредимым, — Маннах сразу понял это.

— Трудно сразить их обычным орудием, татлумов же они боятся, — сказал король.

Молча оставили они стены Кэр-Малода и отправились оплакивать своих мертвых.

— Завтра, — сказал Корум, — я отправлюсь на поиски Копья Брионак. Я принесу его вам. Я сделаю все, чтобы спасти народ Кэр-Малода от Кереноса и ему подобных. Я так решил.

Король Маннах, которому помогала спускаться те ступеням Медбх, молча кивнул — он не мог вымолвить ни слова, так велика была его усталость.

— Но прежде я отправлюсь в место, которое вы называете Замок Оуин, продолжил Корум. — Прежде чем уйти, я должен побывать там.

— Вечером я отведу тебя туда, — сказала Медбх. Корум не стал возражать ей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НА РАЗВАЛИНАХ

День близился к концу. Солнце вышло из-за туч, растопив иней и слегка согрев воздух. Запахло весной.

Корум и принцесса Медбх, прозванная Длинной Рукой за искусность в метании татлумов, отправились верхом в то место, которое принц называл Эрорн, а девушка — Оуин.

Стояла весна, но деревья были голы, а земля пустынна. Весь мир выглядел застывшим и мертвым. Жизнь ушла с этих земель. Коруму вспоминалась пышная, буйная зелень. Думы о том, во что могла обратиться большая часть страны, после того как там побывали Фой Мьёр со своими сворами и слугами, устрашали Принца.

Они остановили коней у края утеса. Волны накатывались с шумом, играя галькой в крошечной заводи.

Высокие черные скалы, скалы древние, источенные временем, поднимались из воды. То тут, то там виднелись темные гроты и глубокие трещины. Такими же они были и тысячу лет назад.

И все же мыс стал другим. Центральная его часть ушла вниз, рухнув своим гранитным телом на морское дно. Теперь Корум знал, что же случилось с Замком Эрорн.

— Это место называют Крепостью Сидхов или Крепостью Кремма, — сказала Медбх, указывая на дальний край провала. — Издали скалы кажутся чем-то рукотворным, но на деле их зодчий природа.

Очертания скал были хорошо знакомы Принцу.

Да, эти скалы действительно казались естественным творением природы, но вадаги всегда строили свои дома так, чтобы те сливались с окружающим миром, не нарушая его гармонии. Даже в древние времена многие путники проходили мимо замка, не подозревая о том, что замок перед ними.

— Их изваял мой народ, — сказал Принц тихо, — это и есть дом вадагов, хоть в это и трудно поверить.

Медбх была поражена услышанным. Она засмеялась:

— Значит легенды говорят правду! Это и есть твой замок!

— Я здесь родился, — сказал Корум со вздохом и тут же добавил, — наверное, здесь я и умер.

Спешившись, он подошел к краю утеса и посмотрел вниз. У подножья утеса плескалась вода. Корум стал разглядывать руины. Ему вспомнились Ралина, принц Клонски, отец, мать принцесса Колаталарна, сестры Иластру и Фолирна, принц Ранан, двоюродная сестра Сертреда. Никого из них уже нет. Ралина умерла своею смертью. Другие же пали от рук Гландит-а-Края и его головорезов. Теперь о них помнит только он, Корум. На какой-то миг Принц даже позавидовал им, — слишком многое отягощает его память

— Но ты же живой, — сказала девушка.

— Ты так считаешь? Порою я кажусь себе тенью, плодом воображения твоего племени. Память о моей прошлой жизни стала покидать меня. Я с трудом вспоминаю лица своих родителей.

— У тебя была семья? Откуда же тогда ты взялся?

— Ваша легенда говорит так: я спал в кургане, пока не стал нужен вам. Это не так. Я пришел сюда из своего времени, — на месте этих руин там стоит Замок Эрорн. О, сколько на моем пути руин.

— Так ты здесь со своей семьей? Они тоже станут помогать нам?

Корум отрицательно покачал головой и, грустно улыбнувшись, сказал, смотря Медбх в глаза:

— Нет, госпожа, этого не произойдет. Все мои родственники убиты, убиты вашим племенем, Мабденами. Жена моя тоже умерла.

— Ее тоже убили?

— Нет, она умерла от старости.

— Она была старше тебя?

— Нет.

— Значит, ты и в самом деле бессмертный? — она смотрела вниз, на море.

— В известном смысле — да. Потому я и боюсь любви.

— А меня это совсем не пугает.

— Не пугало это и мою избранницу, маркграфиню Ралину. Я тоже не думал ни о чем, пока она не покинула меня. Вновь пережить горечь разлуки я уже не смогу.

Невесть откуда появившаяся чайка уселась на камень. Когда-то их было здесь множество.

— Корум, и ты не хотел бы пережить все это вновь?

— Да, не хотел бы. Понимаешь...

— Ты любишь трупы? Слова эти задела Принца.

— Как смеешь ты так жестоко

— Когда человек уходит, остается его труп. Или ты любишь трупы, или ты должен любить живых. Он покачал головой:

— Милая Медбх, не так-то все просто.

— Я говорю вещи непростые, о, Корум Владыка Кургана.

Корум раздраженно взмахнул своей серебряной рукой.

— Я вовсе не из кургана. Мне не нравится это имя. Ты говоришь о трупах, а сама называешь меня так, что я чувствую себя ожившим мертвецом. Стоит этому имени прозвучать, как мне кажется, что от одежд моих исходит запах тлена.

— В старых легендах говорится о том, что ты питаешься кровью. В древности на кургане совершались кровавые жертвы.

— Чего я не люблю, так это крови, — сказал Корум. Настроение его заметно улучшилось. Битва с Псами Кереноса помогла ему избавиться от мрачных мыслей, теперь его больше занимали более практичные соображения.

Живой рукой он прикоснулся к липу девушки — ее губы, ее шея, ее плечи...

Он обнял ее, и слезы радости покатились по его щеке.

Волны шумели у древних стен Замка Эрорн. В лучах заходящего светила смотрели они на море.

— Слушай! — сказала Медбх, приподняв голову. Пряди тонких волос разметались по лицу.

Он слушал. Он услышал эти звуки еще до того, как она сказала о них, но ему не хотелось внимать им.

— Арфа, — сказала она. — Какая прекрасная музыка. Сколько в ней грусти. Ты слышишь ее?

— Да.

— Я эту музыку уже слышала.

— Наверное, ты слышала ее сегодня утром — за минуту до боя, — сказал Корум нехотя.

— Да. И еще — на кургане.

— Я об этом слышал. Она звучала в первый день вашего заклинанья.

— Но кто же это играет? Что это за музыка?

Корум печально смотрел на развалины, — это все, что осталось от замка Эрорн. Даже ему развалины казались теперь обычными скалами. Быть может, намять подводит его, и этот замок действительно лишь работа воды и ветра?

Ему стало не по себе.

Теперь и она смотрела на руины.

— Музыка играет здесь, — сказал он. — Арфа играет музыку времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИР ПОБЕЛЕЛ

Облачившись в меха, Корум отправился в путь. Он надел белую меховую накидку прямо на свои одеяния, шлем его был покрыт — огромным капюшоном. Все было сшито из мягкого меха зимней куницы. Для коня, подаренного королем, была сшита кожаная попона, отороченная мехом и расшитая картинками, изображавшими сцены далекого прошлого. И еще дали ему расшитые узорами меховые сапоги и перчатки из кожи оленя, высокое седло и вьюки, а также мягкие ножны для его пик, меча и топора. Перчатку он надел и на серебряную руку, дабы случайно не выдать себя. У стен крепости он поцеловал Медбх и попрощался с жителями Кэр-Малода, смотревшими на него с тоскою и с надеждой. Король Маннах поцеловал его в лоб.

— Верни нам копье Брионак, — сказал король. — И тогда мы сможем приручить быка — Черного Быка Кринанасса, Мы повергнем наших недругов, и земля наша снова зазеленеет.

— Я найду его! — пообещал Принц Корум Джайлин Ирси; его единственный глаз заблестел, и трудно было понять, чем вызван этот блеск, — решимостью или печалью.

Оседлал огромного своего скакуна, сильного боевого коня Туха-На-Кремм Кройх, вставил ноги в стремяна, изготовленные специально для него (здесь их не помнили), захватил пик и знамя, сшитое прошлой ночью девушками Кэр-Малода.

— Ты похож на великого рыцаря, о, господин, — прошептала Медбх. Склонившись в седле, Корум коснулся рукою ее волос и погладил ее нежную щеку. — Я вернусь, Медбх.

В течение двух дней он скакал на юго-восток, дорога была несложной, ибо и прежде он не единожды ездил по ней, время же так и не смогло уничтожить многих знакомых ему примет этого пути. Возможно, потому, что он увидел так мало, — а, быть может, так много в Замке Эрорн, — он решил направиться к горе Мойдель, на которой некогда стоял замок Ралины. Выбор цели пути был оправдан не только этим: некогда гора Мойдель была последним оплотом Лайвм-ан-Эша, теперь же эта роль перешла к Хи-Брисэйлу. Помимо прочего, гора Мойдель стала бы хорошим ориентиром, если, конечно, она не ушла под воду вместе с Лайвм-ан-Эшем.

Корум держал путь на юго-восток.

Становилось все холоднее, то и дело падал крупный град. Градины били в стылую землю, барабанили по доспехам, больно ударяли коня. Пока Принц ехал по широкой дикой пустоши, стена града несколько раз вставала перед ним, сбивая с пути. Порой град становился настолько крупным, что Коруму приходилось искать убежище, — обычно это были валуны, поскольку деревьев на всем протяжении пустоши почти не было. Кроме орляка и вереска, который должен был давно цвести, здесь росли дрок и чахлые березы. Жизнь теплилась в редких растеньицах. Прежде здесь во множестве водились олени и фазаны. В этом же путешествии Корум встретился лишь с одним пугливым, тощим оленем, что смотрел на одинокого всадника совершенно безумными глазами.

Чем дальше Принц ехал на восток, тем унылее становились земли. Землю покрывал толстый слой инея, холмы и камни были одеты в снежные нашей. Начался подъем, воздух стал разреженнее и морознее. Людей, подаривших ему шубу, Корум вспоминал с благодарностью.

Теперь уже не иней, но снег покрывал землю. Мир сиял белизной, отчего невольно вспоминались псы Кереноса.

Конь вяз в снегу. Напади на Корума враги, он не смог бы ни убежать от них, ни достойно сразиться с ними.

Небо сверкало голубизной; солнце почти не грело, но сияло ярко. Корум опасался тумана, ибо теперь он знал, что из него могут появиться и дьявольские псы, и их хозяева.

На пути стали попадаться неглубокие долинки, в которых укрывались то домишки, то деревушки, то

целые города, некогда заселенные мабденами. Все они были безлюдны.

Эти поселения стали местами ночлегов Корума. Он не решался открыто разводить огонь, боясь, что враги или просто недруги заметят дым. На каменном полу он разводил костер из торфа и делал это так, что дым рассеивался прежде, чем его можно было заметить снаружи. Так Принц обогревал себя и своего коня, так он готовил себе пищу. Если бы не тепло этих костров, путешествие его было бы поистине жалким.

В домах все еще стояла мебель, на стенах висели картинки, на полках валялись всяческие безделушки, — и оттого становилось особенно грустно. Вещи мабденов вряд ли могли заинтересовать Фой Мьёр, видимо, поэтому дома и не были разграблены.

Когда Корум добрался до восточных деревушек, он увидел следы кровавой бойни, — похоже, псы Кереноса попиrowали здесь вволю. Понятною стала причина, побудившая людей покинуть свои жилища и искать прибежища в древних заброшенных крепостях вроде Кэр-Малода.

Народ, живший здесь, обладал развитой, утонченной культурой. По всему было видно, что эти сельские жители успевали не только возделывать землю.

В покинутых жилищах Корум находил книги и картины, музыкальные инструменты, керамику и литье. Грустно было видеть это. Значит, борьба с Повелителями Мечей была бессмысленной? Принц защищал народ Лайвм-ан-Эша так, словно это был и его народ, но где теперь Лайвм-ан-Эш? То, что от него осталось, было обречено на гибель.

Корум стал избегать людских поселений, чтобы не вспоминать лишний раз о трагедии мабденов. Ночевал он в пещерах.

Однажды утром, после часа езды, он оказался перед глубокой ложбиной, посреди которой лежало замерзшее озерцо. На северо-восточном его берегу стояло нечто, похожее на камни высотой в человеческий рост. Фигур было несколько сотен. Обычно же ритуальные круги состояли из пары десятков каменных истуканов.

Как и везде, толстый слой снега покрывал все вокруг.

Корум подъехал к берегу озера, миновав было каменных истуканов (таковыми они ему казались). И вдруг заметил, что среди снегов мелькнуло что-то темное. Ворона? Принц заслонил глаза от солнца и стал всматриваться в просвет между камней. Нет, куда крупнее. Наверное, волк. Если же это олень, он забьет его на мясо. Корум достал лук, вынул из колчана стрелу, натянул тетиву.

Конь послушно двинулся вперед.

Подъехав к каменным статуям, Корум заметил, что они крайне необычны. Работа неведомого скульптора тонкостью своей не уступала шедеврам вадагских мастеров. Все фигуры — и мужские, и женские — застыли в позах воителей. Кто же изваял их и для чего?

Что-то темное мелькнуло вновь. И вновь оно скрылось за статуями.

Статуи были удивительно знакомы Принцу. Может быть, он уже видел нечто подобное?

Ему вспомнился замок Ариоха, — замок и все то, что Корум видел там. Все стало на свои места. Разум не желал замечать очевидного. Он противился этой правде.

Статуя была прямо перед глазами, и Принцу пришлось-таки согласиться с реальностью увиденного.

Это были не статуи.

Это были замерзшие тела людей, застывших в тот миг, когда они уже приготовились к бою с неприятелем; Люди эти походили на народ Туха-на-Кремм Кройх. Корум видел выражения их лиц, их позы. Лица выражали решимость — лица мужчин и женщин, мальчиков и девочек; дротики, топоры, мечи, луки, пращи и ножи сжимали они в руках. Они вышли на бой с Фой Мьёр. Но враг ответил им лишь холодом, внезапным, страшным холодом, что обратил теплую плоть в лед.

Корум отвел глаза и опустил лук. Конь заволновался и понесся по берегу мимо оледенелых, мертвых камышей. Корум увидел две фигуры, стоявшие по пояс в промерзшем насквозь озере; руки их в ужасе были воздеты к небу. И мальчику, и девочке было лет по шестнадцать.

Все было мертво. Все было немо. Стук конских копыт казался Коруму похоронным звоном. Он наклонился вперед и устремил взгляд на землю: не мог он видеть всего этого ужаса. Не мог он и плакать.

И тут Корум услышал стон, что вначале показался Принцу его собственным стоном. Он поднял голову и сделал глубокий вдох.

Звук повторился.

Корум обернулся и заставил себя вновь посмотреть на застывшее воинство, полагая, что звук исходит оттуда.

Черная фигура отчетливо выделялась среди прочих, припорошенных снегом фигур. Черный плащ хлопал на ветру, словно сломанное воронье крыло.

— Кто ты? — вскричал Корум, — не по ним ли ты плачешь?

Человек стоял на коленях. Услышав Корума, он поднялся на ноги, однако его черный изодранный плащ продолжал скрывать лицо.

— Кто ты? — Корум повернул коня.

— Забери и мою жизнь, прихвостень Фой Мьёр! — ответил ему старческий голос. — Я знаю, кто ты и зачем пришел сюда.

— Значит, ты меня не знаешь, — сказал Корум мягко. — Теперь ты, женщина, ответь мне — кто ты сама?

— Я — Айвин. Здесь стоят и мои дети, и мой супруг. Я должна умереть. Если ты враг — убей меня. Если ты друг — убей меня, — тем ты докажешь свою дружбу. Я отправлюсь туда, вслед за ними. Мир этот со всеми его ужасами мне несносен. Не нужно мне ни видений, ни страхов, ни истин. Я — Айвин, и я предрекала все то, что ты здесь видишь. Они не послушались меня, и потому я жива, а они нет. Я вернулась и убедилась в своей правоте. И потому я плачу, но плачу я не по ним. Я плачу по себе, ибо предала я свой народ. Я провидица Айвин, но кому нужен теперь мой дар, кто кроме меня самой сможет оценить его? Пришли Фой Мьёр и обратили всех в камень. Они так и не вышли из своих туч, не выпустили своих псов, ибо искали куда более лакомой добычи, чем наш маленький род. Наши отважные люди верили в то, что Фой Мьёр — как бы испорчены и злы те не были не откажут им в чести сражаться с ними. Я предупреждала людей о грозящей беде. Я умоляла их бежать вместе со мною. Но они внимали лишь гласу собственного разума. Они отпустили меня с миром, сами же пожелали остаться. «Если народ не может сберечь собственное достоинство, значит он обречен на смерть, — так говорили они, — ибо умирать можно по-разному.» Не поняла я тогда их слов. Лишь теперь открылся мне их смысл. И потому, господин, убей меня!

Моля, она протянула к нему руки, обнажив посиневшую от холода и старости плоть. Капюшон упал, открыв морщинистое лицо и седые волосы. В глазах провидицы застыла такая мука, что Корум невольно поразился, — никогда еще он не встречал такого взгляда.

— Господин, убей меня!

— Я не могу этого сделать, — ответил Корум. — Будь я мужественнее, я сделал бы то, о чем ты просишь. Но, поверь, госпожа, нет у меня такого мужества.

Принц жестом указал на запад.

— Иди туда и попытайся найти Кэр-Малод Там твой народ все еще сражается с Фой Мьёр. Расскажи им о том, что здесь произошло. Предупреди их. Тем ты искупишь грех, который так мучает тебя.

— Кэр-Малод? Так ты пришел из Кэр-Малода? Крепости на берегу моря неподалеку от кургана Кремма?

— Я должен совершить важное дело. Я ищу копье.

— Копье Брионак? — Провидица стала говорить с придыханием. Голос ее стал тоньше. Айвин тихонько покачивалась, глаза ее смотрели в бездонную глубь, хотя, казалось, что она смотрит на Корума.

— Брионак и Бык Кринанасса. Серебряная Рука. Придет Кремм Кройх. Придет Кремм Кройх, —

женщина уже пела. — Придет Кремм Кройх и назовется, назовется, назовется. И имя будет у него другое.

Корум хотел было назвать свое имя, но изумление лишило его дара речи, — он мог лишь слушать.

— Корум Лло Эрайнт. Серебряная рука и алая мантия. Тебя зовут Корум. Падешь ты от руки брата.

Корум уже не сомневался в чудесном даре старухи, однако последние слова заставили его улыбнуться.

— Пасть я могу, но только не от руки брата. У меня нет братьев.

— У тебя их много, Принц. Я вижу всех. Все гордые воители, славные герои.

Сердце Корума часто забилося, странная тяжесть легла на него. Он сказал торопливо:

— Нет у меня, старуха, братьев. Нет и не было. Почему сказанное так испугало его? Быть может, провидице известно нечто, неведомое Принцу?

— Ты испугался, — сказала она. — Значит, это правда. Но не бойся. Лишь трех вещей ты должен опасаться. Первое — брат, о котором я говорила. Второе арфа. И третье — красота. Бойся трех этих вещей, Корум Лло Эрайнт.

— Красота? Первое и второе еще как-то можно понять, но при чем здесь красота?

— Красота, — упрямо повторила старуха. — Бойся трех этих вещей.

— Я больше не хочу слушать этот вздор. И все же ты нравишься мне, старуха. Похоже, пережитое лишило тебя рассудка. Иди в Кэр-Малод, там за тобой присмотрят. Там ты сможешь искупить свою вину, хотя — еще раз повторяю — на тебе нет вины. Я же продолжу свой путь.

— Брионак, о, воитель, будет твоим. Но сначала ты заключишь договор.

— Договор? С кем?

— Не знаю. Я послушаюсь твоего совета. Если я останусь в живых, я расскажу народу Кэр-Малода обо всем виденном мною. Но и ты помни мои слова, Корум Джайлин Ирси. Не забывай моего совета. Я провидица Айвин, и всегда истинно то, что я вижу. Лишь одного не дано мне увидеть — последствий собственных деяний. Такова моя судьба.

— Моя же судьба в ином, — сказал Корум, повернув коня. — Я не принимаю истин. По крайней мере, я предпочитаю малые истины великим. Прощай, женщина.

Окруженная застывшими сыновьями, в изодранном плаще на старом дряхлом теле, провидица тихо повторила:

— Бойся трех вещей, Корум Серебряная Рука. Брат, арфа и красота.

Корума несколько смущало то, что среди прочего была упомянута и арфа. Если бы не она, речи старухи можно было бы считать бредом сумасшедшей. Но он уже слышал арфу. И он боялся ее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЛШЕБНИК КАЛАТИН

Под тяжестью снега гнулись и ломались деревья, лишенные листвы и плодов; лесные обитатели давно умерли или ушли в иные земли, — и посему лес утратил свою былую силу.

Коруму он был знаком. Это был Лес Лаара. Именно здесь он очнулся после пыток Гландит-а-Края. Принц задумчиво посмотрел на свою левую серебряную руку, другою рукой коснувшись правого глаза. Бурый человек и Великан Лаара. Все началось с него, с Великана Лаара, — сначала он спас ему жизнь, а потом... Корум отогнал от себя эти мысли. За дальним краем Леса Лаара находилась западная окончность этих земель, там и стояла гора Мойдель.

Корум покачал головой, глядя на умирающий лес. Нет здесь теперь и племен Конников. Нет злобных мабденов.

И вновь он подумал о Гландите. Отчего зло всегда приходит с восточных берегов? Может быть, судьба этой земли в том и состоит, чтобы страдать раз за разом на протяжении всей истории?

С этими праздными мыслями Корум въехал в занесенный снегом лес.

Уныло и мрачно обступили его со всех сторон голые дубы, вязы и рябины. Из всех лесных деревьев лишь тиссы как-то удерживали тяжкую снежную ношу.

Корум вспомнил рассказы о Людях Ели. Может быть, Фой Мьёр действительно хотят уничтожить все лиственные деревья, оставив на их месте только хвойные? Но зачем им бороться с обычными деревьями? Разве деревья могут быть опасными?

Пожав плечами, Корум направился дальше.

Дорога была нелегкой. Путь преграждали огромные сугробы и лесные завалы. То и дело ему приходилось объезжать их, рискуя сбиться с пути.

Он ехал без остановок, моля стихии о том, чтобы они были милостивы к нему хотя бы в море.

Два дня плутал Корум в лесу Лаара, пока не понял, что окончательно заблудился.

Мороз несколько ослаб, но это вовсе не означало, что западные земли где-то рядом. Может быть, Принц просто привык к холоду.

Несмотря на то, что стало теплее, дорога сделалась еще более трудной. По ночам Коруму приходилось разгребать снег, чтобы приготовить себе место для сна. Былая осторожность в пользовании огнем совершенно забылась. Он разводил большие костры, от жара которых снег таял; Корум надеялся, что заснеженные ветви смогут развеять дым до такой степени, что его нельзя будет заметить с опушки леса.

В одну из ночей Принц остановился на маленькой поляне, где и сложил костер из сухих ветвей, Он напоил коня талой водой и разрыл снег, чтобы конь мог пощипать редкую сухую травку.

Едва Корум приготовился посидеть спокойно у костра и погреться, как над лесом разнесся знакомый вой. Вой слышался с севера. Корум тут же вскочил на ноги, забросал костер снегом и прислушался.

Вой раздался вновь.

Его нельзя было спутать ни с чем. Добрая дюжина собачьих глоток выводила эту дружную песнь. Это могли быть только дьявольские псы Кереноса.

Корум взял лук и колчан со стрелами.

Рядом рос древний могучий дуб. Дерево было еще живым, и Корум решил, что ветви дуба выдержат его вес. Обвязав оружие веревкой, взяв конец веревки в зубы и смахнув снег с нижних ветвей, он полез на дерево.

Под ногами хрустела ледяная корка, и пока Корум взбирался на дуб, то дважды едва не сорвался вниз. Взобравшись так высоко, как только мог, Корум осторожно потряс ветви, стряхнув с них немного

снега, так, чтобы с одной стороны видеть поляну, с другой — самому оставаться незаметным.

Он надеялся на то, что конь, почуяв запах собак, попытается бежать от них, однако для этого конь был слишком хорошо вышколен. Он доверчиво ждал Корума, пощипывая скудную травку.

Собаки явно приближались. Теперь Принц был почти уверен, что чудовища выследили его. Он повесил колчан на соседнюю ветвь и достал из него стрелу.

Слышно было, как трещат под ногами собак сухие ветки. Конь захрапел и прижал уши; он вращал глазами, пытаясь отыскать своего хозяина.

Туман на краю поляны стал сгущаться. Коруму показалось, что к дереву крадучись движется что-то белое. Лежа на ветке и удерживая равновесие ногами, Корум натянул тетиву.

Первая собака выскочила на поляну, — красный язык ее был высунут, уди подергивались, желтые глаза горели жадой крови.

Корум прицелился, метя ей в сердце.

Он отпустил тетиву. Тетива щелкнула, задев рукавицу. Лук распрямился, запев струною. Стрела полетела прямо в цель. Собака дернулась и закружила на месте, глядя на стрелу, вонзившуюся в бок. Зверь никак не мог понять, откуда прилетело это смертоносное жало. Лапы пса подкосились.

Корум взял новую стрелу.

И тут сук, на котором он сидел, сломался.

Прежде чем Корум понял, что с ним происходит, он уже летел вниз. Он пытался схватиться за нижние ветви, но все попытки его были тщетными, — со страшным шумом он свалился на землю. Падая, Принц выронил лук; колчан же и пики так и остались на дереве.

Корум упал на левый бок. Если бы не глубокий снег, он переломал бы себе все кости. Все остальное его оружие осталось на дальнем краю поляны. Псы, напуганные внезапной смертью своего собрата и оглушительным падением ветви, попрятались.

Корум вскочил на ноги и побежал к дереву, у которого оставил свой меч. Конь, увидев хозяина, заржал и понесся наперерез. Корум закричал, пытаясь отогнать коня в сторону. Протяжный торжествующий вой раздался у Принца за спиной. Гигантские лапы ударили его, и он плашмя упал на землю. Капли теплой, липкой слюны слетели ему на шею. Корум попытался было подняться на ноги, но огромный пес словно пригвоздил его к земле.

Зверь победно взвыл. Вой этот подхватила вся стая. Еще мгновение, и пес вцепится Принцу в глотку.

Корум услышал ржание коня и увидел копыта, промелькнувшие прямо перед самым лицом. Он вновь был свободен. Его боевой конь стоял на задних йогах, нанося рычащему зверю тяжелые удары копытами, обутыми в стальные подковы. Череп у псины был проломлен, но она все еще пыталась схватить скакуна зубами. Еще один удар пришелся в голову, и зверь забился в предсмертных судорогах.

Корум захромал к краю поляны и через минуту его серебряная рука уже держала ножны, а живая, настоящая рука вынимала меч. Он извлек клинок из ножен и в тот же миг резко развернулся, став лицом к поляне.

На поляну, извиваясь призрачными пальцами, вползали струйки тумана. Доблестный конь бился теперь уже с двумя псами; дважды или трижды тем удавалось укусить его, но конь не сдавался.

И тут Корум увидел появившуюся из-за деревьев фигуру человека.

Человек был одет в кожаный плащ с капюшоном, за плечами его висела тяжелая кожаная сума. В руках он держал меч.

Вначале Корум решил, что незнакомец пришел ему на помощь, поскольку лицо его было белым как снег, а глаза сверкали алым огнем. Принцу вспомнился воин-альбинос, виденный им в замке Войлодион-Гагнасдак.

Может быть, это Эльрик?

Но нет — незнакомец не был похож на Эльрика. Лицо его было грубо и некрасиво, к тому же он был толст, чего нельзя было сказать об Эльрике из Мельнибонэ.

Незнакомец неуклюже двинулся вперед, увязая в снегу по колено; меч его был поднят.

Неуклюжий противник сделал первый удар. Корум легко парировал его и сделал резкий выпад вперед, целя врагу в сердце. Станные звуки вырвались из уст воина, он сделал несколько шагов назад, и меч Принца выскользнул из тела.

Ухватив оружие обеими руками, воин вновь напал на Корума.

Принц успел нырнуть под клинок.

Его охватил ужас. Ведь Корум бил сильно и точно, и все же враг не умер.

Принц ударил противника по открытой левой руке, однако ни капли крови не выступило из глубокой раны, оставленной лезвием.

Человек вновь взмахнул мечом, не обращая на удары Корума никакого внимания.

Тем временем все больше и больше псов появлялось на поляне. Одни сидели, глядя на то, как бьются меж собой люди. Другие присоединялись к своим собратьям, сражавшимся с конем. Из ноздрей скакуна уже валил пар. Конь устал; страшные звери должны были вот-вот растерзать его.

Изумленно смотрел Корум на бледное лицо неприятеля, так и не понимая, с кем же он сражается. Не Керенос же это, в самом деле! О Кереносе говорили как о великане, этот же великаном явно не был. Нет, нет, — скорее всего это был прислужник Фой Мьёр о таких ему тоже доводилось слышать. Какой-нибудь псарь. На поясе у воина висел небольшой охотничий кинжал, похожий на нож для рубки костей и свежевания крупной дичи.

Взгляд человека был направлен не на Корума, а куда-то вдаль. Может быть, именно по этой причине он был столь медлителен. Но, как бы то ни было, Принц постепенно терял силы, — он должен был либо сразить врага, либо пасть от одного из его неуклюжих, но сильных ударов.

Неумолимо надвигался на Корума загадочный воин, размахивая огромным клинком.

Принц медленно отступал назад, помня о том, что за его спиной, на краю поляны, поджидают псы. Те, в предвкушении добычи, шумно дышали, высунув языки, — так дышат обычные собаки, стоя у миски с кормежкой.

Корум не мог вообразить более страшной кончины, чем оказаться сожранным псами Кереноса. Он попытался взять инициативу в свои руки и пошел в атаку, но тут левая нога зацепилась за невидимый корень, и Корум рухнул в снег. В тот же миг из леса донеслись звуки рога, рога, который мог принадлежать лишь величайшему из Фой Мьёр, — Кереносу. Собаки тут же вскочили на ноги и рыча двинулись на Корума.

Принц, лежа на спине, с трудом отражал удары белоликого воина.

Рог прозвучал вновь.

Воин замер, так и не опустив клинок; его грубое лицо исказила гримаса крайнего недоумения. Растерялись и псы; подняв свои алые уши, они силились понять, чего же от них ожидают.

И в третий раз зазвучал рог.

Неуверенно побрели собаки в лес. Воин, повернувшись спиной к Коруму, зашатался, выронил клинок, зажал уши руками и, тихо застонав, отправился вослед собакам. Вдруг он замер. Руки его безвольно нависли, а из ран, нанесенных Корумом, рекою хлынула кровь.

Воин упал на снег и замер.

Принц неуверенно поднялся на ноги. Верный конь подбежал к нему и нежно прильнул головой к плечу. Корум покраснел от стыда, — как мог он бросить такого скакуна, как он мог не подумать о нем! Корум погладил коня. Из ран животного сочилась кровь, серьезных ранений, однако, не было. Тут же, на поляне, лежали трупы трех собак, чьи головы и тела были растоптаны копытами.

Воцарилась тишина. Корум решил, что затишье это не будет долгим, и принялся разыскивать свой лук. Тот лежал рядом с упавшей веткой. Стрелы же и обе пики оставались там, где Корум их и повесил, — высоко на дереве. Он попытался достать до них своим луком, однако ничего не получилось.

И тут Принц услышал, что за его спиной что-то движется. Он резко развернулся и поднял меч.

На поляну вышел высокий человек. Он был одет в длинный, складчатый плащ из мягкой кожи, выкрашенной в синий цвет. Тонкие пальцы поблескивали перстнями, золотой ворот был инкрустирован драгоценными камнями, из-под плаща виднелась парчовая мантия, расшитая диковинными фигурами. Лицо человека было старо и значительно, его обрамляли длинные седые волосы и борода. В руке незнакомец держал рог, — длинный рог, украшенный золотыми и серебряными лентами, на которых были вырезаны изображения лесного зверя.

Потрясенный, Корум отбросил лук в сторону. В обе руки взял он меч.

— Керенос, — сказал Принц в Алей Мантии. — Я вызываю тебя на бой!

Высокий человек улыбнулся.

— Немногим доводилось видеть Кереноса, — усталый голос был исполнен доброты и мудрости. — Даже я не видел его.

— Так ты не Керенос? Но ведь ты держишь в руках его рог. Рог, которому послушна его свора. Ты что, служишь ему?

— Я служу только себе, себе и тем, кто мне помогает. Я — Калатин. Прежде здесь жили люди, и все они хорошо знали мое имя. Я — Волшебник. Двадцать семь сыновей было у меня. Был у меня и внук. Но теперь остался только я, Калатин.

— Многие в эти дни оплакивают своих дочерей и сыновей, — сказал Корум, вспомнив женщину, виденную им на берегу озера.

— Многие, — согласился волшебник Калатин, — но не в битве с Фой Мьёр погибли мои дети и мой внук. Я сам повинен в их смерти. Они искали то, что требовалось мне для борьбы с Людьми Льдов. Воин, ты отважно сражался с псами Кереноса, рука же твоя похожа на руку легендарного божества. Скажи мне, кто ты?

— Я рад, что меня не узнают, — ответил Корум. — Мое имя — Корум Джайлин Ирси. Я из народа вадагов.

— Значит, ты из сидхов? — Старик задумался. — Что же ты здесь делаешь?

— Здесь у меня есть дело. Я должен найти один предмет для людей, живущих в Кэр-Малоде. Эти люди — мои друзья.

— Сидхи стали дружить со смертными! Может быть, это и хорошо, — Фой Мьёр не будут чувствовать себя так вольготно.

— Не знаю, хорошо это или плохо, — сказал Корум. — Тебя же, волшебник, я благодарю за то, что ты увел псов.

Калатин пожал плечами и спрятал рог в складки своего синего плаща.

— Пели бы на охоту вышел сам Керенос, я не смог бы помочь тебе. Но на сей раз он послал это.

Калатин показал на труп воина, с которым бился Корум.

— Кто это? — спросил Принц, подойдя к краю поляны и рассматривая труп. Кровь из ран уже не текла, — ее схватило морозом. — Я не мог поразить его мечом, ты же сделал это просто подув в рог.

— Третий сигнал всегда убивает гулегов, — ответил Калатин, удивленно пожимая плечами. — Впрочем, «убивает» не совсем точное слово, ибо народ гулегов и так полумертв. Именно поэтому их так трудно лишить жизни. Первому сигналу они должны подчиняться беспрекословно. Второй сигнал говорит им о том, что команда не выполнена. Третий же сигнал убивает их за ослушание. Из них воспитали настоящих рабов. Звук моего рога слегка отличается от Рога Кереноса, однако собаки и гулеги их не

различают. Они знают одно — третий сигнал убивает. Вот этот гулег и умер.

— Кто такие гулеги?

— Фой Мьёр привели их с собой. Это народ, выращенный для того, чтобы служить Фой Мьёр. Больше я о них ничего не знаю.

— А ты знаешь, откуда пришли сами Фой Мьёр? — спросил Корум. Он бродил по поляне, собирая дрова для затушенного им костра. Туман к этому времени совершенно рассеялся.

— Нет. Хотя кой-какие догадки на этот счет у меня имеются

Недвижный Калатин, сощутив глаза, разглядывал Корума.

— А мне-то казалось, что сидхи знают больше простых смертных волшебников.

— Не знаю я, кто такие сидхи, — ответил Корум. — Я — вадаг, и пришел сюда из другого времени. Из древнего века, из века, которого, — может так статься, — здесь никогда и не было. Вот вес, что я знаю.

— Почему же ты решил прийти сюда? — спросил Калатин, приняв объяснение Корума без тени удивления.

— Я ничего не решал. Сюда меня привели людские заклинанья.

— Заклинанья? — поразился Калатин. — Ты общаешься с людьми, способными призывать сидхов? И этот народ живет в Кэр-Малоде? В это поверить трудно.

— Кое-что зависело и от меня, — пояснил Корум. — Их заклинанья не обладали достаточной силой. Не будь на то моей воли, у них ничего бы не вышло.

— Все понятно, — Калатин тут же успокоился. Мысль о том, что кто-то из смертных обладает большими познаниями в магии, похоже, расстраивала его.

Корум посмотрел в глаза Калатину. Они казались таинственными, и Корум не испытывал особого доверия к этому человеку, пусть тот и спас ему жизнь.

Наконец, запылал костер. Калатин подошел поближе и стал греть руки.

— А что если собаки нападут снова? — спросил Корум.

— Кереноса рядом нет. О случившемся он узнает только через несколько дней. Мы же за это время успеем уйти отсюда.

— Ты хочешь пойти вместе со мной? — спросил Корум.

— Я хочу, чтобы ты воспользовался моим гостеприимством и посетил мое жилище, — ответил Калатин улыбаясь. — Оно находится неподалеку отсюда.

— Скажи, а что ты, собственно, делал в лесу? Калатин плотнее запахнулся в свой синий плащ и сел у костра. Пламя играло на его лице и бороде, придавая ему зловещий вид. Волшебник повел бровями.

— Я искал тебя, — ответил он.

— Так ты знал, что я нахожусь здесь?

— Нет. День назад, заметив дым, я решил выяснить, кто же развел костер. Давненько смертные не повешали ужасный лес Лаара. К счастью, я поспел вовремя, — псы не успели обглодать твой труп. Без рога в этих краях не выжил бы и я. Разумеется, порой мне приходится прибегать и к волшебству, — Калатин усмехнулся. — Вновь пришло время чародейства. А ведь всего несколько лет тому назад меня считали чудачком, — одни боялись, другие считали безумцем. «Калатин оставил этот мир и погрузился в оккультные материи», — так говорили обо мне люди. Что им оккультное? — Калатин захихикал. Смех его был неприятен. — Мне удалось применить знание древних. На всем этом полуострове в живых остался только я — волшебник Калатин.

— Похоже, знание это служило только тебе, — Корум достал из мешка флягу с вином и протянул ее Калатину. Без лишних слов тот принял ее, слова Корума ничуть не задели его.

— Я — Калатин, — сказал волшебник, — когда-то у меня была семья. У меня было несколько жен,

двадцать семь сыновей и один внук. О них я и заботился. Теперь, когда их нет, я забочусь только о себе. Но не суди меня слишком строго, Сидхи, ты не знаешь, как издевались надо мной люди. Я предвидел приход Фой Мьёр, но они не обращали внимания на мои предостережения. Я предлагал людям свою помощь, но они лишь смеялись надо мной. У меня нет особых оснований для того, чтобы любить смертных. Так же как нет и особых причин ненавидеть Фой Мьёр.

— Что же случилось с твоими детьми?

— Они разбрелись по миру — кто в одиночку, кто вместе, но смерть нашла их.

— Отчего же они погибли? Ведь с Фой Мьёр они не сражались?

— Некоторых убили Фой Мьёр. Все мои дети были посланы на поиски магических предметов, которые были нужны мне для изучения мистического знания. Одному или двум из них удалось найти искомое, но, вернувшись домой, они скончались от ран, полученных в походах. Кое-что нужно мне и сейчас, но, боюсь, желаниям моим не суждено сбыться...

Корум промолчал. Он почувствовал крайнюю слабость. Огонь согревал тело; от тепла заныли раны, полученные в бою. Только теперь он сполна оценил собственную усталость. Глаза закрывались сами собой.

— Как видишь, — продолжал Калатин, — я был искренен в разговоре с тобой, Сидхи. Теперь ты должен рассказать мне о своем деле.

Корум зевнул.

— Я ищу копье.

Свет костра был неяркий. Возможно, Коруму и показалось, что Калатин вдруг насторожился.

— Копье?

— Да. — Корум вновь зевнул.

— Где же ты собираешься его искать?

— Некоторые считают, что такого места не было и нет, другие утверждают, что мабдены не осмеливаются посещать его, так как страх смерти останавливает их, третьи говорят... — Корум неожиданно замолк и передернул плечами, впрочем, достаточно, В вашем мире предрассудки громоздятся на предрассудках, отделять их друг от друга бессмысленно.

— Место, которого может и не быть, случайно не остров?

— Да, остров.

— Не Хи-Бриеэйлом ли его называют?

— Да, этот остров зовется так, — Корум отогнал от себя сон. — Выходит, ты знаешь о нем?

— Я слышал, что он лежит в открытом море к западу от наших земель. Но даже сами Фей Мьёр боятся посещать его.

— Об этом я уже слышал. А ты не знаешь, чего так опасаются Фой Мьёр, почему они так боятся острова?

— Говорят, что воздух Хи-Брисэйла полезен для смертных, но губелен для Фой Мьёр. Смертных же отпугивает не воздух, а чары, от них человек погибает.

— Чары? — Корум тщательно боролся со сном.

— Да, — отозвался волшебник, — чары красоты. Это были последние слова, услышанные Корумом. Принц погрузился в сон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ХИ-БРИСЭЙЛ ПО ВОЛНАМ

Утром Калатин вывел Корума из леса.

Они оказались на берегу моря. Песчаный берег и синее море дышали теплом, за спиною же лежал скованный морозом лес.

Корум шел пешком. Он решил не садиться в седло, пока у коня не заживут раны; амуницию свою он закрепил на седле так, чтобы ноша не беспокоила коня.

Ушибы и ссадины неприятно ныли, но Корум совершенно забыл о них, стоило ему выйти на знакомый берег.

— Я был в миле или двух от берега, когда варвары напали на меня, — сказал Корум, улыбаясь, — а вот и гора Мойдель. — Он указал на холм, стоявший в море. Холм стал пониже, и все же это был тот самый холм, на котором некогда стоял замок Галины, защищавший маркграфство Лайвм-ан-Эш.

— Гора Мойдель всех пережила.

— Это название мне неизвестно, — сказал Калатин, разгладив бороду и поправив одежды; казалось, волшебник готовился к приему высокого гостя, — хотя мой дом стоит на вершине этого холма. Я провел здесь всю свою жизнь.

Корум кивнул и зашагал к берегу.

— Здесь жил и я, — бросил Принц. Потом добавил. — Здесь я узнал, что такое счастье. Калатин, ускорив шаг, догнал Корума.

— Ты жил в этом месте, Сидхи? Я ничего не знаю об этом.

— Это было еще до того, как Лайвм-ан-Эш ушел под воду, — ответил волшебнику Корум. — Еще до того, как история вступила в свой новый цикл. Люди и боги приходят и уходят, мир же остается.

— Все относительно, — сказал Калатин. В голосе его слышалось раздражение, — вероятно, слова Корума показались ему слишком банальными.

Подойдя к берегу, Корум увидел на месте прежней насыпи мост. Мост был разрушен и, похоже, разрушен сознательно. Корум спросил об этом Калатина.

Волшебник утвердительно кивнул.

— Я сам его и разрушил. Фой Мьёр и все, связанное с ними, боятся западных вод. То же самое относится и к сидхам.

— Во почему они боятся воды?

— Мне непонятны их обычаи. Ну а вы, уважаемый Сидхи, осмелитесь ли переправиться на остров?

— Можете в этом не сомневаться, — ответил Корум. — Ни единожды ходил я по этому броду. Пойми, волшебник, — я не сидхи, и потому слова твои лишены смысла.

— Когда-то сидхи называли себя вадагами.

— В легенды могла вкратиться ошибка, — два разных народа были восприняты как один.

— Может быть. Но ты, что бы ты ни говорил, похож на сидхи, — сухо заметил Калатин. — Начинается отлив. Скоро можно будет переходить. Сначала ми пойдем по мосту, а потом сойдем в воду.

Корум шел за Калатином, ведя в поводу коня. Уцелевший пролет моста заканчивался грубыми ступенями, спускавшимися прямо в море.

— Здесь неглубоко, — сказал волшебник. Корум смотрел на зеленый холм. Весна там была в самом разгаре. Он обернулся. От леса веяло зимней стужей. Неужели Фой Мьёр властен над природой?

Коню было трудно идти. В любую минуту он мог поскользнуться на мокрых камнях. Однако вскоре и седок, и конь были уже по грудь в воде — они шли по ушедшей в воду древней насыпи. Под водой Корум видел истертые временем плиты; возможно, он ходил по ним и за тысячу лет до этого. Вспомнилось, как впервые попал он на гору Мойдель. Тогда он ненавидел всех мабденов. Сколько раз они его предавали!

Волшебник Калатин шел впереди. Его длинный плащ плыл за ним по волнам.

Становилось все мельче. Когда они прошли две трети пути, вода едва доходила им до колена. Конь пофыркивал от удовольствия. Купание явно пошло ему на пользу. Он тряс гривой и раздувал ноздри. Его радовал вид пышных зеленых трав, которыми были покрыты склоны холма.

От замка Ралины не осталось и следа. На его месте у вершины стоял двухэтажный дом из белого камня, сверкавшего на солнце. Кровля была сложена из серого сланца.

— Приятный домик, — подумал Корум, — трудно представить, что в нем живет оккультист. — Принцу вспомнились стены древнего замка, сожженного мстительным Гландитом.

Почему он так не доверяет этому Калатину? Уж не похож ли тот на герцога Гландит-а-Края? Глаза, походка, голос, — должно же было хоть что-то остаться? Впрочем, сравнивать их было глупо. Да, в Калатине многое неприятно, но, возможно, побуждения его и благи. В конце концов, он спасе Коруму жизнь. Судить о волшебнике только по одним его циничным высказываниям глупо.

Они пошли по извилистой тропке, ведущей к вершине холма.

Корум радовался запаху весны, запаху цветов, трав, цветущих деревьев. Благоуханный мох покрывал скалы; на листовенницах и ольхе вили гнезда птицы, сновавшие среди яркой молодой хвои и листвы. Было за что благодарить Калатина, — угрюмый пейзаж успел крайне утомить Корума.

Наконец, они подошли к дому. Калатин помог Коруму расседлать коня, затем пригласил Принца в дом, широко распахнув перед ним двери.

Почти весь нижний этаж занимала одна большая комната со множеством широких застекленных окон. Часть окон выходила на море, часть — на заснеженную мертвую землю. Над землей клубились облака, над морем же небо было совершенно ясным. Казалось, что тучам было заповедано переходить некую незримую черту.

Стекло было практически неизвестно мабденам, по крайней мере, Корум никогда не встречал его у них. Похоже, Калатин не зря изучал древнюю премудрость.

Высокие потолки поддерживались каменными перекрытиями. Комнаты были набиты книгами, свитками пергамента, дощечками, испещренными непонятными знаками, странными устройствами и приспособлениями, — не дом, а настоящее логовище мага. В предметах или, точнее, в страсти Калатина Корум не нашел ничего дурного. Человек этот величал себя волшебником, но походил скорее на философа, бьющегося над разгадкой тайн мироздания.

— Посмотри! — сказал Калатин. — Я успел свезти сюда почти все библиотеки Лайвм-ан-Эша, прежде чем эта великая цивилизация погибла в пучине вод. Многие соплеменники смеялись надо мною, говоря, что я забиваю себе голову чепухой, что книги эти написаны такими же безумцами, как и я, что в них не больше правды, чем в моих писаниях. Историю они считали легендой. Боги и демоны казались им поэтическими образами, эдакой метафорой. Я же думал иначе, и оказался прав. — Калатин мрачно усмехнулся. — Они доказали мою правоту своей смертью. — Улыбка его стала мягче. — Только не подумай, что мне было приятно узнать о том, что заблуждавшаяся сторона была растерзана сворой Кереноса или обращена в камень самими Фой Мьёр.

— Тебе не жаль их? — Корум сел у окна и стал смотреть на море.

— Жаль? Нет. Жалость мне неведома. Неведомо мне и чувство вины. Смертные слишком увлечены эмоциями, — это им и мешает.

— Разве тебя не мучает совесть? Ведь ты отправил двадцать семь сыновей и внука в бессмысленный поход, так и не увенчавшийся успехом.

— Определенные успехи все же были. Кроме того, поиски пока не закончены.

— Но ведь именно ты повинен в том, что все твои дети погибли.

— Погибнуть могли и не все. Некоторые просто не вернулись. Но ты прав большей части моих сынов уже нет. Наверное, меня должна мучить совесть. Конечно, лучше было бы, если бы они остались в живых. Но я никогда не исхожу из подобных соображений — слишком многих они сгубили и продолжают губить. Меня интересует только знание, ничего кроме знания.

Корум молчал.

Калатин стал расхаживать по комнате, жалуясь на сырость одежд. Переодеваться он и не думал. К Коруму он обратился только тогда, когда одежды его окончательно высохли.

— Ты собираешься в Хи-Брисэйл, верно?

— Да. Ты знаешь, где это?

— Если остров действительно существует, то да. Но знай, — все смертные, приблизившиеся к острову, тут же подпадают под его чары, — они не видят ничего, кроме рифов и отвесных скал. Лишь сидхи могут видеть истинный образ этого острова. Так говорится в книгах. Ни один из моих сыновей не вернулся из Хи-Брисэйла.

— Они так и пропали?

— Мало того, с ними пропали и лодки. Островом правит Гоффанон — ни к смертным, ни к Фой Мьёр он никакого отношения не имеет. Многие считают его последним из сидхов. — Калатин вдруг посмотрел на Корума с крайним подозрением и слегка отшатнулся от него. — Постой, а ты не...

— Я — Корум. Я уже говорил тебе это. Я не Гоффанон. Я — тот, кто должен найти его, если, конечно, он существует.

— Гоффанон! Он так могуществен! — Калатин нахмурился. — Если ты говоришь правду, то ты единственный, кто может найти его. Ну что ж, Принц Корум, я хочу предложить тебе сделку.

— Если она пойдет на пользу нам обоим, я согласен.

Калатин задумался. Пощипывая бороду, он что-то бормотал себе под нос.

— Из слуг Фой Мьёр только псы Кереноса не боятся острова — чары его невластны над ними. Кереносу Хи-Брисэйл страшен, его же псам — нет. Ты можешь встретить их и там. — Волшебник поднял глаза и испытующе посмотрел на Корума. — Ты можешь попасть на остров, но можешь и не дожить до встречи с Гоффаноном.

— Если он существует...

— Разумеется. Что касается твоего дела, то я, похоже, знаю, о каком копье идет речь. Это копье Брионак, верно?

— Да, его называют именно так.

— Это копье — одно из сокровищ Кэр-Ллюда, так?

— У меня складывается такое впечатление, что об этом знают решительно все.

— Зачем оно тебе?

— Оно нужно мне для борьбы с Фой Мьёр. Большого я сказать не могу.

Калатин кивнул.

— Больше ничего говорить и не надо. Я помогу тебе, Принц Корум. Тебе нужна лодка, верно? Ты можешь взять ее у меня. Ты хочешь защитить себя от псов Кереноса, — так? Ты можешь взять на время мой рог.

— Чем же я буду расплачиваться?

— Дай слово, что ты привезешь мне из Хи-Брисэйла то, о чем я тебя попрошу. Мне это просто необходимо. Лишь кузнец Гоффанон из народа сидхи может дать тебе это.

— Камень? Амулет?

— Нет. Нечто большее.

Калатин стал рыться в бумагах и приборах, валявшихся на столе. Наконец, он нашел то, что искал. Это был мешочек, сшитый из тонкой мягкой кожи.

— Вот то, что тебе нужно, — сказал волшебник. — Этот мешочек не пропускает воду.

— Что же я должен набрать в него? Воду из чудесного колодца?

— Нет, — тихо сказал Калатин. — Ты должен принести в нем слюну Сидхи, слюну кузнеца Гоффанона. Возьми его. — Калатин вынул из складок плаща прекрасный рог, с помощью которого отгонял псов. — Возьми и это. Если ты дунешь в него трижды — псы уйдут. Если дунешь шесть раз — нападут на твоих врагов.

Корум осторожно взял рог.

— Должно быть, это замечательная вещица, — пробормотал он, — коль может сравниться с рогом самого Кереноса.

— Некогда этот рог принадлежал Сидхи, — сказал ему Калатин.

Через час волшебник уже вел Принца к далекой бухточке, которая была здесь и во времена Ралины.

На волнах покачивалось маленькое суденышко. Калатин вручил Коруму карту и компас. Рог Корум повесил на пояс, оружие же взял на спину.

— Подумать только, — пробормотал волшебник, ощупывая трясущимися пальцами свой благородный лик. — Ведь теперь мои надежды могут сбыться. Ты уж сделай все, что от тебя зависит, Принц Корум. Хотя бы ради меня.

— Ради людей Кэр-Малода, ради тех, кто еще жив, ради того, чтобы зима сменилась весной я сделаю это!

Парус наполнился ветром, и по блистающим волнам лодка заскользила на запад, туда, где некогда лежала земля Лайвм-ан-Эша с ее прекрасными городами.

Коруму на миг представилось, что он возвращается в знакомый ему Лайвм-ан-Эш; события последних недель стали казаться ему сном.

Скоро гора Мойдель и материк остались далеко позади и совершенно скрылись из вида. Повсюду играло волнами бескрайнее море.

Существуй Лайвм-ан-Эш, Принц уже видел бы его берега. Но не было прекрасного Лайвм-ан-Эша. Легенда о том, что страна эта ушла на дно морское, оказалась былью. Но правдиво ли сказание о Хи-Брисэйле? Действительно ли этот островок — единственное, что осталось от страны? Неужели и он, Корум, окажется во власти чар этого острова?

Корум углубился в изучение карты. Скоро он получит ответы на все вопросы. Примерно через час он должен подплыть к берегам Хи-Брисэйла.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КАРЛИК ГОФФАНОН

— Интересно, не об этой ли красоте говорила старуха? — подумал Корум.

Остров действительно был странный. Открывшаяся Коруму картина поразила его, — он никак не ожидал, что остров так живо напомнит ему земли Лайвм-ан-Эша. Корум поймал парусом попутный бриз и подплыл поближе к берегу.

Казалось, ничто здесь не предвещало опасности.

Волны нежно шептались с белым песком пляжей, легкий ветерок трогал кроны кипарисов, ив, тополей, дубов и земляничных деревьев. Спокойные пологие холмы стояли над тихими долинами. Кусты рододендрона горели алыми, пурпурными и желтыми цветами. Остров был залит мягким теплым светом, одевавшим далекие холмы в золотистую дымку.

От земли, открывшейся Коруму, веяло покоем. Здесь он нашел бы мир. Он спал бы на берегах прозрачных тихих рек, бродил бы по благоуханным лугам, глядя на оленей, белок и птиц.

Другой, юный Корум, с радостью принял бы эту землю, — остров удивительно походил на древние поселения вадагов. И все же он был вадагским сном, сон же этот давно ушел в прошлое. Корум жил во сне мабденов или, даже, во сне Фой Мьёр, пришедшем ему на смену. И разве Хи-Брисэйл мог существовать в этих снах?

Корум осторожно причалил к берегу.

Он спрятал лодку в кустах рододендрона, росших неподалеку. Оружие он повесил на себя так, чтобы в любой момент суметь воспользоваться им. Покончив с этим, Принц направился в глубь острова, чувствуя некоторую неловкость от того, что нарушает царившую вокруг идиллию своим грозным видом.

Корум шел через рощи и луга. Олени нисколько не боялись его, прочие звери с любопытством подходили к нему, пытаясь получше разглядеть диковинное двуногое существо.

Как знать, думал Корум, может быть все это — иллюзия. Впрочем, в это трудно было поверить, — мир начинал казаться тогда страшной фантаσμαгорией. Однако, ни один мабден не смог вернуться отсюда; многие не нашли и самого острова; вероломные, страшные Фой Мьёр боялись ступить сюда, хотя некогда, если верить легендам, они смогли покорить целую землю, крошечным осколком которой был этот островок. С Хи-Брисэйлом было связано множество тайн, но нельзя было отрицать и того, что для утомленного разума и изнуренного тела не было мира совершеннее этого.

Принц улыбался, глядя на ярких бабочек, порхающих в теплом воздухе, павлинов и фазанов, безмятежно разгуливающих по зеленым травам. Даже Лайвм-ан-Эш не мог сравниться с этим местом. Похоже, люди здесь никогда не жили. Не было ни развалин, ни строений, ни пещер. Рай этот тут же стал вызывать у него подозрения. Здесь должен был жить хотя бы один человек, кузнец Гоффанон, охранявший свои владения с помощью чар и кошмаров, что сулили верную смерть каждому, кто осмеливался ступить на эту прекрасную землю.

— Да, — подумал Корум, — чары эти крайне искусны, кошмары же совершенно не приметны.

Он загляделся на маленький водопад, что изливался со скал, сложенных из известняка. Высокие рябины росли по берегам кристально-чистой реки, в которой играли мелкая форель и хариусы. Вид рыбы вызвал у Корума острое чувство голода. Со времени прибытия в Кэр-Малод он питался крайне скверно. Корум решил было поймать рыбу при помощи пики, но тут же передумал. Ему вдруг подумалось, — возможно, эта мысль была навеяна старинными суевериями, — что, напади он на любого из здешних обитателей, и весь остров выступит против него. Корум решил не трогать даже мух; достав из сумки кусок вяленого мяса, он зашагал дальше.

Перед ним высилась гора, на: самой вершине которой лежал гигантский валун.

Чем ближе Корум подбирался к вершине, тем круче становился подъем. В конце-концов он добрался

до валуна и, опершись на него, принялся осматривать окрестности. С этой вершины он ожидал увидеть весь Хи-Брисэйл, поскольку это была самая высокая точка острова: Но, как ни странно, сколько он не смотрел, так и не смог увидеть моря.

Странная мерцающая дымка окутывала весь горизонт голубым покровом; то здесь, то там поблескивали золотые искорки. Похоже, дымка стояла над морей и повторяла изгиб береговой линии. Но почему же он не замечал ее раньше? Уж не этот ли туман скрывал Хи-Брисэйл от посторонних глаз?

Корум недоуменно пожал плечами. Он решил немного отдохнуть, благо день был погожим. Корум сел на стоявший в тени камень, достал флягу с вином и стал потихоньку попивать из нее, разглядывая долины, рощи и реки острова. Все они были удивительно похожи друг на друга; казалось, что к ним приложил руку гениальный садовник. Хи-Брисэйл совсем не походил на обычный остров. Скорее он напоминал гигантский парк, наподобие тех, что разбивались вадагами в пору расцвета их культуры. «Поэтому животные и не боятся меня, — решил Корум. — Их защищали, и потому они доверяют людям, двуногие создания не кажутся им чем-то опасным.»

Но тут Принц вновь вспомнил о мабденах, не вернувшихся с острова, о Фой Мьёр, которые завоевали эту землю, но тут же в страхе покинули ее, чтобы никогда не возвращаться сюда вновь.

Его стало клонить в сон. Он зевнул и лег на траву. Глаза его закрылись сами собою, и на него снизошел сон.

Коруму снилось, что он беседует с юношей, чье тело горело золотом; немислимым образом тело юноши срасталось с огромной арфой. Юноша улыбнулся недобро и заиграл. Музыка внимала Медбх, Принцесса и воительница; лицо ее дышало ненавистью к Коруму. Она привела темную фигуру врага и приказала ему убить Принца.

Корум проснулся, а странная музыка все не умолкала. Однако прежде чем, он понял, наяву или во сне играет арфа, музыка стихла.

Сон был страшен, он наполнил сердце страхом. Подобных снов Принц никогда не видел. Остров был действительно опасен, только теперь Корум стал понимать это. Вероятно, людской разум здесь обращался против себя самого, творя кошмары себе под стать, кошмары куда более ужасные, чем все то, что приходит к человеку извне. Корум решил, что здесь, на острове, лучше воздержаться ото сна.

И тут же ему показалось, что он вновь видит сон — вдали послышался знакомый лай Псов Кереноса. Неужели они плыли за ним по морю? А может быть, уже не первый день они поджидают его на Хи-Брисэйле? Корум взял в руки богато украшенный рог. Лай и вой становились все громче. Корум увидел перепуганное стадо оленей, бежавшее к лесу. Наверное, за ними гнались псы. Но нет. Прошло время, а псов так и не было видно.

В долине по другую сторону холма также что-то двигалось. Сначала Корум решил, что это — олень, но потом, взглядевшись, понял, что бежит человек, передвигаясь странными прыжками.

Человек этот был высок и грузен, в руках он сжимал непонятный предмет, сверкавший на солнце.

Интересно, человек это или нет?

Беглеца преследовали собаки. Сначала Корум увидел одного зверя, затем другого, третьего... Вскоре из рощи выбежала целая дюжина огромных белоснежных псов с алыми ушами. Похоже, они больше привыкли охотиться на людей, нежели на оленей.

Человек, если только это был человек, стал карабкаться на скалы, с которых падали потоки воды. Однако псов это не остановило. Склон был почти отвесным, но псы легко взбирались по нему. Корум поразился их проворству. Вновь блеснуло что-то яркое. Корум понял, что человек держит в руках оружие, призванное защитить его от псов. Жить человеку оставалось недолго.

Лишь тут Принц вспомнил о роге. Корум поднес рог к губам и трижды протрубил в него. Звуки рога наполнили собою долину. Собаки остановились и стали кружить на месте, словно приносясь, хотя жертва была прямо перед ними.

Псы понеслись в рощу.

Корум радостно засмеялся. Ему впервые удалось победить этих адских псов.

Смех привлек к себе внимание человека, стоявшего на дальнем краю лощины. Корум приветственно помахал ему рукой, но тот и не думал отвечать на приветствие.

Как только Псы Кереноса исчезли, Корум побежал вниз, к человеку, которого он спас от злобных тварей. Он быстро добежал до дна лощины и стал взбираться на противоположную ее сторону. Он нашел водопад и скалу, где на узкой площадке человек собирался встретить псов. Однако самого человека нигде не было. Ни вверх, ни вниз он уйти не мог, ибо все это время водопад оставался в поле зрения Корума.

— Эге-гей! — закричал Принц, размахивая рогом. — Где ты прячешься, приятель?

Лишь шум водопада прозвучал ему в ответ. Корум стал осматривать скалы и кусты, но, похоже, человек стал невидимым.

— Где ты, приятель?

Плес и рев воды быстро заглушили эхо.

Корум пожал плечами и зашагал прочь. Странное дело: человек оказался пугливее оленя.

И тут он почувствовал сильный удар в бок. Расставив руки, чтобы как-то смягчить падение, он повалился наземь.

— Приятель? — Услышал он грубый низкий голос. — Это ты меня приятелем кличешь?

Оттолкнувшись от земли, Корум откатился в сторону, одновременно пытаясь достать меч из ножен.

Человек, ударивший его, был настоящим великаном. В нем было восемь футов роста, плечи же были четыре фута, шириной. Полированная стальная пластина защищала грудь, ножные латы были украшены червонным золотом. На косматую голову был одет стальной шлем, из-под которого торчала густая черная борода. В ручищах великан держал гигантский топор, каких Коруму еще не приходилось видеть.

Корум вскочил на ноги и выдернул клинок из ножен. Только подумать, и этому-то чудищу он только что спас жизнь. Великану, похоже, чувство благодарности было неведомо.

Корум с трудом выдавил из себя:

— С кем имею честь сразиться?

— Со мной. Ты, будешь иметь дело со мной, с карликом Гоффаноном, — ответив ему великан.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КОПЬЕ БРИОНАК

Корум недоверчиво улыбнулся:

— Карлик?

Кузнец из народа сидхи свирепо уставился на него.

— Что тебя так рассмешило?

— Не хотел бы я встретиться с людьми, живущими на этом острове.

— Я тебя не понимаю, — Гоффанон прищурил глаза, взял топор на изготовку и принял боевую стойку.

Только тут Корум понял, что глаза у Гоффанона вадагские, — миндалевидные глаза желто-багряного цвета. Лицо его тоже можно было бы назвать лицом вадага. Впрочем, во всем остальном Гоффанон ничуть не исходил на представителя того же народа, что и Корум.

— Есть ли еще в Хи-Брисэйле такие же, как ты? — Корум заговорил на чистом языке вадагов; а не на мабденском его диалекте.

От удивления Гоффанон едва не разинул рот.

— Я здесь один, — ответил кузнец на том же языке. — По крайней мере, я так думаю. Слушай, если мы одного роду-племени, то почему ты спустил на меня своих псов?

— Это не мои псы. Я Корум Джайлин Ирси из народа вадагов. — Своей левой серебряной рукою Корум поднял рог. — Собаки послушны этому рогу. Они думают, что в него дует их хозяин.

Гоффанон немного опустил топор.

— Так ты не слуга Фой Мьёр?

— Надеюсь, что нет. Я борюсь с Фой Мьёр и со всем тем, что с ними связано. Псы не единожды нападали на меня. Мабденский волшебник дал мне этот рог для того, чтобы отгонять их.

Корум решил, что настало время вернуть меч в ножны; он надеялся, что кузнец не воспользуется такой счастливой возможностью для того, чтобы раскроить Принцу череп.

Гоффанон нахмурился и стал кусать губу, обдумывая слова Корума.

— Сколь долго Псы Кереноса были на твоём острове? — спросил Корум.

— В этот раз? День, не больше. Но они бывали здесь и раньше. Это, похоже, единственные твари, которых здесь не одолевает безумие. Фой Мьёр люто ненавидит Хи-Брисэйл, и потому раз за разом посылают своих слуг, которые охотятся за мной. Обычно я предугадываю час их прихода и принимаю необходимые меры. Но на сей раз я ошибся — я был слишком уверен в том, что они не станут возвращаться так скоро. Я было решил, что ты — какая-то новая тварь, наподобие Гулегов, что служит Кереносу. Теперь же мне вспоминается одна старинная история, в которой речь идет об одноглазом вадаге со странной рукой. Правда, этот вадаг умер еще до прихода сидхи.

— Вы не зовете себя вадагами?

— Сидхи — вот как мы себя называем. Гоффанон опустил топор.

— Наши народы связаны родственными узами. Ваши люди однажды приезжали к нам, мы у вас тоже бывали. Правда, было это во времена стародавние, в ту пору, когда путь к Пятнадцати Измерениям был еще открыт. Слияние Миллиона Сфер тогда еще не произошло.

— Ты из другого измерения. Как же ты попал сюда?

— В стене меж мирами образовался пролом. Через него сюда пришли Фой Мьёр, что жили в Ледяных Пространствах Лимба. Через него пришли сюда и мы, — мы должны были помочь народу

Лайвм-ан-Эша и его вадагским друзьям уничтожить Фой Мьёр. Великое смертоубийство творилось в те далекие дни, страшные полыхали войны, и оттого погрузился Лайвм-ан-Эш под воду, погибли все вадаги и большая часть мабденов. Погиб и мой народ, народ сидхи, ибо мы уже не могли вернуться в свое измерение — пролом быстро залатали. Мы считали, что все Фой Мьёр повержены, но недавно они снова появились в этом мире.

— И ты не стал сражаться с ними?

— Сам по себе я особой силы не представляю. Остров же этот — частичка нашего Измерения. Здесь я могу жить в мире и покое, правда, порой меня беспокоят псы. Я уже стар, еще сотня-другая лет, и я уйду в мир иной.

— Я тоже слаб, — сказал Корум. — Но я решил бороться с Фой Мьёр. Гоффанон кивнул.

— Ты поступаешь так потому, что прежде тебе не доводилось сражаться с ними, — сказал он.

— Почему же Фой Мьёр так боятся Хи-Брисэйла? Почему ни один мабден не вернулся отсюда?

— Я пытаюсь увести мабденов в сторону от острова, — ответил Гоффанон, но они крайне неугомонный народец. Их собственная отвага становится причиной их гибели. Но, послушай, давай для начала поедим, а потом я расскажу тебе все по порядку. Отобедаешь со мною, брат?

— С удовольствием, — улыбнулся Корум.

— Тогда пойдем.

Гоффанон полез на скалы, обошел площадку, на которой собирался встретить псов Кереноса, и исчез. Через мгновение его голова появилась вновь.

— Иди сюда. С тех пор, как мне стали досаждают псы, я живу здесь.

Корум медленно пополз по скале; добравшись до площадки, он увидел, что она идет к каменной плите, прикрывавшей вход в пещеру. Плита передвигалась по специально вырезанным канавкам и при необходимости могла полностью закрыть вход в пещеру. Корум вошел вовнутрь, И Гоффанон, приложившись к камню своим огромным плечом, задвинул его на мести.

В пещере было достаточно светло: тонко сработанные лампы горели в нишах, выдолбленных в каменных сводах. Обстановка была простой, но изысканной; пол был покрыт ткаными коврами. Если не принимать во внимание отсутствие окон, жилище Гоффанона можно было бы считать вполне пристойным.

Пока Корум отдыхал в кресле, Гоффанон хлопотал у плиты, занимаясь готовкой супа, овощей и мяса. От запаха, шедшего из горшков, кружилась голова. Корум поздравил себя с тем, что он решил не трогать рыбу. Эта пища выглядела куда привлекательнее.

Гоффанон извинился за отсутствие приличной посуды, объяснив это тем, что вот уже несколько столетий он живет один, и поставил перед Корумом огромную миску с супом. Вадагский Принц с благодарностью принял ее.

Затем настал черед мяса, разнообразных овощей, и, наконец, были поданы фрукты, таких прекрасных фруктов Корум не ел никогда.

Когда, наконец, Принц вновь погрузился в свое кресло, он испытывал такое блаженство, какое не посещало его многие годы. Он сердечно поблагодарил Гоффанона, который от смущения даже как-то поуменьшился в размерах. Карлик еще раз извинился и занял место в кресле напротив, после чего поднес ко рту маленькую чашечку с трубочкой. Над чашечкой он держал горящую щепку. Вскоре из чашечки и изо рта повалили клубы дыма. Заметив удивление Корума, Гоффанон смущенно улыбнулся.

— Это наш обычай, — объяснил он. — Мы вдыхаем в себя дым этой благодатной травы. Нам это очень нравится.

Дым не показался Коруму особенно ароматным, но он внял словам Гоффанона, хотя и отказался присоединиться к нему.

— Ты спрашивал, — неспешно заговорил Гоффанон, полузакрыв свои огромные миндалевидные глаза, — почему Фой Мьёр боятся этого острова, и почему пропадают здесь мабдены. Так вот, сам я здесь

ни при чем, хотя меня и радует то, что Фой Мьёр избегают встречи со мной. Давным-давно, во времена первого вторжения Фой Мьёр, когда нас призвали на помощь нашим вадагским братьям и их друзьям, мы стали пробивать брешь в стене, разделяющей миры. О, как трудно было сделать это! В конце-концов нам это удалось, однако в нашем Измерении тут же началось что-то несусветное. В результате вместе с нами в ваш мир пришел изрядный кусок нашей земли. К счастью, он попал в сравнительно малонаселенные земли королевства Лайвм-ан-Эш. Земля сохранила свойства нашего Измерения, она осталась частью сна сидхи; к снам вадагов, мабденов и Фой Мьёр она не имеет никакого отношения. Как ты уже мог заметить, вадаги настолько близки к сидхи, что без особого труда приживаются на острове. Если же говорить о мабденах и Фой Мьёр, то они не могут прожить здесь и дня. Стоит им высадиться на берег, как их тут же одолевает безумие. Они попадают в мир кошмаров. Страхи их быстро множатся и превращаются в единственно существующую реальность. Их уничтожают собственные фобии.

— Я об этом уже думал, — сказал Корум Гоффанону. — Стоило мне заснуть, как все то, о чем ты говоришь, явилось и ко мне.

— Все верно. Если остров так влияет на вадагов, то представь себе, что могут чувствовать здесь мабдены. Я стал напускать туман для того, чтобы скрыть остров от глаз мабденов, но, увы, дымки для этого хватает далеко не всегда. В таких случаях мабдены находят мой остров, обрекая себя на ужасные страдания и гибель.

— Скажи мне, откуда пришли Фой Мьёр? Помнится, ты что-то говорил о Ледяных Пространствах.

— Да, да. Так это и называется. Неужели вадаги не знают этого? Ледяные Пространства — это пространства меж мирами, меж измерениями, это исполненный хаоса Лимб, где порой рождается своеобразный разум. Вот тебе и ответ. — Фой Мьёр, порождения Лимба, проникли в это измерение через брешь, разверзшуюся меж мирами. Они хотят обратить этот мир в новый Лимб, отвечающий их законам, потому они и пытаются захватить его. Недолго осталось жить Фой Мьёр. Они погибли от собственных пороков. И все же века их может с лихвою хватить на то, чтобы обратить в лед все, кроме Хи-Брисэйла, — всех мабденов и всех животных этого мира, кончая последней рыбешкой. Это неизбежно. Вероятно, они переживут меня. Керенос, так тот переживет точно, и, все же, в конце концов их настигнет их же порок. Они уже погубили этот мир, остались только земли, с которых ты пришел. Думаю, это произошло едва ли не разом. Мы считали, что их уже нет, но, должно быть, они затаились в некоем тайном месте где-нибудь на краю света, в стране вечных льдов. Теперь они сполна вознаградил себя за свое долготерпение. — Гоффанон вздохнул. — Ну да ладно, есть и иные миры, миры им недоступные.

— Я хочу спасти этот мир, — тихо сказал Корум. — Спасти хотя бы то, что от него осталось. Я дал такую клятву. Я поклялся помочь мабденам. Я должен найти их древние сокровища. Говорят, одно из них хранится у тебя. Ты отковал его для мабденов в самом начале войны с Фой Мьёр.

Гоффанон кивнул.

— Ты говоришь о копье Брионак. Да, оно действительно выковано мной. Здесь, в моем мире, это самое обычное копье, но во снах мабденов и Фой Мьёр оно обладает великой силой.

— Я слышал об этом.

— С помощью этого копья возможно укротить Быка Кринанасса, быка, которого мы привели с собой из нашего измерения.

— Так это бык сидхи?

— Да. Бык из великого стада. Последний из наших быков.

— Почему же ты стал искать это копье? Зачем ты вернул его на Хи-Брисэйл?

— Я никогда не покидал берегов Хи-Брисэйла. С этим копьем сюда пришел один из смертных. Я пытался как-то смягчить его страдания, но у меня ничего не вышло, — в страшных муках безумия он скончался. Так копье вернулось ко мне. Наверное, тот мабден решил, что копье Брионак оградит его от чар моего острова.

— Надеюсь, ты не откажешься еще раз помочь мабденам.

Гоффанон нахмурился.

— Не знаю. Мне нравится это копье. Мне не хотелось бы потерять его вновь. К тому же, брат, я сомневаюсь, что оно сможет помочь мабденам. Они обречены. Пусть же смерть их будет скорой. Лучшее в такой ситуации — принять все как есть. Они обречены. Вернуть им Брионак, значит вселить в них призрачную надежду.

— Я всегда верю в надежду, сколь бы призрачной она не казалась, — тихо сказал Корум. Гоффанон сочувственно посмотрел на него.

— Ага. Что-то я начинаю припоминать. Мне говорили о Коруме. Теперь я все вспомнил. Ты — человек благородный. И тебе грустно. Но то, что должно произойти, произойдет обязательно. Ты не сможешь этому помешать.

— И все же, я попытаюсь это сделать.

— Ну ладно.

Гоффанон поднял свое грузное тело из кресла и направился к дальней, неосвещенной стене пещеры. Он вернулся, держа в руках самое обычное копье. По выдавшему виду древку шли стальные полосы. Наконечник копья был изготовлен из необычного материала. Он блистал так же, как топор Гоффанона, и был куда светлее стали.

Сидхи держал это копье с гордостью.

— Мой род всегда был самым неприметным из племен сидхов как числом, так и обличем. Но все в чем были сильны и мы; Мы умеем работать с металлом и понимаем его. Помимо обычных свойств металлы обладают свойствами тайными. Мы помнили об этом, выковывая оружие для мабденов. Нам удалось сделать для них несколько вещей. Теперь же осталось только оно — это копье. Я сам его ковал. Это и есть копье Брионак.

Он передал копье Коруму, который неожиданно для самого себя взял его в левую серебряную руку. Копье было прекрасно сбалансировано, как оружие оно было великолепно, однако, если бы Корум ожидал от него чего-то необычайного, его тут же бы ждало разочарование.

— Просто хорошее копье, — сказал Гоффанон. — Копье Брионак.

Корум согласно кивнул.

— Вот только наконечник у него необычный.

— Такого металла мы больше выплавить не сможем, — сказал ему Гоффанон. Покидая свое измерение, мы прихватили с собой немного руды. Несколько топоров, пара мечей и это копье — вот все, что мы смогли изготовить. Это прекрасный металл. Он не тускнеет и не ржавеет.

— Он обладает и магическими свойствами?

Гоффанон рассмеялся.

— Только не для сидхи. Вот Фой Мьёр, похоже, думают иначе. Да и люди тоже. Поэтому можно говорить и о его магических свойствах. Свойствах, производящих некий неведомый мне эффект. Как я рад, что это копье вновь вернулось ко мне.

— Ты не хочешь расставаться с ним?

— Конечно нет.

— Но ведь Бык Кринанасса подчиняется только тому, кто держит в руках это копье. Этот бык поможет людям Кэр-Малода бороться с Фой Мьёр; возможно, с его помощью они даже уничтожат Фой Мьёр.

— Ни у быка, ни у копья не хватит на это сил, — угрюмо ответил Гоффанон. Я знаю, что ты хочешь заполучить копье, но я повторяю — ничто не может спасти мир мабденов. Он обречен на гибель так же, как и Фой Мьёр, и я, и думаю ты, если только ты не умудришься вернуться в собственное Измерение.

— Думаю, что обречен и я, — тихо промолвил Корум. — Но я принесу копье Брионак в Кэр-Малод, ибо я поклялся в этом.

Гоффанон вздохнул и забрал копье у Корума.

— Нет, — сказал он. — Когда Псы Кереноса вновь придут сюда, мне понадобится оружие, много оружия. Свора, напавшая на меня сегодня, вряд ли покинула остров. К тому времени, когда я расправлюсь с ней, здесь появится новая стая. Копье и топор — только они могут защитить меня. У тебя же, по крайней мере, есть рог.

— Мне его дали на время.

— Кто?

— Волшебник. Его зовут Калатин.

— Знаю, знаю. Я пытался отвести от острова трех его сыновей. Но они погибли так же, как и все другие мабдены.

— Многие его сыновья сложили голову на этом берегу.

— Чего они здесь искали? Корум засмеялся.

— Они хотели, чтобы ты плюнул на них.

Он вспомнил о кожаном мешочке Калатина ж достал его из сумки.

Гоффанон нахмурился. Затем чело его разгладилось, и он закачал головой, не вынимая изо рта дымящуюся трубку. Корум силился вспомнить, где еще он встречался с подобным обычаем, но память его о прошлом была уже слишком слаба для этого.

«Вот чем мы расплачиваемся, уходя в чужой сон, чужой мир», — подумал Корум.

Гоффанон фыркнул.

— Снова эти дурацкие суеверия. Зачем им все это? Кровь животного, убитого в полночь, кости, корни. Как низко пали мабдены!

— Ты выполнишь желание волшебника? — спросил Корум. — Мне было поручено попросить тебя об этом. Именно поэтому мне и был дан рог.

Гоффанон затряс своей густой бородой.

— Ну и ну! Вадагам стали помогать мабдены!

— Мы живем в мире мабденов, — сказал Корум. — Ты и сам говорил об этом.

— Скорее мы живем в мире Фой Мьёр. А потом этого мира вообще не будет. Ну да ладно, уговорил, я сделаю то, о чем тебя просили. При этом я ничего не теряю, правда, боюсь, и волшебник ничего не обретет. Давай сюда свой мешок.

Корум передал мешочек Гоффанону. Тот было стал ворчать, но потом засмеялся, покачал головой и, наконец, плюнув в мешочек, вернул его Коруму. Корум изящным движением положил его в сумку.

— И все же мне нужно копье, — тихо сказал Корум.

Гоффанон был так гостеприимен и снисходителен к просьбам, что Корум не боялся того, что он покажется хозяину излишне назойливым.

— Знаю-знаю, — Гоффанон принялся рассматривать ковры, лежавшие на полу. Но ты подумай — ради нескольких мабденских жизней я могу заплатить собственной.

— Неужели ты забыл о великодушии, что привело тебя и твой народ в этот мир?

— Тогда я был лучше. Не забывай и того, что мы спешили на выручку нашей родне, вадагам.

— Но ведь и я тебе родня, — тут же нашелся Корум. Ему было несколько неловко — ведь он играл на лучших чувствах сидхи. — И я прощу тебя о помощи.

— Один сидхи, один вадаг и толпа мабденов. Когда я впервые попал в этот мир, все выглядело здесь иначе. Земля была прекрасна. Она цвела. Теперь же она сурова и безжизненна. Пусть она умрет, Корум. Останься со мною на прекрасном Хи-Брисэйле.

— Я связан обещанием, — ответил Корум. — Поверь, мне хочется принять твоё приглашение! Но, увы, я связан обещанием.

— Мой же обет, обет сидхи, уже выполнен. И я тебе ничего не должен. Ты слышишь, Корум?

— Я помог тебе спастись от дьявольских псов.

— А я помог тебе выполнить обещание, данное вадагскому волшебнику. Разве тем я не отдал долг?

— Неужели все исчерпывается обетами и долгами?

— Да, — серьёзно ответил Гоффанон, — ибо этот мир подходит к концу, и в нём осталось очень немного. Возможно только менять одно на другое и тем поддерживать равновесие этого мира. Я уверен в этом, Корум. Не подумай, что за этим кроется корысть. Мы, сидхи, никогда корыстными не были. Просто таков порядок в этом мире. Что можешь предложить мне ты? Что сможет заменить мне копьё Брионак?

— Боюсь, что ничего.

— Только твой рог. Рог, отгоняющий собак. Он дороже копья. А копьё — разве не стоит оно твоего рога?

— Я согласен с тобой, — ответил Корум. — Но ведь рог не принадлежит мне, Гоффанон. Калатин дал мне его на время.

— Тогда я не отдам тебе Брионак, — угрюмо сказал Гоффанон. — Или ты соглашаешься, или ты не получаешь ничего.

— Я не вправе поступить так.

— Может быть ему понадобится ещё что-нибудь.

— Я уже заключил с ним договор.

— Заключи новый.

Корум нахмурил брови и принялся ощупывать пальцами правой руки повязку, прикрывавшую пустую глазницу. Он столкнулся с серьёзной проблемой. Он обязан Калатину жизнью. Калатин пока ничем не обязан ему. Когда асе он отдаст Калатину мешочек со слюной сидхи, они полностью рассчитаются с долгами.

Но ведь без копья не обойтись. Может быть, в эту самую минуту Фой Мьёр атакуют Кэр-Малод. Единственное, что может спасти его защитников — копьё Брионак.

Копьё Брионак и Бык Кринанасса.

Корум поклялся вернуться с копьем. Он снял рог, что висел у него на плече. Посмотрел на гладкую крапчатую кость, на украшавшие рог фигурки, на серебряный мундштук. Кому он принадлежал до того, как им завладел Калатин? Уж не самому ли Кереносу?

— Я могу протрубить в этот рог и призвать сюда псов, — мрачно пошутил Корум. — И тогда я возьму копьё Брионак в обмен на твою жизнь.

— Ты это сделаешь, брат?

— Конечно нет.

Корум оставил рог в покое. И заговорил ещё не зная того, что решение им уже принято.

— Ну хорошо, Гоффанон. Я обменяю рог на копьё. Когда же я вернусь на материк, я постараюсь заключить с Калатином новую сделку.

— Печальный обмен мы совершаем, — сказал Гоффанон, передавая ему копьё. Неужели он повредит нашей дружбе?

— Боюсь, что да, — ответил Корум. — Мне пора уходить, Гоффанон.

— Ты считаешь Меня подлецом?

— Нет. Я не обижаюсь на тебя. Мне грустно, что мы дожили до таких времен, Когда обстоятельства

начинают подменять собой благородство. Ты потерял не только копье, Гоффанон. И не только ты, я — тоже.

Гоффанон скорбно вздохнул. Корум отдал ему рог, — то, чего отдавать он был не вправе.

— Меня страшат последствия этого деяния, — сказал Корум. — Не ярости мабденского волшебника я боюсь, но чего-то куда более страшного.

— Тени пролегли по миру, — сказал Гоффанон. — Странные существа таятся в них. Много рождается незримо и нежданно. Бойся этих теней, Корум Джайлин Ирси. Глуп тот, кто не боится их. Да, мы низко пали. И нет у нас былой чести. Позволь мне проводить тебя на берег.

— К границам твоего прибежища? Почему бы тебе не пойти вместе со мной? Твой топор был бы там весьма кстати. Неужто тем не вернул бы ты своей чести?

— Боюсь, что нет, — грустно ответил ему Гоффанон. — Как видишь, холод, проник и в Хи-Брисэйл.

КНИГА ТРЕТЬЯ,

в которой, заключаются новые договоры, и разыгрывается решительное сражение с Фой Мьёр

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧТО ПОТРЕБОВАЛ ВОЛШЕБНИК

Стоило Коруму причалить в бухту у подножья горы Мойдель и ступить на берег, как тут же он услышал чьи-то торопливые шаги. Корум нащупал рукою рукоять меча и резко обернулся

Принц покинул прекрасный тихий Хи-Брисэйл и вновь попал в большой мир, и оттого в душе его опять поселилась печаль. Гора Мойдель, вид которой совсем недавно так радовал его, казалась теперь блеклой и зловещей. Неужели сон Фой Мьёр добрался и до нее? Впрочем, в прошлый раз Принц попал на гору прямо из зимнего мрачного леса, в котором встретился с волшебником. Вероятно поэтому она и показалась ему тогда столь прекрасной...

Перед ним стоял статный, седой Калатин, одетый в свой голубой плащ. Было видно, что тревога снедает волшебника, хотя он и старался это скрыть.

— Ты нашел Зачарованный Остров?

— Да.

— А кузнеца сидхи?

Корум достал из лодки копье Брионак и показал его Калатину.

— Ты выполнил мою просьбу? — Калатина совершенно не заинтересовало легендарное копье из сокровищницы Кэр-Ллюда.

Корума несколько удивило то, что Калатин столь равнодушен к копью и столь заинтересован в слюне сидхи. Он достал мешочек и отдал его волшебнику. Тот с облегчением вздохнул и довольно улыбнулся.

— Спасибо тебе, Корум. Я рад тому, что и я смог помочь тебе. Ты сталкивался с псами?

— Один раз, — ответил Корум.

— Тебя выручил рог?

— Да. Я прибег к его помощи.

Корум стал взбираться на холм. Калатин шел за ним.

Они взошли на вершину холма и обратили взоры на материк: над белым морозным миром бродили серые облака.

— Ты переночуешь у меня? — спросил Калатин. — Расскажешь мне о Хи-Брисэйле и обо всем, виденном там тобою.

— Нет, — ответил Корум. — У меня нет на это времени, я должен быть в Кэр-Малоде. Боюсь, Фой Мьёр вот-вот нападут на него. Теперь они наверняка знают о том, что я помогаю их врагам.

— Скорее всего. Тебе нужен конь?

— Да, — ответил Корум.

Установилось молчание. Калатин хотел было заговорить, но вдруг передумал. Он отвел Корума в

конюшню, что располагалась под жилой частью дома. Его боевой конь, похоже, совсем оправился от ран. Он радостно заржал, увидев Принца. Корум нежно похлопал его по лбу и вывел из стойла.

— Мой рог, — сказал Калатин. — Где мой рог?

— Я оставил его на Хи-Брисэйле, — ответил Корум.

Он смотрел волшебнику в глаза и видел, как страх и гнев загораются в них.

— Что? — Калатин едва не закричал. — Как ты мог забыть его?

— Я его не забывал.

— Выходит, ты оставил его сознательно? Но ведь мы договаривались о том, что рог будет дан тебе только на время. Разве не так?

— Я отдал его Гоффанону. Не забывай и о том, что не будь у меня этого рога, я не выполнил бы твоей просьбы.

— Гоффанону? Мой рог попал к Гоффанону? Взгляд волшебника посуровел.

— Да.

Коруму нечем было оправдываться, и потому он замолчал. Он ждал, когда заговорит Калатин. Тот долго молчал, но, наконец, произнес:

— Ты вновь у меня в долгу, вадаг.

— Согласен с тобой.

Волшебник забормотал что-то себе под нос, прикидывая, на что он может теперь рассчитывать. Неприятная улыбка появилась на его лице.

— Ты должен дать мне что-то взамен.

— Чего же ты хочешь? — Корума чрезвычайно утомлял этот разговор. Он спешил поскорее покинуть гору Мойдель и вернуться в Кэр-Малод.

— Кое-что мне действительно нужно, — сказал Калатин. — Надеюсь, ты мне не откажешь.

— Скажи, что тебе нужно.

Калатин принялся рассматривать Корума. Од походил на фермера, оценивающего лошадей на базарной площади. Наконец, он коснулся рукой мантии, выглядывавшей из-под меховой накидки, подаренной Коруму мабденами. Это; была алая вадагская мантия, легкая мантия, сшитая из тонкой кожи животного, обитавшего некогда в одном из Измерений.

— Я полагаю, Принц, твоя мантия стоит недешево.

— Я никогда не думал об этом. Это моя фамильная мантия. У каждого вадага есть такая.

— Значит, она тебе не слишком-то дорога.

— Тебе что, нужна моя мантия? Ты хочешь взять ее в обмен на рог?

В словах Корума звучало нетерпение. Теперь волшебник и вовсе не нравился ему. Но что он мог поделать? Калатин прекрасно понимал это.

— Ну что ж, если тебе так нравится, Корум сбросил с себя меховую накидку, расстегнул ремень и снял булавку, скреплявшую мантию. Ему было странно расставаться с вещью, которую он носил всю жизнь; впрочем, он сильно не расстраивался. Меховая накидка была достаточно теплой. Он мог обойтись и без мантии.

Корум протянул мантию Калатину.

— Вот и все, волшебник. Теперь никто никому ничего не должен.

— Верно, — ответил Калатин, глядя на то, как Корум вешает на себя оружие и взбирается в высокое седло. — Счастливого тебе Пути, Принц Корум. Берегись Псов Кереноса. Теперь у тебя нет рога.

— У тебя его тоже нет, — сказал Корум, — они могут напасть и на тебя.

— Вряд ли, — загадочно ответил Калатин. — Вряд ли они станут нападать на меня.

Корум съехал с горы и направил коня к ушедшему под воду броду.

Он ни разу не обернулся назад. Взгляд его был устремлен к земле, занесенной снегами. Путешествие в Кэр-Малод обещало быть нелегким, и все же, оставляя гору Мойдель, он испытывал облегчение. В левой серебряной руке он сжимал копье Брионак.

Вскоре переправа осталась позади, и воздух вновь стал холодным. Из ноздрей коня вырывались струйки пара. Конь нес своего седока на северо-запад.

Корум въехал под мрачные своды дышавшего стужей леса; на миг ему показалось, что он снова слышит звуки арфы, исполненные безумьем и тоскою.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФОЙ МЬЁР НАСТУПАЮТ

На животном, весьма отдаленно напоминавшем коня, ехал всадник. Оба — и животное, и наездник — были странного бледно-зеленого цвета. Снег кипел под копытами, снопы его высоко взметались по обе стороны от скакуна. Лицо всадника было совершенно отрешенным, казалось, будто недвижимым его сделал мороз. Холод застыл в его бледно-зеленых глазах. В руке всадник держал бледно-зеленый клинок.

Корум извлек из ножен меч. Всадник резко остановил коня и прокричал:

— Так это тебя они считают своим спасителем? Мне кажется, ты походишь не на бога, а на человека!

— Я и есть человек, — спокойно ответил Корум. — Человек и воин! Ты хочешь вызвать меня на поединок?

— На бой тебя вызывает Балахр. Я только инструмент в его руках.

— Значит, сам Балахр боится сражаться со мной?

— Фой Мьёр никогда не воюют со смертными. Зачем им это?

— Фой Мьёр, похоже, боятся людей. Говорят, странная болезнь лишает их сил.

— Я — Хью Аргех, я пришел с Белых Скал, стоящих над Карнеком. Некогда там жило все наше племя. Теперь остался лишь я. Я служу Балахру Одноглазому. Что мне остается?

— Служи своему народу, народу мабденов.

— Мой народ — деревья. Ели. Они питают и меня,

и моего скакуна. Не мясо и мед, но земля и дождь нужны мне. Я — Хью Аргех, брат елей.

Корум не верил собственным ушам. Когда-то это существо было человеком, но потом оно переродилось, переродилось колдовством Фой Мьёр. Воистину, Фой Мьёр владели великою силой.

— Как мы будем сражаться, Хью Аргех? Я предлагаю спешиться и биться на мечах.

— Я не смогу спешиться. Хотя некогда я умел сражаться и так. — Голос его дышал невинностью, Коруму казалось, что он беседует с ребенком. Лицо и глаза Хью ничего не выражали. — Прежде мною владела честь, теперь — коварство.

С этими словами Хью Аргех пришпорил своего скакуна и понесся прямо на Корума, размахивая мечом.

Неделя прошла с той поры, как Корум покинул гору Мойдель, неделя жгучих морозов и лютой стужи. Члены его едва двигались. Ослепительные снега так утомили единственный глаз, что он с трудом различал бледно-зеленых всадника и скакуна.

Атака Хью Аргеха была столь стремительна, что Корум едва успел подставить свой меч под удар противника. Хью Аргех развернул коня и пошел в новую атаку. На этот раз Корум был готов к ней, однако его меч едва скользнул по руке противника, удар же Аргеха пришелся прямо по нагрудной пластине Корума и едва не вышиб вадагского Принца из седла. В левой руке Корум сжимал копье Брионак, этой же рукой он потянул за поводья и развернул коня, готовясь к новой атаке.

Какое-то время всадники сходились друг с другом, но ни одному из них не удавалось одолеть другого. Корум тяжело дышал, клубы пара вырывались из его рта, Хью Аргех же, похоже, не дышал вовсе. Это бледно-зеленое существо нисколько не уставало, в то время как Корум изнемог уже настолько, что с трудом удерживал в руках меч.

Хью Аргех выжидал той минуты, когда Принц окончательно выбьется из сил, и тогда он, Хью, поразит его ударом меча.

Несколько раз Коруму удавалось собраться с силами, но теперь враг кружил вокруг него, почти не встречая сопротивления. Сильным ударом Хью Аргех выбил меч из закованных рук Корума; странный

смех, похожий на шелест дерев, сорвался с его уст. Он пошел в последнюю атаку.

Покачиваясь в седле, Корум поднял копье Брионак над головой. Меч Хью Аргеха угодил в блестящий наконечник, и тот неожиданно для обоих противников отозвался чистым звоном. Аргех промчался мимо Корума, но тут же заставил своего скакуна развернуться. Корум отвел серебряную руку назад и метнул копье с такой силой, что сам перелетел через холку коня и свалился наземь. Подняв голову, он увидел, что копье сидхи попало в грудь Хью Аргеха.

Хью Аргех раскрыл рот и свалился со своего бледно-зеленого скакуна.

То, что произошло вслед за этим, поразило Корума. Таинственным образом копье само вышло из тела бледно-зеленого всадника и вновь легло в раскрытую ладонь серебряной руки Корума. Пальцы сами собою сомкнулись на древке.

Корум заморгал, отказываясь верить происшедшему, хотя реальность копья была несомненной.

Он посмотрел на поверженного неприятеля. Скакун Хью Аргеха схватил своего Седока в зубы и поволок прочь.

Коруму невольно подумалось, что подлинным его противником был не всадник, а конь. Он не мог объяснить себе этого, однако, посмотрев в глаза животному, он лишь укрепился в этом чувстве, — тот смотрел на него с нескрываемой иронией.

Хью Аргех неожиданно раскрыл рот и заговорил:

— Фой Мьёр вышли в поход. Они знают, что тебя позвал народ Кэр-Малода. Они хотят уничтожить Кэр-Малод прежде, чем ты вернешься туда с копьем, которым ты поразил меня. Прощай же, Корум Серебряная Рука, я возвращаюсь к своим братьям — елям.

Вскоре диковинное животное и человек скрылись за холмом.

Корум остался в одиночестве. Он рассматривал копье, спасшее ему жизнь, так, словно один вид оружия мог раскрыть пред Корумом его тайны.

Принц затряс головой, пытаясь освободиться от назойливых мыслей, и пришпорил своего кона. Он спешил в Кэр-Малод.

Фой Мьёр оставались загадкой. То, что Принц слышал о них, никак не вязалось с тем, что они способны были управлять такими существами, как Хью Аргех, творить диковинные чудеса, командовать сворой Кереноса и псалями-гулегами. Некоторые видели в Фой Мьёр тупых тварей, наподобие животных, некоторые считали их богами. Несомненно, каким-то разумом они владели, — ведь они могли. создавать таких существ, как Хью Аргех, брат елей.

Корум подумал, что Фой Мьёр могут иметь какое-то отношение к Владыкам Хаоса, с которыми ему приходилось бороться во времена стародавние. Но в сравнении с ними Фой Мьёр были куда дальше от людей и куда ближе к людям, да и цели у них, похоже, были иными. Вероятно, они оказались в этом мире не по своей воле. Они провалились сюда через брешь, раскрывшуюся меж мирами, и уже не могли вернуться в свой странный полумир, затерянный где-то меж измерениями. Они пытались воссоздать Лимб. Корум почувствовал к ним известную жалость.

Неужели Гоффанон был прав? Ведь мог же и он поддаться чувству отчаяния? Неужели судьба мабденов предreshена?..

Вокруг расстилалась унылая заснеженная равнина.

Да, и мабдены, и он сам были обречены на гибель — они стали жертвами Фой Мьёр.

Корум стал останавливаться все реже, зачастую пренебрегая даже ночлегом. Усталость и сон одолевали Принца. Боевой его конь шел, уже не разбирая дороги, он тоже едва держался на ногах.

Однажды, под вечер, Корум увидел вдали длинную процессию. Вокруг идущих и едущих на огромных колесницах фигур клубился туман. Корум хотел было окликнуть их, но тут же понял, что это не мабдены. Неужели это были сами Фой Мьёр, наступающие на Кэр-Малод?

Несколько раз Принц слышал далекий вой. Это рыскала по снежным пустошам свора Кереноса, Вне

всяких сомнений, Хью Аргех вернулся к своим хозяевам и рассказал им о копье Брионак, которое само собой возвращалось в руки Корума.

Кэр-Малод казался Принцу почти не достижимым; холод вгрызался в тело Принца, словно червь.

За время, прошедшее с той поры, как он покинул крепость, выпало много снега. Вехи, знакомые ему издревле, исчезли, совершенно утонув в снегу. Ухудшившееся зрение и отсутствие примет делали его предприятие едва ли не безнадежным. Он молил богов об одном — о том, чтобы конь не забыл пути. Теперь он полагался только на него.

Силы Корума подходили к концу. Все чаще и чаще овладевало им отчаяние. Почему он не послушался Гоффанона и не согласился провести остаток дней в блаженном Хи-Брисэйле? Какое ему дело до мабденов? Разве мало сражался он на их стороне? Что ему эти люди, что они дали ему?

Его память вдруг ожила. Они дали ему Ралину.

Он вспомнил и о Медбх, дочери короля Маннаха. Рыжеволосая Медбх в латах воина, с пращей и татлумом в руках ждала его. Она ждала, что он принесет народу Кэр-Малода свободу и жизнь.

Мабдены научили его ненависти. Они убили его семью, отрубили ему руку и лишили его глаза. Они научили его бояться и мстить

Но они же одарили его и любовью. Они дали ему Ралину. Теперь они даровали ему Медбх.

Эти мысли немного согрели Принца. Отчаяние отступило, затаившись — в темных закоулках его разума. Корум продолжал свой путь. Путь в Кэр-Малод, крепость на холме, где ждали его люди, связывавшие с ним свои последние надежды.

Теперь Кэр-Малод представлялся ему чем-то очень далеким. Ему казалось, что с той поры, как он видел боевые колесницы Фой Мьёр и слышал собачий вой, прошло никак не меньше года. Наверное, Кэр-Малод уже пал, а Медбх замерзла так же, как и все остальные — приготовившись к бою и не ведая того, что битва уже проиграна.

Наступило утро. Конь еле плелся. То и дело он проваливался в занесенные снегом рытвины. Конь тяжело дышал. Коруму следовало спешиться и тем облегчить его ношу, но у Принца не было уже ни сил, ни желания что-то менять. И зачем только он отдал Калатину свою алую мантию? Тепло ее могло бы спасти ему жизнь. Наверное, Калатин это понимал. Может быть, именно поэтому он потребовал у Корума мантию, желая таким образом отомстить ему...

Какие-то звуки привлекли его внимание. Он с трудом поднял отяжелевшую голову и, сощулив налившийся кровью глаз, посмотрел вперед. Неясные фигуры преграждали ему путь.

Гулеги.

Он выпрямил спину и стал нащупывать рукоять меча.

Корум пустил коня галопом, поднял дрожащей рукою копье Брионак и попытался крикнуть. С растрескавшихся губ слетели странные каркающие звуки.

Ноги коня вдруг подкосились, и животное повалилось наземь. Корум перелетел через голову и распластался на земле, беззащитный перед неприятелем.

«Ну что ж, — подумал Принц, теряя сознание, — зато теперь я не почувствую боли от их ударов.»

Волна забытья обдала его теплом.

Он улыбнулся и погрузился во мрак.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЕДЯНЫЕ ПРИЗРАКИ

Коруму чудилось, будто он плывет на огромном корабле по безбрежным ледяным просторам. Корабль стоял на полозьях.

На ледяной пустоши жили диковинные, неведомые твари. Потом корабль превратился в колесницу, запряженную медведями. Станные тусклые небеса открылись взору. Повсюду был только лед.

Миры, лишённые тепла. Древние, мертвые миры, результат Энтропии. Один лишь лед — хрупкий, прозрачный. Сулящий смерть любому. Лед — символ смерти. Смерть мира.

Корум застонал во сне.

— Именно о нем я слыхал, — голос был тихим и звонким.

— Лло Эрайнт? — спросил другой голос.

— Ну конечно. Кто же еще? Смотри, и рука у него серебряная. А лицо? вылитый сидхи! Я-то самих сидхи никогда не видывал, но, думаю, такие они и есть.

Корум открыл свой единственный глаз и уставился на говорящего.

— Я умер, — сказал Корум. — И потому прошу не нарушать моего покоя.

— Ты — живой, — ответил ему мальчик лет шестнадцати. Глаза его светились умом, а лицо было благообразным; впрочем, то же самое можно было сказать о большинстве мабденов, встречавшихся Коруму. Мальчик был чрезвычайно худ. Копна его светлых волос была перетянута кожаным ремешком. На плечи была наброшена накидка из меха, шею украшал золотой ворот. На руках и ногах позвякивали браслеты.

— Я — Бран. А это — мой брат, Тейрнон. А тебя зовут Корум, Ты — Бог.

— Бог? — Только теперь Корум понял, что перед ним стояли не Фой Мьёр, а мабдены. Он улыбнулся мальчику. — Разве Бог может так пасть?

Бран пожал плечами и почесал голову.

— Я о богах ничего не знаю. И потом, а вдруг ты притворяешься? Делаешь вид, что ты — такой же, как мы, а сам смотришь, что мы будем делать.

— Да, ты рассуждаешь весьма своеобразно, — сказал Корум.

Он взглянул на Тейрнона и тут же удивленно перевел взгляд на Брана. Мальчики были похожи друг на друга, как две капли воды, их отличало только одно: накидка Брана была сшита из шкуры медведя, а Тейрнона — из шкуры бурого волка. Корум посмотрел вверх и понял, что они находятся в маленькой палатке.

— Кто вы? — спросил Корум. — Откуда вы? Что знаете вы о судьбе Кэр-Малода?

— Мы — Туха-на-Ана. Мы — то, что осталось от этого народа, — ответил мальчик. — Мы пришли сюда из — земель, лежащих к востоку от Гвиданью Гаранхира, что стоит у южных пределов Кремм Кройх, твоей страны. Когда пришли Фой Мьёр, наш народ стал воевать с ними. Все наши воины погибли. Люди, оставшиеся в живых, — а были это, в основном, старики и дети, — отправились в Кэр-Малод, где, по слухам, мабденские воины и поныне противостоят Фой Мьёр. Мы сбились с пути. Нам не раз приходилось прятаться от их псов. Но теперь мы уже близки к нашей цели, — до Кэр-Малода рукой подать. Он находится к западу отсюда.

— Я тоже иду в Кэр-Малод, — сказал Корум, усаживаясь. — С собой я несу копье Брионак. Оно поможет мне укротить Быка Кринанасса.

— Этого Быка никому не укротить, — тихо сказал Тейрнон. — Мы встретили его две недели тому назад. Мы были голодны и стали охотиться на него, но он напал на наших охотников и насадил на свои

страшные рога сразу пятерых. Потом он отправился на запад.

— Если мне не удастся укротить быка, — сказал Корум, взяв в руки кувшин с жиденьким бульоном, предложенный ему Браном, — Кэр-Малод падет, и тогда вам придется искать другое прибежище.

— Мы хотим попасть на Хи-Брисэйл, — внезапно сделавшись серьезным, сказал ему Бран. — Зачарованный Остров, что лежит за морем. Там мы будем счастливы, там нас не найдут Фой Мьёр.

— Фой Мьёр там вас действительно не найдут, — сказал Корум, — но вас погубят ваши собственные страхи. Не стремись на Хи-Брисэйл, Бран из племени Туха-на-Ана, ибо на этом острове мабдены умирают страшной смертью. Мы должны идти в Кэр-Малод. Будем надеяться, что нас не заметят Фой Мьёр. Ну а с Быком Кринанасса я постараюсь разобраться.

Бран скептически покачал головой. Его брат Тейрнон сделал то же самое.

— Мы отправимся в путь через несколько минут, — сказал Тейрнон. — Ты сможешь ехать верхом?

— Разве мой конь жив?

— Не просто жив — он даже успел отдохнуть. Мы собрали для него немного сухой травы.

— Ну что ж, в путь.

Отряд, в котором было около тридцати человек — в основном старики медленно пробирался сквозь сугробы. Кроме Брана и его брата Тейрнона здесь было еще трое мальчиков и три девочки, одной из которых едва ли исполнилось десять. Больше детей не было — все погибли от зубов чудовища Кереноса, внезапно напавших на лагерь во время одного из первых переходов.

В волосах людей поблескивали снежинки. «Цари в алмазных коронах», подумал Корум.

Оружия у людей не было, и Корум раздал им свое — одному достался меч, другому — кинжал, еще двоим — по пике, Брану же — лук и колчан. Себе Корум оставил копье Брионак. Порой он ехал верхом во главе колонны. Порой — вел коня под уздцы, усадив на него двух-трех стариков, — те оголодали настолько, что были почти невесомы.

Бран сказал, что до Кэр-Малода осталось дня два пути. Чем дальше на запад шли они, тем легче становился их путь. Настроение Корума заметно улучшилось, конь же полностью восстановил свои силы. Корум то и дело выезжал вперед, проверяя дороги. Судя по заметному улучшению погоды, Фой Мьёр еще не подошли к крепости.

Близился вечер. По предположениям, к вечеру следующего дня отряд должен был оказаться в Кэр-Малоде. Решено было идти по неглубокой ложине, хоть как-то укрывавшей людей от ледяного, пронизывающего ветра, дувшего почти непрерывно.

Корум заметил, что по обеим сторонам ложины поблескивают причудливые ледяные фигуры, похожие на застывшие на лету водопады. Отряд шел по ложине еще какое-то время, затем было решено устроить ночлег. Солнце еще не село. Мальчики Стали расставлять палатки, и тут Корум заметил какое-то движение. Он был почти уверен в том, что одна из ледяных глыб изменила свое положение. Впрочем, свет уже мерк, а видел Корум плохо.

И тут двинулось сразу несколько глыб, теперь это уже не вызывало сомнений. Глыбы брали лагерь в кольцо.

Корум поднял людей и помчался к коню.

Сверкающие глыбы, словно призраки, неслись вниз, туда, где был разбит лагерь. У дальней палатки стояла старуха; она в ужасе всплеснула руками и попыталась бежать, но мерцающий призрак вобрал ее вовнутрь и потянул ее тело вверх по склону. Прежде, чем люди успели что-либо понять, так же были пленены еще две женщины.

В лагере поднялся переполох. Бран сделал два метких выстрела, но стрелы прошли сквозь призраков, не причинив им никакого вреда, Корум метнул копье Брионак, целя, как ему казалось, в голову одного из монстров. Копье вернулось обратно, призрак же остался невредим.

Захватив добычу, адские создания один за другим стали возвращаться на склон. Корум услышал

крики Брана и Тейрнона; мальчики пытались догнать одно из призрачных существ. Корум попытался как-то урезонить братьев, но они словно не слышали его. Он побежал за ними.

Темнело. По снегу пролегли глубокие тени. Солнце зашло, и над молочной белизной снегов легла кровавая полоса заката. Ледяных призраков трудно было, разглядеть и при свете дня теперь же они стали почти невидимыми.

Корум пытался держать мальчиков в поле зрения. Бран на миг остановился и выпустил наугад стрелу. Тейрнон сделал ему знак рукой, и мальчики побежали в противоположном направлении. Корум боялся привлекать к себе внимание странных тварей и все же продолжал кричать.

Стадо еще темнее.

— Бран! — кричал Корум, — Тейрнон! И тут он наткнулся прямо на них. Мальчики стояли на коленях и плакали. Рядом лежало тело старой женщины.

— Она мертва? — пробормотал Корум.

— Да, — ответил Бран, — наша мама умерла. Корум не знал, что мать этих мальчиков шла вместе с ними. Он тяжело вздохнул и отвернулся.

Прямо перед ним стояли три ухмыляющихся зыбкие образины.

Корум грозно закричал и метнул в них копье, Медленно шли на него призраки. Корум почувствовал, как касаются его кожи их незримые щупальца, как начинает стынуть тело. Сначала чудовища заставляют человека замереть, затем они высасывают из него все тепло, насыщая им себя. Быть может, с людьми, которых Корум видел у озера, произошло то же самое. Принц не мог спасти ни себя, ни мальчиков. С неосязаемым противником сражаться невозможно.

Вдруг наконечник копья Брионак засветился оранжево-красным светом. Корум коснулся им одного из призраков, и тот, зашипев, исчез, превратившись в облачко тут же рассеявшегося пара. Копье уже не удивляло Корума, Взмахнув им, он коснулся наконечником двух оставшихся монстров. Они исчезли так же бесследно, как и первый. Похоже, чудища жили теплом, но не переносили его избытка.

— Мы должны развести костер, — сказал Корум мальчикам. — Горящие головни — вот что нам нужно. Ночлега не будет. Мы пойдем при свете факелов. Да, нас могут заметить Фой Мьёр. Но мы должны спешить в Кэр-Малод, иначе столкнемся с чем-нибудь еще более страшным.

Бран и Тейрнон подняли труп матери и пошли вслед за Корумом. Наконечник копья уже не светился, оно вновь стало прежним, добротным сработанным обычным копьем.

Спустившись в лагерь, Корум сообщил о своем решении людям; все согласились с ним.

Они вновь отправились в путь. Ледяные призрака крались за ними, стараясь не приближаться к факелам; они тихо вздыхали, всхлипывали, молили о чем-то.

Путники выбрались из лощины. Призраки отстали, однако решено было не останавливаться. Ветер на мгновение изменил направление, и люди услышали соленый запах моря. Кэр-Малод, прибежище, к которому они так долго шли, был совсем рядом. Путники помнили о том, что Фой Мьёр со своим воинством идут вслед за ними; мысль эта придавала им сил, и оттого они шагали быстрее.

К утру они должны были оказаться в Кэр-Малоде.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЮДИ ЛЬДОВ НАСТУПАЮТ

Корум вновь видел конический холм и каменные крепостные стены, знамя короля Маннаха и прекрасную Медбх. Медбх скакала ему навстречу. Она смеялась. Ее рыжие косы развевались на ветру, серо-зеленые глаза горели радостью.

— Корум! Корум Лло Эрайнт, принес ли ты копье Брионак?

— Да, — отозвался Корум, потрясая оружием. — Я привел в Кэр-Малод гостей. У нас мало времени — за нами идут Фой Мьёр.

Девушка подъехала к Принцу, обвила рукой его шею и поцеловала в губы. Прежняя скорбь тут же оставила Корума. Как славно, что он не остался в Хи-Бриеэйле, что его не убил Хью Аргех, что ледяные призраки не высосали тепло из его тела.

— Ты вернулся, Корум, — сказала девушка.

— Я вернулся, милая Медбх. Смотри — это копье Брионак.

Она изумленно посмотрела на копье, но прикоснуться к нему отказалась. Она отшатнулась от него и странно улыбнулась.

— Мне нельзя его трогать. Это — копье Брионак. Копье Кремм Кройха, Лло Эрайнта и божеств нашего народа. Это копье Брионак.

Корум засмеялся, поразившись той серьезности, с которой она это говорила, и поцеловал ее. Взгляд ее вновь стал ясен, и она засмеялась вместе с Принцем. Затем прищипорила своего гнедого жеребца и поскакала впереди, указывая уставшим людям путь в крепость.

По ту сторону стены их встречал сам король

Маннах. Король, улыбаясь, смотрел на Корума; благодарность и восхищение наполнили его сердце. Еще бы, Корум нашел одно из величайших сокровищ Кэр-Ллюда, одну из утраченных реликвий мабденов; он нашел копье, с помощью которого можно было приручить последнего быка сидхи, Черного Быка Кринанасса.

— Приветствую тебя, о, Владыка Кургана, — сказал король. — Приветствую тебя, герой. Приветствую тебя, сын мой.

Корум спрыгнул с коня и поднял вверх серебряную руку, сжимавшую копье Брионак.

— Вот оно. Смотри. На вид самое обычное копье. Но оно уже дважды спасало мне жизнь. Возьми его и рассмотри хорошенько.

Король Маннах последовал примеру своей дочери и отступил назад.

— Нет, Принц Корум, лишь герой может держать в руках копье Брионак. Проклят будет тот смертный, что посмеет коснуться его. Это оружие сидхов. Даже тогда, когда мы владели им, мы никогда не вынимали его из ларца и никогда не прикасались к нему.

— Ну хорошо, — сказал Корум. — Я уважаю ваши обычаи, хотя мне кажется, что бояться здесь нечего. Бояться Брионака должны только наши враги.

— Да будет так, — тихо сказал король Маннах. Потом улыбнулся и громко произнес. — Нас ждет обед. Сегодня нам удалось наловить рыбы и изловить нескольких зайцев. Пусть все эти люди следуют за нами. Похоже, они давно не ели.

Бран и Тейрнот от имени своего племени объявили:

— Мы с благодарностью принимаем твое приглашение, о, великий король, ибо наши люди изголодались. Но есть среди нас и воины. Прими же их в свое воинство, они станут сражаться с Фой Мьёр рядом с твоими воинами.

Король Маннах благодарно кивнул им.

— Вряд ли может сравниться мое гостеприимство с вашими благородством и честью. Благодарю вас, о, воины, за вашу решимость и отвагу.

Не успел король произнести эти слова, как сверху раздался девичий крик. Дозорная, что стояла над воротами, прокричала:

— Белый туман движется к нам с юга и с севера. Люди Льдов наступают. Фой Мьёр уже здесь. Король не без юмора заметил:

— Боюсь, что пир придется отложить. Надеюсь, он станет победным пиром. Он мрачно усмехнулся. — Лишь бы рыба за это время не протухла.

Король послал большую часть людей на крепостные стены и обратился к Коруму:

— Корум, ты должен вызвать Быка Кринанасса. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше. Если Бык не придет, Кэр-Малод погибнет.

— Я не знаю, как это делается.

— Об этом знает Медбх. Она научит тебя всему необходимому.

— Да, — отозвалась Медбх, — я научу тебя. Медбх и Корум присоединились к воинам, стоявшим на стенах, и обратили свои взгляды на восток. В клубах тумана там уже стояли Фой Мьёр, окруженные бесчисленными слугами.

— Сегодня они затевают что-то серьезное, — сказала Медбх.

Корум взял ее руку и крепко сжал.

За лесом, на расстоянии двух миль от крепости клубился туман. Он уже сокрывал собою весь горизонт. Туман медленно, но верно полз в сторону Кэр-Малода.

Подобно гончим, что всегда идут впереди своего хозяина, перед стеною тумана рыскали собачьи своры. За ними шли псари-гулеги. За гулегами выступали бледно-зеленые всадники, братья Хью Аргеа, братья елей. В тумане же угадывалось что-то куда большее, некогда уже виденное Корумом. Это были гигантские колесницы, запряженные странными животными, отдаленно напоминающими лошадей. Колесниц было семь, и в каждой из них было по одному огромному наезднику.

— Вот эта да! — Медбх, похоже, была напугана. — Они выставили против нас все свои силы. Все Фой Мьёр явились сюда. Похоже, боги эти относятся к нам с уважением.

— Мы их не разочаруем, — ответил ей Корум.

— Ну а теперь мы должны оставить Кэр-Малод.

— Ты хочешь оставить город — в эту минуту?

— Мы должны вызвать Быка Кринанасса. Для этого нам нужно уйти в другое место. Если он придет, то придет именно туда.

Корум задумался.

— Часа через два Фой Мьёр пойдут в атаку.

— Мы постараемся вернуться к этому времени. Чем скорее мы отправимся на Камень Сидхи, тем лучше.

Они незаметно покинули Кэр-Малод и поскакали вдоль утесов, стоявших над морем. Море стонало, ревело и рокотало в ожидании предстоящего сражения.

Они стояли на желтоватом песке. Темные зубья скал остались у них за спиной, пред ними же волновалось беспокойное море. У самой кромки берега одиноко возвышался необычный камень.

Начался дождь. Его капли и брызги, долетавшие с моря, падали на камень, оживляя нежную сеть прожилок. Местами камень был темным, местами же — едва ли не прозрачным. Глубины его переливались мягчайшими красками.

— Это — Камень Сидхи, — сказала Медбх. Корум кивнул. Иначе и быть не могло. Камень явно не принадлежал этому измерению. Подобно Хи-Брисэйлу он попал сюда вместе с сидхи, пришедшими в этот мир для того, чтобы бороться с Фой Мьёр. Подобные вещи Корум видел и раньше, — вещи, которым не было места в этом Измерении, которые присутствовали здесь лишь отчасти, прорастая из иных миров.

Начался настоящий ливень. Вzbираться на скользкий камень мешали порывы ветра. Но, наконец, Принц и девушка взошли на него. На берег яростно набрасывались огромные волны. Страшные порывы ветра грозили сдуть людей с камня. Дождь становился все сильнее.

— Возьми копье Брионак в серебряную руку, — приказала Медбх, — и высоко подними его. Корум послушно выполнил приказание.

— Теперь ты будешь переводить мои слова на язык вадагов. Сидхи и вадаги говорили на одном языке.

— Я это знаю, — сказал Корум. — Что же я должен говорить?

— Прежде ты должен представить самого Быка, Черного Быка Кринанасса. В холке он с тебя ростом. Тело его покрыто длинным черным волосом. Его рога остры и широко расставлены, — даже ты не смог бы обхватить их. Ты можешь представить его?

— Думаю, что да.

— Тогда повторяй за мной.

Все, кроме огромного камня, на котором они стояли, вдруг посерело и поблекло.

— Чрез высокие камня врата поспеши же сюда, Черный Бык, Сам Кремм Кройх вызывает тебя. Если спишь, Черный Бык, то проснись. Коль проснулся — так на ноги стань. Если встал — поскорей приходи. К Камню Сидхи иди, Черный Бык, Ибо держит копье господин. Кринанасса копье Брионак Вновь готово Фой Мьёр поразить. Так иди же сюда, Черный Бык, Поскорее домой воротись.

Медбх произнесла заклинание на одном дыхании. Серо-зеленые ее глаза наполнились тревогой.

— Ты сможешь перевести это на свой язык?

— Да, — ответил Корум. — Но почему ты считаешь, что Бык откликнется на твоё заклинание?

— Делай то, что тебе говорят. Вадаг пожал плечами.

— Ты видишь Быка своим внутренним оком? Корум на миг задумался, но тут же утвердительно кивнул.

— Да, вижу.

— Я повторю заклинание, а ты переведешь его на свой родной язык.

Корум подчинился воле Медбх, хотя заклинание это и казалось ему слишком уж топорным, — вадаги так не изъяснялись.

Медбх медленно повторяла заклинание, Корум же переводил его на свой язык. У него стала кружиться голова. Казалось, что слова сами слетают с уст. Копье Брионак он держал высоко над головой. Холодный ветер трепал его волосы и одежды. Корум звал Быка, Черного Быка Кринанасса. Все громче и громче звучал его голос, вой ветра уже не мешал ему.

Так иди же сюда, Черный Бык, Поскорее домой воротись.

Язык мабденов почти не отличался от вадагского, но на языке вадагов эти слова звучали куда веселее.

Заклинание закончилось. Медбх тронула Корума за плечо и приложила палец к губам. Слышен был только вой ветра, рев моря и шум дождя. Вдруг Камень Сидхи засветился всеми своими красками и задрожал, — откуда-то издали донеслось грозное мычание.

Через минуту мычание раздалось вновь, на этот раз оно было громче.

Медбх схватила Корума за руку.

— Бык, — прошептала девушка, — Бык идет!

Понять, откуда доносится мычание, пока было невозможно.

Стена дождя совершенно отгородила их от мира. Им казалось, что море обступает их со всех сторон.

Вскоре все звуки слились в один — низкое грозное мычание. Стоя на камне, Корум увидел огромного быка, выходящего из моря. Оказавшись на берегу, бык стряхнул с себя воду и принялся водить огромными умными глазами, пытаясь увидеть того, кто осмелился звать его.

— Черный Бык! — закричала Медбх, — Черный Бык Кринанасса! Смотри, здесь стоит Кремм Кройх с копьем Брионак в руках! Твое время пришло!

Чудовищный бык опустил свои острые, широко посаженные рога, затряс черным грузным телом и забил копытом. Корум почувствовал его запах — до боли знакомый запах домашней скотины. Однако Черный Бык не походил на обычную скотину. Это был бык-воин, гордый и самонадеянный, что служил не хозяину, но чему-то куда более высокому.

Помахивая своим черным хвостом, бык смотрел на людей, стоявших на Камне Сидхи.

— Теперь я понимаю, почему его так боятся Фой Мьёр, — сказал Корум.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КРОВАВАЯ ЖАТВА

Корум и Медбх стали спускаться с камня; бык внимательно смотрел на копые. Животное покорно ожидало, время от времени оглашая берег своим ревом. Рога его все еще оставались опущенными. Страшно было подходить к нему, но очевидно было и то, что Бык узнал копые Брионак, что он боится его.

— Бык, — сказал Корум, нисколько не смущаясь необычностью подобного обращения, — пойдешь ли ты в Кэр-Малод вместе с нами?

Дождь сменился снежной крупой, поблескивавшей на могучем крупе быка. Черный Бык Кринанасса был не просто страшен, — он был ужасен. Кони захрапели, но бык не обращал на них ни малейшего внимания. Он затряс головой, и капельки воды полетели с его острых рогов. Бык раздул ноздри. Умные холодные глаза его глянули было на жеребцов, но тут же вновь уставились на копые.

Коруму доводилось встречаться и с куда более крупными тварями, но он никогда не видел животных столь же мощных. Казалось, ничто в этом мире не могло устоять против гигантского Быка Кринанасса.

Корум и Медбх, вернувшись к своим скакунам, принялись успокаивать их. Бык внимательно наблюдал за ними. Наконец, кони успокоились настолько, что на них стало возможно ехать верхом. Оседлав коней, Корум и Медбх направились к Кэр-Малоду.

Несколько минут Бык стоял недвижно; казалось, что он о чем-то размышляет. Наконец, он двинулся вслед за всадниками, уверенно ступая по узкой тропке. Расстояние меж ним и всадниками не уменьшалось, но и не увеличивалось.

«Наверное, он считает нас чем-то недостойным себя, — думал Корум, — чем-то непозволительно слабым.»

Пошел снег. Внезапно пахнуло холодом. И Корум, и Медбх поняли, что это означает — Фой Мьёр подошли к стенам Кэр-Малода.

К стенам мабденской крепости стекались бесчисленные отряды гигантского воинства; крепость казалась гордым кораблем, окруженным пенистыми волнами. Туман был настолько густ, что походил на вязкий кисель, однако пока им был окутан только лес, — особенно те его участки, на которых росли ели. Здесь скрывались сами Фой Мьёр. Без тумана они не могли жить — мгла Лимба дарила НА! силу.

Корум увидел семь темных фигур, движущихся в тумане. Они сошли со своих колесниц и собрались в круг. Был там и Керенос, предводитель Фой Мьёр. Был Балахр, что подобно Коруму имел один глаз, но был тот глаз мертвым. Была Гоим, которой нравились смертные мужчины. Были здесь все Фой Мьёр.

Корум и Медбх обернулись.

Черный Бык шел за ними; он останавливался только тогда, когда останавливались и люди. Бык неотрывно смотрел на копые Брионак.

Сражение началось. К стенам подступали своры Кереноса. За ними шли гулеги, вооруженные луками и копьями. Бледно-зеленые всадники пытались овладеть крепостными воротами. Командовал ими знакомый Коруму Хью Аргех. Корум и Медбх созерцали эту картину, стоя на высоком холме; крики защитников и злобный рык псов долетали даже сюда.

— Как же мы попадем в крепость? — воскликнула Медбх.

— Даже если мы доберемся до ворот, их вряд ли распахнут перед нами, согласился Корум. — Думаю, нам следует напасть на врага с тыла.

Медбх кивнула. И указала на одну из стен.

— Поспешим туда — стена вот-вот рухнет. Мы поможем вашим людям выиграть время, и тогда они смогут укрепить ее.

Корум согласился. Без лишних слов он поскакал вниз, готовый в любую минуту метнуть копые в

неприятеля. И он, и Медбх должны были умереть, но теперь это не имело никакого значения. Корума расстраивало только одно, — у него не было его фамильной мантии. Алой Мантии, отданной им Калатину.

Из всех странных существ, виденных Корумом, в армии врага не было только ледяных призраков. Впрочем, возможно, они не имели к Фой Мьёр никакого отношения. Гулегов же здесь было множество. Убить их было почти невозможно, и потому они были особенно опасными врагами. Кто же вел их на бой? Всадник на мощном скакуне. Всадник этот ничуть не походил на бледно-зеленого Хью Аргеха, и, все же, в нем было что-то очень знакомое.

Много ли у Корума знакомых в этом мире? Всего несколько человек...

Солнце заиграло на доспехах воина. Они стали лучиться золотом и серебром, алым и голубым цветами.

Коруму эти доспехи были знакомы. Своей собственной рукой он отправил их владельца в Лимб. Было это во время великой битвы в лагере королевы Ксиомбарг. Да, он отправил его в Лимб, туда, где до времени Фой Мьёр чувствовали себя в безопасности, пока не сдвинулось нечто в машине миров, и не оказались они в этом Измерении. Неужели Лимб изверг из себя и этого всадника? Это походило на правду. Темно-желтое перо, как и прежде, колыхалось на шлеме; сам шлем, как и прежде, совершенно скрывал лицо всадника. Нагрудная пластина была украшена знаком Хаоса: восемь стрел, выходящих из одного центра. В металлической рукавице всадник сжимал меч, что подобно латам сиял то золотом, то серебром, то голубым, то алым.

— Гейнор, — сказал Корум, вспомнив ужасную кончину этого воина. — Это Принц Гейнор Проклятый.

— Ты его знаешь? — удивилась Медбх.

— Однажды я уже убивал его, — мрачно ответил Корум. — Я наказал Гейнора, навсегда изгнав его из этого мира. Но, как видишь, он вернулся вновь. Мой древний враг. Быть может, он и есть тот «брат», о Котором говорила старуха?

Последние слова были адресованы самому себе. Корум метнул копье Брионак в Принца, который подобно самому Коруму некогда был защитником слабых (возможно, даже Вечным Защитником, Вечным Воителем), но затем полностью подпал под власть темных сил.

Копье Брионак полетело к цели. Оно ударило Принца Гейнора в плечо. Тот закачался в седле. Стальная маска повернулась в сторону Корума. Гейнор наблюдал за тем, как копье возвращается в руки Корума. Он приказал гулегам усилить натиск. Те бежали по снегу, красному от крови и черному от грязи; у многих не хватало отдельных членов, у некоторых были вспороты животы, однако, это ничуть не мешало им продолжать бой.

Корум размышлял, сжимая в руке копье: — «Да, Гейнора одолеть не просто, здесь не помогает даже магия».

Из-под шлема раздался смех. Похоже, Гейнора обрадовало появление Корума.

— Принц Корум, Защитник мабденов! Вот это встреча! Мы только что говорили о тебе и даже решили, что ты, наконец, облагоразумился и вернулся в свое Измерение. Но ты все-таки решил остаться.

Как причудлива Судьба, решившая продолжить наш глупый спор!

Корум оглянулся и увидел, что Бык Кринанасса послушно следует за ним. Он посмотрел на крепостные укрепления. Воинов на них оставалось все меньше.

— Да, судьба причудлива. Но примешь ли ты мой вызов и теперь? Станешь ли ты просить меня о пощаде? Или мне вновь придется изгонять тебя в Лимб?

Принц Гейнор засмеялся горьким смехом и сказал:

— Спроси об этом Фой Мьёр! Они с радостью вернутся на свою страшную родину. Закон и Хаос уже не воюют за это Измерение; если Фой Мьёр уйдут отсюда, мое служение им закончится, и тогда я с радостью присоединюсь к тебе, Корум. Пока же мы враги.

Коруму вспомнилось лицо Гейнора; его передернуло. Вновь сердце Принца наполнилось жалостью к

Гейнору Проклятому, обреченному на множество жизней во множестве миров. Этим он походил на самого Корума, но в отличие от него Гейнору суждено было служить самым низким, самым вероломным хозяевам. Теперь под его началом были полутрупы. В прошлый раз его солдатами были уродливые оборотни.

— Ну и солдаты у тебя, Гейнор, — сказал Корум. Гейнор засмеялся.

— Да, на этот раз мне повезло.

— Отзови их от крепости и перейди на мою сторону. Ты ведь знаешь, я не испытываю к тебе ненависти. Мы очень похожи друг на друга.

— Что верно, то верно, — ответил Гейнор. — Но почему бы тебе не принять мою сторону, а, Корум? Нравится тебе это или нет, но пришествие Фой Мьёр вещь свершившаяся.

— Фой Мьёр приведут этот мир к гибели.

— Именно смерть и была обещана мне, — сказал Гейнор неожиданно просто.

Корум знал о том, что Гейнор ищет только смерти. Предложи он ему умереть, и Гейнор тут же примкнет к нему.

— Если умрет этот мир, вместе с ним умру и я. Верно? — спросил Гейнор.

Корум смотрел на стены Кэр-Малода, где горстка мабденов сражалась с полумертвыми гулегами, хищными псами и тварями, скорее похожими не на людей, а на ели.

— Все может быть, Гейнор, — задумчиво сказал Принц. — Возможно, твоя судьба и состоит в том, что, пытаясь достичь своей цели, ты всегда становишься на сторону зла. Но как знать, быть может, только добро способно привести тебя к цели.

— Ты — романтик, Принц Корум. — Гейнор развернул коня.

— Ты не хочешь сразиться со мной? — воскликнул Корум.

— Да, — ни с тобой, ни с этой говядиной сражаться я не стану, — ответил Гейнор. Он спешил вернуться в облако тумана, застывшее поодаль. — Я не уйду из этого мира до самого его конца. Тебе не удастся Вернуть меня в Лимб! — Он сменил тон на дружеский. — Но я еще вернусь сюда, Корум, — мне хочется посмотреть на твой труп.

— Не думаю, что ты увидишь его.

— Ваших людей осталось человек тридцать. К вечеру в ваших залах будут пировать наши псы. Ты ошибаешься, Корум. Прощай.

Гейнор исчез. Корум и Медбх направили своих коней в сторону полуразрушенной стены. И вдруг у себя за спиной они услышали гневное сопение быка. Они было решили, что бык разгневан ими, но тут животное развернулось и понеслось на бледно-зеленых всадников, готовившихся напасть на Корума и Медбх. Голова Черного Быка Крианасса была низко опущена. Он смел сразу несколько всадников и, не останавливаясь, принялся крушить гулегов и собак. Адских псов он насаживал на свои страшные рога.

Он тут же овладел полем боя, этот Черный Бык Крианасса. Он легко стряхивал с себя оружие, которым его силились поразить враги. С немыслимой скоростью он трижды обежал вокруг стен Кэр-Малода.

Корум и Медбх, о которых враги забыли и думать, изумленно следили за происходящим. Корум высоко поднял копьё Брионак и принялся подбадривать Черного Быка, Меж рядами нападавших образовалась брешь.

Пригнувшись в седле и кивком пригласив Медбх следовать за ним, Корум поскакал к крепости. Конь запрыгнул; на стену в месте, где врагам удалось сломать ее основательно, и остановился. Прямо перед Принцем сидел на камне израненный и изможденный король Маннах. Старый воин пытался извлечь стрелу из его груди. Из рта короля текла кровь.

Слезы заблестели в глазах Маннаха, когда он поднял свою покрытую сединами голову и увидел Корума.

— Бык пришел слишком поздно, — сказал он.

— Быть может, ты прав, — ответил ему Корум. — но посмотри, — он крушит тех, кто уничтожил твой народ.

— Нет, — ответил король Маннах. — Я не стану на это смотреть. Я слишком устал.

Пока Медбх ухаживала за отцом, Корум обошел стены Кэр-Малода, пытаясь оценить ситуацию. Внизу Бык Кринанасса крушил неприятеля.

Принц Гейнор ошибся. На стенах сражались не тридцать, а сорок воинов. За пределами крепости оставалось еще немало псов, несколько эскадронов бледно-зеленых всадников и множество гулегов. Более того, — ни один из Фой Мьёр еще не выступил против Кэр-Малода. Любому из богов Лимба было по силам разрушить крепость. Для этого им достаточно было на минуту покинуть свое туманное прибежище.

Корум взобрался на высокую полуразрушенную башню. Бык гонял по грязному полю маленькие группки неприятелей. Многие пытались скрыться, но из тумана, стоявшего над лесом, неслись громовые, леденящие душу крики- Фой Мьёр, уничтожавших дезертиров. Тех, кого пугали эти крики, сминал Бык; тех, кто пытался бежать, лишали жизни собственные хозяева.

Фой Мьёр безжалостно истребляли собственные создания, но ничего не делали для того, чтобы остановить Черного Быка Кринанасса. По всей видимости, Народ Льдов был слишком уверен в своей победе над Кэр-Малодом и в своей власти над Быком.

Вскоре все было кончено. Ни единого гулега, ни единой собаки, ни единого всадника не осталось в живых. Те, кого не могло уничтожить оружие смертных, были уничтожены Быком.

Бык гордо стоял среди трупов людей, зверей и человекообразных тварей. Он бил копытом землю и шумно дышал. Он поднял голову и грозно заревел; от его рева сотряслись стены Кэр-Малода.

На, крепостных стенах молчали — все понимали, что главная схватка еще впереди.

Установилась тишина, лишь Бык оглашал окрестности своим победным ревом.

Повсюду царила Смерть. Она стояла над полем боя. Она бродила по крепости. Она ждала, затаившись в тумане.

Коруму вспомнились слова короля Маннаха — г Фой Мьёр идут за Смертью. Может быть, подобно Принцу Гейнору, они ищут в ней забвения? Но желание ли смерти движет ими? Если это так, они воистину ужасны.

Туман ожил. Корум закричал, призывая воинов.

Он держал копьё Брионак так, чтобы его могли увидеть все.

— Это — копьё сидхи! Это — последний бык их грозного стада! Я — Корум Лло Эраинт. Соберитесь с силами, люди Кэр-Малода, ибо сами Фой Мьёр готовы выступить против нас. Но мы сильны, и мужества нам не занимать. Это наша страна, наш мир, и мы должны защитить их!

Корум увидел Медбх. Улыбаясь ему, она прокричала:

— Так встретим же смерть достойно! Пусть доблесть наша переживет нас!

Даже король Маннах, опиравшийся на руку израненного воина, собрался с духом и приготовился к схватке. Здоровые и раненые, мужи и девы, юнцы и старики, — все поднялись на крепостные стены. Ровно бились сердца их.

Семь теней в семи скрипучих колесницах, запряженных семью безобразными тварями, подъехали к холму, на котором стоял Кэр-Малод. Туман сгустился. В липкой белесой мгле умолк Черный Бык Кринанасса. Туман, казалось, отравил его.

Корум целил копьем в зыбкий абрис головы одной из теней. От скрипа колесниц заныли кости и тело, однако Корум справился с собой и метнул копьё.

Раздвигая туман, копьё медленно летело к цели. Раздались странные крики. Брионак вернулся в руку Корума, а крики все не смолкали. При других обстоятельствах звук этот мог показаться смешным и

забавным, теперь же он представал зловещим. Это был голос неразумного животного, тупой твари.

Корум вдруг понял, что голос принадлежит существу с убогим разумом и чудовищной примитивной волей. Именно это сочетание и делало Фой Мьёр столь опасными. Их вела голая необходимость, они же не понимали этого и не пытались как-то изменить положение дел. Так и шли они по миру, не ведая ни злобы, ни ненависти, ни мести. Они не искали многого, но прибегали к любым послушным им силам не пренебрегая никем и ничем. Одолеть их было почти невозможно. С ними нельзя было договориться, их нельзя было образумить. Лишь страх мог остановить их. Крик, доносившийся из тумана, был вызван не болью, но страхом перед копьём сидхи.

Колесницы замедлили свой ход, Фой Мьёр стали переговариваться между собой на странном невнятном языке.

Через мгновение из тумана появилось багровое лицо, больше походившее на рану. Рот его был крив, единственный глаз был прикрыт огромным омертвевшим веком. К веку была привязана проволока, идущая через голову под левую руку. Двупалая рука, потянув за проволоку, могла открыть веко.

Рука потянулась к проволоке. Корум, почувствовав приближение опасности, укрылся за крепостной стеной. Глаз, синий, как северные льды, наконец, раскрылся, и из него полились потоки холодного света. Хотя прямые лучи и не попадали на Корума, его охватил жгучий холод. Теперь Корум знал, что же произошло на озере. Волна холода была почти осязаемой. Корум отполз подальше от стены, взял копьё на изготовку и приподнял голову. Несколько воинов уже обратилось в лед. Он метнул копьё Брёнак прямо в синий глаз.

Казалось, будто копьё застыло в воздухе, но уже через миг, преодолев незримое сопротивление, оно летело в цели. Наконечник его светился ярко-оранжевым светом. Бросок был точен — копьё угодило прямо в глаз Фой Мьёр.

Теперь Корум знал, кому из Фой Мьёр принадлежали недавние крики. Проволока выпала из двупалой руки, и веко закрылось, но за миг до этого копьё вынырнуло из глазницы и полетело назад, к Коруму.

Уродливое лицо искривилось гримасой боли, голова Фой Мьёр затряслась. Тварь, тянувшая колесницу, стала спешно отступать в туман.

Корум испытал нечто, похожее на радость. Оружие сидхи специально ковалось для борьбы с Фой Мьёр, и оно прекрасно отвечало своему назначению.

Корум обратился к людям, стоявшим на стенах:

— Спускайтесь вниз. Я останусь здесь один, ибо держу я в руках копьё Брёнак. Фой Мьёр нельзя поразить вашим оружием. Сражаться с ними смогу лишь я.

Медбх закричала в ответ:

— Корум, дозвожь мне остаться! Я хочу умереть вместе с тобой!

Но он покачал головой и вновь устремил свой взор в туманную мглу, надвигавшуюся на крепость вместе с Народом Льдов. Они были почти невидимы. Рогатая голова. Грубая щетина. Глаз. Все тонуло в тумане.

И тут раздался рев. Не глас ли это был предводителя Фой Мьёр, страшного Кереноса? Но нет, рев слышался откуда-то из-за колесниц Фой Мьёр.

Огромная темная фигура возникла в тумане. Узнав ее, Корум ахнул. Это был Черный Бык Кринанасса, который вдруг вырос до совершенно невероятных размеров. Он опустил рога и перевернул колесницу одного из Фой Мьёр. Седока же он подбросил в небо, поймал на один из своих страшных рогов и вновь швырнул вверх.

Фой Мьёр охватила паника. Их колесницы разом задвигались и стали отступать от стен крепости.

Корум увидел крошечную фигурку Принца Гейнора, испуганно бегущего за своими хозяевами. Туман стремительно отступал. Появилось поле, затем — лес, и, наконец, очистился весь горизонт.

Посреди поля, усеянного трупами, стоял Черный Бык Кринанасса, вновь принявший свой обычный облик. Он меланхолично жевал чудом сохранившуюся травку. Рога его были испачканы темной кровью. Рядом лежало истерзанное тело, а поодаль — огромная колесница, что была куда больше быка. Одно из ее колес все еще вращалось.

Народ Кэр-Малода не ликовал, хотя и был спасен от верной гибели. Происшедшее потрясло людей. Медленно поднимались они на стены, чтобы своими глазами увидеть эту страшную картину.

Корум неспешно спустился вниз, так и не выпуская копье Брионак из рук. Он прошел через тоннель, раскрыл крепостные ворота и по изуродованной земле направился к быку. Корум и сам не понимал, зачем он это делает. На этот раз бык позволил ему подойти к себе и посмотрел прямо в глаза Коруму.

— Теперь ты должен убить меня, — сказал Черный Бык Кринанасса, — только тогда свершится назначенное мне.

Он говорил на языке сидхи и вадагов. Покоем и грустью веяло от его слов.

— Я не смогу убить тебя, — ответил Корум. — Ты спас нас. Ты убил одного из Фой Мьёр, и теперь их осталось только шестеро. И Кэр-Малод, и его защитники обязаны тебе жизнью.

— Жизнью они обязаны и тебе, — сказал Бык. — Именно ты смог найти копье Брионак. Именно ты позвал меня. Убей меня- ты должен это сделать.

— Но для чего?

— В том моя судьба.

— Хорошо, — сказал Корум. — Я сделаю то, о чем ты меня просишь.

И Принц вонзил копье Брионак прямо в сердце Черного Быка Кринанасса. Поток крови хлынул из раны; зверь же принялся носиться по полю. На сей раз копье не вернулось в руку Корума.

Все поле обежал Чёрный Бык Кринанасса. Он бежал по лесам и по пустошам. Он бежал по морскому берегу. И кровь его умыла землю. Там, где падали ее капли, оживали травы и распускались цветы. Тучи стали уплывать с неба. Вновь оно стало голубым, вновь солнце радовало мир своими теплыми лучами.

Когда же отогрелась земля вокруг Кэр-Малода, понесся Бык к утесам, на которых некогда стоял замок Эрорн. Постоял он с минуту у развалин башни, заливая своей кровью древние камни, и бросился прямо в море. Вместе с ним ушло навсегда из мира смертных и копье Брионак.

ЭПИЛОГ

Так заканчивается Сказание о Быке и Копье.

И холм, и лес, и поле стали такими же, какими были и всегда. В Кэр-Малод, наконец, пришло лето. Многие решили, что кровь Черного Быка навсегда обезопасила их край от Людей Льдов.

Корум Джайлин Ирси из народа вадагов стал жить с народом Туха-на-Кремм Крайх, что лишний раз успокаивало людей. Даже старуха, встреченная Корумом у озера, оставила свои мрачные мысли. Все были счастливы. Когда Корум женился на Медбх, дочери короля Маннаха, люди возликовали, так как это означало, что он останется с ними.

Земля щедро одаривала их зерном. Люди же пели и пировали, радуясь небывалому ее плодородию.

Теперь Корум делил ложе со своей новой возлюбленной. Однако сон его был беспокоен. Ему казалось, что он вновь слышит холодные, печальные звуки арфы, и тогда ему вспоминались слова старухи. Почему он должен бояться арфы, брата и, даже, красоты?

В такие минуты Корум чувствовал себя по-настоящему несчастным.

ТОМ ВТОРОЙ

ДУБ И ОВЕН / The Oak and the Ram [= Дуб и баран]

Джермиле

КНИГА ПЕРВАЯ,

в которой принц, Корум неожиданно для самого себя приступает к исполнению новой миссии...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДВА КОРОЛЯ

Красавица Ралина давным-давно умерла. Корум встретил Медбх, дочь короля Маннаха, но и ее ждала скорая, с точки зрения Корума, смерть. Возможно, — любовь к мабденским женщинам, что умирали едва родившись, была слабостью Принца, но она же наделяла его горьким знанием — знанием того, что он переживет своих возлюбленных, что он не единожды испытает горечь утраты. Впрочем, Корум старался не вспоминать об этом, предпочитая думать о чем-то ином. Образ Ралины померк. Корум с трудом вспоминал самые яркие события прошлого, когда ему пришлось сражаться с Повелителями Мечей...

Корум Джайлин Ирси, которого называли Принцем в Алой Мантии, а после того, как он отдал свою мантию волшебнику, его стали называть Корум Серебряная Рука, поселился в Кэр-Малоде. Два месяца миновало с того дня, как Черный Бык Кринанасса наплатил своей кровью здешние земли и принес долгожданную весну в страну Туха-на-Кремм Кройх, Народа Кургана. Два месяца прошло с той поры, когда безобразные Фой Мьёр попытались уничтожить жителей Кэр-Малоде, заморозить и загубить Кэр-Малод так, чтобы он стал таким же, как Лимб, из которого пришли и в который не могли вернуться Фой Мьёр.

Казалось, что они не тронут Кэр-Малод и впредь. Фой Мьёр были выброшены в это Измерение, словно рыбы на берег; они не любили его обитателей, но не радовались и сражениям. Их оставалось только шестеро. Некогда же здесь их было множество. Все Фой Мьёр страдали странной болезнью, которая медленно подтачивала их силы и, в конце концов, приводила их к гибели. В то же самое время они пытались как-то изменить Землю, как-то приблизить ее к привычному для них миру. Мир погружался в унылую вечную Самхайн, суровую студеную зиму. Фой Мьёр были обречены, но так же были Обречены и Земля, и народ мабденов.

Мабдены старались не думать об этом. Еще бы — они победили Фой Мьёр и с оружием в руках отстаивали свою свободу. Наступившее лето было необычайно жарким и щедрым.

— И куда это Ледяной Народ запропал? — шутили обливавшиеся потом мабдены.

Казалось, что солнце, не умея согреть прочие земли, отдавало все свое тепло этому крошечному островку, затерянному среди льдов.

Дубы были необычайно зелены, ольха — неожиданно крепка, вязы и ясени удивительно пышны. В полях, о которых люди уже забыли и думать, зрела пшеница.

Повсюду цвели маки и васильки, ноготки и жимолость, мальвы и маргаритки.

Лишь студеные воды рек, что текли с востока, заставляли народ Туха-на-Кремм Кройх вспоминать о том, что братья их погибли или попали в рабство к Фой Мьёр, что их Верховный Правитель, Великий Друид Эмергин был околдован, — его пленили в граде Кэр-Ллюд, ставшем теперь столицей Фой Мьёр. Люди вспоминали об этом лишь тогда, когда наклонялись к воде, чтобы утолить жажду. И тогда лица у многих омрачались, поскольку не могли люди отомстить за своих погибших братьев. Единственное, что оказалось им под силу, так это защитить себя. Не приди к ним на помощь волшебство сидхи и божество, пробудившееся от глубокого сна в глубинах Кургана, не было бы и этого.

Этим божеством был Корум.

Воды восточных рек питали своими водами широкий ров, прорытый вокруг конического холма, на вершине которого стояла крепость Кэр-Малод, древний город, сложенный из огромных серых глыб гранита, город суровый и неприступный. Люди долго не жили в Кэр-Малоде, но началась война, и они вынуждены были вновь поселиться в нем. Это был последний оплот Туха-на-Кремм Кройх. Прежде этот народ жил в куда более привлекательных городах, но все они были скованы льдами, пришедшими вослед за Фой Мьёр.

После победы над Фой Мьёр многие жители города вернулись на свои разрушенные фермы, чтобы отстроить их вновь и растить хлеб на оживших полях, политых кровью Черного Быка. В Кэр-Малоде остались только король Маннах со своими воинами и слугами, дочь короля Медбх и Корум.

Порой Корум поднимался на крепостную стену и оттуда созерцал море и развалины собственного дома, которые люди считали естественным творением природы, хотя и называли его Замком Оуин.

Копье Брионак, Черный Бык и связанное с ними волшебство не давали Коруму покоя. Все происшедшее выглядело настолько неправдоподобным, что казалось не более, чем сном. Принц видел сон мабденов...

И все же он был доволен жизнью. У него была Медбх Длинная Рука, прозванная так за то умение, с которым она обращалась с копьями и татлумами, смешливая рыжеволосая красавица, выделявшаяся своей силой и умом. Корум пользовался всеобщим уважением. Люди привыкли к нему. Они привыкли к его необычному вадагскому обличью, к его серебряной руке, к его желто-багряному глазу, к прикрывавшей пустую глазницу повязке, что была расшита рукой Ралины, маркграфини горы Мойдель, жившей тысячу лет назад.

Его уважали. Он был верен этому народу, верен себе. Ему было чем гордиться.

У него был прекрасный товарищ. Правда, с тех самых пор, как Корум откликнулся на зов людей и покинул замок Эрорн, он ни разу не видел его. Интересно было бы узнать, что поделывает сейчас Джерри-а-Конель, Спутник Героев. Никто иной как Джерри посоветовал ему внять мольбам короля Маннаха. Джерри был единственным из известных Коруму смертных, обладавшим способностью вольно странствовать по Пятнадцати Измерениям.

Некогда этой же способностью обладали все вадаги и надраги, но с гибелью Повелителей Мечей от нее не осталось ни следа.

Иногда Корум призывал к себе барда, исполнявшего дивные древние баллады народа Туха-на-Кремм Кройх. Одна из баллад приписывалась первому Эмергину, предку Верховного Правителя, плененного Фой Мьёр. Баллада эта была написана в те дни, когда мабдены пришли на свою новую родину.

Я — морская волна;
Я — рокот прибоя;
Я — семь ратей;
Я — бык могутный;
Я — орел на вершине;
Я — солнечный лучик;
Я — прекрасный цветок;
Я — вепрь бесстрашный;
Я — лосось игривый;
Я — озеро тихое;
Я — ловкач-лицедей;
Я — великий воитель.
Словно бог принимаю любую форму
Так куда же идти?
Где держать нам совет
На вершине горы или в тихой долине?
Где наш край, где наш дом?
Где обрящем мы мир?
Не в стране ль заходящего солнца?

Родниковой воды кто ключи отворит?
Рыбу кто призовет из пучины морской?
Лик Земли кто изменит,
И возраст Луны кто подскажет?
Услыште же, люди!
За обиды свои отомстим мы копьем,
Предрекаю я нашу победу.
Вижу свет вдалеке, вижу мир и покой.
Это я, Эмергин, говорю вам.

Бард заканчивал балладу песней собственного сочинения, призванной как-то пояснить смысл слов Эмергина.

Множество форм принимал я, пока своей не нашел.
Был я клинка острием,
Каплей дождя и светлой звездой,
Словом заглавным в начале книги,
Светом лампы, мостом через реку.
Орлом я парил, плыл лодочкой утлой;
Был арфы струною, щитом и мечом,
Пеной морской, полководцем великим.
Где только я не бывал
И кем только не был!

Казалось, в этих древних песнях Корум слышит отзвук своей собственной судьбы, раскрытой пред ним Джерри-а-Конелем, — ему суждено рождаться вновь и вновь, ибо он должен участвовать во всех войнах, что ведут смертные, будь то мабдены, вадаги или еще какая-то иная раса. Ему было назначено освобождать смертных из-под власти богов (существовало мнение, что богов этих творят сами смертные).

Баллады напоминали Коруму некоторые из его снов, где он был миром, а мир был им, где он был в мире, а мир был в нем, где все обладало равной ценностью — живое и неживое, одушевленное и неодушевленное. Скалы, деревья, кони, люди все были равны. Подобных верований придерживались многие мабдены из народа короля Маннаха. Если бы сюда забрело существо из мира Корума, оно приняло бы их за примитивное поклонение природе; однако Корум понимал, что верования эти несут в себе нечто куда большее. Крестьяне Туха-на-Кремм Кройх просили прощения у камня, прежде чем перенести его в другое место; к земле, скоту и плугу они относились с тем же почтением, что и к отцу, жене или другу.

Жизнь Туха-на-Кремм Кройх подчинялась строгому величественному ритму, который нисколько не влиял на ее непосредственность, оставляя в ней место и для радости и, порою, для гнева. Корум был горд тем, что он защищает этот народ от Фой Мьёр, ибо Фой Мьёр угрожали не просто жизни мабденов, но чему-то неизмеримо большему — великому Спокойствию этого мира.

Туха-на-Кремм Кройх не были свободны от гордыни, тщеславия и прочих пороков, но они с величайшей терпимостью относились и к порокам иноплеменников. По странной иронии судьбы, вадаги — или сидхи — в пору заката их цивилизации придерживались подобных же воззрений, чем не преминули воспользоваться предки нынешних мабденов. Неужели достижение высокой степени развития делает народ или расу беззащитными перед теми, кто менее развит? И если это так, то о каком Космическом равновесии можно говорить? Корум решил никогда не вспоминать об этом, — после того, как он встретился с Повелителями Мечей и раскрыл смысл собственной судьбы, рассуждения о природе Космоса утомляли его.

В Кэр-Малод прибыл нежданный гость. Это был король Файахэд. Он не испугался пуститься в долгое путешествие по гибельным водам западных морей. Взмыленный конь, на котором скакал его посланник, остановился на самом краю широкого рва, окружавшего Кэр-Малод. Посланник был одет в нежно-зеленые шелка; латы и шлем его были серебряными. На плечи была накинута мантия, разбитая на четыре квадратных поля — желтое, голубое, белое и пурпурное. Запыхавшийся посланник известил стражей,

стоявших на привратных башнях, о цели своего прибытия. Корум, прибежавший на его голос с другого конца крепости, изумился виду гостя — в здешних краях так никто не одевался.

— Я — человек из свиты короля Файахэда! — громко возвестил посланник. Наш король прибыл к вашим берегам. — Он показал рукой на запад. — Наши корабли уже причалили. Король Файахэд просит своего брата короля Маннаха не отказать ему в гостеприимстве.

— Жди у ворот! — ответил страж. — Мы передадим сказанное королю Маннаху!

— Так поспеши же. Только за стенами вашей крепости мы будем чувствовать себя в безопасности. Многие слышали мы о бедах, подстерегающих людей в этих землях.

Стоя на сторожевой башне, Корум удивленно рассматривал незнакомца.

На башню взошел сам король Маннах.

Король был крайне изумлен.

— Файахэд? Для чего он прибыл сюда? — тихо бормотал он.

Наконец, король обратился к гонцу:

— Мы всегда рады приветствовать короля Файахэда в нашем городе. Но что заставило вас покинуть Туха-на-Мананнан и прибыть сюда? Неужели и вы подверглись нападению Фой Мьёр?

Гонец никак не мог отдышаться. Он покачал головой.

— Нет, господин. Мой повелитель желает говорить с тобой. О том же, что вам удалось сбросить с себя ледяное ярмо Фой Мьёр, мы узнали совсем недавно.

Мы прибыли к вам, не оповещая об этом заранее, — мы очень спешили. Король Файахэд хочет испросить у вас прощения за это.

— Передай своему королю, что прощения у него прошу я — ибо мы не сможем принять его как подобает. Мы благодарны ему за этот визит, и с нетерпением ждем его самого.

Одетый в шелка рыцарь поклонился, развернул коня и поскакал по направлению к морю. Еще долго были видны его мантия, развевавшаяся на ветру, его серебряный шлем и драгоценная сбруя скакуна, ярко сверкавшая на солнце.

Король Маннах рассмеялся.

— Думаю, мой друг Файахэд понравится тебе, Принц Корум. Он расскажет нам о том, что происходит в западных королевствах. А я-то думал, что они уже погибли...

Король Маннах развел руками и повторил:

— А я-то думал, что они уже погибли. Врата Кэр-Малода распахнулись и из темного тоннеля появилась целая процессия рыцарей, знатных господ и дам с пиками, разукрашенными флажками. Золотые пряжки их парчовых плащей были инкрустированы аметистами, бирюзой и перламутром; многоцветная эмаль круглых щитов сплеталась в сложные орнаменты; ножны клинков блистали серебром, сапоги — золотом. Высокие статные девы восседали на конях. Гривы и хвосты скакунов были украшены разноцветными лентами. Рыцари все как один носили усы — от огненно-рыжих до пшеничных. Длинные волосы либо падали на плечи, либо были собраны в узел золотыми, бронзовыми или стальными заколками, украшенными камнями.

В центре этой пестрой процессии важно ехал гигант с огненно-рыжей бородой, пронзительными голубыми глазами и обветренным лицом. Он был облачен в длинные одежды, сшитые из красного шелка, отороченные мехом лисицы. Вместо шлема на голове красовался древний стальной обруч, по которому шли тонкие выписанные золотом руны. Король Маннах радостно приветствовал гостя:

— Добро пожаловать, дорогой друг! Добро пожаловать, Файахэд, король Дальнего Запада, древней зеленой страны, прародины нашей!

Рыжебородый гигант захохотал и легко соскочил с коня.

— Манеры у меня ничуть не изменились, Маннах. Как и прежде я люблю парады и роскошь!

— Вижу-вижу, — отвечал король Маннах, обнимая гиганта. — Как я рад снова видеть тебя! Если бы ты изменил себе, ты не был бы Файахэдом. Ты принес с собою радость, ты украсил наш унылый Кэр-Малод. Смотри — мои люди улыбаются. Ты видишь? Сегодня мы устроим большой пир, ведь ты, король Файахэд, вернул нам радость!

Король Файахэд, довольно усмехаясь, выслушал речи Маннаха и повернулся к Коруму, который отступил немного назад, чтобы не мешать встрече старых друзей.

— А это — ваш герой-сидхи, герой вашего народа Кремм Кройх? — спросил Файахэд, подошел к Коруму и, положив свою ручищу Принцу на плечо, с добродушным любопытством посмотрел на него. — Благодарю тебя, Сидхи, за ту помощь, что ты оказал моему брату. Я принес с собой одну вещицу, о ней мы с тобой еще поговорим. Нам надо потолковать и о вещах более серьезных, — он повернулся к королю Маннаху. — Для этого нам придется собраться всем вместе.

— Ты прибыл к нам только за этим? — Медбх выступила вперед. Она гостила в долине и вернулась в крепость за минуту до появления короля Файахэда. Медбх была одета в дорожное кожаное платье; рыжие косы разметались по плечам.

— В основном за этим, милая Медбх, — ответил король Файахэд, наклоняясь к девушке, чтобы поцеловать ее в щечку. — Я всегда говорил, что ты станешь красавицей! Да, моя сестра теперь живет в тебе!

— Что верно, то верно... — согласился король Маннах.

Коруму показалось, что в последних словах короля таится какой-то скрытый смысл.

Медбх рассмеялась.

— Дядя, твои комплименты так же непомерны, как и твое тщеславие!

— И так же искренни, — усмехнулся Файахэд и подмигнул ей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОКРОВИЩЕ КОРОЛЯ ФАЙАХЭДА

Король Файахэд взял с собой и своего арфиста. Неземная музыка его была столь прекрасна, что Корума охватила дрожь. Ему почудилось было, что именно эта арфа звучала в Замке Оуин, но Принц тут же понял, что это не так. Звуки этой арфы были куда мягче. Голос барда сплетался со звуками инструмента так, что порой их трудно было различить.

Корум и все остальные сидели за одним огромным столом в тронной зале Кэр-Малода. Под столом бродили гончие, пытавшиеся разжиться объедками. Факелы весело потрескивали. Звучал смех. Рыцари и дамы из свиты короля Файахэда и обитатели крепости быстро нашли общий язык. Было спето немало песен и рассказано множество самых невероятных историй.

Корум сидел меж королем Маннахом и королем Файахэдом, Медбх — по другую сторону от дяди; они занимали места во главе огромного стола. Король Файахэд и ел, и говорил одинаково жадно, однако почти не прикасался к кубку, — он был куда трезвее своих подданных. Король Маннах тоже почти не пил. Корум и Медбх последовали их примеру. В Файахэде чувствовался большой любитель выпить; было понятно, что причина, побуждавшая его воздерживаться от меда, достаточно серьезна. За столом он рассказал пару историй о своих подвигах на этом поприще.

Празднество подходило к концу. Гости и хозяева Кэр-Малода стали откланиваться, и вскоре зала почти опустела. Несколько знатных господ храпело, разлегшись на столе; вельможный рыцарь Туха-на Мананнана избрал своим ложем каменный пол. В углу обнимались заезжий воин и какая-то местная девица.

Король Файахэд начал свою речь:

— Ты, друг мой, последний, кого я посетил с визитом. — Он пристально посмотрел на короля Маннаха. — Я уже знаю, что ты скажешь мне в ответ. Ты скажешь то же, что и все остальные.

— В ответ на что? — Король Маннах нахмурился.

— В ответ на мое предложение.

— Ты побывал и у других королей? — спросил Корум. — У всех королей, чьи земли пока свободны? Файахэд кивнул огромной рыжеволосой головой.

— Да, у всех. Нам нужно объединиться. Единственное, что может спасти нас это единство. Вначале я отправился в страну, лежащую к югу от моих земель, — в страну Туха-на-Ану. Затем я отправился на север, где помимо прочих живут и Туха-на-Тирнам-Бео, — свирепые горцы. После этого я доплыл до земель Туха-на-Гвидднью Гаранхир и посетил тамошнего короля Даффина. И, наконец, я оказался у вас — у народа Туха-на-Кремм Кройх. Все три короля, с которыми я виделся до этого, повели себя крайне осторожно: они считают, что привлекать к себе внимание Фой Мьёр не стоит, ибо это тут же обернется бедой. Что скажешь мне в ответ четвертый король?

— В ответ на что, король Файахэд? — Вопрос Медбх был весьма уместен.

— Уцелевшие народы, — насколько мне это известно, их всего четыре, должны объединиться. Мы сохранили часть древних сокровищ; если наши реликвии попадут к Сидхи, они смогут оказать нам неоценимую помощь. В нашем воинстве немало славных воинов. Все мы помним о том, что здесь, в Кэр-Малоде, Фой Мьёр потерпели поражение. Мы должны отвоевать Крэг-Дон и Кэр-Ллюд, нынешнюю столицу Фой Мьёр. Мы должны собрать большую армию, — армию свободных мабденов. Что ты скажешь на это, король?

— Я согласен с тобой, — ответил Маннах. — Было бы странно, если бы я думал иначе.

— А вот те три короля со мною не согласны. Все они считают, что безопаснее оставить все как есть — жить обособленно, ничего не говорить, ничего не делать. Их снедает страх. Они говорят, что без Эмергина сражаться невозможно; Эмергин же пленен Фой Мьёр. Верховный Правитель, избранный советом, пока

жив, и потому нельзя избрать нового. Фой Мьёр не случайно сохранили жизнь Эмергину.

— На ваш народ это не похоже, — вмешался в разговор Корум. — Зачем вы связываете себя предрассудками? Почему бы вам не изменить закон и не избрать нового правителя?

— Это — не предрассудок, — спокойно ответил ему король Маннах. — Для избрания нового Владыки все короли должны собраться вместе. Они же не желают покидать своих столиц: одни боятся того, что в их отсутствие страна будет захвачена; другие — того, что они могут погибнуть на чужбине. Избрание Верховного Правителя длится не один месяц. Должен быть опрошен весь народ. Сначала все слушают претендентов, затем наступает время бесед с ними. Разве мы вправе нарушить этот закон? Если мы отречемся от наших древних законов, за что же мы тогда будем сражаться?

— Сделайте своим полководцем Корума и объедините королевства под его началом, — предложила Медбх.

— Подобное предложение уже делалось, — ответил король Файахэд. — С ним выступал я сам. Никто не захотел и слышать об этом. Обычно наши люди не верят богам. Боги нас не раз предавали. Мы привыкли все делать сами.

— Но ведь я не бог, — сдержанно заметил Корум.

— Ты хоть и скромный, да бог, — ответил Файахэд. — Ну а если и не бог, то божество уж точно! — Он затряс своей рыжей бородой. — Так считаю я — человек, который виделся с тобой. Теперь представь, что могут думать о тебе другие короли. Да, они слышали о тебе и о твоих подвигах; но эти рассказы полны небылиц. Я и сам считал, что в тебе никак не меньше двенадцати футов роста! Король Файахэд улыбнулся, — он был гораздо выше Корума. — Нет, единственное, что может сплотить наши народы, это освобождение Эмергина и исцеление его души.

— Что же с ним случилось? — спросил Корум. Он ничего не знал о судьбе Верховного Правителя, поскольку люди Туха-на-Кремм Кройх избегали подобных разговоров.

— Он заколдован, — мрачно ответил король Файахэд.

— Заколдован? И что же это за колдовство?

— Мы и сами этого не знаем, — ответил король Маннах и с явной неохотой добавил: — Говорят, Эмергин стал считать себя животным. Одни говорят — козлом, другие — овцой, третьи — свиньей.

— Ты видишь, сколь умны те, кто служит Фой Мьёр? — сказала Медбх. — Они сохранили Великому Друиду жизнь, но лишили его человеческого сознания.

— И тогда скорбью наполнились сердца его людей, — вмешался король Файахэд. — Наши короли, Маннах, во многом не хотят сражаться именно по этой причине. О каких сражениях можно говорить, если главнокомандующий, стоя на четвереньках, покусывает травку?

— Замолчи! — король Маннах в ужасе воздел руки. Лицо его исказилось скорбной гримасой. Верховный Правитель был символом нашей чести...

— Не путайте символ с реальностью, — перебил короля Корум. — Мабдены хранят свою честь.

— Да, — сказала Медбх. — Это так.

— И тем не менее, — сказал Файахэд. — Наши народы смогут объединиться лишь под началом Эмергина. Эмергина расколдованного. О, сколь мудр был Эмергин! Как он велик был!

Слезы навернулись на его голубые глаза. Файахэд отвернулся к стене.

— Эмергина надо освободить! — Голос Корума наполнился решимостью. — Быть может, я смогу отыскать вашего владыку.

Не порывом чувств диктовались слова Корума, — он думал об этом с самого начала разговора.

— Если бы я мог как-то преобразиться, то, наверное, смог бы добраться и до Кэр-Ллюда.

Файахэд повернулся к Коруму, Глаза короля были сухими.

— Преобразиться я тебе помогу — об этом ты можешь не беспокоиться.

Корум рассмеялся. Похоже, сейчас он принял то же самое решение, что и король Файахэд, хотя последний и пришел к нему намного раньше.

— Ты — Сидхи... — заговорил король Туха-на-Мананнан.

— Я действительно близок к сидхи, — перебил его Корум, — это мне посчастливилось узнать во время моего последнего похода. Мы похожи внешне и, вероятно, обладаем схожими способностями. Хотя я и не понимаю, почему вы решили, что у меня есть какие-то необычные способности.

— Потому, что все мы верим в них, — бесхитростно сказала Медбх, склонившись к Принцу и коснувшись его руки. Прикосновение это походило на поцелуй. Корум нежно улыбнулся ей.

— Ну да ладно. Все в это верят. Король Файахэд, если тебе так удобнее, ты можешь называть меня Сидхи.

— Тогда выслушай меня, Сидхи. На земли Дальнего Запада, где живет мой народ Туха-на-Мананнан, год назад прибыл необычный гость. Его звали Онраг.

— Онраг из Кэр-Ллюда! — воскликнул король Маннах. — Человек, в чьем попечении были...

— Сокровища Кэр-Ллюда, дары Сидхи, — ты конечно же прав, король. Пытаясь скрыться от Фой Мьёр и их слуг на своей колеснице, Онраг растерял все дары. Псы Кереноса следовали за ним по пятам, и потому он не мог вернуться назад. Он потерял все — все, кроме одного. Это Сокровище он принес в страну Дальнего Запада, в страну дождей и светлых туманов. Однако сам в скором времени скончался от многочисленных ран. Псы отгрызли ему руку. Нож гулега отсек ему ухо. Его живот был изрезан. Умирая, Онраг перепоручил мне единственное, сохраненное им Сокровище, так и не спасшее его самого. Он не мог воспользоваться им. Только сидхи это под силу, хотя причина этого мне непонятна, — ведь сидхи дарили эти вещи нам, людям. Онраг умер с мыслью о том, что так и не исполнил свой долг. Он поведал нам и о том, что приключилось с Эмергином, нашим Верховным Правителем. В то время Эмергин жил в высокой башне, что стоит в самом центре Кэр-Ллюда, на берегу реки. Эта башня всегда была домом Верховного Правителя. Уже и тогда Эмергин был не в себе, колдовские чары заставили его поверить в то, что он — животное. Его охраняло множество слуг Фой Мьёр: некоторые из них были выходцами из их мира, некоторые — подобно полумертвым гулегам — были существами, возвращенными из убитых или плененных мабденов. Если верить Онрагу, охранники не смыкали глаз ни днем, ни ночью. Говорят, некоторые из тамошних стражей и вовсе не похожи на людей. Но, как бы то ни было, точно известно только одно — Эмергин и поныне находится в этой башне.

— Боюсь, одной маской здесь не отделаешься, — пошутил Корум; он несколько не сомневался в неуспехе возложенной на него миссии, однако, из уважения к народу мабденов, не мог отказаться от ее исполнения.

— Надеюсь, тебе понравится то, что предложу тебе я, — сказал король Файахэд, поднимая свое грузное тело со скамьи. — Скажи-ка, брат, принесли сюда мой сундук?

Король Маннах встал и пригладил свои седые волосы.

«А ведь совсем недавно он был рыжеволосым», — подумал Корум. Впрочем, было это еще до атаки Фой Мьёр. Борода короля Маннаха тоже поседела. Однако король не утратил былой стати, он был едва ли не таким же высоким, как широкоплечий Файахэд; на шее его красовался золотой ворот, символ королевской власти. Король Маннах указал на угол за скамьями.

— Там, — сказал он. — Там стоит твой сундук. Файахэд поднял тяжелый сундук за золоченые ручки и, крикнув, поставил его на стол. Из сумки, висевшей у него на поясе, он извлек связку ключей и открыл пять крепких запоров сундука. Потом сделал паузу и, внимательно посмотрев на Корума, произнес нечто загадочное:

— Корум, теперь ты не предатель.

— И не только теперь. До сих пор я никого не предавал.

— Я доверяю раскаявшемуся предателю больше, чем самому себе, — сказал Файахэд, довольно ухмыльнулся и раскрыл сундук.

Сундук стоял так, что Корум не видел его содержимого.

Файахэд осторожно вынул из сундука какой-то сверток.

— Вот, — сказал король. — Последнее из Сокровищ Кэр-Ллюда.

Корум решил было, что король Туха-на-Мананнаи шутит, ибо в руках он держал настолько истрепанный плащ, что его постеснялся бы одеть и последний крестьянин. Он выцвел настолько, что невозможно было понять, каким был его первоначальный цвет.

Бережно, едва ли не нежно, явно благоговая перед древней реликвией, король Файахэд протянул плащ Коруму.

— Вот что поможет тебе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДАР КОРОЛЯ ФАЙАХЭДА

— Его носил какой-то герой? — спросил Корум. Иного объяснения тому почтению, с которым король Файахэд относился к старому плащу, просто не было.

Похоже, вопрос Корума несколько озадачил короля Файахэда.

— Да. Если верить нашим легендам, в самом начале войны с Фой Мьёр, плащ принадлежал одному из наших великих воинов. Иногда это одеяние называют просто Плащом, но чаще — Плащом Арианрод. Если быть точным, плащ принадлежал не герою, а героине, ибо Арианрод была женщиной — сидхи, и пользовалась заслуженной славой и любовью у народа мабденов.

— И теперь вы храните этот плащ, как святыню, — сказал Корум. — Но, может так случиться. Медбх засмеялась, разгадав ход его мыслей.

— Ты плохо думаешь о нас, о, Среброрукий. Неужели ты считаешь короля Файахэда глупцом?

— Вовсе нет, но...

— Если бы тебе были известны наши легенды, ты бы знал, что в этом поношенном плаще сокрыта великая сила. В нем Арианрод совершила множество подвигов; в последней же великой битве между сидхи и Фой Мьёр ей не помог и он, — Арианрод погибла. Говорят, в этом плаще она одна могла справиться с целой армией.

— Он делает своего обладателя неуязвимым?

— Не совсем так, — ответил король Файахэд, так и держа плащ на вытянутых руках.

— Я рад принять сей дар о, король Файахэд, — сказал Корум, неожиданно вспомнив о манерах, и взял плащ.

И тут же обе его руки исчезли; Корум снова был изуродован — и на этот раз серьезнее, чем прежде. Однако он чувствовал свою живую руку, чувствовал, как тонкая ткань касается пальцев.

— Стало быть, она действует! — удовлетворенно заметил король Файахэд. — Я рад тому, что ты принял его столь бережно, о, Сидхи!

Корума осенила догадка. Он вынул свою живую руку из-под плаща, и та снова стала видимой!

— Это плащ-невидимка?

— Да, — ответила Медбх с благоговением в голосе. — Гифех воспользовался именно этим плащом, когда проник в спальню Бен, у порога которой спал ее отец. Даже сидхи считали этот плащ драгоценным.

Теперь заговорил Корум:

— Кажется, я знаю, как он действует. Он пришел сюда из другого мира, и в этом смысле ничем не отличается от Хи-Брисэйла. Плащ переносит своего обладателя в иное Измерение; нам, вадагам, это хорошо известно, — ведь некогда и мы путешествовали по Измерениям, существуя сразу в нескольких мирах...

Никто из присутствующих не понял его речей, но все были рады им.

Корум засмеялся.

— Он пришел сюда из мира сидхи и по-настоящему существует не здесь, а там. Но почему же плащом не могут воспользоваться мабдены?

— Он не всегда помогает и сидхи, — ответил король Файахэд, — так как некоторые из живущих — ими могут быть и мабдены — обладают неким шестым чувством, позволяющим им видеть невидимое. Впрочем, этим чувством обладают очень немногие, так что тебя вряд ли смогут заметить. И все же, следует помнить об этом, существо с развитым шестым чувством будет видеть тебя так же ясно, как сейчас вижу тебя я.

— Насколько я понимаю, именно в этом плаще я и отправлюсь к башне Верховного Правителя.

Корум осторожно и почтительно передал плащ королю Файахэда, изумленно глядя на то, как ткань делает невидимыми его собственные руки.

— Да, — улыбнулся он, — лучше защиты не придумаешь. Верни ее в сундук, пусть там ждет она своего часа.

Когда сундук был заперт на все пять замков, Корум откинулся на спинку кресла и задумался.

Час был поздний. Корум и Медбх лежали на низком широком ложе. В окна спальни заглядывал месяц.

— Есть такое пророчество, — сказала Медбх сонным голосом, — что Кремм Кройх должен сходить в три похода, встретиться с тремя великими опасностями и найти трех верных друзей...

— Откуда ты это знаешь?

— Об этом говорится в древних легендах.

— Ты никогда не говорила мне об этом.

— В этом не было особой нужды. Легенды толковать можно по-разному. Ты ведь и сам это знаешь, — мы ждали другого Корума, совсем не похожего на тебя, но пришел именно ты. — Девушка улыбнулась.

Корум улыбнулся ей в ответ.

— Ну что ж, завтра я отправлюсь в свой второй поход.

— Как трудно мне будет без тебя, — сказала Медбх.

— Такова уж моя судьба. Я пришел сюда, чтобы выполнить свой долг. Я пришел не за любовью, милая Медбх. Любовь прекрасна, но она не должна мешать исполнению долга.

— А если ты погибнешь? Скажи мне, Принц, ты можешь погибнуть?

— Я обычный смертный. Меня можно отравить или сразить мечом. Я могу упасть с коня и сломать себе шею, — я ничем не отличаюсь от людей.

— Не надо так шутить, Корум.

— Прости меня.

Корум поднялся на локте и взглянул в ее прекрасные глаза. Наклонившись, он поцеловал ее в губы.

— Прости меня, Медбх.

Корум выбрал себе коня; это был буланый жеребец, чрезвычайно напоминавший коня, на котором Принц впервые появился на Кургане Кремма. Лошадиные бока лоснились в лучах утреннего солнца. За стенами Кэр-Малода запели птицы.

Корум надел древний боевой костюм вадагов: куртку из голубой парчи, штаны из оленьей кожи, конический серебряный шлем, по которому рунами было выписано имя Принца, а так же нагрудную пластину из посеребренной бронзы.

На Коруме не было только алой мантии, мантии вадагов, ибо на горе Мойдель он отдал ее волшебнику Калатину. Конь был накрыт попоной, сшитой из желтого бархата; его сбруя и седло были ярко-малиновыми.

Из оружия Корум взял с собой пику, топор, меч и кинжал. Древко огромной пики было усилено начищенными до блеска бронзовыми полосами; наконечник ее был сделан из чистой стали. Длинный двусторонний топор тоже был обит бронзой. Ножны меча крепились к упряжи; на его покрытую темной кожей рукоять была навита тонкая золотая и серебряная проволока. Заканчивалась рукоять тяжелым круглым навершьем, отлитым из бронзы. Кинжал был откован тем же мастером и во всем походил на меч.

— И ты еще будешь говорить, что не похож на бога! — Король Файахэд смотрел на Корума с явным одобрением.

Принц Корум слегка улыбнулся и взял поводья в серебряную руку. Другою рукой он поправил щит,

висевший за седлом над одним из подсумков, в которых помимо провизии лежала туго скатанная меховая накидка, что могла понадобиться ему в землях Фой Мьёр. Другую накидку, Плащ Арианрод, он обвязал вокруг пояса. Под нее он подоткнул рукавицы одна из них должна была спасти его от холода, другая — скрывать серебряную руку.

Медбх откинула свои рыжие волосы за спину, подошла к Принцу и поцеловала его руку. Глаза ее были полны гордости и тревоги.

— Береги себя, Корум, — прошептала она. — Пожалуйста, вернись к нам — ты всем нам так нужен!

— Просто так я жизнь не отдам, — обещал ей Корум. — Теперь она дорога мне. Но я не побоюсь и смерти.

Солнце стояло уже высоко. Корум стер со лба пот — ему было жарко. Он помнил о том, что скоро жара сменится холодом. Корум поправил расшитую повязку на пустой глазнице и коснулся смуглой руки Медбх.

— Я вернусь к тебе, — пообещал он. Король Маннах сложил руки на груди и прокашлялся.

— Приведи к нам Эмергина, Принц Корум. Приведи.

— Без него в Кэр-Малод я не вернусь. Если я не смогу привезти его с собой, он придет один.

— Великое дело возложено на тебя, Корум. Помни об этом, — сказал (Король Маннах. — Удачи тебе!.

— Счастливого пути, Корум, — рыжебородый Файахэд похлопал вадага по колену. — Удачи!

— Прощай, Корум, — сказала Медбх. Ее взгляд и голос были тверды.

Корум ударил каблуками в бока своего буланого коня и поскакал прочь.

На душе у Принца было спокойно, когда он скакал по холмам и лесным тропам, углубляясь все дальше и дальше в бескрайний холодный лес, что простирался на восток до самого Кэр-Ллюда. Корум прислушивался к пению птиц, журчанию ручейков, что, сверкая, бежали среди древних скал, к шепоту дубов и вязов.

Ни разу Корум не оглянулся назад, ни разу не пожалел он о принятом решении, ни разу не посетили его ни страх, ни печаль, поскольку знал он — все, происходившее с ним было уготовано ему судьбой, для мабденов же он был воплощением великого идеала.

Подобное спокойствие редко посещало его. Вероятно, причина заключалась в том, что Принц покорно принял свою судьбу — именно за это он и был вознагражден покоем душевным.

«Интересно, — подумал Корум, — могут ли быть у подобного покоя и иные причины?» Если это не так, то он приходит к странному парадоксу — спокойным он может быть только в сражении.

К вечеру небо стало сереть. На востоке появились тяжелые тучи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИР, ПОЛНЫЙ СМЕРТИ

Поеживаясь, Корум набросил на плечи тяжелую меховую накидку, надел капюшон и рукавицы. После этого он затоптал остатки костра и стал осматривать окрестности. Еще не рассвело, но по небу уже разливалось холодное голубое сияние.

Край был совершенно пустынным. Черная мертвая земля была покрыта тонким слоем инея. То тут, то там стояли застывшие голые деревья. Вдалеке виднелась цепь черных холмов, укрытых снегом. Корум забеспокоился.

Ветерок пах смертью.

Он пах смертельной стужей. Земли были настолько пустынные, что можно было с уверенностью сказать, что здесь какое-то время находились Фой Мьёр. Возможно, во время похода на Кэр-Малод они разбивали здесь свой лагерь.

И тут Корум услышал знакомые звуки. Звуки эти заставили его затоптать еще тлевшие головни. Он слышал стук копыт. Корум посмотрел на юго-восток. Прямо перед ним возвышался небольшой холм, из-за которого и раздавались звуки.

Корум услышал и другой звук.

Далекий лай собак.

В этих землях могли жить только дьявольские псы Кереноса.

Корум подбежал к своему буланому жеребцу, который заметно занервничал. Принц вскочил в седло и, освободив пику, положил ее поперек седла. Затем Корум наклонился вперед и похлопал коня по шее, пытаясь хоть как-то успокоить животное.

Он развернул коня, встав лицом к пригорку, и вдруг увидел, что навстречу ему едет одинокий воин. В тот же миг взошло солнце. В лучах восходящего светила латы всадника вспыхнули кроваво-красным цветом. В руках воин держал меч, который блистал так ярко, что у Корума заболел глаз. Цвет лат воина внезапно изменился на ярко-голубой, и тут Корум_ понял, кто перед ним.

Лай страшных псов становился все громче, но холм пока скрывал их.

Корум тронул коня шагом.

И тут все звуки стихли.

Собаки замолкли, всадник замер; лишь доспехи его продолжали менять цвета теперь они были желто-зелеными.

Корум слышал собственное дыхание и ровный стук копыт своего коня, ударявших по промерзшей земле. Конь шел уже вверх по склону, всадник становился все ближе. Корум взял пику на изготовку.

Из-под стальной маски, прикрывавшей лицо всадника, послышался голос.

— Ха! Я так и думал. Это ты, Корум.

— Доброе утро, Гейнор. Не устроить ли нам поединок?

Гейнор Проклятый, откинув голову назад, засмеялся мрачным гулким смехом. Доспехи его стали непроницаемо черными. Гейнор вернул свой меч в ножны.

— Ты ведь меня знаешь, Корум. Я стал поосторожнее. У меня нет ни малейшего желания вновь побывать в Лимбе. Здесь у меня есть хоть какое-то занятие. Там же мне делать совершенно нечего — там ничего нет.

— В Лимбе?

— Да, в этом самом Лимбе.

— Тогда прими другую сторону. Сражайся вместе со мной. Тем ты заслужишь искупление.

— Искупление? О, Корум, когда же ты повзрослеешь? Что такое искупление? Кто нас может прощать?

— Никто.

— Тогда зачем ты говоришь об искуплении?

— Ты искупишь свои грехи перед самым собой. Я говорю именно об этом. Я не призываю тебя задабривать Владык Закона — если они живы и поныне — или падать ниц пред кем-то или чем-то. Я говорю только о твоей чести. В тебе, как и в любом другом человеке, есть нечто такое, что может спасти от безысходности, снедающей ныне тебя. Ты же знаешь, что твоим нынешним хозяевам не достает величия духа, — они ущербны и исполнены пагубы. И все же ты добровольно служишь им, исполняешь их приказания, совершаешь чудовищные преступления, сеешь зло, страдание и смерть. Ты и сам все это знаешь, знаешь ты и то, что преступления эти заставляют страдать прежде всего тебя самого.

Доспехи гневно запылали алым. Гейнор повернул коня, подставив стальную маску под лучи восходящего солнца. Его конь заволновался; Гейнор потуже натянул поводья.

— Стань на мою сторону. Принц Гейнор. Я знаю, что ты хочешь этого.

— Закон отверг меня, — ответил Гейнор. — Все, чему я прежде следовал, чему поклонялся, чем восхищался и к чему стремился — все это отвергло меня. Слишком поздно ты заговорил об этом, Принц Корум.

— Я так не думаю. К тому же, Гейнор, ты забываешь о том, что я единственный, кто видел твое лицо. Я видел все твои личины, все мечты, все тайные желания.

— Я помню об этом, — тихо сказал Гейнор Проклятый, — именно поэтому ты должен погибнуть. Мысль о том, что ты еще жив, постоянно преследует меня.

— Ну что ж, тогда мы будем сражаться, — вздохнул Корум. — И сражаться мы будем прямо сейчас.

— Я не стану сражаться с тобой, — слишком страшной была моя прошлая кончина. Ты больше не увидишь моих лиц, Корум. И ты умрешь не в поединке. Псы...

Корум, разгадав намерения Гейнора, неожиданно пустил коня галопом, направив острие своей пики прямо в стальную маску.

Гейнор только засмеялся, развернул коня и понесся с холма, взметая фонтаны ледяных брызг.

Вскоре он был в низине, где, высунув красные языки, сидел добрый десяток белых псов. Их желтые глаза горели огнем, с желтых клыков стекала слюна, их пышные хвосты были поджаты. Призрачно белые тела псов; кончики же ушей имели цвет свежeproлитой крови. Самые крупные твари были размером с пони.

Стоило Гейнору подъехать к чудовищам, как они тут же вскочили на ноги. Гейнор что-то крикнул, и псы отозвались утробным рыком.

И понеслись вверх, к Коруму.

Корум, пришпорив коня, направил его прямо на собак, — он надеялся прорваться сквозь их кольцо и настичь Гейнора.

Принц врезался в стаю с такой силой, что несколько зверюг буквально отлетело в сторону, одному же из них Принц пробил голову пики. Конь остановился. Коруму никак не удавалось извлечь пику из черепа поверженного зверя. Жеребец, храпя, попятился назад.

Корум выпустил из рук древко и выхватил из-за спины боевой топор. Первым ударом он снес голову одной собаке, вторым — проломил спину другой. Дикий лай мешался со страшным воем раненого пса, клыки которого, скользя по нагрудной пластине Корума, распорили его меховую накидку и чуть было не вырвали из рук топор. Вынув правую ногу из стремени, Корум ударил в собачью морду, одновременно зарубив мощным ударом топора пса, вцепившегося в поводья. Конь стремительно терял силы. Корум понял, что времени у него было в обрез, — еще пара минут, и коню перегрызут горло.

Псов же было шесть.

Пять. Корум отрубил задние ноги зверю, который хотел было прыгнуть на него. Пес рухнул наземь, упав рядом со своим собратом, у которого была проломлена спина. Тот жадно вонзил свои клыки в его кровоточащее тело и замер.

Вдруг Корум услышал человеческий крик, и тут же справа от него пронеслось что-то темное. Видимо, Гейнор прислал своих людей, чтобы добить Корума. Принц попытался ударить незнакомца топором, но промахнулся. Псы Кереноса перегруппировались, готовясь к новой атаке. Справиться и с людьми, и с собаками Корум уже не мог. Он стал было высматривать брешь в кольце собак, но быстро понял, что в этом уже не было смысла, — у изнемогающего коня сильно дрожали ноги. Корум переложил топор в серебряную руку, в правую же взял меч.

Конь медленно пошел на псов.

И вновь что-то темное промелькнуло мимо. На низкорослом скакуне сидел всадник с кривыми саблями в обеих руках. Сабли заплясали по спинам псов, и те в ужасе стали разбегаться. Корум погнался за одним из них. Пес хотел было вцепиться в шею коню, но Корум успел вонзить меч в грудь зверя. Длинные клыки лишь оцарапали скакуна, — зверь рухнул как подкошенный.

Оставалось только три пса. Все они помчались прочь, вослед всаднику, что был уже далеко. Доспехи его переливались всеми цветами радуги.

Корум спешил, чтобы отдышаться, но тут же пожалел об этом — трупы псов нещадно смердили. Земля была залита их кровью, изуродованные тела, в которых красное соперничало с белым, валялись вокруг, Корум вспомнил вдруг о своем неожиданном спасителе.

Тот так и сидел в седле. Усмехнувшись, незнакомец вернул обе сабли в ножны и прикрыл свою шевелюру широкополой шляпой. Затем он снял с луки седла сумку и раскрыл ее. Из сумки выполз небольшой черно-белый кот, обладавший помимо прочего еще и парой крыльев, аккуратно сложенных на спине.

Корум застыл от изумления; незнакомец же заулыбался еще шире.

— Мне к подобным ситуациям не привыкать, — сказал Джерри-а-Конель, добровольный Спутник Героев, — Великим Воителям приходится то и дело спасать жизнь. Такова уж моя судьба — воитель защищает интересы всего человечества, а я защищаю его. Я надеялся найти тебя в Кэр-Малоде, понимая, что смогу тебе пригодиться, но тебя уже и след простыл. Тут-то и пришлось мне поспешить.

Джерри-а-Конель снял с головы свою широкополую шляпу и повесил ее на луку седла.

— Привет, Принц Корум.

Корум никак не мог отдышаться. Не сумев вымолвить ни слова, он выдавил из себя улыбку.

— Надеюсь, в Кэр-Ллюд мы отправимся вместе, — наконец с трудом выговорил Принц.

— Сам я не против этого, но будет ли это угодно судьбе? Скажи, Корум, как тебе живется в этом мире?

— Лучше, чем я ожидал. Особенно теперь, Джерри.

— Но ты ведь понимаешь, что в любой момент я могу уйти?

— Да, да. Я помню наш последний разговор. Ну а ты? Приключилось ли что-нибудь с тобой со времени нашей последней встречи?

— Пару раз. В том мире, где тебя зовут Хокмуном, со мной приключилось нечто до такой степени странное, что даже я, привыкший, казалось бы, ко всему на свете, поразился.

И Джерри поведал Коруму историю о приключениях Хокмуна, который обрел друга, потерял невесту, поселился в чужом теле и оказался в мире, к которому не имел никакого отношения.

Друзья поехали по следу Принца Гейнора Проклятого, поспешившего, по всей видимости, прямо в Кэр-Ллюд. Джерри все говорил и говорил.

Дорога предстояла неблизкая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗЕМЛИ ФОЙ-МЬЁР

— Да, — задумчиво произнес Джерри-а-Конель, пытаюсь отогреть руки над слабеньким пламенем костра, — Фой Мьёр явно состоят в родстве с Владыками Хаоса, — уж больно похожи их цели. Скорее всего в них-то Владыки и переродились. Ну и времечко нам досталось. Отчасти это связано с дурацкими опытами со временем, которые проводятся бароном Каланом, отчасти — с тем, что Миллион Сфер вновь стал разъезжаться. Мы живем в эпоху, полную неопределенности. Порою мне кажется, что поставлена на карту сама сознательная жизнь. Боюсь ли я этого? Думаю, что нет. Сознанием я не слишком-то дорожу. С таким же удовольствием я стал бы и деревом.

— Кто тебе сказал, что деревья лишены сознания? — Улыбаясь, Корум поставил котелок на огонь и стал забрасывать в кипящую воду кусочки мяса.

— Тогда я стану куском мрамора.

— Опять-таки, мы не можем быть уверены в том... — начал было Корум, но Джерри тут же перебил его.

— Я в такие игры не играю.

— Ты меня не понял. Ты коснулся предмета, который в последнее время стал чрезвычайно занимать меня. Мне кажется, что сознательное существо как таковое, не является чем-то обособленным в смысле его значимости. Напротив, подобное существо обладает рядом недостатков. Трагедия смертных состоит как раз в том, что они, обладая способностью подвергать мир анализу, не способны понять его.

— Некоторым до этого и дела нет, — сказал Джерри. — Я, например, довольствуюсь происходящим, — я позволяю происходить тому, что происходит, не задаваясь вопросом о том, почему это происходит именно так.

— Да, Джерри, подобная способность замечательна. Но не все мы наделены ею от рождения. Кому-то приходится развивать ее, кому-то это не по силам. Последние обречены на несчастную жизнь. Возникает такой вопрос — имеет ли значение то, счастливы мы или несчастны? Следует ли ставить радость выше страдания? Не правильнее ли считать их обладающими равной ценностью?

— Насколько я понимаю, большинство людей предпочитает счастье несчастью.

— Но ведь к счастью можно приходиться по-разному. Кто-то находит его в беззаботности, кто-то — в заботе. Кто-то — в убажании себя, кто-то — в служении другим. Для меня жизнь без служения — не жизнь. Все проблемы морали...

— Обращаются в ничто, когда у вас начинает бурчать в животе. — Джерри заглянул в котелок. — Корум, как ты считаешь, мясо уже готово?

Корум рассмеялся.

— Похоже, я превращаюсь в зануду.

— Ничего страшного.

Джерри вылавливал из котелка кусочки мяса и клал их себе в миску. Один кусочек он отложил в сторону. Кот, сидевший у него на плече, замурлыкал и стал тереться о щеку хозяина.

— Ты обрел религию, Корум, — вот и все. Не забывай, что мы находимся во сне мабденов.

Они ехали вдоль замерзшей реки по заметенной снегом дороге, что взбиралась все выше и выше. У дороги стоял дом, каменные стены которого были покрыты густой сетью трещин, — казалось, что по дому кто-то стукнул гигантским молотком. Подъехав поближе, друзья увидели застывшие в окнах человеческие фигуры, поблескивавшие в неярких лучах солнца.

— Здесь морозец поработал, — сказал Джерри, — ты смотри, даже стены потрескались.

— Это работа одноглазого Балахра. Его взгляд убивает. Я его знаю, — мне пришлось с ним сражаться.

Они миновали дом и, переехав через холм, оказались в городе. На улицах лежали замерзшие трупы людей. Трупы были обезображены.

— Это дело рук Гоим, — сказал Корум, — единственной женщины среди Фой Мьёр. Ей нравится вкус человеческого мяса.

— Мы подошли к границе земель, полностью подвластных Фой Мьёр, — сказал Джерри-а-Конель, указывая рукой туда, где клубились серые тучи. — Как бы с нами такого же не случилось. Как ты думаешь, встретимся ли мы с Балахром и Гоим?

— Все может быть, — ответил Корум. Джерри улыбнулся.

— Ты слишком печален, мой друг. Если с нами и произойдет нечто подобное, мы горевать не станем, ибо морально мы куда сильнее их.

Корум усмехнулся в ответ.

— Я и так не горюю.

Они вывели коней из города и стали осторожно спускаться вниз по крутой, покрытой снегом и льдом дороге. На дороге стояла телега, в которой лежали трупы замерзших детей, — очевидно, их пытались вывезти из города еще до прихода Фой Мьёр.

Дорога привела в долину, где лежали тела растерзанных собаками воинов. Здесь обнаружили свежие следы — следы копыт и собачьих лап.

— Гейнор шел тем же путем, — сказал Корум. — Он проходил здесь всего несколько часов назад. Интересно, почему он так медлит?

— Вероятно, он следит за нами. Скорее всего, он пытается разгадать цель нашего похода, — предположил Джерри. — Если он расскажет о ней своим хозяевам, те позволят ему вернуться в их стан. Он снова станет нужен им.

— Плохо ты знаешь Фой Мьёр. Сознательные помощники им не нужны. У их слуг — а среди них есть и ожившие трупы — попросту нет иного выхода, кроме как следовать за хозяевами и выполнять приказы, — для мира живых их больше не существует.

— Как же Фой Мьёр оживляют мертвых?

— Одного из Фой Мьёр зовут Ранноном. Раннон вдыхает холод в уста мертвых и возвращает Их к жизни. Целуя живых, он отдает их в объятия смерти. Так говорят легенды. Но не многое известно о Фой Мьёр. Они и сами едва ли понимают собственные деяния, едва ли они знают, что привело их в это Измерение. Некогда они были изгнаны сидхи, пришедшими сюда из другого мира, для того, чтобы помочь народу Лайвм-ан-Эша. Со временем сидхи пришли в упадок, сила же Фой Мьёр осталась почти той же, что и прежде, — и тогда они вернулись сюда, чтобы захватить весь этот мир. В скором времени Фой Мьёр не станет — их убьют их же болезни. Думаю, времени осталось у них немного, тысяча лет, не больше. Но ко времени их смерти погибнет весь мир.

— Я полагаю, — сказал Джерри-а-Конель, — нам стоит поискать союзников среди сидхи.

— Единственный известный мне сидхи Гоффанон воевать отказался. Он считает, что мир обречен, и он не сможет как-то повлиять на его судьбу.

— Возможно, он и прав, — сказал Джерри, озираясь.

Корум поднял голову и стал тревожно прислушиваться.

Лицо Джерри вытянулось от изумления: — «Что это?»

— Ты еще не слышал ее? — Корум смотрел на холмы, с которых лились нежные звуки.

Да, это была арфа — печальная, тоскливая и немного насмешливая.

— Кому только могло прийти в голову играть здесь на арфе? — заворчал Джерри. — Разве что кого-то отпевают... — Он прислушался. — Да, похоже на отпевание.

— Ты прав, — мрачно сказал Корум. — Это меня отпевают. Эту арфу я слышу уже не раз. Я должен бояться арфы — так было сказано мне.

— Что бы ты не говорил, звучит она довольно мило, — заметил Джерри.

— Я должен бояться и красоты, — сказал Корум. Он так и не понимал, откуда звучит музыка. Корума стала бить дрожь. Взяв себя в руки, он пришпорил коня. И еще — я погибну от руки брата.

Сколько ни расспрашивал его Джерри, больше Корум не сказал ни слова. Какое-то время они ехали молча.

Дорога вывела их на широкое плато.

— Плато Крэг-Дон, — сказал Корум, — ничем иным это быть не может. Мабдены считают это место священным. Мы на полпути к Кэр-Ллюду.

— И посередине страны Фой Мьёр, — добавил Джерри-а-Конель.

Пока они обозревали открывшуюся перед ними картину, над плато пронесся снежный вихрь, укрывший землю ровным белым саваном.

— Мы здесь здорово наследим, — сказал Джерри. Корум изумленно смотрел на стремительный вихрь, уносящийся вдаль. Солнце скрылось за тучами, которые казались неведомыми живыми существами. Они кружили по небу, то и дело меняя форму.

— Прямо как в Царстве Хаоса, — сказал Джерри. — Помнится, мне рассказывали о мирах, захваченных Владыками Хаоса. Насколько я могу судить, тамошние земли ничем не отличаются от этих. Вот к чему приводит расточительность множественности. Впрочем, я говорю о других мирах и других героях. Иными словами — об иных снах. Теперь давай решим — пойдем ли мы в обход этого плато, или же пройдем напрямик, рискуя быть замеченными?

— Мы пойдем через плато Крэг-Дон, — твердо сказал Корум. — Если же нас остановят, мы скажем о себе так: мы, мол, идем служить Фой Мьёр. Иного выхода у нас нет.

— На мой взгляд, твое предложение лишено какого-либо смысла, — возразил Джерри. — Ты что, действительно считаешь, что с нами станут говорить?

— Мы вправе надеяться на то, что таких, как Гейнор, здесь множество.

— Странные надежды ты питаешь! — воскликнул Джерри. Улыбнувшись, он посмотрел на кота, и тот послушно замурлыкал.

Завыл ветер, и Джерри картинно поклонился, делая вид, что слышит в ветре нотки одобрения.

Корум прижал к себе меховую накидку. В нескольких местах она была продрана клыками псов Кереноса, но назначению своему она пока вполне отвечала.

— Едем, — сказал Корум. — Едем через Крэг-Дон.

Поднялась настоящая буря. Ветер дул то с одной, то с другой стороны; он вздымал массы снега, заставляя их кружиться. Ветер пронизывал всадников до мозга костей, им уже казалось, что лучше быть пронзенным стальным клинком, чем ледяными иглами.

Ветер вздыхал подобно ловцу, напавшему на след. Он стонал в безумной неге. Рычал голодным зверем. Победно кричал. Шипел рассерженной змеей. Он нес с собой горы снега. На плечах всадников стремительно вырастали снежные шапки, но ветер сдувал их, чтобы тут же нарастить новые. Ветер мостил дороги и сбивал с пути. Он дул с востока и севера, запада и юга. Порой казалось, что он дует сразу со все! сторон, пытаясь разорвать всадников в клочья. Ветер строил замки и тут же рушил их. Его шепот обнадеживал, его рев пугал. Ветер играл с людьми.

Сквозь снежную мглу Корум неожиданно увидел темные фигуры, преграждавшие им путь. Решив, что перед ним воины, он извлек из ножен меч и спешился — снег был слишком глубокий, и конь только мешал бы ему. Снег доходил Принцу до колен. Однако Джерри не спешил слезать с коня.

— Не бойся, — сказал он Коруму. — Это не люди. Это — камни. Камни Крэг-Дона.

Теперь Корум и сам видел, что темные фигуры стоят намного дальше, чем показалось ему вначале.

— Это — святилище мабденов, — пояснил Джерри.

— Здесь они избирают своих Верховных Правителей и проводят важнейшие церемонии, — добавил Корум.

— Избирали и проводили, — поправил Корума Джерри.

Стоило путникам приблизиться к огромным камням, как ветер стих. Даже он чтил эту древнюю святыню. Камни образовывали семь концентрических кругов; в самом центре этого грандиозного сооружения стоял огромный каменный алтарь. Из центра, возвышавшегося над плато, каменные кольца представлялись кругами, расходящимися по поверхности тихого пруда, уровнями мироздания, представлениями неведомой, едва ли связанной с Землей геометрий.

— Да, — это священное место, — пробормотал пораженный Корум.

— Здесь присутствует нечто такое, о чем и я сказать не смогу, — согласился Джерри. — Слушай, а не похоже ли это на Танелорн?

— Танелорн? Может быть. Ты думаешь, это их Танелорн?

— Если судить об этом с позиций географии, — то да. Танелорну не обязательно быть городом. Он может быть каким-то предметом. Он может быть даже идеей. То, что ты видишь перед собой, — представление идеи.

— Посмотри, как примитивен материал, и как грубо он обработан, — сказал Корум. — Идея же, воплощенная в нем, удивительно совершенна и глубока. Сколь великий разум изваял его!

— Его создали мабдены. Народ, которому ты служишь. Именно потерей Крэг-Дона можно объяснить то, что мабдены не могут объединиться для борьбы с Фой Мьёр. Он был центром их мира. Он был олицетворением их веры и достоинства. Дважды в год приходили они сюда. Теперь у них нет Крэг-Дона, и души слабнут, лишая их воли.

— Мы должны вернуть им Крэг-Дон, — воскликнул Корум.

— Сначала мы должны вернуть им их Верховного Правителя, сполна овладевшего мудростью тех, кто постился и молился у этого алтаря. — Джерри прислонился к одной из огромных каменных колонн. — Так считают сами мабдены, — добавил он, испугавшись собственных слов. — Мне трудно об этом судить, однако, в случае...

— Смотри, кто к нам пришел! — перебил его Корум.

Это был Тейнор. Крошечная его фигурка стояла у внешнего круга. Доспехи переливались всеми цветами радуги. Коня рядом с ним не было. Миновав несколько каменных врат, он остановился.

— Некоторые считают храм Крэг-Дон воплощением Миллиона Сфер, или множественных Измерений реальности. Мне же кажется, что здешние жители слишком грубы для того, чтобы разбираться в столь тонких материях. Ты согласен со мной, Корум?

— Понимание не всегда сопровождается умением выплавлять сталь и строить города, — ответил Корум.

— Я этого и не говорю. Тут я согласен с тобой. Мне доводилось бывать в мирах, где глубочайшие мысли жили бок о бок с убожеством. — Гейнор взглянул на небо, по которому так и кружили тучи. — Похоже, скоро опять снег пойдет. Тебе так не кажется?

— Давно ли ты ждешь нас. Принц Гейнор? — спросил Корум, взявшись за рукоять меча.

— Я только что приехал. Вы опередили меня.

— Как ты узнал, что мы придем именно сюда?

— Все очень просто — я разгадал ваши намерения.

Корум старался казаться бесстрастным. Гейнор ошибался. Корум — шел вовсе не сюда. Быть может, Гейнору ведома тайна Крэг-Дона? Тайна, что могла бы послужить и мабденам.

— Здесь почти нет ветра, — сказал Корум. — И ни единого следа Фой Мьёр.

— Разумеется. Именно поэтому вы и решили избрать Крэг-Дон своим прибежищем. Вам хотелось понять, почему Фой Мьёр так боялся этого места. Вы надеялись найти здесь средство, которое позволило бы вам одолеть их. — Гейнор захохотал. — Именно в этом и состояла цель вашего похода. Я это сразу понял.

Корум сдержал улыбку. Не понимая того, Гейнор предал своих хозяев.

— Ты умен, Принц Гейнор.

Гейнор стоял в третьем круге. Ближе он не подходил.

Где-то вдалеке залаяли псы. Корум уже не мог сдержать улыбки.

— Твои собаки тоже боятся этого места?

— Конечно. Ведь они, как и Фой Мьёр, пришли из Лимба, потому путь сюда им заповедан. Лишь сидхи и смертные, даже такие, как я, могут посещать это место. Я тоже побаиваюсь Крэг-Дона, хотя, казалось бы, у меня не должно быть оснований для страха. Вихрь не сможет проглотить Гейнора Проклятого.

Корум воздержался от дальнейших расспросов. Он боялся выдать себя, выказать полную свою неосведомленность во всём, что касалось Крэг-Дона.

— Но ведь и ты пришел сюда из Лимба, — напомнил Гейнору Корум. — Я не понимаю, почему же ты не боишься вихря?

— Лимб не был моей родиной. Я был изгнан в него, изгнан тобою, Корум. Крэг-Дона должны бояться уроженцы Лимба. Не понимаю я только одного, — что вы хотели здесь найти? В наивности своей ты полагал, что Фой Мьёр ничего не знают о Крэг-Доне, и пытался завлечь их сюда. Нет, мой друг, должен сказать тебе, что мои хозяева, которых ты считаешь столь глупыми, прекрасно понимают, что сюда им нельзя. Никакой силой ты не заставишь их войти даже в первый круг. Твои хлопоты были напрасными.

Гейнор мрачно усмехнулся.

— Лишь единожды твоим предкам сидхи удалось заманить сюда своих врагов. Лишь единожды вихрю удалось изгнать воинов Фой Мьёр туда, откуда они и пришли, — я говорю о Лимбе. Много веков прошло с той поры. Уцелевшие Фой Мьёр стараются держаться подальше от Крэг-Дона, чуя исходящую от него опасность.

— Разве они не хотят вернуться в Лимб?

— Они не понимают того, что вихрь уносит их именно в Лимб. Те же, кто подобно мне, знает об этом, не спешат делиться с ними этим знанием. У меня нет ни малейшего желания избавиться от них, ибо в этом случае я лишусь силы, мне покровительствующей.

— Так значит, я зря приехал сюда?

— Конечно. Более того, я полагаю, что ты вряд ли сможешь вернуться в Кэр-Малод. Когда я окажусь в Кэр-Ллюде, я сообщу своим господам о том, где находится их враг сидхи. И тогда они пригонят сюда всех своих собак. Всех собак — ты слышишь меня, Корум! Я бы посоветовал тебе не сходить с этого места, — уж здесь-то тебя никто не тронет. — Гейнор рассмеялся. — Останься в этом прибежище. Лишь в этом месте ты можешь чувствовать себя в безопасности. Сюда не придут ни псы Кереноса, ни сами Фой Мьёр.

— Но у нас кончается пропитание, Гейнор, — сказал Корум. — Мы умрем от голода.

— Вполне возможно, — с явным облегчением в голосе сказал Гейнор. Впрочем, время от времени я могу приносить вам еду. Нет, нет! Я не дам тебе умереть, Корум! Ты проведешь здесь многие годы. Ты узнаешь, на что похож Лимб.

— Так вот на что ты надеялся! Вот почему ты не пытался нападать на нас все это время! — Джерри-а-Конель схватил саблю и стал спускаться с алтарного холма.

— Нет! — закричал другу Корум. — Ты не причинишь ему вреда, Джерри, он же убьет тебя! Джерри

замедлил шаг, Гейнор стал отступать.

— Ничего, ничего, скоро вы начнете грызться из-за объедков. Чем сильнее будет голод, тем слабее будет ваша дружба. Наверное, я притащу сюда труп собаки, убитой тобою, Джерри-а-Конель! Интересно, понравится ли вам ее вкус? Может быть, вы и к человечине попривыкнете? Хотелось бы поскорее узнать — кто кого съест?

— О, как низка твоя месть, Гейнор! — воскликнул Корум.

— Ты поступил со мною не лучше. Кроме того, я, в отличие от тебя, не претендую на благородство. Гейнор отвернулся и зашагал прочь.

— Собак я оставлю с вами, — сказал он напоследок. — Я уверен, что их компания вас обрадует.

Гейнор покинул пределы каменных кругов и взобрался в седло.

Уныло завыл ветер, пытавшийся прорваться через семь каменных колец.

— Ну что ж, — оживленно сказал Корум, — эта встреча была не напрасной. Крэг-Дон не просто святилище, это место великой силы — здесь находятся врата ко всем Пятнадцати Мирам. Он не случайно напомнил нам Танелорн, Джерри. Но как же пройти через эти врата? Какое действие отворяет их? Боюсь, об этом знает только Верховный Правитель мабденов.

— Да, — отозвался Джерри, — кое-что мы действительно приобрели. Но кое-что мы и потеряли. Как же теперь мы попадем к Верховному Правителю?

Слушай!

Корум прислушался. Свирепый лай псов доносился сразу с нескольких сторон.

Корум нахмурился и поплотнее запахнулся в меховую накидку. Он сел на корточки и задумался. Джерри расхаживал из стороны в сторону. Кони нервно прядали ушами. Вечерело. Семь каменных колец Крэг-Дона постепенно погружались во тьму. Стало холодать. Да, Крэг-Дон мог защитить их от Фой Мьёр, но вот от холода он не спасал — здесь не было дров.

Настала ночь. Протяжно завывал ветер, но еще громче были свирепые, страшные псы Кереноса.

КНИГА ВТОРАЯ,

в которой Корум, прибегнув к помощи одного из Сокровищ Сидхи, узнает о двух других Сокровищах...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОРОД В ТУМАНЕ

Они стояли меж двумя громадными каменными столбами Крэг-Дона, глядя, как рыщут по полю дьявольские псы Фой Мьёр. Несмотря на всю свою свирепость, Псы Кереноса вели себя очень осторожно. Они рычали и щерили зубы, но не подходили к каменному кольцу ни на шаг. Поодаль сидело еще несколько псов, едва заметных во выюжной пелене. Всего же их было восемь.

Корум выбрал для себя цель, расставил пошире ноги и метнул длинную тяжелую пику, вложив в бросок всю силу своих страха, гнева и отчаяния.

Бросок был точен. Пика вонзилась в тело пса, сбив его с ног.

— Давай! — закричал Корум.

Джерри-а-Конель потянул на себя веревку, конец которой все это время был у него в руках. Корум стал помогать ему.

Другой конец веревки был привязан к пике, засевшей в теле зверя так крепко, что тащить приходилось и его. Зверь был еще жив. Поняв, что происходит, он попытался сопротивляться. Он заскулил и схватил зубами древко пики. Как только друзья подтащили пса к камням, он затих, приняв, наконец, свою судьбу. Зверь издох.

Корум и Джерри-а-Конель ликовали. Упершись ногой в бездыханное тело зверя, Корум выдернул из него пику и, не медля ни минуты, вернулся в пространство меж каменными столбами. Он тут же нашел новую жертву и вновь метнул свое оружие. Пика угодила зверю в горло. Джерри потянул за веревку, и пика, выскочив из тела рухнувшего наземь пса, быстро заскользила назад.

Псов оставалось шесть. Но они стали еще осторожнее. Корум пожалел о том, что не взял в поход лук и стрелы.

Один из псов подошел к труп своего собрата и стал обнюхивать его. Из горла погибшей собаки сочилась кровь. Пес принялся слизывать ее своим длинным красным языком. И тут же поплатился за свою прожорливость — пика, вылетевшая из-за каменных столбов, угодила в его левый бок. Собака взвизгнула и, закрутившись на месте, попыталась освободиться от пики. Веревка потянула ее к камням. Корчась от боли, зверь упал было на залитый кровью снег, но тут же поднялся на ноги и, резко дернувшись, вырвался. Пика стала неожиданно легкой. Собака забегала кругами, оставляя за собой кровавый след, и внезапно рухнула наземь.

Чувствуя, что находятся на безопасном расстоянии от смертоносной пики, звери принялись рвать на части еще не остывший труп.

— У нас есть одно преимущество, — сказал, взбираясь на коня, Корум, — псы Кереноса не брезгают и трупами своих собратьев. Это их слабое место.

Пока собаки терзали труп, Корум и Джерри-а-Конель пересекли семь кругов, миновали резной алтарь, стоявший в центре Крэг-Дона, и, еще раз пересекши все семь кругов, выехали с другой стороны святилища.

Собаки этого явно не ждали. Тем не менее, у друзей было всего несколько минут.

Пришпоривая коней, друзья покинули Крэг-Дон, направившись не к Кэр-Малоду, как того ожидая Гейнор, а к Кэр-Ллюду, цели своего путешествия. Они надеялись на то, что ветер быстро заметет их следы и развеет их запах. Оторвавшись от погони, они смогли бы достичь Кэр-Ллюда прежде, чем Гейнор и Фой Мьёр поймут их намерения.

Слова Гейнора были справедливы, — путь в Кэр-Малод был закрыт, — за ними тут же устремилась бы вся свора Кереноса. Сейчас же друзья выигрывали время, ибо вначале ведомые Гейнором собаки должны были пойти в заведомо ложном направлении. Презрительное отношение Гейнора к людям на этот раз обернулось против него. Он недооценил решимость, отвагу и сообразительность Корума и Джерри-а-Конеля. Слишком долгим было его общение с трусливыми, алчными и жалкими тварями. Подобная компания устраивала его как нельзя лучше, — в ней он был единственной драгоценностью.

Корум думал над словами Гейнора Проклятого. Неужели Крэг-Дон действительно обладал всеми этими свойствами? Впрочем, может быть, от него осталась одна только пустая оболочка, и Фой Мьёр избегают его, повинувшись единственно предрассудкам. Принц надеялся, что придет такое время, когда он сможет ответить на этот вопрос. Если Крэг-Дон действительно был местом силы, то следовало как-то воспользоваться им.

Высокие столбы Крэг-Дона вскоре обратились в далекие тени, тонущие в снежной пелене. Настало время подумать о Кэр-Ллюде и зачарованном Эмергине, охраняемом не только людьми, но и существами, на людей не похожими.

Путники изрядно промерзли и изголодались. Упряжь коней и накидки седоков поблескивали инеем. Каждое движение отзывалось болью во всем теле; лица немели на холодном ветру.

И все же они достигли Кэр-Ллюда. Остановившись на вершине холма, друзья увидели под собой широкую замерзшую реку. Город Кэр-Ллюд лежал по обе стороны реки, берега которой были соединены несколькими добротно сработанными деревянными мостами. Серый гранит зданий был покрыт толстым слоем снега; иные из строений поднимались вверх на несколько этажей. Кэр-Ллюд был крупнейшим городом этих земель. Некогда его населяло двадцать или тридцать тысяч жителей.

Город выглядел покинутым. Лишь туман, наполнял его улицы.

Туман был всюду. Он висел над Кэр-Ллюдом зыбким, изменчивым покровом, то сгущаясь, то обращаясь в легкую дымку. Это был туман Фой Мьёр, туман, ползущий вслед за огромными кривыми колесницами Людей Льдов. Корум боялся его так же, как он боялся тупой, бездушной силы последних владык Лимба.

У реки туман сгущался. Именно там Корум заметил какое-то движение. Он увидел огромную рогатую голову и огромное тело, отдаленно напоминавшее тело жабы. Гигант этот сидел в огромной скрипучей телеге, которую тянуло существо весьма странного вида.

С растрескавшихся на морозе губ Корума слетело одно единственное слово:

— Керенос.

— Хозяин псов? — презрительно фыркнул Джерри.

— Не только псов, — поправил его Корум. Джерри достал носовой платок и громко высморкался.

— Боюсь, что здешняя погода может повредить моему здоровью. Но ничего, скоро я доберусь до того негодяя, который сделал здешний климат столь омерзительным.

Корум покачал головой.

— На это у нас попросту не хватит сил. Нам следует избегать конфликтов с Фой Мьёр так же, как Гейнор избегает прямых стычек со мной. — Он посмотрел на вьюжный Кэр-Ллюд. — Город не охраняется. И это понятно — мабденов они уже не боятся. Ну что ж, нам это только на руку.

Корум взглянул на Джерри — тот буквально посинел от холода.

— Думаю, мы легко сойдем за ожившие трупы. Фой Мьёр и их слуги слишком тупы для того, чтобы

заподозрить нас в обмане. Идем.

Корум пришпорил коня, и друзья стали спускаться с холма. Перед ними лежал великий город, обхваченный туманом скорби.

Казалось, что они въехали из лета в зиму. Мороз, от которого так страдали Корум и Джерри-а-Конель, был пустяком в сравнении с той лютой стужей, которой встретил их город. Туман превратился в некое живое существо, которое впивалось в их тела с таким неистовством, что они едва не кричали от боли, и только боязнь как-то выдать себя удерживала их от этого. Гейнор Проклятый, полумертвые гулеги и Братья Елей, подобные Хью Агреху, с которым доводилось биться Коруму, попросту не замечали этой стужи. Однако для обычных смертных она была непомерна. Корума била крупная дрожь. Он боялся замерзнуть до смерти. Они ехали по городу, огибая особо плотные облака тумана. Они искали башню, в которой — как они надеялись — до сих пор жил Эмергин.

Они боялись выдать себя и потому ехали молча, памятуя о том, что за стеной тумана могут скрываться и соглядатаи. Кони шли бок о бок неспешным тяжелым шагом. Склонившись к Джерри, Корум прошептал:

— Видишь дом, что стоит слева от нас? Едь прямо в ворота, — похоже, дом пуст.

Въехав в распахнутые ворота, Корум оказался в узком коридоре. У стены стояли обнявшись две ледяные фигуры — старуха и девочка. Корум спешил и завел коня в комнату.

Следов разбоя в комнате не было. На столе стояло с десятков тарелок с окаменевшей едой. У стены лежали щиты и мечи, в углу стояло несколько копий. Похоже, перед трапезой мужчины, жившие в этом доме, отправились на бой с Фой Мьёр и не вернулись. Старуху и девочку поразил ужасный глаз Балахра. В доме могли быть и другие старики и дети, которые не пошли на безнадежную битву с Фой Мьёр. Корум мечтал о костре, согревшем бы его ноющие кости и изгнавшем бы морозный туман из его нутра, но не решался развести его, зная, что тем он выдаст себя. Ни ожившие трупы, ни Братья Елей не нуждались в тепле.

Джерри-а-Конель тоже завел своего коня в комнату. Из куртки он извлек дрожащего крылатого кота. Корум прошептал:

— Я схожу наверх, — попробую поискать одеяла.

Черно-белый котик жалобно замыкал и вновь юркнул под куртку Джерри.

Корум осторожно поднялся по деревянной лестнице и оказался на узенькой площадке. Как он и ожидал, здесь тоже стояли замерзшие люди, — два древних старца и трое детей. Старики видимо пытались согреть детей своим теплом, но так и не смогли.

Корум вошел в комнату и быстро нашел шкаф, в котором лежало множество заиндевевших одеял. К счастью, они не промерзли насквозь.

Принц набрал их столько, сколько мог унести, и пошел вниз. Джерри благодарно принял одеяла и тут же стал закутываться в них.

Корум снял свой необычный пояс. Это был неброский плащ, дар короля Файахэда, плащ Сидхи.

План дальнейших действий был уже известен. Джерри-а-Конель остается в доме присматривать за лошадьми, Корум же должен был отправиться на поиски Эмергина.

Прикрытые плащом руки стали невидимыми. Корум вновь поразился чудесному плащу. Джерри же, который видел его впервые, изумленно ахнул, едва не растеряв все свои одеяла.

Корум замер.

С улицы донеслись какие-то звуки. Корум осторожно подошел к темному окну и посмотрел в щель между ставнями. В липком тумане двигались фигуры. Множество зеленоватых фигур. Это были Братья Елей, те, что еще недавно были людьми. Теперь же по их жилам тек сок, а не кровь, и питали их не мясо и мед, но сама земля. Братья Елей были самыми страшными воинами Фой Мьёр, самыми умными их слугами. Их зеленых коней тоже питала земля.

Эти создания обречены на гибель, думалось Коруму, потому что Фой Мьёр так или иначе погубят

Землю, на ней не смогут расти и самые выносливые деревья. Впрочем, к тому времени Фой Мьёр уже не понадобятся и их зеленые воины.

Именно этих созданий Корум опасался более всего, — они во многом сохраняли свой прежний ум. Знаком он призвал Джерри к тишине и, затаив дыхание, вновь прижался к щелке.

Целая армия выступила в неведомый поход. Похоже, она уже покидала Кэр-Ллюд. Уж не в Кэр-Малод ли направлялись эти воины?

Армия уже прошла, но туман все сгущался и сгущался. Из тумана доносилось ворчание и похрюкивание; при всей странности этих звуков они могли быть и речью. Туман на миг рассеялся, и Корум увидел неуклюжих, безобразных животных, тянувших за собой плетеную колесницу. Коруму хотелось получше разглядеть седока, и он стал на цыпочки. Принц увидел красноватую шкуру и кривую, покрытую бородавками восьмипалую руку, сжимавшую странный предмет, напоминавший гигантский молот.

Все остальное было скрыто туманом. Колесница со скрипом проехала мимо. Вскоре вновь установилась тишина.

Корум надел на себя Плащ Сидхи. Он был сшит на куда более рослого человека, и Корум прямо-таки тонул в нем.

В тот же миг он увидел не одну, а две комнаты, так, словно на его глаз вдруг навернулись слезы. Комнаты слегка отличались друг от друга. Одна была комнатой смерти, в которой сидел закутавшийся в одеяла Джерри; другая была наполнена солнечным светом и теплом.

Только теперь Корум понял, что происходит с человеком, когда он надевает на себя Плащ Сидхи. В далеком прошлом Корум мог переносить себя из Измерения в Измерение, теперь же это происходило благодаря Плащу Сидхи. Подобно Хи-Брисэйлу, плащ принадлежал не только этому Измерению, — он уносил Корума за пределы этого мира через пространства, отделяющие Измерения друг от друга.

— Что случилось? — спросил Джерри-а-Конель, глядя прямо на Корума.

— А что? Разве я не исчез? Джерри замотал головой.

— Нет, — сказал он, — ты стал несколько расплывчатым и только. Мне кажется, что я смотрю на тебя сквозь какую-то дымку.

Корум нахмурился.

— Значит, Плащ все-таки не действует. И почему я не проверил его в Кэр-Малоде? Джерри-а-Конель задумался.

— Возможно, он действует, но действует только для мабденов. Не забывай, что мне частенько приходится болтаться между мирами. Тот, кто не обладает теми же видением и знанием, что и мы, скорее всего не заметит тебя.

Корум грустно улыбнулся.

— Ну хорошо, — сказал он. — Будем надеяться, что это так, Джерри. Он повернулся к двери.

— Будь осторожен, Корум, — сказал Джерри-а-Конель. — И Гейнор, и Фой Мьёр пришли сюда из другого мира. Для кого-то ты слишком заметен, кто-то может увидеть тебя тенью. Не забывай об этом! Ты затеял опасное дело.

Ничего не ответив Джерри, Корум покинул комнату и вышел на улицу. Принц шел к башне той твердой и уверенной походкой, какой порою восходят на эшафот.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

Корум вошел в открытые ворота и стал подниматься по пологим ступеням, которые вели прямоком в высокую башню, сложенную из гранитных плит. Однако проход загораживал огромный детина в кожаных одеждах. В обеих руках детина держал по сабле. Его красные глаза горели огнем, на бескровных губах застыла не то усмешка, не то гримаса злобы.

Корум встречал таких существ и прежде. Слуги Фой Мьёр гулеги, — а называли их именно так, — были ожившими трупами. Часто они сопровождали собачьи своры Кереноса, так как по большей части были знакомы с охотой и при жизни.

«Сейчас все станет ясно», — подумал Корум.

Стоя в метре от красноглазого гулега, он принял боевую стойку и взялся за рукоять меча.

Гулег не обращал на Принца никакого внимания. Он смотрел сквозь Корума и, похоже, совершенно не замечал его.

Корум испытал некоторое облегчение — Плащ Сидхи все-таки действовал. Он обошел стража и подошел ко входу в башню.

Здесь стояло сразу два гулега, но они, так же как и их соратник, не замечали Корума. Чувствуя себя едва ли не счастливым. Принц прошел вовнутрь и стал подниматься по винтовой лестнице, уводящей в глубь башни. Внутри башня оказалась неожиданно просторной. Старые истертые ступени и стены по обеим сторонам лестницы были покрыты искуснейшей резьбой. Здесь, как и всюду, мабденские мастера отдали предпочтение героическим и любовным сюжетам, изображавшим и людей, и богов; прекрасные картины отличались чистотой замысла и были совершенно лишены каких бы то ни было темных, безумных фантазий, обычно связанных с суеверностью и религиозным фанатизмом художника. Мабденам и так был понятен сокровенный смысл этих сюжетов.

То тут, то там висели обрывки тканых обоев. Ни корка льда, ни ядовитый туман не могли умалить их ценности, — здесь в сложнейших узорах сплетались золотые и серебряные, алые и пурпурные, желтые и лазурные нити. Корума вновь повергло в ужас то варварство, с которым Фой Мьёр и их слуги уничтожали творения мабденов.

Поднявшись на второй этаж башни, Корум оказался на широкой, выложенной камнем площадке. Вдоль ее стен стояли скамьи, над которыми были развешены парадные щиты. С площадки можно было попасть сразу в несколько комнат. Из одной слышались голоса.

Уже не сомневаясь в магической силе своего плаща, Корум смело подошел к приоткрытой двери и неожиданно почувствовал, что из комнаты веет теплом. Тепло и обрадовало, и насторожило Принца. Он осторожно глянул за порог и остолбенел.

У камина, в котором полыхал яркий огонь, сидели двое. И один, и другой были одеты в белые меховые шубы. Ни тот, ни другой не имели никакого отношения к Кэр-Ллюду. У противоположной стены комнаты какая-то девица накрывала на стол; белоснежная кожа и красные глаза выдавали в ней гулега, ожившего трупа. Ее присутствие свидетельствовало о том, что люди, сидевшие у камина, не были здесь случайными гостями. Напротив, они были гостями почетными, гостями, к которым была приставлена прислуга.

Одним из гостей Фой Мьёр был высокий стройный мабден, перчатки которого сверкали драгоценными перстнями, а шея — украшена золотым воротом. Длинные седые волосы и борода обрамляли его красивое лицо. На ремне, перекинутом через его плечо, висел старинный рог, — длинный рог, перевитый золотыми и серебряными кольцами. Корум уже знал, что на каждом из этих колец вырезано изображение лесного зверя. Этого мабдена он встречал у горы Мойдель, именно ему он отдал свою мантию, обменяв ее на рог, который таинственным образом вновь оказался у своего прежнего владельца. Это был волшебник Калатин.

Но еще сильнее потряс Корума вид собеседника Калатина. Некогда этот человек клялся, что он ни за что не станет вмешиваться в дела этого мира. Он называл себя карликом, но при этом имел восемь футов в высоту и четыре в плечах. Тонкие, изящные черты лица, едва различимые за его черными космами, говорили о его близости к вадагам. Под мехами поблескивала стальная нагрудная пластина; полированные ножные латы и шлем также были сделаны из стали, инкрустированной золотом. Перед ним стоял огромный боевой топор, формой он походил на топор Корума, но имел куда более внушительные размеры.

Это был Гоффанон, кузнец-сидхи из Хи-Брисэйла, отдавший Коруму Копье Брионак. От Калатина можно было ожидать чего угодно, но как же попал в услужение Фой Мьёр Гоффанон? Ведь он клялся в том, что больше никогда не ввяжется в войну мабденов и Богов Лимба! Неужели он обманул Корума? Неужели все это время он и волшебник Калатин состояли в тайном сговоре с Фой Мьёр? Но если это так, то зачем Гоффанон отдал Копье Брионак, решившее исход битвы при Кэр-Малоде?

Словно почувствовав присутствие Корума, Гоффанон повернул голову к двери. Не будучи уверенным в том, что сидхи не увидит его, Корум поспешно отступил назад.

В лице Гоффанона было что-то странное, что-то мрачное и трагическое; впрочем, Коруму это могло и показаться — слишком недолгой была эта встреча.

С тяжелым сердцем, ужасаясь вероломству Гоффанона и почти не удивляясь решению Калатина примкнуть к Фой Мьёр, Корум отошел от двери. Из комнаты донесся голос Калатина:

— Мы присоединимся к ним завтра, когда они выйдут в поход.

Корум услышал и другой голос, — низкий, тяжелый голос Гоффанона:

— Теперь Западу не устоять.

Так значит Фой Мьёр вновь готовятся к нападению, и скорее всего нападут именно на Кэр-Малод. Теперь они могут не бояться оружия сидхи, так как последний сидхи встал на их сторону.

С великой осторожностью Корум стал подниматься на следующий этаж. Сделав очередной поворот, он вдруг увидел сидевшего на корточках верзилу, что перегораживал своим грузным телом всю лестницу.

Не видя Принца, верзила поднял голову и стал принохиваться. В трех его глазах появилось удивление. Его розовая, покрытая щетиной плоть затряслась, когда он сел на ступеньку. У него было пять рук. Три руки были человеческими старческая, юношеская и женская, одна — обезьянья, и одна — лягушачья. Короткие ноги верзилы заканчивались тремя человеческими ступнями, раздвоенным копытом и лапой, похожей на собачью. Верзила был наг и безоружен. Стойкий запах дерьма, пота и гниющей пищи витал на лестнице.

Так ничего и не увидев, верзила закрыл три своих глаза и тут же захрапел. Корум беззвучно извлек из ножен меч и, уже не таясь, ударил им по голове диковинной твари.

Удар был направлен в округлую пасть чудовища — прежде чем поразить мозг, Корум должен был лишить его дара речи.

Глаза твари широко раскрылись. Один из них замигал и тут же погас.

Два прочих глаза, изумленно взирали на меч, появившийся из пустоты. Обезьянья рука хотела было схватиться за клинок, но тут же безвольно повисла. Наконец, глаза зверюги закрылись. Корум вернул меч в ножны и протиснулся в узкое пространство меж стеной и жирным податливым телом, моля о том, чтобы оно не было обнаружено стражами до той поры, пока Корум не найдет Великого Друида Эмергина.

Лестничный марш заканчивался площадкой, охранявшейся двумя гугегами с саблями наголо. Чувствовалось, что они и не подозревают о том, что внизу случилось нечто неладное.

Корум проскользнул между ними и оказался на площадке. Перед ним стояло два огромных пса Кереноса.

Собаки стали принохиваться. Они не видели его, но чувствовали его запах. Псы негромко зарычали.

Не раздумывая ни минуты, Корум пронесся между ними и, обернувшись, увидел, как псы, ловившие

зубами воздух, едва не вцепились друг другу в глотки.

Его взору открылся сводчатый проход, заканчивавшийся тяжелой, обитой чеканной бронзой дверью. Он вспомнил рассказ короля Файахэда о чудесных картинах, украшающих эту дверь. Она вела в покои Эмергина. На бронзовом крюке, вбитом в стену рядом с дверью, висел железный ключ. И дверь, и ключ охранялись огромным гулем.

За спиной Корума поскуливали псы Кереноса, обнюхивавшие каменные плиты, без команды они не могли покинуть своего места. На лице гулега появилось удивленное выражение. Он подался вперед.

— Что такое, собачки? Чужие пришли?

Корум проскользнул за спину гулега, тихо снял ключ с крюка, открыл дверь, вошел и тут же запер ее за собой. Медлительный тупой гулег мог и не заметить пропажи ключа, тем более, что все его внимание теперь было отдано собакам.

Корум оказался в покоях, завешанных богато украшенными темными портьерами. Неожиданно для самого себя он услышал запах свежескошенной травы. В покоях этих было значительно теплее, чем в комнате двумя этажами ниже, где Корум увидел Калатина и Гоффанона. В камине ярко полыхало пламя.

Но где же Эмергин?

Корум осторожно двинулся вперед. Из одной темной комнаты он попал в другую.

И здесь, наконец, он увидел нечто...

Вначале Принц решил, что перед ним животное, ибо существо это стояло на четырех конечностях и поедало стебли какого-то растения, лежавшие на золотом подносе.

Голова существа повернулась в сторону Корума, но тот, укрытый мантией сидхи, оставался для него невидимым. Большие добрые глаза были пусты, челюсти, пережевывавшие траву, лениво двигались. Тело существа было укрыто грязной овчиной, усеянной репьями. Все его одеяния были сшиты из грубо выделанной овечьей кожи; кожаная шапочка была одета даже на голову. Человек этот выглядел трогательно и жалко. Это и был Эмергин, Верховный Правитель мабденов, Великий Друид Крэг-Дона; Эмергин, подпавший под власть колдовских чар.

Некогда лицо это было красивым, важным и, вероятно, умным, но теперь о нем нельзя было сказать этого. Глаза его, не мигая, смотрели в пустоту, челюсти непрестанно двигались.

— Эмергин? — пробормотал Корум.

Забыв о траве, Эмергин поднял голову, открыл рот и испуганно заблеял.

После этого, так же на четвереньках, он перебрался в темный угол комнаты, почему-то казавшийся ему самым безопасным.

Корум вынул меч из ножен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕДАТЕЛЬ СПИТ, ТОВАРИЩ ПРОСЫПАЕТСЯ

Без лишних раздумий Корум взял меч за лезвие и наверху рукояти сильно ударил Эмергина по затылку; Принц поднял бесчувственное тело, поразившись его легкости. Этот, посаженный на растительную диету человек оголодал настолько, что трудно было понять, в чем же держится его жизнь. Корума предупредили о том, что освободить Эмергина от чар можно будет только тогда, когда он окажется вдалеке от Кэр-Ллюда. Великого Друида следовало нести на себе — иной возможности не было.

Коруму удалось накрыть Плащом не только себя, но и Эмергина. Посмотрев в зеркало, Корум уверился в том, что и Эмергин, и он сам стали невидимыми. Он направился к бронзовой двери, не выпуская из рук меч.

Корум осторожно повернул ключ и приоткрыл дверь. Гулег так и стоял рядом с собаками. Дьявольские псы сильно нервничали, но со своих мест не сходили. Они были так огромны, что головы их доходили до плеча гулега. Своими красными глупыми глазами гулег обвел лестницу и площадку. Корум был почти уверен в том, что гулег видел, как закрывается дверь, но тот вновь обратил свой взор к лестнице. Теперь Корум мог вернуть ключ на место.

И тут он поторопился. Ударившись о стену, ключ звякнул. Собаки тут же подняли уши и зарычали. Гулег, стоявший у лестницы, стал медленно поворачиваться. Корум прыгнул и ударом ноги столкнул его вниз. Полумертвое создание завопило и полетело по крутым гранитным ступеням. Собаки рассвирепели.

Одна из них попыталась схватить Корума, но Принц сделал резкий выпад мечом, точно попав в ее яремную вену.

Он почувствовал сильный удар в спину и, едва не потеряв равновесие, отступил на две ступени вниз, придерживая одной рукой тело Верховного Правителя. Развернувшись, Принц увидел летящего прямо на него гигантского пса, ощерившего свою Кроваво-красную пасть. Шерсть на загривке зверя поднялась дыбом, с желтых клыков стекала слюна, передние лапы были выпрямлены в прыжке. Корум едва успел подставить меч, как гигантские лапы, упершись в грудь, прижали его к стене. Уголком глаза он заметил двух стражей-гулегов, что бежали на шум.

Острие меча угодило прямо в сердце собаке, и та тут же издохла. Корум выдернул меч из ее тела и, крепко прижимая к себе Эмергина, расправил задравшийся плащ.

Гулеги остановились в нерешительности. Взглянув на труп зверя, они переглянулись, не зная, что им делать дальше. Ухмыльнувшись, Корум пропустил их мимо себя. Размахивая саблями, гулеги поднимались вверх по лестнице, считая, что убийца собаки таится именно там.

Корум сбегал вниз, переступив через труп диковинного верзилы, и вновь оказался на широкой площадке.

Калатин и Гоффанон, услышав шум, ринулись к лестнице. Первым из комнаты выбежал Калатин, крича:

— Что случилось? Кто здесь? Корума он не видел. Принц двинулся дальше.

И тут раздался низкий невнятный голос Гоффанона, в котором звучал скорее не гнев, но изумление:

— Корум! Что ты делаешь в Кэр-Ллюде? Корум прижал к губам палец, надеясь на то, что Гоффанон сохранил хоть какую-то верность своим сородичам вадагам, Сражаться Гоффанон явно не собирался, хотя и держал в руке свой огромный топор.

— Корум?! — Калатин, стоявший уже на лестнице, резко обернулся. — Где?

— Вот, — ответил Гоффанон, указывая рукой на Принца.

Калатин тут же все понял.

— Он стал невидимым! Его надо убить. Убей его! Убей его, Гоффанон!

— Хорошо, — Гоффанон стал поднимать свой страшный топор.

— Гоффанон! Предатель? — закричал Корум, выхватив меч и тем открыв себя Калатину. Волшебник достал из-за пояса длинный кинжал и медленно пошел на Корума.

Гоффанон еле двигался, Коруму показалось, что сидхи пьян. И Принц решил сначала прикончить Калатина. Меч, описав дугу, плоскостью клинка ударил волшебника по голове. Оглушенный, Калатин рухнул. Теперь все внимание Корума было сосредоточено на Гоффаноне; он надеялся на то, что тело Эмергина, повисшее на его плече, не слишком-то мешает ему драться с сидхи.

— Корум, — нахмурился Гоффанон. — Разве я должен убить тебя?

— Я тебе этого и не говорил, подлый предатель. Гоффанон стал медленно опускать занесенный было топор.

— А что сказал Калатин?

— Он не сказал ничего. — Корум начинал понимать, что же произошло с Гоффаноном. Заколдован был не только Эмергин. — Он хочет, чтобы ты защищал меня. Он хочет, чтобы ты пошел со мной.

— Хорошо, — просто ответил Гоффанон и встал рядом с Корумом.

— Бежим.

Корум склонился над бесчувственным телом Калатина и что-то поднял. Сверху доносились изумленные голоса гулегов. Страж, которого Корум сбросил с лестницы, стал оживать, хотя, казалось бы, при падении он должен был переломать все свои кости. Трудно убить того, кто уже мертв.

— Скоро о нашем визите станет известно не только здесь — нам надо спешить.

Они уже спускались по последнему лестничному пролету.

Снизу послышался шум, и из-за поворота выскочило трое стражей, охранявших вход в башню. Топот раздавался и сверху. Гулеги, искавшие врагов у покоев Эмергина, как-то сообразили, что те улизнули вниз.

Двое вверх и трое вниз.

Гулеги замешкались, ибо видели только Гоффанона. Вне всяких сомнений, их предупредили о том, что Гоффанон — союзник, и это чрезвычайно смущало их. Корум стремительно проскочил между ними, и когда гулеги все же пошли на Гоффанона, Принц несколько раз рубанул клинком по ногам гулегов. Упав на ступени, живые мертвецы продолжали ползти к Гоффанону, опираясь на руки, но не выпуская при этом и сабель. Гоффанон взмахнул своим топором и одним ударом отрубил ноги стражникам, сбегавшим сверху.

Они вышли из башни и тут же оказались в едком студеном тумане. Они сбежали по ступеням и понеслись по замерзшим улочкам, ведущим к дому, в котором Джерри ждал Корума. Гоффанон ни на шаг не отставал от Принца, все это время он о чем-то напряженно думал.

Когда они вошли в дом, Джерри-а-Конель уже сидел в седле. Конь Корума тоже был готов к дороге. Джерри так и не снял с себя драных одеял, из-под них выглядывало только его лицо. Вид кузнеца-сидхи потряс его.

— Так это ты — Эмергин?

Но в ту же минуту Корум сбросил с себя плащ-невидимку, и взгляду Джерри открылось истощенное тело, одетое в старую овчину, что лежало на плече у Корума.

— Вот Эмергин, — ответил Корум, не вдаваясь в дальнейшие объяснения. — А это — мой сородич, которого я чуть было не принял за предателя.

Корум осторожно положил Великого Друида на седло своего коня и обратился к Гоффанону:

— Пойдешь ли ты с нами, Сидхи? Или ты так и будешь служить Фой Мьёр?

— Служить Фой Мьёр? Сидхи так не поступают? Гоффанон не служит никому! Говорить ему было все еще трудно, да и взгляд его пока не прояснился.

Понимая, что времени на дальнейшие расспросы Гоффанона у него нет, Корум коротко сказал:

— Едем с нами.

— Хорошо, — ответил Гоффанон, смешно растягивая слоги. — Мне не нравится Кэр-Ллюд.

Они скакали в студеном тумане, что леденил и одновременно оберегал их от посторонних взглядов. На окраине города стояло воинство, готовившееся к походу. Чтобы избежать встречи с ним, спутники сделали большой крюк и выехали из города по другой дороге. Фой Мьёр готовились к походу на запад, и потому сосредоточили все свои силы и все свое внимание только на этом, — очевидно, именно этим и объяснялась та легкость, с которой друзья попали в город и покинули его.

Вскоре они оставили последние городские строения и стали взбираться на холм. Карлик Гоффанон легко бежал за лошадьми, на плече его висел громадный топор, длинные волосы развевались на ветру, из рта вырывались целые облака пара.

— Гейнор скоро осознает свою ошибку. Представляю, как он рассвирепеет! сказал Корум Джерри-а-Конелю. — Он поймет, что мы оставили его в дураках, и пустится в погоню за нами.

Груда одеял поежилась, — Джерри не хотел терять ни толики тепла.

— Мы должны добраться до Крэг-Дона, — проговорил он. — Там у нас будет достаточно времени для того, чтобы обдумать дальнейшие планы. — Джерри попытался улыбнуться. — Как бы то ни было, но кое-что у нас уже есть — я имею в виду Эмергина.

— Да. Они не станут уничтожать нас, если при этом погибнет и Эмергин. Впрочем, полагаться на это не стоит. — Корум сел в седле поудобнее.

— Насколько я знаю Фой Мьёр, они не станут слишком-то задумываться над этим, — согласился Джерри.

— Ох уж эти Фой Мьёр! Все наши беды и удачи зависят от их характера! Корум улыбнулся своему старинному товарищу. — Что бы ни ожидало нас впереди, Джерри-а-Конель, я рад уже и тому, что мы имеем сегодня. Не так давно я считал, что иду на верную смерть, теперь — если даже мне и придется умереть я буду знать, что мне удалось хотя бы что-то.

— А меня, признаться, сегодняшний день не слишком-то радует, — сказал Джерри-а-Конель. Он обернулся на Кэр-Ллюд, видневшийся вдали, так, словно собаки уже гнались за ними.

Спутники выехали из полосы тумана. Стало несколько теплее. Джерри постепенно освобождался от одеял, сбрасывая их прямо на снег. Коней можно было не подгонять, — Кэр-Ллюд и странное марево, стоявшее над ним, казались самым страшным из всего, что только может быть на свете.

Они услышали лай собак только через четыре дня. До Крэг-Дона было еще недалеко.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ЧАРАХ И МАГИИ

— Больше всего на свете я боюсь этих проклятых собак, — сказал Гоффанон.

С тех пор, как спутники оставили Кэр-Ллюд, речь сидхи существенно исправилась, а разум пробудился. Хотя о своей связи с Калатином Гоффанон почти не говорил.

— До Крэг-Дона еще миль тридцать.

Они остановились на вершине холма, пытаясь разглядеть сквозь снежную пелену собачью свору, идущую по их следу.

Корум задумался. Он посмотрел на Эмергина, который очнулся через день после того, как они покинули Кэр-Ллюд. Время от времени Великий Друид блеял, но понять, чего же он хочет, было невозможно. Он почти не ел, отворачиваясь от предлагаемой ему пищи. Большую часть времени он спал, но и проснувшись, он оставался совершенно безучастным и покорным.

Корум спросил у Гоффанона:

— Как ты оказался в Кэр-Ллюде? Помнится, ты обещал провести остаток своих дней на Хи-Брисэйла. Неужели Калатин приплыл на Зачарованный Остров и предложил тебе выгодную сделку?

Гоффанон фыркнул.

— Чтобы Калатин добрался до Хи-Брисэйла? Да никогда! И что он мог предложить мне кроме того, чем я уже обладал? Нет, боюсь, что я подпал под власть мабденского волшебника из-за тебя.

— Из-за меня? Почему?

— Помнишь, как я потешался над Калатином? Как я легкомысленно плюнул в тот мешочек, что ты дал мне? Это было не чудачеством, — Калатин знал, что он Сделает с моей слюной. Он оказался сильнее, чем я думал, — более того, сила его мне совершенно непонятна. Вначале на меня напала жажда — ужасная мучительная жажда. Рот постоянно был сух. Я едва не умер, хотя чуть не выпил все реки моего острова. Я пил не переставая, но жажда от этого лишь разгоралась. Меня охватил ужас, казалось, что я умираю. И тут мне явился образ, образ, посланный мабденским колдуном. Образ стал говорить со мной и убеждать, что Хи-Брисэйл отвергает меня так же, как он отвергает мабденов, что я умру, если не покину остров.

Карлик передернул своими могучими плечами и продолжил:

— Я не слишком-то поверил этому, но жажда становилась все сильнее. В конце-концов я не выдержал и отправился на материк, где меня и встретил Калатин. Он дал мне какое-то снадобье. Я выпил его, и жажда тут же прекратилась. Но, одновременно, я лишился и собственной воли, оказавшись полностью во власти злокозненного мабдена.

Я стал его рабом. И поныне он может управлять мной. Если он вновь подстережет меня, я не смогу противиться его приказам. Подобно тому, как он сделал из моей слюны нечто, вызывающее у меня жажду, он овладел и моим разумом. Непонятным образом чародей входит в меня и заставляет мое тело повиноваться ему. Пока он находится во мне, я не владею собой.

— Когда я ударил его по голове, ты освободился?

— Да. Ко времени, когда он оправится от удара, мы будем уже за пределами сферы его мистического влияния, — Гоффанон вздохнул. — Никогда не думал, что мабдены могут владеть таким странным даром.

— А как же рог? Он просто забрал его у тебя?

— Да, Корум. Для меня наша сделка окончилась неудачно.

Улыбнувшись, Корум извлек из-под плаща какой-то предмет.

— Да, — сказал он. — Но наша последняя встреча с волшебником была не напрасной.

— Мой рог!

— Минуточку, — сказал Корум. — Я помню, сколь мелочным ты был при заключении нашего договора, дружище. Строго говоря, теперь этот рог принадлежит мне.

Гоффанон печально кивнул.

— Это справедливо, — грустно промолвил он. — Хорошо, Корум, — теперь этот рог принадлежит тебе. Я сам во всем виноват, — я потерял его по собственной глупости.

— И при моем неосознанном содействии, — сказал Корум. — Дай мне его на время, Гоффанон. Придет час, я верну тебе твой рог. — Мне стыдно, Корум. Помнишь, как я торговался с тобой?

— Гоффанон, а что ты теперь собираешься делать? Наверное, вернешься на Хи-Брисэйл? Гоффанон затряс головой.

— Зачем? Мои интересы совпадают с вашими. Если вы одолеете волшебника и Фой Мьёр, я навсегда освобожусь от гнусных чар Калатина. Если же я вернусь на Хи-Брисэйл, Калатин вновь призовет меня к себе.

— Стало быть, мы можем на тебя рассчитывать?

— Да.

Джерри-а-Конель нервно заерзал в седле.

— Послушайте, — сказал он. — Они уже рядом. Наверное, они чуют наш запах. Полагаю, друзья, сейчас нам придется несладко.

В ответ Корум только засмеялся.

— Ты ошибаешься, Джерри-а-Конель. Пока нам бояться нечего.

— Не понимаю тебя. Ты только послушай, как страшно они воют! — Губы Джерри презрительно искривились. — Волки хотят съесть нашу овечку.

Словно в подтверждение его слов Эмергин тихонько заблеял.

Корум засмеялся вновь.

— Пусть они подойдут поближе, — сказал он. — Чем ближе, тем лучше.

Корум испытывал некоторую неловкость, и все же не мог отказать себе в удовольствии немного поиздеваться над Джерри, — тот грешил этим постоянно.

Они продолжили путь.

С каждой минутой псы Кереноса подбирались все ближе и ближе.

К тому времени, когда путники заметили собак, бегущих за ними, Крэг-Дон был уже в поле зрения. Друзья понимали, что дьявольские псы бегут куда быстрее, и они не успеют укрыться за семью каменными кольцами.

Обернувшись на преследователей, Корум попытался найти глазами всадника, одетого в переливчатые латы, но его в рядах преследователей не было. Псов сопровождали белоликие, красноглазые гулеги, привычные к подобным облавам. Уже не одно поколение их было рабами Фой Мьёр; уроженцы заморских восточных земель, они пытались отвоевать земли запада.

Гейнору, по всей видимости, пришлось возглавить воинство, вышедшее в поход на Кэр-Малод (если только воинство шло туда), — его отсутствие можно было объяснить только этим. Корум вынул из-за пояса рог и поднес к губам резной мундштук.

— Едьте в Крэг-Дон, — сказал он своим спутникам. — А ты, Гоффанон, возьми Эмергина.

Кузнец снял чахлое тело Великого Друида с седла Корума и положил его на свое огромное плечо.

— Но ведь ты можешь погибнуть... — начал было Джерри.

— Нет, — тут же оборвал его Корум. — Если я буду внимателен, со мною ничего не случится. Идите. Гоффанон расскажет тебе об этом роге.

— Кругом сплошные рога! — воскликнул Джерри. — Рог, что звучит перед концом света, рог, которым призывают демонов, рог, которым умиротворяют псов!

Джерри пришпорил своего коня и поскакал к высоким камням Крэг-Дона. Гоффанон бежал следом.

Корум затрубил в рог, и собаки, а их было десятка четыре, навестили красные уши, не замедляя при этом бега. Однако гулегов, скакавших на серых конях, этот звук привел в замешательство. Они стали отставать от своих псов.

Услышав запах Корума, псы радостно взвыли.

Корум протрубил в рог второй раз. В желтых горящих глазах псов появилось недоумение.

Зазвучали охотничьи рожки, — гулеги в панике подзывали своих собак, помня о том, что произойдет с ними, если рог прозвучит еще раз.

Собаки Кереноса были уже так близко, что Корум слышал их смрадный запах.

Псы замерли и стали нехотя возвращаться к ожидавшим их гулегам.

Увидев, что псы Кереноса отступают, Корум вновь приложил рог к губам и протрубил в третий раз.

Он увидел, как схватились за головы гулеги, как попадали они со своих седел. Они были мертвы, ибо третий сигнал рога был для них смертельным — так Керенос наказывал ослушников.

Псы Кереноса, которым была дана команда возвращаться домой, трусили туда, где лежали их мертвые хозяева-гулеги. Корум присвистнул, засовывая рог за пояс, и не спеша поскакал к Крэг-Дону.

— Возможно, это покажется вам святотатством, но мы нашли для него подходящее место. — Джерри смотрел на Эмергина, лежавшего на огромном алтарном камне.

Стояла ночь. Внутренний круг Крэг-Дона был освещен неровным пламенем костра.

— Чего я никак не могу понять, так это того, почему он ест только зелень. В самом деле, — не превратился же он в барана! Если так пойдет и дальше, вместо самого Верховного Правителя мы привезем в Кэр-Малод его труп!

— Помнится, ты говорил о том, что сможешь пробудить его спящее сознание, сказал Корум. — Если ты не шутил, то скажи нам, можем ли мы хоть чем-то помочь тебе?

— Нет, благодарю вас. Мне поможет мой котик. Но сначала я поем, — мне придется истратить массу времени и сил.

— Ну так ешь.

Джерри-а-Конель поел и досыта накормил своего кота, съевшего едва ли не больше, чем сам хозяин. Корум и Гоффанон почти не притрагивались к еде. Эмергин же не ел вовсе — запас сушеных овощей и фруктов подходил к концу, и потому Друида кормили редко.

На мгновение из-за облаков вышел месяц; его лучи осветили алтарь, скользнули по драной овчине, в которую был одет Эмергин. Луна тут же скрылась, и вновь лишь мерцающее пламя костра освещало древние камни.

Джерри-а-Конель что-то прошептал своему коту и нежно погладил его. Кот замурлыкал. Джерри взял его на руки и направился к алтарю, где спал изможденный, тощий Эмергин.

Джерри-а-Конель приставил голову крылатого кота к голове Эмергина и прислонился лбом к кошачьей голове. Установилась тишина.

Внезапно раздалось громкое блеяние; понять, кто блеет — Эмергин, кот или Джерри — было невозможно.

Блеяние смолкло.

Костер погас. Стало совсем темно. Корум видел только грязно-белые одеяния Эмергина, очертания кота, прижавшегося своей головкой к темени Верховного Правителя и напрягшееся лицо Джерри-а-Конеля.

Голос Джерри:

«Эмергин... Эмергин... мудрый друид- гордость народа. — Эмергин. Эмергин... вернись к нам...»

Снова блеяние, — на сей раз неуверенное.

«Эмергин...»

Коруму вспомнилось заклинание, которым мабдены вызывали его из собственного мира, мира вадагов. Магические формулы Джерри странным образом походили на заклинания короля Маннаха. Вероятно, это было вызвано тем, что Джерри пытался воззвать именно к Эмергину, — тот жил уже совершенно иной жизнью, жизнью овцы, и, скорее всего, существовал не только в этом мире. Джерри выбрал язык, созвучный его подлинному «Я», лишь так можно было пробудить Правителя. Корум ничего не понимал в той сложной системе, что величалась людьми этого мира магией, но он кое-что знал о множественности Вселенной, о разнообразии ее Измерений, которые порой могли и пересекаться. Он считал, что мабденская магия основывается на интуитивном знании иных миров.

«Эмергин... Верховный Правитель... Эмергин... Великий Друид...»

Блеяние стало едва слышным; одновременно зазвучало нечто, отдаленно напоминавшее человеческую речь.

«Эмергин...»

Раздалось мяуканье и тут же послышался далекий голос.

«Эмергин из рода Эмергинов... искателей знания...»

— Эмергин. — Это был голос Джерри, странный напряженный голос, — Эмергин, ведома ли тебе твоя судьба?

— Колдовство... Я больше не человек... Но какая разница, кем быть...

— Разница есть. Твой народ ждет твоего водительства, твоей силы, твоего присутствия

— Я во всем... Все мы, во всем... форма, принимаемая нами, не имеет значения.....дух...

— Иногда форма важна, Эмергин. Сейчас судьба народа мабденов зависит от того, захочешь ли ты принять на себя свою прежнюю роль. Что может вернуть тебя к людям, Эмергин? Какая сила может пробудить тебя?

— Только сила Дуба и Овена. Лишь Дева Дуба сможет вернуть меня в мой дом. Если вы Хотите, чтобы я вернулся, найдите Золотой Дуб и Серебряного Овена, найдите того, кому они ведомы...Лишь Дева Дуба сможет — вернуть — меня — в дом — мой...

И тут раздалось испуганное блеяние овцы. Джерри свалился с алтарного камня, а кот раскрыл крылья и взлетел на вершину одной из гигантских колонн, казалось, он чего-то испугался.

Грустная песнь ветра звучала над древним святилищем. Тучи стали еще чернее. Блеяние овцы вновь наполнило собою каменные круги, но вскоре оно замолкло.

Гоффанон очнулся первым. Покусывая свою черную бороду, он забубнил:

— Дуб и Овен. И то, и другое — дары сидхи. Мабдены называют их «Сокровищами». Где-то я о них уже слышал. Один из тех мабденов, которых занесло на мой остров, рассказывал о них перед смертью. — Гоффанон передернул плечами. — О подобных штуковинах мне говорили едва ли не все мабдены, попадавшие на остров. Именно интерес к талисманам и волшебству заставлял их искать Хи-Брисэйл.

— И что же тебе рассказал тот мабден? — спросил Корум.

— Он рассказал мне о пропавших Сокровищах, о том, как старый воин Онраг бежал с ними из Кэр-Ллюда, и как он потерял их. Дуб и Овен были потеряны им у границ страны Туха-на-Гвиддню Гаранхир, лежащей за морем, к северу от земель Туха-на-Кремм Кройх. Добраться туда можно и по суше. Народ этой страны нашел и Золотой Дуб, и Серебряного Овена, — это талисманы, подаренные мабденам сидхи. Они и поныне хранятся там. Люди относятся к ним, как к великим святыням.

— Стало быть, мы сможем вернуть Эмергина в чувство лишь после того, как мы найдем Дуб и Овена, — сказал Джерри-а-Конель. Он выглядел бледным и усталым. Но, боюсь, он умрет, прежде, чем мы

сделаем это. Он нуждается в пище. Кормить же его можно только той травой, которую собирали для него слуги Фой Мьёр. Эта трава обладает магическими свойствами: помимо того, что она питает его тело, она усиливает и власть чар. Если в скором времени он не вернется к своей человеческой сущности, он умрет.

Джерри-а-Конель говорил уверенно; впрочем, ни Корум, ни Гоффанон не сомневались в истинности его слов. Эмергину день ото дня становилось все хуже и хуже. Положение осложнялось тем, что запас сушеных фруктов и овощей практически иссяк.

— Если мы хотим спасти Эмергина, мы должны отправиться в страну Туха-на-Гвидднью Гаранхир и найти там Овена и Дуб, — сказал Корум. — Но Эмергин наверняка умрет прежде, чем мы ступим на эти земли. Похоже, мы проиграли.

Он взглянул на жалкое тело того, кто некогда был символом мабденской чести.

— Мы хотели спасти Верховного Правителя, но вместо этого погубили его.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СНЫ И ЯВЬ

Коруму снился луг, на котором паслись овцы. Вдруг эта мирная картина обернулась чем-то зловещим, — овцы дружно задрали головы, и Корум увидел вместо овечьих мордочек лица знакомых ему людей...

Принцу снилось, что он ищет прибежища в своем старом доме, замке Эрорн, стоящем на самом берегу моря. Корум хотел было подбежать к замку, как вдруг увидел, что меж ним и входом в замок пролегла огромная бездонная трещина... Принцу снилось, что он трубит в рог, созывая на Землю всех богов Вселенной, чтобы здесь, на Земле, разыгралась их последняя битва.

Его охватило жгучее чувство стыда — он стал вспоминать то, чего не помнил наяву. Он вспоминал события трагические: убийства друзей и возлюбленных, предательство целых народов, глумление над слабыми и невинными. И тихий голос сказал Коруму о том, что подвиги, которые он совершил за долгую свою жизнь, за тысячи своих воплощений, не стоят и половины грехов его, ибо Корум дерзнул принять на себя ответственность за жизнь Эмергина. Смерть Эмергина будет всецело на совести Принца. Еще одру душу сгубил он и будет за это осужден на муки вечные.

Зазвучала музыка, музыка насмешливая, музыка сладкая. То играла арфа.

И Корум отвернулся от бездны и увидел перед собой три фигуры. Одну из них он сразу узнал — это была милая его сердцу Медбх. На ней было голубое парчовое платье, волосы были убраны лентами, на руках и ногах поблескивали золотые браслеты. В руках девушка держала пращу и меч. Принц улыбнулся ей. Она же словно и не заметила его улыбки. Он узнал и стоявшего рядом с ней юнца, и оттого ему стало страшно. Юноша с золотистой кожей улыбался безжалостной улыбкой и играл на арфе-насмешнице.

Корум выхватил меч и пошел на златолицего юнца.

И тут, подняв руку, выступила вперед третья фигура. Лицо этого человека было скрыто тенью. Корума охватил ужас. Он не знал этого человека, но боялся его куда сильнее, чем юнца с арфой. Корум заметил, что поднятая рука незнакомца сделана из серебра, мантия же его выкрашена в алый цвет. Корум в ужасе отвернулся, боясь увидеть свое собственное лицо.

И он прыгнул в бездну. Все громче и громче играла арфа победные песни; он же все глубже опускался в бескрайнее царство ночи.

Вдруг засиял ослепительный свет.

Открыв глаза, Корум увидел восходящее солнце.

Он видел перед собой каменные глыбы Крэг-Дона, что средь снегов казались темными и мрачными.

Кто-то держал его за плечо; решив, что это Гейнор, Корум хотел было освободиться, но неожиданно услышал над собой бас Гоффанона:

— Все уже прошло, Корум. Ты проснулся. Корум перевел дыхание.

— Гоффанон, ты бы знал, какой ужас мне снился...

— Не вижу в этом ничего удивительного, ведь ты спал в самом центре Крэг-Дона, — пробубнил сидхи. — И еще на тебя подействовали вчерашние штучки Джерри-а-Конеля.

— Подобный же сон я видел на Хи-Брисэйле, — сказал Корум, растирая застывшее лицо. Он старался дышать глубоко, ему казалось, что холодный воздух сможет развеять память о сне.

— Хи-Брисэйл похож на Крэг-Дон, потому и сны здесь снятся похожие, сказал Гоффанон и распрямился. — Говорят, правда, что к иным людям здесь приходят чудесные, прекрасные видения.

— Чего мне не хватает сейчас, так это именно таких видений.

Гоффанон переложил топор из правой руки в левую и помог Коруму подняться на ноги. Укрытый

плащом, Эмергин спал на алтарном камне. Джерри лежал возле самого костра, свернувшись в клубок кот мирно спал, касаясь щеки своего хозяина.

— Нам следует отправиться в землю Туха-на-Гвидднью Гаранхир, — сказал Гоффанон. — Я уже все продумал.

Корум с трудом улыбнулся.

— Стало быть, ты остаешься с нами. Гоффанон недоуменно пожал плечами.

— Выходит, что так. У меня нет другого выхода. Но вернемся к делу. Часть пути мы пройдем морем, — так будет быстрее.

— Ты забываешь о том, что мы идем не налегке, — с нами Эмергин.

— Тогда один из нас должен отвезти Эмергина в Кэр-Малод, — сказал Гоффанон. — Остальные пойдут в Кэр-Гаранхир. Если нам удастся найти Золотой Дуб и Серебряного Овена, мы спокойно вернемся в Кэр-Малод по морю. Иных вариантов нет — иначе Эмергину не выжить.

— Значит, так мы и поступим, — согласился Корум.

Джерри-а-Конель зашевелился. Он нащупал рукой свою широкополую шляпу и натянул ее на голову. Щуря глаза, Джерри сел. Кот жалобно замыкал и тут же перебрался к нему на колени. Джерри потянулся и протер глаза.

— Как наш Эмергин? — спросил он. — Я видел его во сне. Здесь, в Крэг-Доне происходило грандиозное действие, которым он руководил. Только представьте себе — тысячи мабденов поют хором. Хороший сон.

— Эмергин все ещё спит, — сказал Корум. Он рассказал Джерри о своем разговоре с Гоффаноном. Джерри одобрительно кивнул.

— Но кто же отправится в Кэр-Малод? — Он поднялся на ноги, взяв на руки своего черно-белого котика. — Думаю, что лучше всего для этой роли подхожу я.

— Почему?

— Во-первых, потому, что перегонять овечку с места на место — дело нехитрое. Во-вторых, в отличие от вас, я не слишком-то связан со всей этой историей. Представьте, как будет ликовать народ Гвидднью Гаранхира, когда он увидит не одного, а сразу двух героев-сидхи!

— Хорошо, — согласился Корум. — Ты отправишься в Кэр-Малод вместе с Эмергином. Там ты расскажешь обо всем, происшедшем с нами, и о наших планах. Не забудь предупредить о том, что Фой Мьёр вновь идут войной. Если Кэр-Малод укроет в своих стенах Эмергина, ему можно будет не опасаться леденящего ока Балахра, — тем самым, в нашем распоряжении будет больше времени. К счастью, Фой Мьёр передвигаются медленно; возможно, нам удастся поспеть в Кэр-Малод еще до их прихода.

— Если только они направляются в Кэр-Малод, — сказал Гоффанон. — Мы знаем только о том, что они идут на Запад. Вполне возможно, что целью их похода является уничтожение Крэг-Дона,

— Почему они так боятся его? — спросил Корум. — Разве сейчас он им опасен?

Гоффанон принялся поглаживать бороду.

— Возможно, да, — сказал он. — Крэг-Дон был построен во времена первой войны Фой-Мьёр с сидхи и мабденами. Он обладает не только символическим, но и практическим значением. Одно из его назначений — играть роль своеобразной ловушки, заглывающей Фой Мьёр. Крэг-Дон обладает, а вернее будет сказать, обладал, способностью возвращать тех, кто не принадлежит к этому миру, в их собственные миры. Однако он не действует на нас, сидхи; будь это не так, я давно бы покинул этот мир. Такова уж наша судьба — мы построили Крэг-Дон, но мы не можем воспользоваться им. К сожалению, заманить сюда всех Фой Мьёр нам не удалось, те же из них, кто остался в живых, стали избегать этого места.

Взгляд Гоффанона затуманился, казалось, он вспоминает те далекие дни, когда он вместе со своими братьями сидхи сошелся с Фой Мьёр в ужасной битве. Гоффанон печально смотрел на каменные круги Крэг-Дона.

— Да, — грустно сказал он, — некогда это место обладало великой силой.

Корум подал Джерри длинный витой рог и Плащ Сидхи.

— Возьми эти вещи, — сказал Принц, — ведь дальше ты поедешь один. Рог защитит тебя от псов Кереноса и псарей-гулегов. Плащ сделает тебя невидимым для Братьев Елей и прочих слуг Фой Мьёр. Тебе не обойтись без этих вещей, если ты хочешь добраться до Кэр-Малода.

— А как же вы с Гоффаноном? Разве вам не нужна защита?

Корум покачал головой.

— Мы рискуем только собой. С одной стороны — нас двое, с другой — мы не обременены Эмергином. Джерри кивнул.

— Ну что ж, я приму твои дары.

Вскоре они уже оседлали своих коней и, не мешкая ни минуты, отправились в путь. Гоффанон бежал впереди, боевой топор, висевший у него на плече, и полированный стальной шлем холодно поблескивали.

— Тебе — на юго-запад, нам — на северо-запад, — сказал Корум. — Скоро наши пути разойдутся, Джерри-а-Конель.

— Остается уповать на то, что пути эти сойдутся вновь.

— Будем на это надеяться.

Они пришпорили своих коней и еще какое-то время скакали вместе. Разговор у них не клеился.

Вскоре Джерри свернул на дорогу, что вела в Кэр-Малод. Корум печально смотрел на его быстро удалявшуюся фигурку. Джерри держал обмякшее тело Верховного Правителя перед собой, положив его поперек седла.

Все дальше и дальше скакал Джерри по бескрайней заснеженной равнине. Корум неотрывно смотрел на него, пока он совершенно не исчез из виду.

Всю дорогу Корум думал о Джерри и о его, Джерри, необычной судьбе. Неутомимый Гоффанон бежал за ним.

Время от времени Коруму вспоминался сон, виденный им в Крэг-Доне, и тогда он пришпоривал коня, словно надеялся оставить дикие видения позади.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МОРЕ И ВОЛНЫ

Корум отер со лба пот и, с удовольствием сняв шлем и нагрудную пластину, бросил их на дно маленькой лодки.

В ясном небе сияло солнце. Воздух дышал весенней прохладой, но Коруму и Гоффанону, привыкшим к смертельной стуже земель, завоеванных Фой Мьёр, он казался нестерпимо жарким. Корум разделся, оставив на себе легкую куртку и штаны. Ему не хотелось бросать коня, но, глядя на блиставшие впереди океанские шири, он понимал, что иного выхода нет. Лодка, найденная ими, с трудом выдерживала вес одного Гоффанона, в нее же должен был сесть еще и Корум.

Корум стоял на причале заброшенной рыбацкой деревушки. Обитатели ее либо ушли в Кэр-Малод еще до появления Фой Мьёр, либо были пленены слугами Народа Льдов. Как бы то ни было, многое, включая и несколько лодок, было оставлено. Большие лодки по всей видимости были отогнаны в страну Туха-на-Гвидднью Гаранхир или еще дальше — в страну Туха-на-Мананнан, страну короля Файахэда. Никаких следов пребывания Фой Мьёр в деревушке не было. Скорее всего, люди успели уйти отсюда. Беленые домики и сады выглядели так, словно люди жили в них и поныне. Похоже, деревушка была оставлена совсем недавно.

Гоффанон жаловался на жару, но не снимал с себя ни нагрудной пластины, ни шлема. Как только Корум подвел лодку к пристани, карлик тут же забрался в нее, сжимая в руках свой огромный топор. Корум положил на дно лодки пику и топор и осторожно забрался на нос. Ему пришлось вынуть весла из уключин, ибо Гоффанон наотрез отказался грести, объясняя это тем, что в гребле он ничего не смыслит. Корум дорого заплатил бы за парус, но ничего подходящего в деревушке не нашлось.

Принц оттолкнул лодку от пристани и стал разворачивать ее, пока суденышко развернулось носом к темной ниточке берега, лежавшего по ту сторону моря, к стране Гвидднью Гаранхир.

Корум направлял лодку длинными энергичными гребками; вначале гребля утомляла его, но затем, когда Корум вошел в ритм, работа веслами стала едва ли не радовать его — лодка шла на удивление легко и ровно.

После студеного воздуха заснеженных пустошей запах моря казался сладким. Море было удивительно мирным. Принцу вспомнилось его плавание на Хи-Брисэйл, где он и встретил этого огромного самозванного карлика, что сидел теперь на корме лодки и водил по воде своей огромной ручищей, резвясь, словно малое дитя. Корум заулыбался — кузнец-сидхи нравился ему все больше и больше.

— Кто знает, может в Кэр-Малоде и найдутся целебные травы, что поддержат силы Эмергина, — сказал Гоффанон, глядя на волны. — Там о них должны знать. Такие травы теперь редкость — они растут только на древних мабденских землях.

Решив немного отдохнуть, Корум положил весла в лодку и глубоко вздохнул.

— Да, — сказал он, — и я на это надеюсь. Однако травы, которыми Правителя кормили в Кэр-Ллюде, могли готовиться особенным образом, — заменить их другими будет не просто. — Он улыбнулся. — Ты знаешь, когда я вижу над собою Солнце, я чувствую себя куда увереннее.

Корум снова взялся за весла.

Через какое-то время Гоффанон заговорил вновь.

Он нахмурил свои черные брови и через плечо Корума стал вглядываться вдаль.

— Похоже, впереди туман. И это в такую-то погоду!

Корум не стал оборачиваться, — он боялся сбиться с ритма.

— Густой-прегустой, — сказал Гоффанон через пару минут. — Я думаю, лучше туда не плыть.

Перестав грести, Корум обернулся. Гоффанон был прав. Над морем стелился туман. Берег, к которому

они направлялись, был едва виден. Оставивший весла Корум почувствовал, что стало несколько прохладнее.

— Ну что ж, нам не повезло, — сказал он, — но у нас нет времени на то, чтобы плутать по морю. Мы поплывем прямо к берегу, надеюсь, туман скоро рассеется.

Принц взялся за весла.

Вскоре похолодало настолько, что ему пришлось откатать рукава своей куртки. Впрочем, пока холод был терпимым, и Корум не спешил одевать на себя нагрудную пластину и шлем, — они мешали бы ему грести. Лодка стала идти тяжелее, Принцу казалось, что он погружает весла в липкий ил. Вокруг лодки стали виться струи тумана. Гоффанон вновь помрачнел, его стало знобить.

— Разве такое бывает? — прорычал он и, заерзав, раскачал лодку так, что она едва не перевернулась. — Разве такое бывает?

— Ты думаешь, это туман Фой Мьёр? — спросил Корум.

— Они похожи, как две капли воды.

— Наверное, ты прав.

Теперь туман окружал лодку со всех сторон. Корум перестал грести, и судно стало замедлять ход. Внезапно лодка остановилась.

Корум глянул за борт.

Море замерзло. Оно застыло едва ли не мгновенно — волны превратились в ледяные горки, изящно разукрашенные замерзшими пузырьками пены.

Корума охватило отчаяние; нагнувшись, он достал со дна лодки пику и топор.

Гоффанон тоже поднялся со своего места и осторожно попробовал ногою лед. Он неуклюже выбрался из лодки и стал торопливо затягивать ремни своей шубы. Из рта валил пар.

Корум тоже набросил на себя накидку и стал озираться по сторонам.

Послышались какие-то звуки. Ворчание. Крик. Принцу показалось, что он слышит скрип огромной боевой колесницы и тяжелые шаги безобразных тварей. Фой Мьёр не нужны были корабли — они мостили свои морские пути льдом. Быть может, они узнали о планах Гоффанона и Корума и решили сорвать их? Или же они просто навели свой мост?

«Скоро мы об этом узнаем», — думал Корум, сидя у лодки.

Фой Мьёр и их воинство двигались с востока на запад; в том же направлении, но несколько под иным углом пролегал путь Корума и Гоффанона. Вдали появились темные фигуры. Корум почувствовал знакомый запах елей и увидел грузные тела Фой Мьёр, едущих на колесницах. Здесь же был и Гейнор, как всегда его доспехи переливались всеми цветами радуги. Фой Мьёр направлялись вовсе не к Кэр-Малоду — они шли на Кэр-Гаранхир.

Если не опередить Фой Мьёр, вряд ли удастся найти Овена и Дуб.

— Гаранхир, — пробормотал Гоффанон. — Они идут к Гаранхиру.

— Да, — с отчаянием в голосе отозвался Корум. — У нас нет иного выхода, кроме как следовать за ними. Когда же мы окажемся на суше, мы попытаемся опередить их. Мы должны предупредить народ Гаранхира об их приближении. Мы должны предупредить короля Даффина!

Гоффанон пожал огромными плечами и почесал нос. Взяв топор в правую руку, он улыбнулся.

— Что поделаешь — должны, значит, должны, — сказал он.

К счастью, псов Кереноса в армии Фой Мьёр не было. Похоже, чудовища рыскали вокруг Крэг-Дона в поисках Эмергина и трех друзей. Собаки тут же учуяли бы двух притаившихся людей.

Корум и Гоффанон осторожно двинулись вслед за Фой Мьёр, надеясь в скором времени увидеть землю. Они быстро выбились из сил, так как идти им приходилось по застывшим морским волнам. Вскоре

Фой Мьёр и Братья Елей вышли на берег, что еще час назад был зеленым и полным жизни, — теперь он дышал смертью и холодом.

Как только Фой Мьёр сошли со льда, он стал стремительно таять. К счастью, море здесь было мелким — Коруму вода доходила до подбородка, Гоффанону — до груди.

Друзья вышли на морозный берег.

Корум наглотался соленой морской воды, — его душил кашель. Гоффанон, ни минуты не раздумывая, схватил Принца под мышку, и с этой тяжелой ношей, бряцая латами, понесся на холм.

У Корума заныли ребра.

— Ты очень странный карлик, Гоффанон. Меня поражает то, как в твоём крошечном теле умещается такое количество энергии.

— Мой малый рост компенсируется повышенной выносливостью, — серьёзно ответил ему сидхи.

Уже через два часа они оставили Фой Мьёр далеко позади.

Друзья решили передохнуть и спустились в неглубокую ложбинку. Они сидели на земле и радовались запаху трав и цветов. Через несколько часов те должны были превратиться в лед, и потому их запах казался особенно благоуханным.

Гоффанон вздохнул и нежно посмотрел на цветок мака.

— В этом мире найдется немного земель, что могли бы сравниться красотой с землями мабденов, — сказал он. — Но они исчезнут. Их погубят Фой Мьёр.

— О каких это других землях ты говоришь? — спросил Корум. — Что тебе о них известно?

— Те земли давным-давно обращены в лед этими вырожденками, — сказал Гоффанон. — Эта же земля пока не умерла. Отчасти это связано с тем, что Фой Мьёр боятся Крэг-Дона, отчасти с тем, что именно здесь селились сидхи. Долгое время Фой Мьёр не осмеливались покидать своих восточных морей.

Он поднялся на ноги.

— Может быть, ты сядешь ко мне на плечи? Думаю, тебе так будет удобнее.

Корум с благодарностью принял предложение кузнеца и тут же вскарабкался к нему на плечи.

Не мешкая, друзья пустились в путь.

— Да, мабденам надо объединяться, — сказал Корум со своей своеобразной трибуны. — Если бы их племена были связаны друг с другом, они обладали бы куда большей силой.

— А как же быть с Балахром и всеми остальными? Что могут противопоставить мабдены грозному оку Балахра?

— Они владеют Сокровищами. Достаточно вспомнить Копье Брионак — сколь большой урон оно нанесло Фой Мьёр!

— Копья Брионак больше нет, — с грустью в голосе сказал Гоффанон. — Оно ушло из этого мира навсегда. Наверное, оно вернулось на свою родину.

Путники оказались в узкой теснине, сжатой с обеих сторон известковыми скалами, покрытыми зеленым дерном.

— Насколько я помню, — сказал Гоффанон, — город Кэр-Гаранхир лежит по ту сторону перевала.

Теснина становилась все уже. Они были уже у ее верхнего края, когда перед ними появился конный отряд.

Вначале Корум принял всадников за рыцарей Туха-на-Гвиддню Гаранхир, вышедших встречать путешественников. Но тут же Принц заметил, что и кони, и всадники имели зеленоватый цвет. Их встречали не друзья, но враги. Кони неожиданно расступились, и вперед выехал еще один всадник — его латы то и дело меняли свой цвет, а лицо было закрыто гладкой стальной маской.

Гоффанон остановился и, сняв Корума со своей шеи, поставил Принца на светлую глинистую почву.

Сзади слышались какие-то звуки. Гоффанон и Корум обернулись,

Внизу, в теснине, их ждала еще одна группа зеленых всадников. В воздухе запахло еловой хвоей.

Торжествующий радостный голос Гейнора многократно отражался от стен узкого ущелья.

— Ты мог бы продлить свою жизнь, Принц Корум, если бы ты остался в Крэг-Доне. Теперь скажи: где находится Эмергин, украденная тобой овечка?

— Когда я видел его в последний раз, он был близок к смерти, — ответил ему Корум, снимая с плеча свой боевой топор.

Гоффанон пробормотал:

— Пришло время рубить елки, Корум. Друзья встали спина к спине: Гоффанон лицом к отряду, стоявшему внизу, Корум — к воинам, ожидавшим наверху. Гоффанон взял свой топор так, что на его полированной поверхности заблистали солнечные лучики.

— Если мы и умрем, то умрем летом, — сказал Гоффанон. — Этот треклятый туман не будет есть нам кости.

— Я забыл тебя предупредить, — сказал Принц Гейнор Проклятый. — Эмергин кушает только самые редкие травы. Верховный Правитель мабденов превратился в барана. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения.

Корум услышал страшный рев, что раздавался откуда-то снизу. Фой Мьёр пришли сюда куда быстрее, чем Принц того ожидал.

Гоффанон удивленно склонил голову набок и стал прислушиваться.

Оба отряда зеленолицых всадников пошли в наступление. От грохота их копыт сотрясались известковые склоны. Гейнор дико захохотал.

Корум завертел топором и первым же ударом едва не перерубил шею вражескому коню, из раны которого тут же заструилась тягучая зеленоватая жидкость. Конь замер. Зеленые его глаза округлились, зеленые зубы заскрежетали. Зеленый всадник занес свой меч над головой Корума. Коруму уже приходилось биться с одним из Братьев Елей Хью Аргехом, он уже знал, как отражать удары.

Принц рубанул топором по вражеской руке, сжимавшей меч, и та, словно ветка дерева, упала наземь. Следующим ударом он подсек ноги коню, и животное забилось на земле, тщетно пытаясь подняться.

Всадник, ехавший следом, не мог нанести удара без того, чтобы не наехать на раненое животное. Сладковатый запах еловой хвои стал почти невыносимым. Некогда он нравился Коруму, теперь же его едва ли не тошнило.

Гоффанон уложил уже трех всадников и теперь занимался тем, что разрубал их на части. Когда-то эти рыцари были цветом мабденского воинства, теперь же вместо крови в их жилах тек древесный сок. Служа Фой Мьёр, они и стыдились своего особого положения и, одновременно, гордились им.

Сражаясь со всадниками, Корум пытался найти пути возможного отступления. Гейнор выбрал прекрасное место для атаки — стены теснины здесь были слишком круты для того, чтобы можно было забраться по ним наверх. Корум и Гоффанон могли держаться достаточно долго, выйти же из теснины они уже не могли. Рано или поздно Братья Елей, эти ожившие деревья, должны были одолеть их. Словно лес, шелестящий ветвями, раз за разом они набрасывались на одноглазого вадага с серебряной рукой и восьмифутового Сидхи с развевающейся черной бородой.

Гейнор хохотал, оставаясь на безопасном расстоянии от поля битвы. Он был занят своим излюбленным делом — он уничтожал героев, попирали правых, изгонял добродетельных, оправдывая свои деяния тем, что все эти качества никогда не принадлежали ему по-настоящему.

И потому Гейнор пытался заглушить любой голос, что напоминал ему о надежде, на которую он не мог отважиться, о чести, которую он боялся заслужить, о возможности его, Гейнора, спасения.

Корум устал. Пошатываясь, он отрубал зеленые руки и головы всадников, рассекал зеленые черепа коней. Липкий зеленый сок тек уже ручьями.

— Прощай, Гоффанон! — прокричал он своему товарищу. — Возрадовалось мое сердце, когда ты пришел к нам; но, боюсь, решение твое обернется для тебя смертью.

И вдруг Корум услышал- смех Гоффанона, что сливался с хохотом Гейнора Проклятого.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЗАБЫТЫЙ БРАТ

Теперь смеялся только Гоффанон.

Гейнор замолчал.

Корум пытался разглядеть Гейнора сквозь толпу зеленых всадников, но радужных доспехов нигде не было видно. Похоже, Гейнор Проклятый бежал с поля сражения.

Воины Елей отступали, в ужасе глядя в небо. Корум, уловив момент, тоже взглянул наверх и к собственному удивлению увидел там всадника. Всадник сидел верхом на лоснящемся вороном коне, накрытом алой попоной. Пряжки сбруи были сделаны из кости моржа, ремни поблескивали крупными жемчужинами.

Удушающий запах еловой хвои сменился свежим запахом моря. Корум тут же связал этот запах с улыбающимся всадником, что сидел на коне, держа поводья одной рукой.

Всадник натянул поводья, и конь легко перемахнул на другую сторону теснины. Только теперь Корум понял, сколь велики были конь и всадник.

Лицо всадника украшала золотистая борода. На вид ему было лет восемнадцать, не больше. Его золотистые волосы были собраны в косы, падавшие на грудь. На бронзовой нагрудной пластине всадника были изображены лик солнца, корабли, киты, диковинные рыбы и морские змеи. На руках поблескивали массивные золотые браслеты, украшенные такими же рисунками. Он был одет в голубой плащ с огромной круглой заколкой на левом плече. У него были ясные серо-зеленые глаза. На поясе висел тяжелый меч, который в длину был не меньше Корума. На плече

красовался огромный щит, сделанный из той же бронзы, что и нагрудная пластина.

Гоффанон, продолжая биться с воинами Елей, радостно приветствовал огромного всадника.

— Я слышал твой голос, брат! — закричал он. — Я сразу узнал тебя!

Гигант громогласно захохотал.

— Приветствую тебя, малютка Гоффанон! Ты хорошо сражаешься. Впрочем, опыта тебе не занимать.

— Ты пришел помочь нам?

— Выходит, что так. Эти мерзкие Фой Мьёр заморозили мое море. Жил я себе и жил в своем подводном замке и думал, что больше никогда не встречу с ними. Но Фой Мьёр явились сюда вновь со своими льдами, туманами и дурацкими солдафонами. Тогда-то я и решил преподать им урок.

Он извлек из ножен свой гигантский меч и опустил его в теснину, чтобы разметать им Братьев Елей. Те в ужасе бросились врассыпную.

— Встретимся наверху, — сказал гигант, дернув за поводья. — Боюсь, внизу мне будет тесно.

Под копытами огромного коня сотрясалась земля. Друзья выбрались из теснины и поднялись на перевал. Гоффанон, выронив топор, понесся к гиганту с радостным криком:

— Ильбрик! Ильбрик! Сын друга моего! Я и не знал, что ты жив!

Ильбрик был раза в два выше Гоффанона. Смеясь, он соскочил с коня.

— Ах ты, крошка кузнец! Знал бы я, что ты жив, давно бы нашел тебя!

Корум с изумлением смотрел, как Ильбрик поднял Гоффанона на руки и прижал его к себе так, словно тот был малым ребенком. Наконец, Ильбрик заметил вадага.

— Мал мала меньше! Я смотрю, этот крошка

смахивает на наших братьев вадагов. Кто это, Гоффанон?

— Он и есть вадаг, брат Ильбрик. С тех самых пор, как не стало сидхи, он защищает мабденов.

Корум поклонился гиганту. Он чувствовал себя до смешного маленьким.

— Приветствую тебя, брат, — сказал Принц.

— Что же случилось с твоим отцом, великим Мананнаном? — спросил Гоффанон. — Я слышал, что он погиб на Западном Острове и был похоронен под горой.

— Да. Одно из племен мабденов носит его имя. В этом мире он пользовался большой славой.

— И слава эта была заслуженной, Ильбрик.

— Сколько наших людей осталось в этом мире? — спросил Ильбрик. — Я-то, признаться, считал себя последним сидхи.

— Не знаю, — ответил ему Гоффанон.

— А сколько осталось Фой Мьёр?

— Шестеро. Не так давно их было семеро, но Черный Бык Кринанасса сразил одного из них прежде, чем он покинул этот мир или же умер. Черный Бык был последним из Великого Стада.

— Шестеро, — Ильбрик сел на траву и нахмурил свои золотистые брови. Может быть, тебе известны и их имена?

— Керенос, Балахр и Гоим, — ответил за Гоффанона Корум. — Остальных я не знаю.

— Ну а я так и вовсе не видел их, — сказал Гоффанон. — Как и прежде, они таятся в своем тумане.

Ильбрик кивнул.

— Керенос со своими псами, Балахр со своим Глазом и Гоим со своими зубами. Все та же мерзкая троица. С ними сражаться не просто, они — сильнейшие из Фой Мьёр. Потому они и дожили до этих времен. А я-то думал, что они так давно сгнили, что о них уже забыли и думать. Да, у Фой Мьёр есть сила, и сила немалая.

— Это сила Хаоса и Древней Ночи, — согласился Гоффанон, пробуя пальцем лезвие своего топора. — Жаль, что нет с нами наших товарищей и нет у нас Орудий Света, а то бы мы вмиг рассеяли холод и мглу...

— Но нас только двое, — грустно сказал Ильбрик. — Увы, нет больше на земле Великих Сидхи...

— Ты забываешь о мабденах, — сказал Корум. — Это отважный и сильный народ. Если мы сможем вернуть им их Верховного Правителя

— Верно, — перебил его Гоффанон и стал рассказывать своему другу о том, что же происходило на Островах Мабденов после того, как туда вновь вернулись Фой Мьёр. Он рассказал ему и о чарах волшебника Калатина, — правда, об этом он говорит с явной неохотой.

— Значит, Золотой Дуб и Серебряный Овен существуют до сих пор? — удивился Ильбрик. — Мне рассказывал о них отец. Об этом говорила и Прекрасная Фэнд, пророчествовавшая о том, что однажды эти предметы вернут мабденам былую силу. Моя мать Фэнд была великой провидицей; она могла быть слабой в чем угодно, но только не в этом.

Ильбрик улыбнулся и замолчал. Поднявшись на ноги, он направился к своему вороному коню, щипавшему травку.

— Я полагаю, нам следует поспешить в Кэр-Гаранхир и подумать о защите его стен. Как ты думаешь, все ли Фой Мьёр пойдут на город?

— Возможно, — ответил Корум. — Но обычно сами Фой Мьёр держатся позади, перед ними идут их слуги. Чего-чего, а коварства им не занимать.

— Такими они были всегда. Ну что, вадаг, согласен ли ты поехать вместе со мной? Корум улыбнулся.

— Я-то согласен. Главное, чтобы твой конь не возразил, — он может принять меня за блоху.

Ильбрик засмеялся и, схватив Корума рукой, усадил его рядом с собой так, что ноги Принца оказались по разные стороны передней луки седла. Корум, не привыкший еще к огромному сидхи, — кстати, теперь

он понимал, почему Гоффанон называет себя карликом, — чуть не закричал, когда Ильбрик, скрипя кожаными штанами, стал усаживаться в седло.

— Вперед, Тонкая Грива, вперед, мой хороший. Мы поедем туда, где живут мабдены.

Огромный конь пошел легким галопом. Вначале его широкие движения пугали Корума, но он быстро привык к ним и даже стал получать от такой езды некоторое удовольствие. Сидхи вели меж собой неспешную беседу. Гоффанон бежал вровень с конем.

— Отец оставил мне сундук с оружием, — задумчиво сказал Ильбрик. — Думаю, настало время смахнуть с него пыль. Только бы этот сундук нашелся.

— Желтое Копье и Красный Дротик? — дрожащим голосом спросил Гоффанон. Меч, который твой отец называл Мстителем?

— Ты ведь и сам знаешь о том, что большая часть его оружия была утрачена во время последней великой битвы, — ответил Ильбрик. — Все это оружие было напитано силой нашего мира, и потому использовать его в обычном бою непросто. Иными из орудий можно воспользоваться только один раз. Но, как бы то ни было, в сундуке может лежать и что-то интересное. Во времена последней битвы сундук этот лежал в одной из подводных пещер. Насколько я понимаю, за эти годы он мог пропасть, сгнить или оказаться в пасти морского чудовища.

— Ничего, об этом мы скоро узнаем, — сказал Гоффанон. — Если там лежит и Мститель...

— Лучше полагаться на собственные силы, — сказал Ильбрик, засмеявшись. Не стоит надеяться на оружие, пришедшее сюда из другого мира, может статься, его уже и нет. Впрочем, даже и с ним мы будем слабее Фой Мьёр.

— Ты забываешь о силе мабденов, — сказал Корум. — Она бывает действительно великой.

— Мне всегда нравились мабдены, — ответил ему Ильбрик, — хотя я и не разделяю твоей веры в их силы. Впрочем, времена меняются, а вместе с ними меняются и расы. Для того, чтобы говорить что-то о мабденах, мне нужно посмотреть, как они сражаются с Фой Мьёр.

— Эта возможность скоро представится, — сказал Корум, указывая вперед рукой.

Он увидел башни Кэр-Гаранхира. Они были высоки и прекрасны, куда выше и прекраснее Кэр-Ллюда.

Башни были сложены из светлого известняка и темного обсидиана, на вершинах их развевались флаги. Город был окружен массивной каменной стеной, делавшей его практически неприступным.

Впрочем, это впечатление было обманчивым. Ужасный глаз Балахра мог расколоть любые стены и уничтожить тех, кто скрывался за ними. Исход битвы вряд ли мог решить даже великан Ильбрик.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВЕЛИКАЯ БИТВА ПРИ КЭР-ГАРАНХИРЕ

Увидев лица воинов, вышедших к укреплениям на крик Ильбрика, Корум заулыбался, но, попав во дворец короля Даффина, стал мрачным, как туча. Стоя посреди великолепной залы, украшенной расцвеченными камнями стягами, он пытался говорить с человеком, который еле держался на ногах, но все прихлебывал и прихлебывал из своего кубка.

Добрая половина рыцарей короля Даффина лежала под скамьями, совершенно лишившись чувств. Кто-то, пошатываясь, произносил глупейшие тосты, кто-то, разинув рот, смотрел на чудом пробравшегося в залу Ильбрика, что сидел, согнувшись в три погибели, за спинами Корума и Гоффанона.

Туха-на-Гвидднью Гаранхир явно не были готовы к войне, — все они были мертвецки пьяны. Во дворце праздновалась женитьба сына короля Принца Гувинна на дочери великого рыцаря Кэр-Гаранхира.

Тех, кто еще бодрствовал, весьма впечатлило появление трех сидхи, которые были один больше другого; впрочем, иные из присутствующих приписывали оное явление действию меда...

— Король Даффин, на вас идет войной воинство Фой Мьёр, — в который раз повторял Корум. — Воинов этих сразить почти невозможно!

Лицо короля Даффина было красным от выпитого вина. Это был полный человек с приятными чертами лица; однако сейчас его лицо имело преглупейшее выражение.

— Боюсь, Корум, что ты переоценил мабденов, — спокойно сказал Ильбрик. Нам придется полагаться только на свои собственные силы.

— Постой! — Король Даффин нетвердой походкой двинулся к Коруму, так и не выпуская кубка из рук. — Разве они станут сражаться с хмельными воинами?

— Да, король Даффин, — ответил Корум.

— Но разве можно убивать пьяных? Впрочем, о чем я говорю, — эти варвары, что погубили наших восточных братьев, не имеют никакого понятия о чести!

— Вас убьют так же, как и их! Вы сами повинны в этом! — Похоже, Гоффанону уже надоела эта бестолковая беседа.

Король Даффин принялся ощупывать свой золотой ворот — символ его королевской власти.

— Выходит, что я подвел своих людей.

— Выслушай меня еще раз, — сказал королю Корум и вновь повторил свой рассказ. На этот раз король слушал внимательнее; когда развеселый рыцарь в очередной раз предложил поднять бокалы, король гневно швырнул свой кубок на пол.

— За сколько часов они доберутся до Кэр-Гаранхира? — спросил король.

— Часа за три-четыре. Мы немного опередили их. Впрочем, они могут отложить свою атаку до утра.

— Будем считать, что у нас есть только три часа.

— Ты прав, король.

Король Даффин стал метаться по зале, стараясь пробудить своих рыцарей. То и дело ему приходилось кричать, но его все равно не слышали. Корума охватило отчаяние.

Ильбрик произнес его мысли вслух.

— Так нельзя, — сказал он и стал протискиваться через двери. — Так нельзя.

Корум пытался как-то успокоить короля, но того уже было не остановить.

Гоффанон побежал вслед за своим братом.

— Не бросай их, Ильбрик! Они обычно другие! Земля затряслась от громового стука копыт.

Выбежав из замка, Корум увидел, как Тонкая Грива, огромный вороной жеребец, перелетает через стены Кэр-Гаранхира.

— Увы, он покинул нас, — сказал Корум. — Наверное, он решил побереечь силы для дел более достойных. Я понимаю его.

— Он так же упрям, как и его отец, — сказал Гоффанон. — Однако его отец никогда не бросал своих друзей.

— Ты тоже уйдешь?

— Нет. Я останусь с тобой. Я ведь уже говорил тебе о своем решении. Мы должны быть благодарны Ильбрику хотя бы за то, что он спас нас от Братьев Елей.

— Верно.

С тяжелым сердцем Корум вернулся в залу. Король Даффин пытался поднять двух мертвецы пьяных рыцарей.

— Вставайте! Вставайте! На нас идут Фой Мьёр! Они стояли на стене, то и дело прикладываясь к кувшинам с водой, которые таскали шустрые мальчишки. Глаза их были налиты кровью, руки дрожали. Кто-то так и не снял с себя праздничных нарядов, кто-то успел облачиться в доспехи. Вдыхая и постанывая, они высматривали врага.

— Смотри! — сказал Коруму мальчишка, таскавший воду. — Появилось какое-то облако.

Коруму это облако было хорошо знакомо. Туман клубился у самого горизонта.

— Да, и это означает, что скоро мы увидим Фой Мьёр, — сказал Корум. — Но сначала должны появиться их воины. Посмотри пониже, видишь всадников?

Казалось, что на Кэр-Малод движется зеленая волна.

— Что это, Принц Корум? — спросил мальчик.

— Это Братья Елей. Убить их почти невозможно

— Смотри, туман остановился!

— Так и, должно быть. Сначала на нас нападут слуги Фой Мьёр.

Он посмотрел на укрепления. Одного из рыцарей короля Даффина стало тошнить. Корум отвернулся, им вновь овладело отчаяние. Он увидел и других воинов, что готовили свои луки к бою. Эти воины, в отличие от королевских рыцарей, были почти трезвы. Их головы защищали бронзовые шлемы, сверкали начищенные до блеска бронзовые кольчуги. Кто-то был одет в кожаные штаны, кто-то — в кольчужные рукавицы. Кроме луков и стрел, воины держали копья, дротики и топоры. Корум несколько успокоился.

И тут до крепости донеслись странные звуки — холодные, гулкие, ни на что не похожие голоса Фой Мьёр. Сколько бы ни было в крепости защитников, как бы они ни вели себя, исход битвы был предрешен, — Фой Мьёр могли уничтожить их в любую минуту.

Гул голосов Фой Мьёр потонул в громе копыт. Зеленые кони несли зеленых всадников, сжимавших зеленые мечи. У стен всадники рассредоточились и принялись рыскать вокруг крепости, пытаясь угадать ее слабые места.

Сладковатый тошнотворный запах хвои пополз над крепостью. Налетевший ветерок дохнул на воинов таким хладом, что их стала бить дрожь.

— Лучники! — закричал король Даффин, высоко подняв свой меч. — Стреляйте!

Волна стрел встретилась с волной зеленых всадников и утонула в ней стрелы нисколько не вредили Братьям Елей и их коням.

По лестнице, ведущей на укрепления, торопливо надевая пояс с ножнами, взбежал юный рыцарь, одетый в длинную парчовую мантию, на которую была наброшена кольчуга. Каштановые волосы

обрамляли его красивое лицо; глаза смотрели испуганно и удивленно. Корум заметил, что юноша бос.

— Я здесь, отец! — закричал юноша, подбежав к королю Даффину.

Вероятно, это и был Принц Гувинн. Принц был почти трезв. Похоже, он только что встал с брачного ложа.

Вдали заблистал переливчатый огонь — это выехал Гейнор, возглавлявший пешие колонны гулегов. Казалось, что Гейнор Проклятый всматривается в лица защитников крепости, пытаясь увидеть среди них Корума. Желтое перо, украшавшее его шлем, покачивалось; меч сиял голубым и алым, серебром и золотом; восемь стрел Хаоса горели на его груди пульсирующим пламенем; диковинные латы переливались всеми цветами радуги. Высокий конь Гейнора гарцевал перед гулегской пехотой. На Корума смотрели тысячи красных звериных глаз. Вдруг Принц заметил, что в облаках тумана, скрывавшего Фой Мьёр, горит какой-то неведомый ему огонь. Неужели защитников крепости ждала какая-то новая напасть?

Братья Елей приближались все ближе и ближе; они смеялись, и смех этот походил на шорох и шелест листвы. Корум слышал этот смех и прежде — он боялся его.

Принц увидел лица рыцарей и воинов, стоявших на стенах крепости. Ужас застыл на них, ибо люди поняли, что имеют дело с врагом сверхъестественным. И все же ни один из воинов не поддался страху, ни один из них не сошел с крепостных стен.

Волны стрел одна за одной обрушивались на противника, и каждая из этих стрел находила свою цель. Во всем зеленом воинстве не было, казалось, ни одного всадника, чье сердце не было бы пробито стрелой с красным оперением.

Шелест становился все громче.

Неспешно и непреклонно наступали на крепость всадники. Некоторые из них были усеяны стрелами с головы до ног, но не сходила с их пустых лиц пустая улыбка, но не сводили они своих глаз с защитников. Многие из Братьев Елей походили на каких-то диковинных животных, сплошь покрытых длинными иглами. Подъехав к крепостной стене, воины спешили.

Они полезли на стены.

Зеленые воины лезли по отвесным стенам так, словно ни руки, ни ноги их не нуждались в опоре. Они ползли по стене подобно плющу. Все выше и выше тянулись зеленые отростки.

Несколько королевских рыцарей упало в обморок, ужаснувшись увиденному. Корум ни в чем не винил их.

Вот один из зеленых воинов уже влезал на стену; глаза его были недвижны, губы улыбались.

Блеснув, топор Корума отсек зеленую голову, и тело воина полетело вниз. Но в тот же миг на его месте появился другой воин. Корум отрубил голову и ему. Зеленый липкий сок хлынул на камни. Защитники крепости без остановки работали топорами. Рано или поздно они должны были устать, ибо зеленое воинство казалось неисчислимым.

Гейнор что-то прокричал своим солдатам-гулегам, и те пошли на приступ крепости. На кожаных ремнях они несли огромные бревна, которыми намеревались сокрушить крепостные врата. Противостоять этим таранам было невозможно — люди этого времени не знали, что такое осада. Вот уже несколько веков они сражались только один на один. Часто оба участника сражения оставались в живых мабдены. считали безнравственным убивать побежденного. Однако в борьбе с Фой Мьёр лучшие качества мабденов оказались их слабым местом.

Корум попытался окликнуть короля Даффина, как-то предупредить его о том, что гулеги с минуты на минуту могут ворваться на улицы города, но король Даффин не слышал его; стоя на коленях, он плакал. От него в сторону Корума бежал зеленый воин.

Король Даффин сидел рядом с телом воина, только что зарубленного Братом Елей. Убитый был одет в белую парчовую мантию, на которую была наброшена кольчуга. Не увидеть больше Принцу Гувинну своей возлюбленной.

Корум сделал низкий замах и нанес Воину Елей такой удар топором, что от его тела оторвались ноги.

Какое-то время Брат Елей был еще жив — ноги его двигались, руки дергались; но уже в следующее мгновение он вдруг замер, внезапно изменив свой цвет на бурый.

Корум подбежал к королю Даффину и закричал:

— Не плачь о нем, лучше отомсти! Сражайся, король Даффин, иначе погибнут все — и ты, и твой народ!

— Сражаться? Но ради чего? Тот, ради кого я жил, уже мертв. Скоро умрем и мы, Принц Корум. Так почему же я не могу умереть сейчас? Я больше не могу жить.

— Ради любви и красоты, — ответил Корум. — Вот ради чего ты должен сражаться! Ради чести и отваги!

Корум посмотрел на труп юноши, на рыдающего короля и устыдился своих слов. Он отвернулся.

Снизу раздался треск — это в крепостные ворота ударили тараны. На стенах будто вырос хвойный лес — Братьев Елей здесь уже было не меньше, чем мабденов.

Топор Гоффанона двигался мерно, словно маятник; с песнью на устах карлик косил наступавших на него врагов.

Побывал я в краю, где погиб Гвендолью,
Сейдава дитя, сказитель умелый.
Там вороны выются над полем кровавым.
Побывал я в краю, где Бран был убит,
Неридда сын достославный.
И слышал я там лишь вороний крик.
Побывал я в краю, где убили Ллахо,
Сын Урту сладкоголосого.
Лишь вороны в этой живут стране.
Побывал я в краю, где Мойриг погиб,
Карреяна сын, великий воин.
Растерзали его вороны клювы.
Побывал я в краю, где Гваллауг был убит,
Гохолет сын прекрасный.
Легира противник, сына Ллейнога.
Мабденских я навидался могил
От востока до севера хладного.
Сам я копал те могилы.
Мабденских я навидался могил
И на юге, и на востоке.
Жив только я — они же мертвы.

Тут только Корум понял, что Гоффанон поет свою последнюю песнь. Кузнец-сидхи готовился к смерти.

Бывал я и на могилах сидхи
На западе, и на востоке.
Теперь надо мной вороны кружится.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОСАДА ЗАМКА

Корум стал прорубаться к Гоффанону.

— К замку, Гоффанон! Отступай к замку! Гоффанон допел песню и обратил свой взор к Коруму.

— Хорошо, — ответил сидхи.

Они стали отступать к лестнице. Братья Елей окружали их со всех сторон, застывшие глаза, застывшие усмешки, кружащие мечи, зловещий шуршащий смех.

Уцелевшие рыцари и воины последовали примеру Корума. Они едва успели пересечь улицу, как крепостные ворота, не выдержав ударов, рухнули. Двое рыцарей поддерживали под руки плачущего короля Даффина. Мабдены поспешно отступили в замок и закрыли засовы на бронзовых дверях.

Повсюду были видны следы недавнего веселья. На полу храпело несколько пьяных рыцарей. Свечи оплыли, разукрашенные стяги поникли. Корум выглянул в узкое оконце и увидел Гейнора, торжественно ехавшего во главе армии полутрупов; восемь стрел Хаоса ярко светились на его груди. Жители города пока были в сравнительной безопасности, ибо Гейнор стянул все свои силы к замку. Гулеги шли сразу за Гейнором. Они так и не выпускали из рук бревен-таранов. У замка не было только самих Фой Мьёр. Корум решил, что те и вовсе не явятся сюда, если Гейнор, Братья Елей и гулеги справятся с Кэр-Гаранхиром.

Да, мабдены еще могли оказать какое-то сопротивление слугам Фой Мьёр, но против самих Фой Мьёр они были бессильны. Корум прекрасно понимал это.

Зеленые лица показались в окнах. Зазвенели стекла. Братья Елей пытались проникнуть в замок. Рыцари и воины Туха-на-Гвидднью Гаранхин продолжали свое сражение с нелюдьми.

Покрытые зазубринами, блестящие стальные клинки мабденов скрестились с зелеными мечами Воинов Елей.

Послышались мерные удары таранов по бронзовым дверям замка.

Битва становилась все жарче. Король Даффин сидел на троне, уронив голову на руки. Он оплакивал своего сына, не обращая никакого внимания на то, что происходило вокруг.

Корум бросился в угол, где двое рыцарей короля Даффина бились с десятком Братьев Елей. Топор Корума уже притупился; правая рука ныла и кровоточила. Если бы не серебряный протез, Принц уже давно — бы выронил топор. Однако Коруму вновь пришлось поднять оружие, чтобы перерубить шею Воина Елей, что готовился пронзить ударом меча высокого королевского рыцаря, бившегося с двумя зелеными братьями.

Воины Елей, размахивая мечами, стали теснить Корума к дальней стене. С их губ слетал шуршащий смех. Корум медленно отступал. Гоффанон не мог помочь ему, — он сражался сразу с тремя зелеными воинами. Вадагский Принц вращал топор, пытаясь отразить удары мечей, что все чаще и чаще достигали своей цели. Плечи и руки Принца сильно кровоточили.

Корум уперся спиной в стену. Дальше отступать было некуда. Прямо над его головой поблескивал горящий факел, освещавший ухмыляющиеся лица Братьев Елей, сходящихся вокруг Корума плотным кольцом.

Сильный удар мечом пришелся прямо по рукояти топора. Едва удержав оружие в руках, Корум изо всех сил ударил мечника, направив лезвие прямо в зеленое, некогда красивое лицо, из которого теперь торчали три стрелы с красным оперением. Топор, расколов голову, вошел глубоко в тело. Из раны заструилась густая зеленая жидкость. Зеленый воин стал падать, увлекая за собою топор. Корум выхватил меч и, пытаясь удержать равновесие, ухватился серебряной рукой за светильник. Воины Елей продолжали теснить Принца. Корум сделал пару выпадов мечом и, отчаявшись остановить противника, вырвал из светильника факел и ткнул им в лицо ближайшего зеленого воина.

Тот завопил.

Впервые Корум видел Брата Елей, кричащего от боли. Лицо воина вспыхнуло. Древесный сок зашипел.

Воины, стоявшие рядом, в ужасе бросились врассыпную, Стараясь держаться подальше от своего обезумевшего от боли собрата. Тот с криками принялся метаться по зале, но вскоре рухнул, споткнувшись о мертвое тело такого же, как и он, воина. Оно тоже загорелось.

Корум выбралил себя за тупость, — чем еще, как не огнем, можно было испугать древесный народ. Он закричал воинам:

— Снимайте факелы! Они боятся огня! Снимайте со стен факелы!

Двери замка сильно выгнулись — еще немного, и они падут под ударами тяжелых таранов гулегов.

Те, у кого еще были силы двигаться, сорвали со стен факелы и бросились с ними на врага. Зала быстро наполнилась едким, пахнущим еловой смолой дымом.

Братья Елей стали отступать к окнам, но рыцари Туха-на-Гвидднью Гаранхир останавливали их, размахивая факелами. Вскоре с зелеными воинами было покончено. Их бурые тела полыхали на окровавленных каменных плитах.

В зале установилась тишина, нарушаемая мерными ударами тарана по двери. От Братьев Елей остались только серый пепел да сладковатый тошнотворный дым.

Вспыхнули стяги, и вскоре огонь перекинулся на деревянные брусья перекрытий. Защитники не замечали пламени. Собравшись у входа, они ждали гулегов.

У каждого из воинов, включая Корума и израненного кузнеца-сидхи Гоффанона, в руках были факелы.

Бронзовая дверь прогнулась, заскрипев петлями и засовами.

Меж дверью и стеной появилась щель.

Таран ударил еще раз. Двери вновь протяжно заскрипели.

Сквозь щель Корум видел Гейнора, командовавшего гулегами.

Еще удар. Один из засовов лопнул и отлетел в глубину залы, к ногам короля, рыдавшего на своем троне.

Еще удар. Лопнул второй запор. Одна из петель со звоном упала на пол, и дверь стала проседать вовнутрь.

Еще удар.

Бронзовые створы рухнули.

Гулеги изумленно замерли. Из дымной темени королевского замка Кэр-Гаранхира выбежали люди. Каждый из них держал в левой руке факел, а в правой — меч или топор. Люди шли в наступление. Вороной конь Гейнора попятился назад. От изумления Проклятый Принц едва не выронил из рук свой переливающийся меч. Навстречу ему бежали израненные, закопченные, ободранные люди, ведомые вадагом Корумом и сидхи Гоффаноном.

— Что? Вы еще живы?

Корум бежал прямо на Гейнора. Гейнор развернул коня и принялся протискиваться через плотные ряды гулегов.

— Вернись, Гейнор! Сразись со мной! Сразись со мной, Гейнор! — закричал Корум. Гейнор только засмеялся в ответ.

— Я не хочу возвращаться в Лимб. В этом же мире я смогу обрести смерть.

— Ты забываешь о том, что Фой Мьёр умирают. Что если ты переживешь их? Что если они исчезнут, а мир возродится?

Гейнор поскакал прочь. Вооруженные саблями и ножами гулеги нерешительно пошли вперед; их

смущало пламя факелов, — в землях Фой Мьёр к огню не привыкли. Они понимали, что огонь не может сжечь их так, как он сжег Братьев Елей, и все же они боялись его и потому не спешили нападать. Гейнор, отъехав на безопасное расстояние, развернул коня и стал наблюдать за происходящим. На каждого из защитников Гаранхира приходилось по десятку гулегов, и все же мабдены стали теснить врагов назад. С воинственными криками и боевыми песнями люди размахивали факелами, тыча ими в лица полутрупов, которые визжа пытались укрыться от пламени.

Гоффанон уже не пел скорбных песен. Смеясь, он закричал Коруму:

— Они отступают! Они отступают! Смотри, Корум, они отступают!

Но Корум не чувствовал особой радости. Он понимал, что теперь их ждет встреча с самими Фой Мьёр.

Он услышал голос Гейнора:

— Балахр! Керенос! Гоим! — кричал Гейнор. — Время пришло! Время пришло!

Гейнор Проклятый направил коня к открытым воротам Кэр-Гаранхира.

— Арек! Бресс! Шренг! Время пришло! Время пришло!

С этими криками он выехал из крепости. Гулеги, решившие, что им отдан приказ к отступлению, понеслись вслед за ним.

Корум и Гоффанон, рыцари и воины Кэр-Гаранхира ответили на это дружным победным ревом.

— Пусть это наша последняя победа, дружище, — сказал Корум Гоффанону, — но я чувствую себя счастливым!

Они стали ждать Фой Мьёр.

Стало темнеть, но Фой Мьёр все не появлялись. Их туманное прибежище стояло на месте. То тут, то там были видны фигурки гулегов и Братьев Елей. Похоже, отвыкшие от поражений Фой Мьёр решили держать совет. Возможно, они вспомнили о Копье Брионак и о Черном Быке Кринанасса, что сокрушил их воинство и убил их товарища. Глядя на то, как бегут из крепости их слуги, они могли решить, что Черный Бык появился и здесь. Крэг-Дон и Кэр-Малод связывались в их сознании с поражениями, и потому они избегали их. Возможно, они решили не подходить и к Кэр-Гаранхиру.

Впрочем, причины, заставлявшие Фой Мьёр медлить, не слишком-то интересовали Корума. Он был рад и краткому отдыху. Убитых следовало похоронить, раненых — поставить на ноги, стариков и женщин укрыть в безопасном месте, воинов и рыцарей, многие из них были женщинами, следовало экипировать как следует, а ворота поставить на место.

— Что-то Фой Мьёр заосторожничали, — задумчиво произнес Гоффанон. — Они трусливы, как шакалы; наверное, поэтому и живут так долго.

— Гейнор тоже последовал их примеру. Насколько я понимаю, бояться меня ему особенно нечего. Он же этого словно и не видит. И все же, я думаю, Фой Мьёр скоро придут сюда, — сказал Корум.

— Честно говоря, я и сам так считаю, — ответил ему сидхи. Он стоял на крепостной стене рядом с Корумом и, нахмутив брови, точил топор.

— Смотри, там какие-то огоньки мерцают, и дымка какая-то странная.

— Я уже это видел, — сказал Корум. — Но что это — не знаю. Думаю, Фой Мьёр готовят нам очередной сюрприз.

— Смотри, — воскликнул Гоффанон, показывая вниз. — К нам едет Ильбрик. Наверное, он увидел, что битва кончилась нашей победой и решил присоединиться к нам.

Корум увидел златовласого гиганта, ехавшего к крепости на своем гордом вороном жеребце. Ильбрик улыбался. В руке он держал меч.

Такого меча Корум еще ни разу не видел. Меч блистал ярче солнца, рукоять его была сделана из чистого золота, а сверкавшее рубинами навершье величиной было с голову Корума. Ильбрик отпустил поводья и приветственно помахал мечом.

— Ты вовремя напомнил мне об Орудиях Света, Гоффанон! Я нашел и сундук, и меч. Вот он! Это — Мститель, меч, которым сражался с Фой Мьёр мой отец. Это Мститель!

Ильбрик подъехал к стенам крепости. Его огромная голова оказалась на одном уровне с укреплением, на котором стояли Корум и сидхи. Гоффанон угрюмо сказал ему:

— Ты немного запоздал, Ильбрик. Битва уже закончилась.

— Опоздал? Разве не этим мечом я очертил кольцо вокруг Фой Мьёр? Теперь они не могут и с места двинуться.

— Так это твоя работа! — засмеялся Корум. — Ты спас нас, Ильбрик! А мы-то думали, что ты нас бросил.

Ильбрика поразили слова Корума.

— Бросил? Ушел с поля битвы, на котором, быть может, в последний раз сошлись мабдены и Фой Мьёр? Нет, маленький вадаг, сидхи на такое не способны!

Теперь уже смеялся Гоффанон.

— Я в тебе не сомневался, Ильбрик! Как хорошо, что ты снова с нами! Как хорошо, что теперь у нас есть Мститель!

— Он не утратил ни одно из своих свойств, — сказал Ильбрик, повернув лезвие так, что оно заблистало еще ярче. — Для Фой Мьёр нет ничего опаснее этого меча. И они знают об этом! Они знают об этом, Гоффанон! Я очертил им огненное кольцо, в котором оказались и — их зловерный туман, и они сами. Без своего тумана они и шагу ступить не могут. Теперь они будут сидеть на месте.

— Они останутся там навечно? — с надеждой в голосе спросил Корум.

Ильбрик покачал головой и улыбнулся.

— Конечно, нет. Но какое-то время они там проведут. Прежде, чем уехать отсюда, я хочу очертить и Кэр-Гаранхир, чтобы ни Фой Мьёр, ни их слуги не подходили бы сюда и впредь.

— Боюсь, что сейчас нам придется утешать короля Даффина, — сказал Корум. У нас мало времени. Нам нужны Золотой Дуб и Серебряный Овен.

Король Даффин поднял красные от слез глаза и посмотрел на Корума и Гоффанона, что стояли перед троном. Хрупкая девушка лет шестнадцати сидела на подлокотнике трона и гладила короля по голове.

— Твоему городу больше ничего не угрожает, король Даффин. И за это мы хотим получить награду.

— Уходите, — ответил им король. — Я не испытываю к вам благодарности. Оставьте меня. Именно из-за вас, сидхи, Фой Мьёр напали на нас.

— Фой Мьёр выступили в этот поход задолго до того, как мы пришли к тебе, сказал Корум. — Твой народ спасся только потому, что мы предупредили людей о грозящей им опасности.

— Моего сына вы спасти не смогли, — сказал король Даффин.

— Вы не смогли спасти моего мужа, — добавила девушка, сидевшая подле короля.

— Но были спасены другие сыновья и другие мужья. Если ты поможешь нам, король Даффин, будет спасено и куда большее. Мы ищем два Сокровища мабденов Дуб из золота и Овен из серебра. Они хранятся у тебя — не так ли?

— Они больше не принадлежат — мне, — ответил король Даффин. — Но, даже, будь они моими, я не отдал бы их вам.

— Только с их помощью можно снять с Великого Друида Эмергина чары, наложенные на него Фой Мьёр, — сказал Корум.

— Эмергина? Эмергин либо заключен в Кэр-Ллюде, либо — умер.

— Нет. Эмергин жив, — пока жив. Мы освободили его из плена.

— Вы говорите правду? — Выражение лица короля Даффина тут же изменилось. Эмергин жив и на

свободе? — Отчаяние и скорбь исчезли с его лица подобно снегу, что мгновенно растаял, стоило упасть на него каплям крови Черного Быка. — Он свободен и он будет править нами?

— Да, — если мы успеем вернуться в Кэр-Малод. Сейчас он находится именно там. Эмергин при смерти. Его могут спасти только Дуб и Овен. Но если эти вещи больше не принадлежат тебе, то скажи- у кого мы должны просить их?

— Их подарили нам, — ответила девушка. — Сегодня утром король подарил их своему сыну Гувинну и мне. Я отдаю вам Золотой Дуб и Серебряного Овена.

Она вышла из зала, но уже через минуту вернулась обратно, держа в руках шкатулку. Она открыла шкатулку достала из нее золотое деревце, сделанное так изящно, что виден был каждый его листик.

Под золотым дубом стояла серебряная фигурка барашка с витыми рожками. Работа была столь тонкой, что видна была каждая его шерстинка. Барашек стоял на задних ножках. Его серебряные глаза, казалось, светились мудростью и добротой.

Девушка повесила головку и, захлопнув шкатулку, передала ее в руки благодарного Корума.

— Теперь мы можем возвращаться в Кэр-Малод, — сказал Корум.

— Передайте Эмергину, что мы пойдем за ним куда угодно.

— Обязательно передам, — пообещал королю Корум.

Вадагский Принц и кузнец-сидхи вышли из ворот Кэр-Гаранхира и присоединились к своему товарищу Ильбрику, сыну Мананнана, величайшего из героев-сидхи.

Огоньки мерцали вокруг далекого облака тумана. Станный неяркий огонь начинал разгораться и вокруг стен Кэр-Гаранхира.

— Огонь сидхи защитит это место, — сказал Ильбрик. — Огонь этот не вечен, но он надолго отпугнет Фой Мьёр. Ну а теперь — поехали!

Ильбрик вставил меч в ножны, пристегнутые к поясу, и, подхватив Корума, прижимавшего к груди шкатулку, усадил его на свое седло. Конь тронулся.

— Скоро нам понадобится лодка, — сказал Корум.

— Ты ошибаешься, крошка, — улыбнулся ему Ильбрик.

КНИГА ТРЕТЬЯ,

в которой Принц Корум узнает, в чем состоит сила Дуба и Овена, а народ мабденов вновь обретает надежду

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТВЕРДЬ НАД ВОДАМИ

Они уже подъезжали к берегу, когда Корум вдруг заметил, что Гоффанон стал сильно отставать от них. Гоффанон то и дело спотыкался и тряс головой так, словно пытался отогнать от себя назойливую мысль.

— Что случилось с Гоффаноном? — спросил Корум.

Ничего не замечавший Ильбрик обернулся.

— Наверное, он устал. Недавно он сражался, теперь же ему приходится бежать. — Ильбрик посмотрел на запад. Солнце вот-вот должно было уйти за горизонт. — Ну что, — будем отдыхать или переправимся сразу?

Огромный скакун Тонкая Грива замотал головой в знак того, что он ничуть не устал. Ильбрик засмеялся и любовно похлопал коня по шее.

— Тонкая Грива отдыхать не любит — ему бы все скакать да скакать. Ох, и долго же он спал в своей подводной пещере! Давай подождем Гоффанона, похоже, ему действительно надо передохнуть.

Корум услышал пыхтение Гоффанона и, улыбаясь, повернулся к нему, чтобы задать ему тот же вопрос.

И тут Принц увидел, что глаза Гоффанона горят безумным огнем. Гоффанон, рыча, метил топором прямо в голову Ильбрика.

— Ильбрик! — Корум прыгнул на землю, крепко держа шкатулку левой рукой. Он тут же встал на ноги и одновременно извлек из ножен меч.

Обернувшись на карлика, Ильбрик изумленно пробормотал:

— Гоффанон! Дружище! Что с тобой стряслось?

— Он заколдован, — закричал Корум. — Его заколдовал мабденский волшебник по имени Калатин. Он должен быть где-то рядом.

Ильбрик попытался вырвать топор из рук Гоффанона, но карлик резким неуловимым движением вышиб гиганта из седла, и двое бессмертных покатались по песку, выкручивая друг другу руки. Тонкая Грива изумленно смотрел на своего хозяина — такого от него он явно не ожидал. — Корум закричал:

— Гоффанон! Гоффанон! Ты дерешься с собственным братом!

Сверху раздался еще один голос. Взглянув наверх, Корум увидел высокого человека, стоявшего на краю утеса. Над его плечами колыхались белые язычки тумана.

На мир опускались сумерки.

Человек, стоявший на утесе, был одет в складчатый плащ синего цвета. Это был волшебник Калатин. Его изящные пальцы сверкали перстнями, одетыми поверх тонких перчаток; шею украшал массивный золотой ворот, поблескивавший драгоценными камнями; на парчовой мантии были вышиты таинственные знаки. Он поглаживал свою седую бороду и довольно улыбался

— Гоффанон вновь стал моим союзником, Корум Серебряная Рука.

— А значит, и союзником Фой Мьёр! — Корум смотрел на утес в надежде увидеть тропу, что вела бы на вершину. С берега доносились сдавленные крики и сопение — Гоффанон и Ильбрик продолжали борьбу.

— В данный момент — да, — сказал Калатин. — Но от человека и не требуется верность мабденам, Фой Мьёр или, скажем, сидхи — есть только одна верность верность самому себе. Кто знает, может быть, и ты однажды станешь моим союзником.

— Не бывать этому! — Корум понесся к вершине утеса, держа в правой руке меч. — Не бывать этому, Калатин!

Выскочив на вершину утеса, Корум двинулся на волшебника, тот же, загадочно улыбнувшись, стал медленно отходить назад.

И тут Корум увидел за его спиной облачко тумана.

— Фой Мьёр!

— Да, ты не ошибся. Меч Ильбрика не мог пленить его — мы шли позади всей армии. Это Шренг, Шренг Семь Мечей.

Облако стало надвигаться на Корума.

Мир погрузился во тьму.

Сквозь туман Принц увидел огромную боевую колесницу, в которой уместился бы и такой великан, как Ильбрик. Колесница была запряжена двумя гигантскими тварями, отдаленно напоминавшими ящериц. С повозки сошло огромное существо, белое тело которого было покрыто красными пульсирующими наростами. Кроме своеобразной юбки из мечей, висевших на поясе, на чудовище ничего не было. Корум увидел его лицо — лицо почти человеческое и удивительно знакомое ему. Взгляд существа был неистов и в тоже время трагичен. Это были глаза герцога Гландит-а-Края, лишившего Корума руки я глаза и тем вовлекшего его в борьбу с Повелителями Мечей. Существо не помнило Корума, однако при виде серебряной руки в его глазах промелькнуло сомнение.

Из разверстого рта вырвался грозный рев.

— Владыка Шренг, — заговорил волшебник Калатин, — Он повинен в нашем поражении в битве при Кэр-Малоде. Он повинен и во всех сегодняшних бедах. Это — Корум.

Положив шкатулку, в которой находились Золотой Дуб и Серебряный Овен, Корум взял в серебряную руку кинжал и приготовился к бою с чудовищем.

Шренг двигался медленно; было видно, что каждое движение причиняет ему боль. Он извлек из ножен два огромных меча.

— Убей Корума, Владыка Шренг, — убей и отдай мне его тело. Если Корума не станет, мабдены перестанут сопротивляться Фой Мьёр.

От грозного рыка сотряслась земля. Красные наросты, которыми было усыпано бледное тело Фой Мьёр, стали подергиваться. Корум заметил, что гигант сильно хромот — одна его нога была намного короче другой. Во рту у Шренга было всего три зуба, мизинец правой руки был покрыт плесенью. Пятна плесени виднелись и на других частях его тела, особенно сильно были поражены ею прикрытые мечами бедра гиганта. От Шренга Семь Мечей исходил ужасный смрад, в котором вонь тухлой рыбы соединялась с запахом кошачей мочи.

Снизу доносились звуки борьбы двух сидхи. Где-то хихикал Калатин. Корум видел только надвигавшегося на него Шренга, окутанного плотными клубами тумана.

Коруму была противна сама мысль о том, что он может погибнуть от руки этого заживо гниющего бога. Шренг, как и все остальные Фой Мьёр, уже умирал, жить ему оставалось совсем немного — сотню-другую лет.

— Шренг, — сказал Корум. — Ты хочешь попасть в Лимб, попасть в свой мир, где силы вернутся к тебе? Я могу помочь тебе в этом. Предоставь этот мир самому себе, оставь его. Пусть холод и смерть уйдут

вместе с тобой.

— Он лжет, о, Шренг! — слышался из тьмы голос Калатина. — Верь только мне?

И тут с уродливых губ слетела слово, единственное слово, которое, казалось, могли произнести эти губы. И слово это было — смерть.

— Твой мир ждет тебя — я смогу показать тебе путь туда.

Уродливая рука, сжимавшая ржавый меч, стала медленно подниматься. Корум понимал, что этот удар ему не отразить. Меч просвистел у него над головой и вонзился в землю прямо у его ног. Корум никак не ожидал этого. Только теперь он понял, что Фой Мьёр не в силах нанести точный удар. Корум схватил шкатулку и, подбежав к Шренгу, вонзил свой клинок в ногу исполина.

Фой Мьёр взревел от боли. Корум пробежал у него между ног и ударил по ноге сзади. Шренг стал было поворачиваться, но раненая нога его подвернулась, и он рухнул наземь, потеряв Корума из виду.

— Вот он! Вот он! У тебя за спиной! — закричал Калатин.

Корума стала, бить дрожь, казалось, что ледяной туман вгрызается ему в кости. Ему страшно хотелось убежать из этого студеного облака, где огромная рука пыталась нащупать его. Собрав все силы, он ударил мечом по ее вздувшимся жилам. И тут другой гигантский меч просвистел у него над головой — от этого удара Корум едва успел увернуться.

Шренг повалился прямо на Корума, своей гигантской шеей он придавил вадагского Принца к земле. Рука его продолжала шарить, пытаясь нащупать неустрашимого смертного.

Корум попробовал высвободиться, когда вдруг гигантские пальцы коснулись его плеча. Однако и на этот раз Шренгу не удалось схватить Корума — сжавшаяся рука осталась пустой. Корум стремительно терял силы, он уже почти не замечал ужасных смрада и холода, так терзавших его еще недавно.

Он слышал чей-то голос. Калатин?

— Шренг! Я тебя знаю, Шренг!

Нет, этот голос принадлежал Ильбрику. Значит, Ильбрик все же выиграл битву. Значит, Гоффанон остался на берегу. Огромная рука приподняла голову Шренга так, что Корум, наконец, смог выбраться из своего ужасного плена. Прижимая к груди шкатулку, Корум отскочил в сторону и увидел златовласого Ильбрика, что, извлеки из ножен свой гигантский меч, пронзил сердце Шренга.

Последний крик Фой Мьёр ужаснул Корума более всего. Так можно было кричать от радости, но никак не от боли. Наконец-то к Шренгу пришла смерть.

— Корум? Ты цел?

— Можно сказать, что цел — синяки не в счет. Спасибо тебе, Ильбрик.

— Не надо меня благодарить — ты и сам молодец хоть куда. Я видел, как ты сражаешься со Шренгом. Тебе не откажешь ни в отваге, ни в сообразительности. Если бы не они, не помог бы тебе и я.

— Где Калатин? — спросил Корум.

— Он сбежал. Искать его мы не станем — нам надо спешить.

— Интересно, зачем это Калатину понадобилось мое тело?

— Он что — просил его у Шренга? — Ильбрик посадил Корума себе на руку и вернул Мститель в ножны. — Понятия не имею. Я в мабденских обычаях не разбираюсь.

Ильбрик вернулся на берег, где его ждал вороной жеребец по прозвищу Тонкая Грива. Его расцвеченная жемчугами упряжь поблескивала в лучах луны.

На берегу что-то темнело.

— Гоффанон? — спросил Корум. — Тебе пришлось убить его?

— Мне пришлось защищаться, — ответил Ильбрик. — Мне вспоминается его рассказ о подлых делах Калатина. Наверное, Калатин давненько следил за нами. Бедный Гоффанон.

— Где лучше похоронить его? — спросил Корум.

Его сердце переполняла скорбь — только теперь он понял, сколь дорог был ему кузнец-сидхи. — Не хотелось бы, чтобы его тело нашли Фой Мьёр. О Калатине я уже и не говорю — мало ли что придет ему в голову.

— Да, оставлять его так негоже, — согласился Ильбрик. — Но вот только хоронить его рано. — Он посадил Корума на седло и, подняв Гоффанона, взвалил его себе на плечи. — Ну и тяжелый же этот карлик! — сказал Ильбрик.

Корума удивила некоторая веселость тона этих слов. Впрочем, великан так мог скрывать свою скорбь.

— Что же мы с ним будем делать?

— Возьмем его в Кэр-Малод. — Ильбрик поставил ногу в стремя и попытался оседлать коня. Это ему удалось лишь после нескольких попыток. — Нет, этот карлик меня доканает! Будь он неладен! — Увидев недоумение Корума, Ильбрик ухмыльнулся. — Зря ты печалишься о кузнеце Гоффаноне. Карликов-сидхи так просто не убьешь. Ничего страшного с ним не случилось — просто он потерял сознание.

Ильбрик немного откинулся назад, опустив тело Гоффанона на круп Тонкой Гривы. Боевой топор Гоффанона он положил поперек седла за спиной Корума.

— Ну что, Тонкая Грива, теперь тебе придется нести троих. Надеюсь, ты своих старых привычек не утратил.

Корум улыбнулся.

— Так значит он жив! Надо побыстрее покинуть это место — Калатин бродит где-то поблизости. Вот только где мы возьмем лодку?

— Лодка нам не понадобится. Тонкая Грива и так найдет дорогу, — сказал Ильбрик. — Дороги могут проходить и по иным мирам, надеюсь, ты меня понимаешь. Ну что, конь моего отца, поехали. Держи прямо. Нам нужно попасть за море.

Тонкая Грива фыркнул и понесся к морю, едва касаясь земли.

Стремительно несясь конь, и не сразу Корум заметил, что скачет он уже по морю. Ильбрик смеялся.

Огромная луна освещала им путь. Серебристые волны ложились под копыта коня. Где-то вдали их ждал Кэр-Малод.

— Ты, наверное, слышал о Пятнадцати Измерениях, вадаг, — заговорил Ильбрик. — Так что ты должен меня понять. Тонкая Грива умеет находить путь, что лежит за пределами этого мира, так же, как лежат вне его и мои подводные пещеры. Этот путь обычно проходит по поверхности океана, но бывает, что он идет и по небу. Мабдены, наверное, сочли бы нас колдунами.

Ильбрик вновь звонко рассмеялся.

— Мы попадем в Кэр-Малод еще до утра.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СРЕДОТОЧИЕ ВЛАСТИ

Люди Туха-на-Кремм Кройх с изумлением взирали на троицу, что приближалась к замку.

Гоффанон уже пришел в себя, он бежал рядом с Тонкой Гривой, ни на шаг не отставая от скакуна. Он то и дело ворчал на Ильбрика, наставившего ему синяков, но говорил он шутя, понимая, что Ильбрик спас ему и жизнь, и честь.

— Так вот он, Кэр-Малод, — сказал златовласый сын Мананнана, когда конь его остановился перед рвом, окружавшим крепость. — Когда-то он был другим.

— Разве ты уже бывал здесь? — поразился Корум.

— Конечно. В давние времена неподалеку отсюда собирались сидхи. Отец привозил меня сюда незадолго до своей смерти, перед боем, из которого он не вернулся.

Ильбрик спешил и, осторожно сняв Корума с седла, поставил на землю. Корум чувствовал себя разбитым — ночная езда по дорогам иного мира чрезвычайно утомила его. В руках он сжимал шкатулку — дар короля Даффина. Кольчуга Принца была изодрана, шлем разрублен. Затупившийся клинок был покрыт зазубринами. Небольшие, но многочисленные раны сильно мешали Коруму — он шел с трудом. И все же Принц нашел в себе силы гордо крикнуть стражам:

— Это я, Корум, вернулся в Кэр-Малод! А это мои друзья, защитники мабденов! — Он приподнял шкатулку над головой. — Здесь, в этой шкатулке, лежат

Золотой Дуб и Серебряный Овен, что помогут вернуть вам Верховного Правителя.

Мост был быстро опущен. На противоположной стороне их ожидали Медбх и Джерри-а-Конель с неизменными крылатым котом и шляпой.

Выбежав навстречу Коруму, Медбх обняла Принца и стала целовать его глаза, лоб, губы.

— Любовь моя, идем скорее домой, — плача сказала Медбх.

Джерри-а-Конель сказал бесстрастно:

— Эмергин при смерти. Боюсь, мы можем опоздать.

Появился король Маннах. Лицо его было мрачно. С достоинством он приветствовал двух сидхи.

— Вы оказали нам честь своим появлением. Достойных друзей привел с собою Корум.

На утренних улицах стал собираться народ. Людей короля Файахэда среди них не было.

— Король Файахэд уже отбыл?

— Ему пришлось уехать, ибо пошел слух о том, что Фой Мьёр навели ледяные мосты через море, чтобы напасть на его страну.

— Фой Мьёр действительно навели ледяной мост, но вот только напасть они собирались не на страну короля Файахэда. Они шли на Кэр-Гаранхир, — там мы и сразились с ними. Мы — Гоффанон, Ильбрик и я.

И Корум рассказал королю Маннаху о том, что случилось с ним и Гоффаноном после того, как они расстались с Джерри-а-Конелем.

— Теперь же, — сказал Принц напоследок, — у мне нужно поесть. Думаю, мои друзья тоже не откажутся от обеда. Потом я хотел бы отдохнуть часок-другой мы не спали всю ночь.

— Ты убил Фой Мьёр! — воскликнула Медбх. — Значит, их может поразить не только Черный Бык?

— Я только помог сразить одного из них — самого больного и самого маленького, — улыбнулся Корум. — Если бы не Ильбрик, это чудовище раздавило бы меня.

— Благодарю тебя, о, великий Ильбрик! — сказала Медбх, поклонившись сидхи. Густые, рыжие

волосы упали ей на лицо. Она выпрямилась и, откинув волосы назад, посмотрела в смеющиеся глаза сидхи. — Если бы не ты, я одела бы на себя черные одежды.

— Этот маленький вадаг очень смел. — Златоволосый великан засмеялся и сел на крышу соседнего дома.

— Да, он очень смел, — согласилась Медбх.

— Теперь идем со мной, — сказал король Маннах, взяв Корума за руку. — Ты должен посмотреть на Эмергина и сказать мне, сильно ли он изменился. — Король Маннах оценивающе взглянул на Ильбрика. — Боюсь, что вам не удастся пройти в мои покои, о, Сидхи!

— Я с удовольствием посижу и здесь, — ответил Ильбрик. — А тебе, Гоффанон, было бы полезно сходить туда.

Гоффанон согласно кивнул:

— Мне действительно хочется посмотреть на Великого Друида — я ведь тоже участвовал в его спасении. — Он прислонил свой топор к ноге Ильбрика и пошел за королем Маннахом, Медбх, Джерри-а-Конелем и Корумом. Они прошли сквозь тронную залу и остановились у двери, ожидая, пока король Маннах отопрет ее...

Комната была залита ярким светом факелов. Снять с Эмергина овчину никто не решался, но теперь она была отмыта. Верховный Правитель лежал среди множества блюд, что были наполнены всевозможными травами.

— Нам так и не удалось найти нужной травы; все это может разве что продлить его жизнь на несколько часов, — сказал король Маннах. Он раскрыл шкатулку, которую ему отдал Корум. Нахмурясь, он стал рассматривать ее содержимое.

— И что мы должны с этим делать? Корум покачал головой.

— Не знаю.

— Он не сказал нам об этом, — добавил Джерри-а-Конель.

— Так значит, все напрасно? — воскликнула Медбх.

— Думаю, что нет, — сказал Гоффанон, выступая вперед. — Мне кое-что известно о Дубе и Овене. Они были предназначены именно мабденам. Если мабденам будет угрожать опасность и с ними уже не будет сидхи, эти вещи должны будут помочь им. Некогда жила одна сидхи, что звалась Девой Дуба. Она дала обет мабденам, но в чем он состоял, я не знаю. Мы должны перенести Дуб и Агнца туда, где присутствует Сила, например, в Крэг-Дон.

— Это нереально — путешествие займет слишком много времени, — сказал Корум. — Смотри, Правитель ослаб даже за время нашей беседы.

— Да, это нереально, — согласилась с Корумом Медбх.

Верховный Правитель едва дышал; его лицо было так же бледно, как и овчина, укрывавшая его тело.

— Курган Кремма, — сказал Джерри-а-Конель. — Чем вам не средоточие Силы?

— Верно. — Король Маннах улыбнулся. — Именно оттуда к нам пришел и Принц Корум.

— Если это так, тогда нам и ходить далеко не придется, — сказал Гоффанон, пощипывая бороду. — Джерри-а-Конель, можешь ли ты спросить Эмергина, подходит ли ему это место?

Джерри покачал головой.

— Мой кот говорит, что Великий Друид слишком слаб для этого. Разговор его доконает.

— Мне не нравится твоя ирония, — сказал король Маннах. — Потерпеть поражение сейчас, после того, как столько было сделано, было бы слишком обидно.

И, словно подтверждая слова короля, Эмергин неожиданно заблеял.

Не сумев справиться с приступом отчаяния, король Маннах отвернулся к стене и простонал:

— О, Правитель!

Гоффанон положил свою огромную ручищу королю на плечо и сказал:

— Как бы то ни было, его стоит отнести на Курган Кремма. Кто знает, может быть, это произойдет и там. Сегодня полнолуние — время оелы и дуба. Я слышал, что это лучшая ночь для волшебства и заклинаний. Именно в полнолуние сближаются Пятнадцать Измерений, и многое становится возможным.

— Наверное, поэтому люди и наделяют ее особыми свойствами? — спросила Медбх, уже слышавшая о Пятнадцати Измерениях от Корума. — Выходит, это не предрассудок?

— Луна как таковая не владеет силой, — ответил Гоффанон. — В данном случае к ней следует относиться скорее как к знаку, по которому можно определить положение различных Измерений Земли друг относительно друга.

— Удивительно, — сказал король Маннах. — До последнего времени мы отвергали эти знания только потому, что они были извращены суеверными умами. Еще год тому назад я не поверил бы в легенды о Сидхи и Кремме Кройхе, в сказки и поверья нашего народа. И это отчасти правильно — люди порой придают им слишком большое значение. У несчастных и слабых они забирают последние силы и радость жизни. За знание они принимают собственную слабость.

Твои же знания, Корум, скорее, утверждают жизнь. Они проливают свет там, где жаждущие власти и славы только сгущают тьму неведения, дабы возвысить себя.

— Я согласен с тобой, — ответил Корум, ибо не раз и сам сталкивался с подобным. — Но ты забываешь о том, что даже примитивные умы способны обращать знание в страшную силу. Разве может существовать сила Света без силы Тьмы? Разве может существовать знание без незнания, благородство без низости?

— Да, Мабденский сон — это нечто, — пробормотал себе под нос Джерри-а-Конель и уже громко добавил. — Послушайте, люди, если сейчас мы не отнесем беднягу Эмергина на Курган, ваш сон закончится. Кончайте разговоры нам надо спешить.

Они уже собрались идти в дубовую рощу, когда Корум вдруг почувствовал странное нежелание идти к кургану.

Он боялся этого места. Именно туда привел его зов короля Маннаха, именно отсюда началась его новая жизнь.

Корум понимал, что отдохни он немного, и подобные чувства вряд ли посетили бы его.

Однако он не смог избавиться от них и до самого вечера, когда король Маннах, Медбх, Джерри-а-Конель, сидхи Гоффанон, Ильбрик и весь народ короля Маннаха, взяв полумертвое тело Правителя Эмергина, отправились в лес, на одной из полян которого стоял курган, где, если верить легендам, был захоронен Корум.

Солнце стояло уже у самого горизонта. Все глубже и длиннее становились тени. Теперь для Корума они были куда реальнее всего остального.

Он то и дело тряс головой, пытаясь как-то избавиться от тяжести, угнетавшей его.

Они были уже на поляне.

Средоточие власти было перед ними.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗОЛОТОЙ ДУБ И СЕРЕБРЯНЫЙ ОВЕН

Стоило им войти в дубовую рощу, как Корума пронзил холод, который был куда страшнее холода Кэр-Люда — то был холод смерти.

Ему вспомнилось пророчество Айвин, встреченной им на пути в Хи-Брисэйл. Она говорила ему о том, что он должен бояться арфы. Да, Принц боялся арфы. Айвин говорила ему о том, что он должен бояться брата. Но что это был за брат? Быть может, он лежал под этим курганом, ставшим святилищем народа Кэр-Малода? Быть может, существовал и какой-то иной Корум, такой же герой, как и сам Принц, герой, который должен был восстать из мертвых для того, чтобы убить Корума?

Быть может, именно его Принц видел в том сне, что снился ему в Крэг-Доне?

Солнце садилось, но на востоке уже восходила полная луна. Сотни лиц были обращены к ней; люди смотрели на нее с надеждой. Стало совсем тихо.

Взяв на руки Верховного Правителя, Ильбрик поднялся на курган и бережно положил Эмергина на самую вершину. Сидхи тоже смотрел на луну.

Медленно спустился он вниз и встал рядом со своим старым другом Гоффаном.

На курган торжественно взошел король Маннах, он держал в руках раскрытую шкатулку. В неверном свете уходящего дня мерцало золото и серебро. Король поставил Золотой Дуб рядом с головой Амергина. Заходящее солнце вспыхнуло на ажурных ветвях. Серебряного Овена Маннах поставил у ног Эмергина. В свете луны причудливый барашек источал холодное белое сияние.

Дерево и барашек были сделаны так искусно, что казались Коруму настоящими. Король Маннах сошел вниз, и тут же собравшиеся обступили курган плотным кольцом. Все взгляды были обращены к его вершине. Лишь Корум, не решался поднять глаз. Холод покинул его сердце, но он все еще внутренне содрогался, все еще боролся со страхом.

К кургану направился кузнец Гоффанон. Топор, ковавший им много веков назад, висел на плече. Золото Дуба и серебро Овена отражались на латах. Поднявшись до середины холма, Гоффанон остановился и, опустив топор наземь, оперся на его рукоять.

Корум чувствовал запах деревьев, цветущих рододендронов и трав. Казалось бы, эти добрые, теплые запахи должны были успокоить Корума, однако страх так и не уходил. Он одиноко стоял на краю поляны. Как ему хотелось, чтобы рядом с ним стояла Медбх. Но никто не замечал, что творится с Корумом. Внимание всех было сосредоточено на вершине кургана. Корум вдруг понял, что и в лесу смолкли все звуки. Все замерло в ожидании.

Гоффанон обратил лицо к луне и запел. Корум уже слышал этот голос в Кэр-Гаранхире.

В этой песне почти все слова были понятны Коруму.

Древни были сидхи,
Когда вняли Зову.
Славною почили
Смертью на чужбине.
Клятву они дали,
Скрепленную кровью
Что спасут от смерти
Мабденское племя.
Облаком слетели
В западные земли
И несли с собою
Песни и оружие.

Славны были битвы
И достойны смерти.
В песнях прославляли
Верность их обету.
Древни были сидхи
И достойны были.
Вороны летели
По следам героев.
Древни были сидхи
И достойны были.
В смерти оставались
Верными обетам.
Горы и долины,
Реки и озера
Все с тех пор хранило
Имена героев.
Мало их осталось
Подлинных героев,
Что дубы хранили
От зимы суровой.
Воронье жирело
На телах погибших.
Кто ж спасет дубравы
От морозов лютых?
Дева Дуба прежде
Среди нас сияла
Знанием и силой,
Что Фой Мьёр сразили.
Под лучами солнца,
Что согрело запад,
Спит поныне Дева,
Все труды исполнив.
Древни были сидхи,
Но из уцелевших
Редкие внимали
Мудрым прорицаньям.
Все же помнят сидхи
Девы обещанье
Если хлад вернется,
То восстанет Дева.
Изваяла Дева
Для дубов любимых
То, что сохранит их
От морозов лютых
Спит с улыбкой Дева,
Не боясь морозов,
Верностью обету
Бережется смерти.
Девять раз сходились
Со врагами сидхи.
Войско Мананнана
Не вернулось с поля.
Многое открылось

В смертный час герою
Тайна Девы Дуба
И ее обета.
Слово, что пробудит
Спящую веками,
Пред последней битвой
Прозвучит над нею.
Стертое веками
Потускнело слово.
Карлик песнь поет
И оно вернется.

Все молчали. Кузнец Сидхи опустил голову на грудь и замер в ожидании.

С вершины кургана слышались слабые звуки, походившие на испуганное блеяние ягненка.

Гоффанон поднял голову и стал внимательно прислушиваться. Блеяние оборвалось на высокой ноте.

Гоффанон повернулся лицом к людям.

Голос его звучал устало. Он сказал:

— Дагдаг.

Услышав это слово, Корум едва не вскрикнул, тело его содрогнулось, а сердце замерло, хотя сознанию его это слово ничего не говорило. Он увидел побледневшего Джерри-а-Конеля, что внимательно смотрел на Принца.

И тут заиграла арфа.

Корум слышал эту арфу и прежде. Это была та же арфа, которую он слышал в замке Эрорн. Он слышал ее и в своих снах. Но теперь она звучала иначе. Победно и гордо лились ее звуки.

Принц услышал шепот удивленного Ильбрика:

— Арфа Дагдага! А я-то думал, что она замолчала навсегда.

Корум почувствовал, что задыхается. Он пытался преодолеть удушье, стараясь набрать в легкие — побольше воздуха. В ужасе он оглянулся, но его окружали лишь тени.

Обернувшись на курган, он едва не ослеп. Золотой Дуб стал стремительно расти, его сияющие золотые ветви осеняли собою стоявших вокруг кургана людей. Страх сменился изумлением. А золотой дуб все рос и рос. Он уже достиг гигантских размеров. Тело Эмергина едва виднелось под ним.

И тут все увидели, что прямо из ствола дерева выступила дева, что была так же высока, как и Ильбрик. Облик ее был под стать покинутому дереву:

косы зеленели листвою, одеяния напоминали цветом кору. Это была она — Дева Дуба.

— Обет исполнен. Пророчество сбылось. Я знаю тебя, Гоффанон. Но скажи мне, кто эти люди?

— Это — Корум, это — Ильбрик; все же остальные — мабдены. Это хороший народ, Дева Дуба; это народ, почитающий дубы. Смотри, вокруг растут дубы — это их Средоточие Власти, их Святилище. — Гоффанон говорил как-то неуверенно. Похоже, происшедшее поразило его не меньше, чем мабденов. — Ильбрик — сын твоего друга, сын Мананнана. Только он и я остались из народа сидхи. Род Корума близок нам — он вадаг. Фой Мьёр вернулись в мир, и мы сражаемся с ними, но у нас мало сил. Это Эмергин, Верховный Правитель мабденов. Посмотри, что с ним стало. Он утратил свою душу, вместо нее в него вошла душа овцы.

— Если вы хотите, — сказала Дева Дуба, улыбаясь, — я помогу вам найти утраченную душу.

— Мы хотим этого.

Дева Дуба посмотрела на Эмергина. Склонившись над ним, она стала слушать его сердце; не услышав его биения, она стала ловить дыхание с губ.

— Тело его умирает, — сказала она. Лишь стоном могли ответить ей стоявшие вокруг кургана.

Дева Дуба взяла в руки Серебряного Овена, что стоял у ног Эмергина.

— Древнее пророчество говорит, что этот Овен обретет душу, — сказала она. — Душа Эмергина уже покидает тело, она и станет душой Серебряного Овена. Эмергин должен умереть.

— Нет! — выдохнули люди.

— Но подождите! — с мягким укором сказала Дева Дуба. Она положила Овена у головы Эмергина и запела:

Душа приготовилась тело покинуть, Но лунный свет преграждает дорогу. Ей надо вернуться в тело другое.

Блеяние раздалось вновь, но на сей раз блеял уже серебряный барашек. Лунный свет играл на серебристом руне. На глазах у всех он стал расти, пока не превратился в красивое сильное животное. Овен повел головой, и Корум увидел в его глазах ту же мудрость, что некогда видел он в глазах Черного Быка Кринанасса. И Овен, и Бык пришли сюда вместе с сидхи. Овен увидел Деву Дуба и, подбежав к ней, стал тереться о ее руку.

Дева вновь улыбнулась и, обратив взгляд к звездам, запела:

Вернись, до времени ушедшая душа, Ведь не исполнено твое земное дело, И теплое трепещущее тело — Ждет на земле тебя. Вернись душа!

Верховный Правитель зашевелился, казалось, что он просыпается. Глаза открылись. Помолодевшее его лицо дышало миром и покоем. Благозвучный голос произнес:

— Я — Эмергин.

Великий Друид встал и сбросил с себя овчину. Он сорвал с себя одежды и остался совершенно наг, лишь браслеты поблескивали на его запястьях.

Только теперь Корум понял, почему люди так оплакивали своего Верховного Правителя Эмергин излучал мудрость и силу, доброту и достоинство.

— Да, — повторил Верховный Правитель. — Я — Эмергин.

Сотни мечей засверкали в свете луны — мабдены приветствовали своего повелителя.

— Слава Эмергину! Слава Эмергину из рода Эмергинов!

И возрадовались люди, и заплакали, обнимая друг друга. Даже сидхи Гоффанон и Ильбрик — подняли свое оружие, приветствуя Эмергина.

Жестом руки Дева Дуба указала на Корума, что так и стоял на краю поляны.

— Ты — Корум, — сказала Дева Дуба. — Ты спас Верховного Правителя и ты принес людям Дуб и Овена. Ты — защитник мабденов.

— Да, меня называют так, — ответил Корум сдавленным голосом.

— Долгою будет память о тебе, — сказала Дева. — Счастье же твое будет кратким.

— Я знаю об этом, — вздохнул Корум.

— Ты готов принять свою судьбу, Корум, и я благодарю тебя за это. Ты спас Верховного Правителя и тем позволил мне сдержать свое слово.

— Так значит все это время ты спала в Золотом Дубе и ожидала этого дня? спросил Корум.

— Да, я спала, и я ждала.

— Но какая сила удерживала тебя в этом мире? Скажи мне, о, Дева Дуба! Что это за великая сила?

— Это сила обета.

— И только она?

— Разве нужно что-то еще?

Дева прислонилась к стволу огромного золотого дерева и исчезла. Серебряный Овен исчез вместе с нею. Золотое сияние стало гаснуть. Дуб растворился в ночной тьме. Ни его, ни Серебряного Овена, ни Девы Дуба смертные больше никогда не видели.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АРФА ДАГДАГА

Радостно возвращались мабдены в Кэр-Малод. Еще бы. С ними шел сам Верховный Правитель. Люди танцевали и пели. Лица Гоффанона и Ильбрика, двух славных сидхи, светились улыбкой.

Лишь Корум был печален, так как помнил горькие слова, сказанные ему Девой Дуба. Он шел последним во лесу, последним вошел и в королевские покои.

Радость затмила умы, и люди не видели того, что Корум опечален. Они приветствовали и восславляли его, но Принц не замечал их.

Начался пир. Заиграли сладкозвучные мабденские арфы.

Корум, сидевший меж королем Маннахом и Медбх, часто прикладывался к кубку, надеясь таким образом развеять грустные мысли.

Гоффанон и Ильбрик сидели рядом (Ильбрик, скрестив ноги, сидел прямо на полу). Король Маннах обратился к карлику-сидхи:

— Откуда ведомо тебе заклинание, о, Гоффанон?

— Я не знаю ни одного заклинания, — ответил Гоффанон, смахнув с губ капли меда. — Я доверился памяти нашего народа. Этой песни я и сам никогда не слышал. Сама собою слетала она с моих уст. Я пытался дозваться до Девы Дуба и до странствующего духа Эмергина. Слово же мне было подсказано самим Эмергином, с него-то и началось превращение.

— Дагдаг... — задумчиво произнесла Медбх, не заметив, что Корума при этом передернуло. — Древнее слово. Наверное, это имя, верно?

— Не только имя, но и звание. Впрочем, у этого слова значений много.

— Это имя сидхи?

— Не думаю, — пусть обычно его и связывают с сидхи. Дагдаг не единожды водил сидхи на бой. По меркам сидхи я юн, я участвовал только в двух из девяти великих битв с Фой Мьёр. В мое время имя Дагдага вслух уже не поминали. Причины этого мне неизвестны, правда, о нем ходили странные слухи — Дагдаг, мол, однажды предаст наше дело.

— Предаст? Надеюсь, не этой ночью?

— Нет, — нахмурившись, ответил Гоффанон. — Конечно, нет. — Он поднес к губам златопенный кубок.

Джерри-а-Конель подошел к Коруму.

— Что ты так невесел, друг мой?

С одной стороны, Корум был благодарен Джерри за то, что он заметил его скорбь, с другой — ему не хотелось портить другу праздник. Улыбнувшись, Принц покачал головой:

— Все в порядке. Просто я немного устал.

— Это арфа во всем виновата, — вмешалась в разговор Медбх. — Я ее уже слышала. Милый, ты помнишь, как мы ездили в Замок Оуин?

— Да-да, конечно. Там ты ее и слышала.

— Странная арфа, — заговорил король Маннах. — Но знали бы вы, как я благодарен ей — ведь именно она подарила нам Эмергина. — Король поднял кубок за здоровье Эмергина, который, спокойно улыбаясь, сидел во главе стола.

— Теперь уцелевшие племена мабденов сплотятся. Мы созовем великое воинство и пойдем войной на Фой Мьёр. На этот раз они не уйдут от нас!

— Хорошо сказано, — сказал Ильбрик. — Но одной смелости для этого мало. Нам нужно оружие — такое, как мой меч Мститель. Мы должны быть осмотрительными и расчетливыми.

— Мудрые слова говоришь ты, о, Сидхи, — сказал Эмергин. — Ты как будто читаешь мои мысли. Лицо Великого Друида светилось радостью. Казалось, будто предстоящие заботы нисколько не тревожат его. Сейчас он был одет в просторную мантию из желтой парчи, украшенную алыми и голубыми фигурами. Волосы его были собраны в узел.

— Если Эмергин будет нашим советником, а Корум — полководцем, мы можем на что-то надеяться, — сказал король Маннах. — Мы стали сильнее. А ведь совсем недавно нам казалось, что наш народ обречен...

— Теперь же мы празднуем победу, — выпалил неожиданно для самого себя Корум, только что осушивший полный кубок. Он поднялся со скамьи и, стараясь идти прямо, вышел из залы.

Он шел по ночным улочкам Кэр-Малода, заполненным гуляющим людом. Оставив крепость, Корум направился к морю.

Корум стоял над расселиной, отделявшей его от руин старого вадагского дома, — замка Эрорн, прозванного мабденами Замком Оуин.

Руины были озарены светом луны. О, как хотелось Коруму перелететь через расселину и найти ту дверь, что отворялась бы в его собственный мир, мир вадагов. Да, там он был одинок, но куда более горьким было его теперешнее одиночество. Здесь его не мог понять никто.

И тут он увидел лицо, что смотрело на него из-за порушенных стен замка. Красиво и насмешливо было лицо и отливало оно золотом.

Корум хрипло спросил:

— Дагдаг? Это ты?

В ответ он услышал смех, который тут же обратился музыкой арфы.

Корум вынул из ножен меч. Где-то внизу шумело море. Корум решил перепрыгнуть расселину и найти юношу с золотистой кожей. Ему хотелось понять, чего же тот хочет. Да, он мог сорваться вниз, но смерти Принц уже не боялся.

Вдруг Корум почувствовал, как ему на плечо легла мягкая, сильная рука. Он отскочил в сторону и закричал:

— Дагдаг! Оставь меня в покое!

И услышал голос Медбх:

— Дагдаг — наш друг, Корум. Дагдаг спас нашего Верховного Правителя.

Корум обернулся и увидел встревоженное лицо девушки.

— Спрячь свой меч, — сказала Медбх. — Здесь никого нет.

— Разве ты не слышала звуков арфы?

— То ветер шумел в развалинах, Корум. Ветер.

— Неужели ты не видела его лица?

— Я видела, как облака затянули луну, Корум. Оставь этот вздор — нас ждут на празднике.

Корум спрятал меч в ножны и послушно побрел за Медбх.

ЭПИЛОГ

Так заканчивается сказание о Дубе и Овене.

Отправились за море гонцы, чтобы сообщить народу радостную весть: Верховный Правитель вернулся к людям. Гонцы поплыли на запад, к королю Файахэду, что правил страной Туха-на-Мананнан (названную в честь отца Ильбрика); поплыли на север, в страну Туха-на-Тир-нам-Бео. Отправились они к Туха-на-Ану и к Туха-на-Гвидднью Гаранхир, стране короля Даффина. И где бы ни встречали они мабденов, говорили о том, что пришел в Кэр-Малод Верховный Правитель, что собирается Эмергин начать войну с Фой Мьёр и что созывается великий совет всех народов и племен.

Вновь в кузнях ковались топоры и мечи, кинжалы и стрелы, и учил людей этому ремеслу величайший из кузнецов карлик Гоффанон.

Надежда вернулась в сердца мабденов, с нетерпением ждали они битвы, на которую должны были повести их Великий Друид Эмергин и Корум Серебряная Рука.

Рассказывал Ильбрик людям старинные сказания, слышанные им еще от отца, величайшего сидхи Мананнана. Рассказывал он им о девяти великих битвах с Фон Мьёр, о доблести и отваге. И пробуждались люди от немощи и исполнялись мужества.

Лишь Корум был угрюм и бледен. Казалось, он прислушивается к некоему голосу, но никак не может расслышать слов.

Встречая его, люди качали головами, поражаясь великой жертве, принесенной мабденам вадагским Принцем по имени Корум Серебряная Рука.

ТОМ ТРЕТИЙ

МЕЧ И ЖЕРЕБЕЦ / The Sword and the Stallion [= Меч и конь]

Джудит

КНИГА ПЕРВАЯ, в которой мабдены собирают войско и вырабатывают стратегию войны с Фой Мьёр. Сидхи раздает советы и, как это обычно и бывает, заводит обсуждение в тупик...

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

Они собирались в Кэр-Малоде. Со всех земель запада съезжались сюда статные воины на своих могучих боевых конях. Поле перед Кэр-Малодом запестрело яркими шатрами и боевыми знаменами, засверкало золотом браслетов и серебром пряжек, полированной сталью шлемов и драгоценными камнями кубков. Здесь собрался цвет мабденского племени — люди Запада, Дети Солнца, чьи братья с Востока давно полегли на полях сражений, не сумев устоять против всесильных Фой Мьёр.

В самом центре лагеря стоял гигантский шатер. Был он сшит из небесно-голубого шелка, и вход в него не украшали боевые знамена. Это был шатер Ильбрика, сына Мананнан-мак-Лира, величайшего из героев-сидхи, на века прославившего свое имя в битвах с Фой Мьёр. У шатра стоял огромный вороной конь под стать великану; он обладал и умом, и силой, поскольку был не обычным конем, а конем Сидхи. Не нашлось Ильбрику места в самом Кэр-Малоде — уж слишком огромен был воин — вот и пришлось великану разбивать свой шатер в поле.

Стояли за полем зеленые леса и пологие холмы, расцвеченные цветами, ярко горевшими в ласковом свете солнца. К западу же от лагеря шумело и пенилось море, над которым парили белые чайки. Великое множество кораблей бросили якорь у берега. Приплыли они с западного острова, где жили народы Мананнана и Ану, из страны Гвидднью Гаранхир и из земель Тир-нам-Бео. Были здесь корабли боевые и торговые, морские корабли и речные. Ни один корабль не был забыт, ни одна лодка не была оставлена. Мабдены собирались на великий сход.

Корум стоял на крепостной стене, здесь же был и карлик. Гаффанон был куда выше Корума, карликом же он казался разве что сидхи. Он был без шлема, длинные спутанные пряди черных волос разметались по плечам. Карлик был одет в простую синюю куртку, ворот и обшлага которой были расшиты красною нитью; на поясе куртку стягивал широкий кожаный ремень. В своей покрытой многочисленными шрамами ручище сидхи держал рог, наполненный медом, другая рука покоилась на рукояти огромного боевого топора, одного из последних Орудий Света, орудий, выкованных сидхи специально для борьбы с Фой Мьёр. Гоффанон смотрел на поле, на котором раскинулись мабденские шатры.

— Они все идут и идут, — проговорил он. — Да и воины хороши — один лучше другого.

— К той войне, которую мы замыслиаем, они не приучены, — отозвался Корум.

Принц смотрел на колонну, ехавшую через поле у крепостных ворот. Эти мабдены прибыли с севера. Войны были высоки и широкоплечи. Им было жарко, но они не снимали своих ярких мантий. Шлемы многих воинов украшали рога и крылья. Эти рыжеволосые рыцари были солдатами Тир-нам-Бео, не признававшими никакого оружия кроме палаша и кинжала. Татуировка на лицах, призванная устрашать врага, усиливала и без того грозный их вид.

Это, обитавшее в горах Севера племя жило войной. Воины напомнили Коруму мабденов прошлого, мабденов герцога Края, что некогда охотились за ним в этих же местах. Как же он мог служить потомкам тех варваров? Но тут Корум вспомнил Ралину и успокоился.

Принц повернулся лицом к городу-крепости и, прислонившись спиной к согретому солнечными лучами камню, стал рассматривать крыши Кэр-Малода. Вот уже месяц прошел с той ночи, когда он стоял на краю расселины, отделявшей Замок Оуин от берега. Тогда Принц вызывал на бой арфиста Дагдага, жившего, как казалось Коруму, в развалинах его родового замка. Медбх всячески пыталась успокоить его, развеять его ночные кошмары. Во многом ей это удалось — теперь Корум считал увиденное наваждением, порожденным усталостью и страхом.

На ступенях появился Джерри-а-Конель. Голову его украшала широкополая шляпа, на левом плече сидел черно-белый крылатый кот. Увидев друзей, Джерри улыбнулся.

— Я только что вернулся из гавани. Из Ану прибыло еще несколько кораблей. Говорят, это их последние корабли — весь их флот уже здесь.

— И много на них воинов? - спросил Корум.

— Нет, всего несколько человек. Эти корабли привезли сюда меховую одежду.

— Прекрасно, — кивнул Гоффанон. — Теперь нам будет во что одеть армию в землях Фой Мьёр. Сняв шляпу, Джерри вытер со лба пот.

— Трудно себе представить, что где-то рядом трещат морозы. — Он вернул шляпу на голову и, достав из куртки тоненькую палочку, стал задумчиво ковырять ею в зубах. Взгляд его был устремлен к палаточному лагерю. — Вот и вся мабденская сила. Здесь тысячи две-три воинов, не больше.

— Против пятерых, — едва ли не с вызовом ответил ему Гоффанон.

— Пятерых богов. — Джерри холодно посмотрел на карлика. — Предаваясь радости, мы не должны забывать о силе наших недругов. Это и Гейнор, и гулеги, и Братья Елей, и псы Кереноса, и, — Джерри сделал небольшую паузу, — и Калатин.

Сидхи улыбнулся.

— Да, но почти со всеми нашими врагами мы сумеем расправиться. Нам они особой угрозы уже не представляют. Братья Елей боятся огня. Гейнор боится Корума. Для гулегов у нас припасен Рог Сидхи. Стало быть, собаки нам тоже не страшны. Что же касается Калатина...

— То он смертей, — перебил кузнеца Корум. — Его можно убить. Я сделаю это собственноручно. Он властен только над тобою, Гоффанон. Впрочем, быть может, это уже и не так. Сила его чар могла ослабнуть.

— Вы забываете о самих Фой Мьёр, — сказал Джерри. — Им-то уж точно бояться нечего.

— В этом мире им есть чего бояться, — возразил Гоффанон Спутнику Героев. Это — Крэг-Дон. И об этом мы не должны забывать.

— Но ведь и они об этом не забывают. Они к Крэг-Дону и близко не подойдут. Кузнец Гоффанон нахмурил брови.

— Как знать, а вдруг мы их туда все-таки заманим.

— Мы должны думать о Кэр-Ллюде, а не о Крэг-Доне, — вмешался в разговор Корум. — В первую очередь мы должны захватить именно Кэр-Ллюд. Если нам удастся захватить его, мы укрепим боевой дух наших людей. Это придаст им силы, и тогда они смогут раз и навсегда покончить с Фой Мьёр.

— Да, ты прав, нам нужны победы, — согласился

Гоффанон. — И не только они, нам явно не достаёт хитрости.

— И союзников, — добавил Джерри. — Таких, как ты, Гоффанон, и таких, как твой златовласый друг Ильбрик. Нам не хватает сидхи.

— Боюсь, что кроме нас с Ильбриком сидхи в этом мире нет, — печально сказал Гоффанон.

— Что-то, Джерри, ты как-то мрачно настроен! — сказал Корум, похлопав своего старого товарища по плечу. — И чего ты такой угрюмый? Мы сильны как никогда!

Джерри пожал плечами.

— Наверное, мне никогда не удастся понять мабденов. Они радуются гостям так, словно ничего не знают о грядущих бедах. Ведь не прогуляться же они выйдут — их ждет война не на жизнь, а на смерть, в которой и решится судьба их мира!

— Ты хочешь, чтобы они предавались горю? — изумленно спросил Гоффанон.

— Нет...

— Ты хочешь, чтобы они уже сейчас считали себя побежденными?

— Разумеется, нет.

— Ты хочешь, чтобы вместо веселых песен играли похоронные марши? Чтобы на лицах была бы не радость, а скорбь?

Джерри улыбнулся.

— Я думаю, ты прав, карлик. Много чего я насмотрелся, много к чему я привык. Множество на моей памяти битв. Но никогда прежде я не видел, чтобы люди так беззаботно готовились ко встрече со смертью.

— Что поделаешь, таковы уж мабдены, — сказал Корум и, посмотрев на улыбающегося кузнеца, добавил: — Наверное, этому они научились у сидхи.

— И потом, кто знает, чью смерть они собираются встречать — Фой Мьёр или свою? — добавил Гоффанон.

Джерри отвесил ему поклон.

— Принимаю все сказанное тобой. Мне приятно было это услышать. Но ты меня неправильно понял. Я говорю о странности происходящего — именно она тревожит меня.

Корум ничего не мог понять. Впервые он видел своего неунывающего друга в таком подавленном настроении. Он попытался улыбнуться.

— Хватит, Джерри, тебе такой настроит не к лицу. Вспомни, терзаюсь всегда только я, ты же вечно улыбаешься.,

Джерри вздохнул.

— Ладно, — сказал он с горечью в голосе, — меняться ролями мы не будем.

Он медленно побрел вдоль по стене и, отошедши достаточно далеко, остановился. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль.

Гоффанон, прищурившись, взглянул на солнце.

— Уже почти полдень. Я обещал помочь кузнецам Туха-на-Ану, мы собирались отлить молот. Надеюсь, нам удастся поговорить вечером, когда все соберутся, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Кузнец сбежал со ступеней и по узенькой улочке поспешил к главным воротам крепости. Корум помахал ему своей серебряной рукой.

Он хотел было подойти к Джерри, но тут же остановил себя — тому было явно не до него. Постояв так еще минуту, Корум спустился вниз и отправился искать Медбх. Ему было как-то не по себе.

— Я слишком привязался к ней, я стал ее рабом, — думал Корум, направляясь к королевскому замку. Принц нуждался в ней, как нуждаются в глотке воды или вина. Она откликалась на его чувства, но вправе ли он был требовать этого? Он понимал, что их отношения грозят обернуться бедой.

Но что он мог поделать? Корум пожал плечами. Да, он был послушен своей судьбе, но разве не волен он был участвовать в ней?

— Именно так и следует поступить, — сказал он вслух. Проходившая мимо женщина замерла, решив, что Корум обращается к ней. В руках она несла деревянные заготовки, из которых вырезались древки копий.

— Слушаю тебя, мой господин.

— Я хотел сказать, что приготовления идут успешно, — сказал Корум смущенно.

— Да, мой господин. Все мы хотим победы над Фой Мьёр. — Она положила деревяшки себе на плечо. — Спасибо, господин.

— Да, да, — кивнул растерявшись Корум. — Всего тебе доброго.

— И тебе желаю всего доброго, мой господин, — ответила женщина улыбаясь.

Потупив взор, Корум вошел в замок короля Маннаха, отца Медбх.

Медбх в замке не было. Слуга сказал Коруму:

— Она готовит к бою свое оружие, Принц Корум, она и другие женщины.

Через подземный ход Корум попал в просторную палату, по стенам которой висели старые боевые знамена и старинные доспехи. Десятка два женщин упражнялись в стрельбе из лука, метании из пращи и фехтовании на мечах.

Здесь же была и Медбх. В дальнем конце палаты стояла мишень, которую Медбх пыталась поразить из пращи. Она прекрасно владела пращой и татлумами, страшными снарядами, изготовленными из мозга поверженного неприятеля, что, по слухам, обладали сверхъестественными свойствами. Медбх метнула татлум, и он попал прямо в центр мишени. Мишень, висевшая на длинной веревке, зазвенела и стала вращаться, поблескивая в свете освещавших палату факелов.

— Приветствую тебя, Медбх Длинная Рука, — громко сказал Корум. Стены палаты ответили ему эхом.

Медбх явно была довольна тем, что Корум стал свидетелем ее мастерства.

— Приветствую тебя, Принц Корум. — Она отбросила пращу в сторону, подбежала к Принцу и, обняв, заглянула ему в глаза. Она нахмурилась. — Чем ты так расстроен, милый? Что так встревожило тебя? Это как-то связано с Фой Мьёр?

— Нет. — Он крепко обнял ее, не обращая внимания на собравшихся в палате женщин, и тихо добавил: — Просто я хотел увидеть тебя.

Она нежно улыбнулась.

— Это великая честь для меня, о, великий сидхи. Ее слова и тон, которыми они были сказаны, еще больше расстроили Корума. Взгляд ее был недобрый. Она отступила назад, поняв, что Корум заметил выражение ее глаз. Медбх была чем-то встревожена. Неужели он чем-то обидел ее? Зачем она его так назвала? Улыбка ее была нежной, но слова звучали как-то странно, — она едва ли не мстила ему за что-то.

— Ну что ж, вот я тебя и увидел, — сказал Корум, направившись к двери. Теперь пойду к Ильбрику.

Как ему хотелось, чтобы она окликнула его, попросила его остаться, но он знал, что Медбх не сделает этого. Корум молча покинул палату.

Он мысленно проклял Джерри-а-Конеля за то, что тот своею угрюмостью довел его до такого состояния. Нет, он думал о Джерри лучше.

Впрочем, Принц понимал и то, что Джерри в конечном счете прав. Он, Корум, слишком надеялся на чужую силу — и тем сильнее, чем слабее становился сам.

— Какой там Вечный Воитель, — бормотал он, входя в палаты, которые он делил с Медбх, — скорее вечный страдалец,

Он улегся на свое ложе и предался тягостным думам. Вскоре он уже улыбался — тягостное настроение оставило его.

— Бездействие не для меня — оно пробуждает во мне низость. Я — воин, а не мыслитель, мне подобает действовать, а не предаваться раздумьям. — Он засмеялся, простив себе недавнюю слабость.

Корум поднялся с ложа и направился к Ильбрику.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРАСНЫЙ МЕЧ

Корум шел ре полю, то и дело переступая через веревки шатров. Он направлялся к Ильбрику. Наконец, Принц оказался перед огромным шатром небесно-голубого цвета, по шелковым бокам которого бежали волны.

— Ильбрик! Сын Мананнана! Ты здесь? В ответ раздался странный скрежещущий звук; прислушавшись повнимательнее, Корум узнал его и улыбнулся.

— Я смотрю, ты готовишься к войне. Ты пустишь меня к себе?

Скрежет прекратился, и раздался добродушный бас гиганта:

— Заходи, Корум! Добро пожаловать! Корум отодвинул шелковую полу и вошел внутрь. Свет проникал в шатер через тончайший шелк;

Коруму казалось, что он находится в голубой подводной пещере — пещере Ильбрика. Ильбрик сидел на огромном сундуке, на его коленях лежал гигантский меч Мститель. В руке великан держал точило. Золотистые волосы Ильбрика были завиты в косы, заплетена была и его борода. На сидхи была зеленая куртка и высокие башмаки со шнуровкою до колена. В углу лежали, доспехи: бронзовая кираса, на которой были изображены солнце, корабли и морские звери; щит, на котором было нарисовано солнце, и шлем с таким же изображением. На смуглых руках воина мерцали тяжелые золотые браслеты, на них были вырезаны те же картины, что и на кирасе. Ильбрик, сын величайшего из героев-сидхи, имел в высоту добрых шестнадцать футов и был великолепно сложен.

Улыбнувшись, Ильбрик взглянул на Корума и вновь занялся своим мечом.

— Что-то ты, мой друг, невесел. Корум подошел к шлему и погладил рукой его узорчатую, покрытую тончайшей резьбой поверхность.

— Наверное, предчувствую свою судьбу.

— Но разве ты не бессмертный, Принц Корум? Корум обернулся на юношеский голос. В шатер вошел юноша лет четырнадцати. Это был младший сын короля Файахэда, которого все звали не иначе, как Юный Фин. Юный Фин лицом походил на отца, но в отличие от него был строен и гибок. Он был так же рыж, как и Файахэд, и, похоже, так же весел нравом. Юный Фин улыбнулся Коруму, Несмотря на юный возраст, Фин был одним из умнейших и искуснейших воинов мабденского войска. Корум рассмеялся.

— Кто знает, — возможно ты и прав, Юный Фин. Но эта мысль меня вряд ли утешит.

Юный Фин сбросил с себя оранжевую парчовую мантию и снял свой стальной шлем. Одежды его были темными от пота. Похоже, недавно он упражнялся в воинском искусстве.

— Я тебя понимаю, Принц Корум. — Фин отвесил легкий поклон Ильбрику, смотревшему на него с радостью. — Приветствую тебя, о, Сидхи!

— Привет, Юный Фин. Чем я могу быть полезен? — Ильбрик продолжал точить свой меч; движения его были точны и плавны.

— Нет, спасибо, мне ничего не надо. Я зашел поболтать. — Юный Фин растерянно надел шлем на голову. — Боюсь, что я вам помешал.

— Ну что ты, Фин, — сказал Корум. — Скажи-ка мне лучше, что ты думаешь о нашем войске?

— Здесь собрались настоящие воины, — ответил Юный Фин. — Слабаков у нас нет. Одно плохо — уж слишком нас мало.

— Верно сказано, мой мальчик, — согласился Ильбрик. — Я об этом и сам частенько думаю.

— А я только что обсуждал эту проблему с Джерри, — сказал Корум. Установилось молчание.

— Но ведь нам больше негде брать солдат, — не выдержал Юный Фин. Говорил он так, словно

надеялся на то, что Корум возразит ему.

— Негде, — подтвердил его слова Корум. Ильбрик нахмурился.

— Давным-давно, когда я был моложе тебя, Фин, я слышал историю об одном странном месте. Там сидхи могут обрести союзников. Но я слышал и о том, что место это опасно даже для нас, сидхи, да и союзники эти весьма переменчивы. Надо бы мне поговорить с Гоффаноном, может быть, он знает что-нибудь об этом.

— Союзники? — Юный Фин засмеялся. — Они что — сверхъестественные? Сейчас нам любые союзники подходят.

— Я поговорю об этом с Гоффаноном, — сказал Ильбрик и вернулся к заточке меча. Юный Фин собрался уходить.

— Ну что ж, тогда я пока помолчу. Надеюсь, мы увидимся на вечернем пиршестве.

Когда Юный Фин вышел, Корум вопросительно посмотрел на Ильбрика, но тот сделал вид, что он всецело занят мечом и не замечает его взгляда.

Корум почесал щеку.

— Помнится, было время, когда я не мог говорить о магических силах без улыбки.

Ильбрик рассеянно кивнул, словно не расслышав слов Корума.

— Теперь же мне приходится полагаться на них, — продолжил Корум с иронией в голосе, — и, тем самым, исходить из их реальности. Я больше не верю ни в логику, ни в разум. Ильбрик поднял глаза.

— А ты не допускаешь того, что логика твоя могла быть слишком узкой, а разум — слишком ограниченным? — сказал он.

— Все может быть. — Корум вздохнул и направился к выходу из шатра. Но внезапно он остановился, склонил голову набок и стал прислушиваться. — Ты слышишь эти звуки?

Ильбрик прислушался.

— Тут много звуков.

— Мне кажется, что я слышу арфу. Ильбрик покачал головой.

— Я слышу только свирель. — Он прислушался внимательнее. — Впрочем, похоже, ты прав. Далеко далеко. — И тут он засмеялся: — Нет, Корум, тебе кажется.

Корум действительно слышал арфу Дагдага, и оттого на сердце его вновь легла тяжесть. Так и не попрощавшись с Ильбриком, он вышел из шатра и зашагал по полю. Откуда-то сзади послышался крик:

— Корум! Корум!

Принц обернулся. Позади сидела группа горцев, одетых в свои клетчатые юбки. Воины пили вино. За ними Корум увидел бегущую ему навстречу Медбх.

Миновав группу воинов, она остановилась прямо перед ним и нерешительно коснулась рукою его плеча.

— Я искала тебя в наших палатах, но ты уже ушел. Нам нельзя ссориться, Корум.

Вмиг дурное настроение покинуло Корума. Засмеявшись, он обнял Медбх, не обращая никакого внимания на сидевших рядом горцев.

— Больше мы ссориться и не будем, Медбх. Во всем виноват только я.

— Не надо никого винить. Никто ни в чем не виноват.

Она поцеловала его. Губы ее были теплыми и мягкими. Все страхи тут же улетучились.

— Женщины владеют великою силой, — сказал Корум. — Только что я говорил с Ильбриком о магии ж чудесах. Величайшее же из чудес — женский поцелуй.

Она изобразила на лице удивление:

— Ты становишься сентиментальным, о, Сидхи.

Медбх выскользнула из его объятий, но тут же засмеялась и вновь поцеловала его.

Держась за руки, они пошли по лагерю, то и дело приветствуя знакомых и отвечая на приветствия тех, кто узнавал их.

На краю лагеря было оборудовано несколько кузниц. В топках ревел раздуваемый мехами огонь. По наковальням мерно ударяли молоты. Огромные, обливающиеся потом кузнецы добела раскаляли куски металла. Все они были одеты в длинные кожаные фартуки. Здесь же был и Гоффанон. В одной руке он держал огромный молот, в другой — клещи. Карлик был увлечен беседой с чернобородым мабденом, в котором Корум узнал Хайсака, кузнеца по прозвищу Нагрей-Солнце (считалось, что Хайсак стащил кусочек Солнца, что и позволило ему стать превосходным кузнецом).

В ближней топке калилась длинная полоса металла. Гоффанон и Хайсак время от времени посматривали на нее, о чем-то горячо споря.

Корум и Медбх не стали мешать им, они молча наблюдали за происходящим.

— Еще шесть ударов сердца, и он будет готов, — сказал Хайсак.

Гоффанон улыбнулся.

— Ты ошибаешься, Хайсак, — не шесть, а шесть с половиной.

— Я тебе верю, Сидхи. Ты уже показал свое умение.

Гоффанон просунул клещи в топку, ухватил имя раскаленную полосу и быстро выдернул ее из огня. Хорошенько рассмотрев ее, он довольно заметил:

— Все в порядке.

Хайсак так же внимательно осмотрел раскаленную добела полосу и согласно кивнул:

— Что хорошо, то хорошо.

Гоффанон радостно улыбнулся и, обернувшись, заметил Корума. — А-а, Принц Корум! Ты пришел вовремя. Смотри. — Он поднял раскаленную полосу, что, поостыв, стала кроваво-красной. — Как ты думаешь, Корум, что это такое.

— Я полагаю, это меч.

— Это лучший меч из всех мечей, что когда-либо ковались в мабденских землях! Вот уже неделю мы бьемся над ним. Между прочим, мы делали его вместе я и Хайсак. Это символ древнего союза мабденов и сидхи. Разве он не хорош?

— Он прекрасен, Гоффанон. Гоффанон принялся размахивать красным мечом. Металл загудел.

— Его еще нужно закаливать, но это уже пустяки. И еще — ты должен дать ему имя.

— Я?

— Разумеется ты! — Гоффанон радостно засмеялся. — Это же твой меч, Корум! С этим мечом в руках ты и поведешь мабденов на бой.

— Мой меч? — Корум никак не ожидал этого.

— Это наш подарок тебе. После пира мы вернемся сюда и закончим работу. Он будет тебе верным товарищем, Корум, но он станет по-настоящему сильным только после того, как ты дашь ему имя.

— Для меня это большая честь, Гоффанон, — сказал Корум. — Я и не думал...

Его слова утонули в шипении воды, — карлик сунул меч в бочку.

— Его ковали сидхи и мабдены. Именно такой меч тебе и нужен.

— Ты прав, — согласился Корум. Слова Гоффанона необыкновенно тронули его. — Ты действительно прав, Гоффанон. — Он повернулся к улыбавшемуся во весь рот Хайсаку. — Спасибо тебе, Хайсак. Спасибо вам обоим.

И тут Гоффанон заговорил едва ли не шепотом:

— Хайсаку не зря дали имя Нагрей-Солнце. И еще — надо будет спеть песнь меча и пометить его знаком.

Уважая ритуалы, Корум кивнул, хотя сам и не верил в их значимость. Он понимал, что тем самым ему оказывается особая честь, честь ему совершенно непонятная.

— Еще раз — спасибо вам. Нет в языке таких слов, которыми я мог бы выразить свои чувства.

— Вот и не стоит зря утруждать себя. Лучше подумай о том, как его назвать, — заговорил Хайсак. Его хриплый голос был исполнен мудрости.

— Гоффанон, я пришел к тебе не за этим, — сказал Корум. — Только что Ильбрик сказал мне, что у нас могут появиться неожиданные союзники. Не знаешь ли ты, что он имел в виду?

Гоффанон пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Я думаю, Ильбрик сам расскажет тебе об этом, — вмешалась Медбх, тронув Корума за рукав. — До вечера, друзья. Нам надо немного отдохнуть.

И она повела впавшего в задумчивость Корума к стенам Кэр-Малода.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПИР

Главный зал Кэр-Малода был полон. Заезжий чужестранец решил бы, что здесь готовятся не к страшной войне с неуязвимым неприятелем, а к грандиозному празднеству.

Из четырех длинных дубовых столов был составлен квадрат, в центре которого восседал великан Ильбрик, принесший свои кубок, блюдо и ложку. За столами сидела вся мабденская знать. Верховный Правитель Эмергин, стройный и сухощавый, был одет в мантию, расшитую серебряными нитями; голова его была украшена венцом, сплетенным из листьев дуба и остролиста. Корум сидел прямо напротив Верховного Правителя. По обе стороны от Эмергина восседали короли и королевы, Принцы и Принцессы, знатные рыцари и их дамы. По правую руку от Корума сидела Медбх, по левую — Гоффанон. Рядом с Медбх сидел Джерри-а-Конель, рядом с Гоффаноном — кузнец Хайсак Нагрей-Солнце, помогавший ковать безымянный меч.

Богатые шелка и меха, замша и шерсть, червонное золото и начищенное — серебро, полированная сталь и горящая бронза, сапфиры и рубины — все смешалось в этом зале. Изысканные ароматы смешивались с запахом жареной дичи. Музыканты со своими арфами, флейтами и барабанами сидели в углу; их благовучная музыка не мешала вести беседу. То и дело за столами раздавался смех.

Никто не мог пожаловаться и на отсутствие аппетита, один лишь Корум не притрагивался к еде. Время от времени он о чем-то говорил с Гоффаноном и Джерри-а-Конелем, но в серьезный разговор не вступал. Потихоньку попивая мед из золотого рога, он рассматривал собравшихся, узнавая героев и героинь мабденского народа.

Помимо пяти королей — короля Маннаха, короля Файахэда, короля Даффина, короля Кхонуна, правившего землей Туха-на-Ану, и короля Гачбеса из страны Туха-на-Тир-нам-Бео здесь присутствовало множество великих героев, о которых народ уже сложил баллады. Среди прочих были Файона и Калин, дочери покойного рыцаря Мидгана Белого, две славные воительницы. Они были удивительно похожи друг на друга — белые локоны, розовые щеки, глаза цвета меда — даже платья их имели одинаковый крой, хотя слегка и отличались друг от друга — одно было отделано голубой, другое — розовой тесьмой. Воительницы эти заигрывали разом с доброй дюжиной рыцарей. Рядом с ними сидел знаменитый Дуболом или Фадрак-эт-зе-Крэг-эт-Лит. Ростом и шириною плеч он не уступал Гоффанону. Оружием этого зеленоглазого смешливого великана были деревья — ими он сбивал неприятеля с коней, ими же он и оглушал его. Дуболом был необычно мрачен — он скорбел по своему другу Аяну Волосатому, убитому им самим в пьяной драке. За соседним столом сидел Юный Фин, который ни в чем не отставал от взрослых мужчин — ни в еде, ни в питье, ни в уходе за дамами; он сидел в окружении девиц, а те хихикали при каждом его слове и подкладывали на его блюдо самые лакомые кусочки. За ним сидели пять братьев, Пять Рыцарей Эралски, что до последнего времени старались не знаться с народом Туха-на-Ану, ибо считали короля Кхонуна, приходившегося им дядей, убийцей своего отца. Много лет провели они в горах, совершая набеги на земли Туха-на-Ану и подбивая людей на то, чтобы они выступили против своего короля. Братья поклялись забыть о мести до той поры, пока не будут низвержены Фой Мьёр. Все братья, кроме младшего, были чрезвычайно похожи друг на друга, младший же был черноволос и не так угрюм, как прочие. Эти крепкие, суровые воины то и дело недоуменно улыбались. Похоже, происходившее было им в новинку. Навершья их высоких конических шлемов венчало Совиное Перо Эралски.

Здесь же был и Моркан Две Улыбки, рот которого был перекошен шрамом. О нем говорили так: если он улыбнулся врагу в первый раз, значит он решил его убить; если улыбнулся второй раз — значит враг уже мертв. Моркан выглядел эдаким красавцем. Он был одет в костюм и шапочку, сшитые из темно-синей кожи, борода его была завитая, а усы закручены кольцами. Похоже, он был коротко острижен шапочка совершенно скрывала под собою его волосы. Через два человека от Моркана сидел Кернин Оборванец, видом своим похожий на нищего. Он прославился тем, что щедро одаривал деньгами родственников убитых им людей. Неистовый в бою Кернин, убив врага, начинал сожалеть об этом и брал под свою опеку семейство погибшего. Волосы и борода его были нечесаными. На нем были изодранная кожаная куртка и

изрядно помятый шлем. Кернин делился с Морканом деталями недавнего боя, в котором им пришлось сражаться друг против друга.

Здесь же был и Гринион Бык. Он сидел развалившись, обвив рукою внушительную талию еще одной великой воительницы — Шеонан. Свое прозвище Гринион получил за то, что однажды выехал на поде боя не на коне, что к тому времени был уже убит, а на диком быке, испугавшем неприятеля своими страшными рогами. Рядом с Гринионом глодал бараний бок Оссан Скорняк, названный так за ту искусность, с которой он выделывал кожи. Костюм и шапочка его были сшиты из тонкой кожи, ниспадавшей свободными складками. Он был далеко не молод, но сохранял завидную живость. Набив рот мясом, Оссан повернулся к рыцарю, рассказывавшему какую-то смешную историю.

Кроме того здесь присутствовали: Фен Безногий, Узер из Долины Печалей, Пвилл Костоправ, Шамейн Длинный и Шамейн Короткий, Рыжий Лис Мейан, Старик Дилан, Ронан Бледный, Клэр Западник и прочая, и прочая, и прочая. Корум помнил имена едва ли не всех воинов, прибывших в Кэр-Малод. Он понимал и то, что большинству из них не суждено будет вернуться с этой войны.

Корум услышал громкий голос Эмергина:

— Скажи мне, Корум Серебряная Рука, как тебе нравится — твоя армия? Корум изящно ответил:

— Меня смущает только то, что под моим началом будут те, кому в пору командовать целыми армиями. Избрав меня полководцем этого славного воинства, вы оказали мне великую честь.

— Хорошо сказано! — Король Файахэд поднял свой медовый кубок. — Выпьем же за Корума, убившего Шренга Семь Мечей и спасшего нашего Верховного Правителя. Я пью за здоровье Корума, вернувшего мабденам понятие о чести!

Последние слова потонули в дружном хоре голосов. Корум покраснел. Когда шум улегся, он встал и поднял свой рог с такими словами:

— Я пью за мабденскую славу! Я пью за народ мабденов!

В зале раздался дружный рев одобрения. Вновь заговорил Эмергин:

— Нам посчастливилось иметь среди наших союзников двух сидхи. Многие из великих сокровищ вновь вернулись к нам, и во многом помогли. Я хочу поприветствовать сидхи и дары их!

Вновь раздались одобрительные крики, молчали одни только смущенные сидхи.

На ноги поднялся Ильбрик.

— Если бы мабдены не были так отважны, так мужественны и так благородны, сидхи не пришли бы к ним на помощь. Мы боремся за то, чтобы в мире восторжествовала справедливость.

Гоффанон хмыкнул в знак одобрения и добавил:

— В общем и целом мабдены лишены эгоизма. Они не подлы и не скупы, они привыкли уважать друг друга и они свободны от излишнего самолюбия. Мне нравится этот народ. Я счастлив, что мне привелось помогать им. Ради этого мне не жалко отдать и жизнь!

Эмергин улыбнулся.

— Ты говоришь так, словно ждешь этого. Надеюсь, что этого не произойдет, Гоффанон. Заговорил король Маннах.

— Мы должны победить Фой Мьёр. Мы просто обязаны сделать это. И мы не вправе пренебрегать любыми союзниками, любыми силами, которые могут помочь нам в этом. — Король многозначительно посмотрел на Корума, и тот едва заметно кивнул.

— Против магии можно бороться только магией — я правильно понял тебя, король Маннах? — спросил Корум.

— Именно это я и имел в виду, — ответил король.

— И это вы называете магией! — засмеялся Гоффанон. — Подлинная магия уже ушла из мира; то, что делают Фой Мьёр и их союзники — жалкая пародия на нее.

— И все же я слышал... — Корум было заговорил, но осекся.

— Что же ты слышал? — подавшись вперед, спросил Эмергин.

Корум посмотрел на Ильбрика.

— Ты говорил о каком-то таинственном месте, Ильбрик, месте, где мы можем обрести неких мистических союзников.

Ильбрик и Гоффанон переглянулись. Карлик нахмурился. Ильбрик проговорил:

— Сначала я должен все вспомнить. Уж слишком давно

— Это слишком опасно, — перебил его кузнец. — И зачем только ты сказал им об этом, Ильбрик? Нам следует исходить только из того, чем мы уже обладаем.

— Не буду спорить с тобой, Гоффанон, — сказал Ильбрик. — Ты всегда был слишком осторожен.

— На сей раз осторожность моя оправдана, — проворчал в ответ кузнец.

В зале установилась полная тишина, — все прислушивались к разговору двух сидхи.

Ильбрик обратился ко всем.

— Я ошибся, — сказал он. — Магические силы имеют обыкновение обращаться против того, кто послал их.

— Хорошо, — сказал Эмергин. — Мы правильно поймем твое молчание, Ильбрик.

— Благодарю вас, — ответил Ильбрик. Было видно, что он не согласен с Гоффаноном. Осторожность была так же чужда великану, как она была чужда его отцу — великому Мананнану.

— Девять раз сходились в великих битвах сидхи и Фой Мьёр, — сказал король Файахэд, вытирая с губ липкие капельки меда. — И потому вы знаете их куда лучше нас. Мы ждем от вас совета.

— Сможешь ли ты дать нам совет, о, Сидхи? — спросил Эмергин.

Гоффанон поднял глаза от кубка. Пронзителен и суров был его взгляд. В глазах его горел странный огонь.

— Хорошо. Я дам вам совет. Бойтесь героев. В зале воцарилось недоумение. Смысл слов сидхи был темен, но на дальнейшие расспросы никто не отваживался.

Король Маннах нарушил молчание:

— Мы решили начать свои боевые действия с марша на Кэр-Ллюд. У этого плана есть один недостаток — мы окажемся в самых холодных землях, но, с другой стороны, — в этом случае мы можем застать врага врасплох.

— Затем мы должны отойти, — продолжил Корум. — Мы вернемся в Крэг-Дон, где нас будет ждать запас оружия и провианта. Оставаясь в Крэг-Доне, мы будем совершать кратковременные вылазки. Там мы будем в безопасности — Фой Мьёр боятся семи каменных кругов. Единственное, что нам угрожает, — осада Крэг-Дона; если у Фой Мьёр хватит сил на то, чтобы удерживать осаду достаточно долго, у нас попросту иссякнут запасы продовольствия.

— Наша атака на Кэр-Ллюд должна быть молниеносной и жестокой — мы должны подорвать силы врага, не утратив при этом собственных сил, — сказал Моркан Две Улыбки, поглаживая бороду. — На подвиги у нас времени не будет — все надо будет сделать быстро.

Слова Моркана понравились далеко не всем.

— Война — искусство, — сказал Кернин Оборванец. — Пусть искусство это безнравственно и ужасно. Большая часть воинов, собравшихся здесь, — артисты, что гордятся своим мастерством и своим стилем игры. Если мы не можем выразить себя по-своему, то какой смысл нам воевать?

— Одно дело войны между мабденами, — тихо сказал Корум, — и совсем другое — война с Фой Мьёр. В этой войне мы можем потерять не только честь — мы можем потерять все.

— Я и сам это понимаю, — настаивал на своем Кернин Оборванец. — Но я не во всем согласен с

тобой, Сидхи.

— Слишком дорого нам обойдутся наши жизни, — сказала Шеонан, освобождаясь из объятий Гриньона.

— Ты говорил о том, что тебе нравится в мабденах. — Дуболом Фадрак обращался к Гоффанону. — А тебе не кажется, что мы можем утратить все эти добродетели, только ради того, чтобы выжить.

— Никто не предлагает вам жертвовать добродетелями, — ответил Гоффанон. Единственное, к чему мы призываем вас, так это к благоразумию. Мабдены привыкли сражаться каждый за себя — именно поэтому они проигрывают Фой Мьёр, собравшим все свои силы воедино. В Кэр-Ллюде мы должны действовать их же методами. Стремительная кавалерийская атака с использованием колесниц — вот что нам нужно. Малейшего промедления достаточно для того, чтобы потерять всю армию. Разве мы можем противостоять леденящему дыханию Раннона?

— Мудры слова Сидхи, — сказал Эмергин. — Я прошу вас прислушаться к ним. В конце концов, именно для этого мы здесь и собрались. Я видел множество отважных рыцарей, что падали замертво, не успев даже увидеть неприятеля. В старые времена, в эпоху Девяти Битв, сидхи бились с Фой Мьёр один на один, но мы не сидхи. Мы мабдены. И потому мы должны выступать единой армией.

Дуболом опустил свое грузное тело на скамью и кивнул головой.

— Если так говорит сам Эмергин, значит Сидхи прав.

Воинов, несогласных с предложением Гоффанона, в зале не оказалось.

Ильбрик достал из кармана своей куртки пергаментный свиток.

— Это карта Кэр-Ллюда.

Он развернул свиток перед собравшимися.

— Мы атакуем город сразу с четырех сторон. Во главе каждого из четырех отрядов будет стоять король. Здесь стены укреплены хуже всего — сюда пойдет два отряда. Конечно, лучше было бы добраться до центра города, но, боюсь, мы не сможем сделать этого — мы не вправе терять ни одного человека — нас ждет Крэг-Дон... — Ильбрик стал объяснять детали плана.

Корум участвовал в составлении этого плана, но сейчас он казался ему чересчур оптимистичным. Впрочем, выбрать было не из чего.

Корум подлил себе меда из кувшина, стоявшего перед ним, и подал кувшин Гоффанону. Как ему хотелось, чтобы Гоффанон позволил Ильбрику рассказать о таинственных мистических силах, которые представлялись карлику слишком опасными.

Гоффанон принял кувшин и тихо сказал:

— Приближается полночь — нам пора уходить. Меч ждет нас.

— Здесь нам делать нечего, — согласился Корум. — Все уже сказано. Мы пойдем, как только ты скажешь, но прежде мы должны будем принести свои извинения.

Ильбрик отвечал на вопросы воинов, касавшиеся подробностей предстоящего похода; о преодолении крепостной стены, о тумане Фой Мьёр, о выборе одежды и снаряжения и так далее.

В этом обсуждении Корум уже не участвовал. Испросив у Верховного Правителя дозволения покинуть зал, Корум вышел на узенькую улочку. За ним последовали Медбх, Гоффанон и Хайсак Нагрей-Солнце.

Ночь была холодной и светлой. Свет луны то и дело затмевался облаками, которые ползли по направлению к морю. Корум и его спутники вышли за ворота, перешли по мосту через ров и, обогнув лагерь, направились к стоявшим поодаль деревьям. Где-то закричала сова. Из высоких трав доносились треск крыльев и стрекотание ночных насекомых.

Корум посмотрел на небо. Вновь он оказался в этом лесу в полнолуние.

— Мы пойдем к Средоточию Власти, — сказал Гоффанон. — Меч ждет нас там.

Корум замедлил свои шаги — ему не хотелось вновь оказаться на кургане, с которого он сошел в сон

мабденов.

Где-то позади раздался треск. Корум испуганно обернулся и тут же вздохнул с облегчением — их догонял Джерри-а-Конель, на плече которого сидел крылатый кот.

Джерри улыбался.

— Усатому стало душно, — сказал он, поглаживая кота по голове. — Вот мы и решили немного прогуляться.

Гоффанон бросил на него подозрительный взгляд, но, немного подумав, утвердительно кивнул.

— Ты будешь там желанным гостем, Джерри-а-Конель.

Джерри поклонился.

— От всей души благодарю вас. Корум спросил:

— Почему мы должны идти именно на Курган Кремма? Неужели нет другого места?

— Курган Кремма — ближайшее к нам Средоточие Силы, — просто ответил Гоффанон. — Другие места слишком далеки от нас.

Корум стоял совершенно недвижно. Он внимательно прислушивался к звукам леса.

— Вы слышите звуки арфы?

— Мы слишком далеко от замка — отсюда музыку не услышишь, — ответил ему Хайсак Нагрей-Солнце.

— Эта арфа играет в лесу. Вы слышите ее?

— Ничего я не слышу, — буркнул в ответ Гоффанон.

— Значит, мне показалось, — сказал Корум. — А я-то, было, решил, что Дагдаг вновь заиграл на своей арфе.

— Это кричал зверь, — сказала Медбх.

— Я боюсь этой арфы. — Корум перешел на шепот.

— Зря, — холодно заметила Медбх. — Арфа Дагдага исполнена мудрости. Она наш союзник. Корум коснулся теплой руки Медбх.

— Может быть, для тебя это и так, для меня же все обстоит иначе. Старая провидица говорила мне о том, что я должен бояться арфы. Она говорила именно об арфе Дагдага.

— Забудь это пророчество. Эта старуха выжила из ума. Все, что она говорит — чушь. — Медбх крепко сжала его руку. — Кому-кому, а тебе-то должно быть стыдно — с каких это пор ты стал суеверным?

Ценою огромных усилий Коруму удалось хоть как-то справиться со страхом. И тут он заметил выражение глаз Джерри. Джерри был чем-то встревожен. Заметив взгляд Корума, он отвернулся и надвинул шляпу на глаза.

— Надо спешить, — проворчал Гоффанон. — У нас мало времени.

Корум обреченно последовал за кузнецом в глубь леса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕСНЬ МЕЧА

Таким курган Кремма Корум уже видел: курган был выбелен лучами луны, кроны дубов поблескивали серебром. Стояла полнейшая тишина.

Глядя на курган, Корум думал о том, что же сокрыто в его глубинах. Неужели там действительно покоятся бранные останки того, кто звался Корум Серебряная Рука? Неужели там захоронен он сам? Впрочем, сейчас эта мысль мало трогала его. Гоффанон и Хайсак Нагрей-Солнце вырыли у основания кургана яму и вынули из нее тяжелый меч, рукоять которого была сделана из витых полос стали. Меч ярко светился, казалось, что он притягивает к себе лунный свет.

Взяв меч так, чтобы не касаться его рукояти, Гоффанон стал внимательно рассматривать оружие. Стоявший рядом с ним Хайсак то и дело одобрительно кивал головой.

— Этот клинок так просто не затупится, — сказал Гоффанон, — Нет в этом мире меча лучше этого, разве что меч Ильбрика Мститель.

Джерри-а-Конель подошел к ним поближе и тоже склонялся над мечом.

— Не очень-то это похоже на сталь.

— Это — сплав, — гордо ответил Хайсак. — В него входят металл сидхи и железо.

— Я думала, что в этом мире уже не осталось металла сидхи, — сказала Медбх. — Только меч Ильбрика и топор Гоффанона.

— Хайсак сохранил обломки древнего меча, — сказал Гоффанон. — Когда мы встретились, он рассказал мне о том, что хранит его уже многие годы, сам не зная для чего. Он достался ему от рудокопов, что нашли его глубоко под землей. Это один из ста мечей, что ковались мною перед Девятью Битвами. Сохранилась только часть клинка. Мы уже никогда не узнаем того, почему он оказался зарытым в землю. Нам с Хайсаком удалось сделать сплав металлов сидхи и мабденов сплав этот соединяет в себе лучшие свойства обоих.

Хайсак Нагрей-Солнце нахмурился.

— Может быть, не только лучшие.

— Кто знает, — сказал Гоффанон. — Со временем мы это узнаем.

— Прекрасный меч, — сказал Джерри. — Можно я подержу его?

Гоффанон резко отступил назад и затряс головой.

— Только Корум, — сказал он. — Только Корум может касаться его.

— Ну что ж. — Корум хотел было взять меч, как тут Гоффанон предостерегающе поднял руку.

— Рано, — проговорил кузнец. — Сначала я должен спеть свою песнь.

— Песнь? — поразила Медбх.

— Песнь меча. Петь ее положено именно сейчас. — Гоффанон поднял меч высоко над головой. На мгновение клинок ожил, но тут же застыл черным крестом на фоне луны. — У каждого меча должна быть своя песня. Сколько мечей — столько и песен. Если я спою ее, то вдохну в меч душу. Давать же ему имя должен Корум. Имя меча рождается вместе с ним, услышать же его может лишь тот, кто будет владеть им. Безымянный, неназванный меч не может исполнить своего предназначения.

— В чем оно состоит? — спросил Корум. Гоффанон улыбнулся.

— Не знаю. Это ведомо только мечу.

— Ты меня удивляешь, Сидхи. — Джерри-а-Конель поглаживал своего кота.

— Только не подумайте, что это предрассудок.

Порой мы можем заглядывать в иные миры, иные эпохи — и это время именно таково. Что будет, то будет. Изменить мы ничего не можем, но даже смутное ощущение грядущих судеб может оказаться полезным для нас. Я должен спеть свою песнь, и я спою ее. — Казалось, что Гоффанон пытается в чем-то оправдаться. Он обратил свой взор к луне. — Но помните — пока я пою, вы должны молчать.

— О чем же ты будешь петь? — спросила Медбх.

— Я еще не знаю. В нужное время слова придут ко мне сами. Гоффанон стал медленно подниматься на вершину кургана. Он держал меч обеими руками, так, чтобы абрис рукояти не сходил с лунного диска. Остальные отступили под деревья.

Достигнув вершины кургана, кузнец остановился.

Сладкие, дурманящие запахи ночных цветов, странные шорохи, потрескивание ветвей и попискивание лесных зверушек полнили собою ночь. Лес стоял непроницаемой черной стеной. Воздух словно застыл. Постепенно все звуки смолкли, слышалось лишь дыхание людей.

Какое-то время Гоффанон стоял неподвижно. Вздыхала только его широкая грудь. Глаза были закрыты. Затем он неспешно отметил рукоятью меча восемь сторон света.

И началась песнь. Вот что пел Гоффанон:

Сотню мечей отковал я Славным воителям Сидхи. Но из сражений кровавых Только один воротился.

Кого-то земля схоронила, Другие волной укрыты. Сто воинов вышли в битву, Но только один воротился.

Обломков меча заветных На новый клинок не хватит. И без железа мабденов Мечу не родиться внове.

В славном мече Гоффанона Мабденов и Сидхи сила. Силы же нет без изъяна Помни, Корум, об этом!

Гоффанон поднял меч еще выше, раскачиваясь, словно в трансе.

Ясная сила Солнца, Мудрость Луны туманной Сплелись в мече воедино, Участь его предрешая.

Страшен врагам он будет Нынешним и грядущим, Силой напитанный Солнца, Мудрой Луной взлелеян.

Казалось, что Гоффанон только касается острия меча, меч же держится в воздухе сам собою.

Корум вздрогнул, вспомнив, что он уже видел этот меч во сне.

Имя клинку дается, — То-то враги затрепещут! Лезвием этим впору Скалы гранитные рушить.

Гордый клинок Гоффанона, Время идти к вадагу. Пищу червям могильным Давать ты отныне будешь.

Срок наступил для сидхи, Срок пришел для вадагов, Страшной кровавой жатвы, Расплаты с врагом извечным.

Волна озноба пробежала по телу Гоффанона, он едва не выронил меч.

Кузнец громко застонал, но, похоже, кроме Корума его никто не слышал странное оцепенение охватило стоявших под деревьями.

Собравшись с силами, Гоффанон продолжил:

Лезвие славное, клинок безымянный! Стань же для Корума верным слугою. Черные ветры воют над Лимбом Черные ветры зовут мою душу.

С последними словами Гоффанон вскрикнул. Похоже, картина, открывшаяся ему, была поистине ужасна.

Этот ли меч видел Корум во сне? Может быть, то был другой, похожий клинок? Да, лучшего оружия для борьбы с Фой Мьёр нельзя было и придумать. Но был ли он предан Коруму? Не мог ли он подвести его?

Судьбы приговор исполнен — Выкован меч заветный, Рукою клинок не сломишь, Грядущего не отменишь.

Корум видел один только меч. Принц и сам не заметил, как оказался на вершине кургана. Ему казалось, что меч висит в воздухе сам собой. Лезвие светилось то золотом, то серебром.

Корум протянул к рукояти, серебряную руку, но меч тут же отлетел в сторону. Корум протянул к нему живую руку, и тогда тот позволил взять себя.

Песнь Гоффанона продолжалась. Начинаясь она торжественным гимном, теперь же больше походила на погребальное песнопение. Уж не звуки ли арфы вплетались в эту печальную мелодию?

Этот меч держать достоин Лишь вадаг, герой великий. В мире смертных он бессмертен. Смертен он в мирах бессмертных.

Меч прекрасный и чудесный, Не для войн одних рожден он, И не только плоть он ранит — Для иных то хуже смерти.

Позабудь о Гоффаноне. Верен будь во всем вадагу. Не увиливай от боя — Будь с врагами беспощаден!

Рука Корума сжалась на рукояти. Ему казалось, что этот меч был с ним всегда. Меч был прекрасно сбалансирован, рукоять пришлась прямо по руке. Принц стал рассматривать оружие при свете луны, поражаясь остроте и блеску его граней.

— Это мой меч, — сказал он вслух. Корум чувствовал, что он соединился с чем-то давным-давно утраченным и забытым. — Этой мой меч.

И познавшему тебя До конца храни ты верность!

То были последние слова песни. Кузнец открыл глаза. Мука и торжество застыли в них.

Гоффанон обратил свой взор к луне.

Корум посмотрел туда же. Вид луны потряс его — огромный серебряный диск заполнял собою едва ли не все небо. Ему казалось, что какая-то неведомая сила несет его к ней. Он увидел на ней лица, воюющие армии, пустоши, разрушенные города и выжженные поля. Он увидел себя, хотя лицо у него было совсем другим. Корум увидел меч, что во всем походил на его новый клинок, но в отличие от него, был не белым, а черным. Принц видел Джерри-а-Конеля, видел Медбх, видел Ралину и не только ее — и он любил всех.

Медбх неожиданно испугала его. Корум увидел арфу Дагдага, что тут же превратилась в юношу со странно золотистым телом, цветом своим напоминавшим саму арфу. Корум увидел огромного серого жеребца, некогда принадлежавшего ему. Где и когда это было, он не помнил. Он увидел равнину, занесенную снегом, по которой скакал всадник в алой мантии, одетый в доспехи вадага; правая его глазница была прикрыта распитой повязкой, вместо левой руки у него был металлический протез. Всадник был поразительно похож на Корума, и все же это был не он — Корум сразу же понял это.

Принц задохнулся от ужаса и попытался отвернуться от всадника, что подъезжал к нему все ближе и ближе. На лице всадника застыла жестокая улыбка. Коруму вдруг подумалось, что тот хочет убить его и, воспользовавшись своим сходством с ним, занять его место.

— Нет! — закричал он.

Луна скрылась за облаками. Корум стоял на вершине кургана Кремма, сжимая в руках меч, которому не было равных в этом мире. Внизу, у подножия кургана стояли Гоффанон, Хайсак Нагрей-Солнце, Джерри-а-Конель и Медбх Длинная Рука. Они смотрели на Корума так, словно хотели помочь ему, но не знали как.

Неожиданно для самого себя Корум поднял меч над головой и сказал тихо, но твердо:

— Я Корум. Это мой меч. Я одинок.

И стоявшие внизу вззошли на вершину кургана, и отвели Корума в Кэр-Малод, где все еще продолжался пир.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТРЯД ВСАДНИКОВ

Долгим и беспокойным был сон Корума. Он слышал голоса, которые говорили ему о ненадежных героях и благородных предателях; он видел множество мечей: тот, что был дан ему на кургане, и другие. Особенно поразил его черный меч, который, как ни странно, напоминал ему об арфе Дагдага; казалось, что в него вселился ужасный демон. То и дело раздавались слова:

— Ты Воин. Ты Воин.

Порою хор голосов говорил Принцу:

— Ты должен следовать Пути Воина.

— Что случилось, — думал Корум, — разве я избрал какой-то иной путь? А хор все не унимался:

— Ты должен следовать Пути Воина. Корум проснулся, произнеся вслух:

— Мне не нравится этот сон.

Он говорил не о сне, он говорил о мире мабденов.

У изголовья его лежа стояла Медбх.

— Ну и что же тебе снилось на этот раз? Корум пожал плечами и попытался улыбнуться.

— Ничего. Похоже, меня так взволновала вчерашняя ночь. — Он заглянул ей в глаза и почувствовал, что в его сердце вползает страх. Он взял ее за руки. Ты действительно любишь меня, Медбх?

— Да, — смущенно ответила она. Корум оглянулся на резной сундук, на котором лежал меч, подаренный ему Гоффаноном.

— Как же мне его назвать? Девушка улыбнулась.

— Придет время, ты узнаешь об этом. Разве не так говорил Гоффанон? Придумать имя нельзя — ты должен услышать его, только тогда меч обретет свою полную силу.

Медбх направилась в дальний угол палаты.

— Ванна готова?

— Да, госпожа.

— Пойди освежись, Корум, — сказала Медбх. — Тебе станет лучше. Мы выступаем через два дня. Давай проведем это время хорошо. Можно поехать на вересковую пустошь.

Корум глубоко вздохнул.

— И чего я мучаюсь? — сказал он. — Чему быть, того не миновать.

Через час, когда они седлали коней, к ним подъехал Эмергин. Он был высок и строен; несмотря на сравнительную молодость, Великий Друид держался очень степенно. На голову его была одета простая железная корона, украшенная самоцветами. Голубая мантия Великого Друида была расшита золотыми нитями.

— Приветствую вас, — сказал Верховный Правитель, — Как прошла у тебя эта ночь, Принц Корум?

— Все хорошо, — ответил Корум. — Гоффанон остался доволен своим мечом.

— Я смотрю, ты не спешишь надевать его.

— Этот меч предназначен не для прогулок, — сказал Корум, поправляя свой добрый старый клинок, висевший на поясе. — Я надену его перед самым боем.

Эмергин согласно кивнул головой. Взгляд его был устремлен на булыжную мостовую.

— Скажи мне, Корум, не говорил ли Гоффанон о тех мистических силах, которые поминал Ильбрик?

— Похоже, Гоффанон не считает их нашими союзниками, — сказала Медбх.

— Я это знаю, — продолжил Эмергин. — И все же, я бы рискнул. Сейчас мы не должны пренебрегать ничем.

Корума поразили слова Верховного Правителя.

— Ты думаешь, что мы потерпим поражение?

— Атака на Кэр-Ллюд обойдется нам слишком дорого, — тихо ответил Эмергин. — Этой ночью я долго размышлял над нашими планами. Так долго, что меня посетило видение.

— Ты увидел наше поражение?

— Победой это не было. Ты знаешь Кэр-Ллюд не хуже меня, Корум. Теперь, когда там живут Фой Мьёр, в столице царит стужа. Холод может повлиять на людей куда серьезнее, чем они о том думают.

— Что верно, то верно, — согласился Корум.

— Видишь, как все просто, — сказал Эмергин. — О сложном я пытаюсь не думать.

— В этом нет необходимости. Верховный Правитель. Но боюсь, что иных вариантов у нас попросту нет. Вот если бы...

— Поживем — увидим, — перебил Корума Эмергин. — Если тебе представится возможность поговорить с Гоффаноном, попроси его рассказать об этих силах.

— Я обещаю тебе сделать это, Великий Друид, хотя и сомневаюсь в успехе.

— И все же поговори, — сказал напоследок Эмергин и, развернув коня, поскакал прочь.

Корум и Медбх оставили Кэр-Малод и вскоре уже ехали по лесной дороге, что вела к поросшей вереском возвышенности. В воздухе, напоенном запахом цветущего вереска, гудели шмели и пчелы, высоко в небе щебетали крошечные птицы. Казалось, ничто не могло нарушить покой и мир этих мест. Погода стояла прекрасная. Было тепло, но не душно. Дышавшая теплом земля словно звала к себе.

Они спешили. Вокруг был только цветущий вереск. Они долго лежали, глядя в высокое небо.

Примерно через час Корум почувствовал слабое содрогание земли, он приложил к ней ухо и услышал стук копыт.

— К нам кто-то скачет, — сказал Корум.

— А вдруг это слуги Фой Мьёр? — испуганно спросила Медбх, потянувшись к праще.

— Все может быть. И Гейнор, и Братья Елей, и, вообще, — кто угодно. Хотя наши дозорные хорошо знают, что сейчас Фой Мьёр на востоке, любое их передвижение не могло бы остаться незамеченным.

Корум осторожно поднял голову. Всадники скакали с северо-запада, со стороны берега. Склон холма не позволял Принцу ясно разглядеть их, но он отчетливо слышал позвякивание сбруи. Корум извлек из ножен меч и пополз к своему жеребцу. Медбх поползла за ним.

Они взобрались в седла и поскакали к холму, оставаясь при этом скрытыми его склоном.

Остановившись за белыми известняковыми скалами, они стали ждать появления всадников.

Почти тут же появились первые трое. Кони их были низкорослыми и мохнатыми, сами же всадники — рослыми и широкоплечими. Все они были огненно-рыжи и голубоглазы. Бороды всадников были заплетены в мелкие косички, в прядях волос поблескивали жемчужные нити. В левой руке у всадников были овальные щиты, изготовленные из дерева и кожи, усиленные широкими полосами бронзы. К внутренней поверхности щитов крепились чехлы, из которых торчали копья со стальными наконечниками. На поясах у всадников висели короткие, широкие мечи, одетые в кожаные ножны. Шлемы были сделаны из кожи, натянутой на стальной остов. Каждый шлем украшали длинные изогнутые рога горного козла. На плечи всадников были наброшены клетчатые шерстяные накидки, основными цветами которых были — красный, синий и зеленый. Всадники были одеты в юбки такого же цвета. Все они, кроме пары человек обутой в примитивные сандалии, были босы.

Вне всяких сомнений, это были воины. Однако, откуда они пришли, Корум не понимал. Видом всадники походили на народ Тирнам-Бео, кони же напоминали Принцу о прежней его жизни — они были удивительно похожи на коней его старинных врагов, пытавшихся настичь Корума в лесах близ горы Мойдель. Всадников было много — человек двадцать. Когда они подъехали поближе, стало заметно то, что недавно они побывали в бою. Среди них было немало раненых, двоих даже пришлось привязать к седлам — в противном случае они не удержались бы на своих скакунах.

— Вряд ли это враги, — сказала Медбх. — Это мабдены. Одного не могу понять — откуда они взялись?

— Судя по виду, путь они прошли немалый, — прошептал Корум. — Я думаю, они пришли из-за моря. Видишь белый налет на их мантиях? Это морская соль. Наверное, и лодка их где-то здесь. Пойдем-ка им навстречу.

Корум выехал из-за скалы и громко поприветствовал чужеземцев:

— Добрый вам день, странники. Скажите, куда вы направляетесь?

Огромный детина, ехавший впереди конного отряда, резко остановил свою лошадку и, смежив свои рыжие брови, схватился за рукоять меча.

— Добрый день и тебе, коль не шутишь. На вопрос же твой я отвечать не стану — не твоего ума это дело.

— А вы не думаете о том, что земля, по которой вы едете, кому-то принадлежит?

— Никто с этим не спорит, — ответил воин. — Эти земли принадлежат мабденам. Если же они завоеваны тобой, то ты — наш враг, и мы убьем тебя. Ты ведь не мабден, верно?

— Верно. Но я служу мабденам. Посмотри, разве она не мабден?

— Конечно, она похожа на мабдена, — ответил воин, подозрительно глядя на Корума. — Но за время нашего путешествия чего только мы не навиделись!

— Я — Медбх, — гневно воскликнула оскорбленная дочь короля Маннаха. — Я Медбх Длинная Рука, знаменитая воительница. Я дочь правителя Кэр-Малода.

Воин немного успокоился, но продолжал держать руку на рукояти своего меча; остальные стали медленно окружать Медбх и Корума.

— Я — Корум. Некогда меня называли Принцем в Алой Мантии; с той же поры, как я отдал мантию волшебнику, меня называют Корум Серебряная Рука. — Он поднял свою металлическую руку. — Наверное, вам известно мое имя. Я бился с Фой Мьёр, врагами мабденов.

— Это он! — закричал молодой воин, показывая рукой на Корума. — На нем просто нет алой мантии. Вы только посмотрите на его лицо — видите, — и повязка на глазу есть! Это точно он!

— Тебе придется пойти с нами, господин Демон, — сказал старший воин. Он вздохнул и оглянулся на своих людей. — Это все, что осталось от нашего отряда, но, думаю, у нас хватит сил на то, чтобы остановить и тебя, и твою ведьму.

— Я не ведьма, а он не демон! — зло закричала Медбх. — Почему ты нас так называешь? Где ты мог нас видеть?

— С тобою мы прежде не встречались, — ответил старший. Он дернул за поводья, пытаясь успокоить свою чересчур норовистую лошадку. Стремя звянуло, задев щит. Кивком головы воин указал на Корума. — Мы видели только его. Он был там, на колдовских островах.

Он кивнул головой в сторону моря.

— Восемь кораблей и десять плотов со скотом и продовольствием причалили к этому проклятому острову. Мы отправились на берег в поисках воды и пропитания. Ты, наверное, помнишь, — сказал он, с ненавистью глядя на Корума, — что произошло дальше. Из всех наших кораблей остался только один, женщины и дети исчезли, от скота осталось всего несколько пони. Корум возразил:

— Уверяю вас, что вы видите меня в первый раз. Я — Корум. Я воюю с Фой Мьёр. Последнее время я живу в Кэр-Малоде. Сегодня я покинул его впервые за весь этот месяц!

— Ты один из тех, кто напал на нас там, — сказал юноша. — Я помню и твою алую мантию, и твое бледное лицо, и твою повязку, и твой страшный смех...

— Шефанго, — сказал старший. — Ты — Шефанго.

— Давненько я не слыхивал этого слова, — сказал Корум, помрачнев. Слушай, парень, зря ты это сказал. Последний раз повторяю — ты меня с кем-то путаешь.

— Вы что — близнецы, что ли? — засмеялся юноша горько. — Мы боялись, что ты выследишь нас, но не думай, не только ты умеешь сражаться. Говори, где твои люди?

— Нет у меня никаких людей, — раздраженно ответил Корум.

Старший расхохотался.

— Вот ты и попался!

— Я не собирался сражаться с вами, — сказал Корум. — Скажите, что вам здесь нужно?

— Мы идем в Кэр-Малод — хотим сражаться вместе со всеми.

— Я так и думал. Выслушайте меня. Мы отдаем вам свое оружие, и вы отводите нас в город И там, надеюсь, вы убедитесь в том, что я говорю вам правду. Мы — не враги.

— А чем ты докажешь, что это не ловушка? — спросил молодой.

— Можешь приставить мне к горлу свой нож. Если тебе что-то не понравится можешь меня зарезать.

Старший нахмурился.

— Да, манеры у тебя конечно другие. Ну что ж, веди нас в Кэр-Малод. Хоть какая-то польза от тебя будет.

— Артек! — закричал молодой. — Ты что?! Старший повернулся к нему.

— Заткнись, Кэван. Мы всегда сможем убить Шефанго!

— Я прошу вас, — будьте так любезны, — сказал Корум сдержанно, — не называйте меня этим словом. Оно мне не нравится. Боюсь, тогда и вы мне разонравитесь.

Артек заулыбался. Уставившись в единственный глаз Корума, он обдумывал его слова. Он подозревал к себе двух воинов.

— Возьмите их оружие. Пока будем ехать — глаз с них не спускать. Ну а теперь, Корум, веди нас!

Отряд ехал уже по лагерю. Корум со злорадством наблюдал за тем, как вытягиваются лица у его стражей — все встречные смотрели на них с нескрываемым возмущением, понимая, что Корум и Медбх стали пленниками. Кони остановились. Ехать вперед было уже невозможно — плотное кольцо воинов окружало всадников. Корум облегченно вздохнул и улыбнулся. Предводитель воинства Тир-нам-Бео смотрел в лицо Артеку, меч которого упирался Коруму в ГРУДЬ.

— Что это значит? Почему это наша Принцесса оказалась вашей заложницей? Чем вам не угодил Принц Корум?

Артек густо покраснел.

— Значит, ты сказал правду... — буркнул он. Однако меча своего он не опускал. — Хотя как знать, может быть, все это нам только кажется — демон есть демон.

Корум пожал плечами.

— Послушай, Артек, но даже если все это и так, все равно твоя песенка спета.

Окончательно смешавшись, Артек опустил свой меч.

— Ты прав. Мне ничего не остается, кроме как верить тебе. Если бы ты знал, как ты похож на того негодяя, что напал на нас на этом проклятом острове, ты бы понял меня.

Корум ответил так тихо, что его услышал лишь Артек:

— По-моему, именно его я и видел во сне. Мы еще поговорим с тобой об этом, Артек. Боюсь, что зло, с которым тебе довелось столкнуться, в скором времени обернется против меня — и это будет действительно страшно для всех.

Артеку изумленно взглянул на него, но, понимая серьезность сказанного, промолчал.

— Вам надо поесть и отдохнуть, — сказал Корум. — Теперь я понимаю, почему мабдены так почитают вас. — Он испытывал к этим варварам явную симпатию. — Во время пира ты нам и расскажешь свою историю.

Артеку поклонился.

— Вы отважны и благородны, Принц Корум.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОХОД ЛЮДЕЙ ФЬЯНА

— Мы — островной народ, — начал Артек. — Живем мы в основном морем. Ловим.. — Он на мгновение задумался и, махнув рукой, продолжил: — До недавнего времени мы были морскими разбойниками. На наших островах людям живется непросто. Там не растет почти ничего. Вот нам и приходится заниматься разбоем. Порой мы грабим соседние земли, порой — нападаем на корабли

— Теперь я понял, кто вы такие! — засмеялся король Файахэд. — Вы же пираты! Ты — Артек Клонгарский. Жители всего побережья трепещут при одном только упоминании твоего имени!

Артек совсем смутился.

— Да, я и есть этот самый Артек, — еле слышно пробормотал он.

— Не бойся, Артек, — улыбнулся король Маннах и подал пирату руку, Кэр-Малод — не место для сведения счетов. У нас есть общий враг — Фой Мьёр. Расскажи нам о том, как вы добирались сюда.

— Недавно мы захватили корабль, направлявшийся из Гвидднью Гаранхира в страну Тир-нам-Бео. На нем мы обнаружили послание королю этой страны. Из этого послания мы и узнали, что мабдены собираются на великую битву с Фой Мьёр. На наших островах Фой Мьёр никогда не появлялись, но мы все же решили приехать сюда. — Артек усмехнулся. — Если не будет вас, не будет ваших кораблей — не будет нас. Как видите, наши интересы совпадают. Мы снарядили свои корабли, а их было больше двух десятков, и понастроили плотов, так чтобы забрать с Фьяна всех наших людей — мы не хотели оставлять женщин и детей на острове. Артек опустил глаза.

— Как я об этом жалею! Куда лучше умереть у себя дома, чем погибнуть на берегах этого страшного острова!

Ильбрик, пришедший в зал специально для того, чтобы послушать историю Артека, спросил:

— Где находится этот остров?

— К северо-западу от Клонгара. Туда нас занесло штормом. Во время этого же шторма мы практически лишились запасов воды и продовольствия. Господин Сидхи, вам что — ведомо это место?

— Нет ли на этом острове высокой горы? Артек утвердительно кивнул:

— Есть.

— Не растет ли на вершине этой горы огромная сосна?

— Точно, — растет. Это самая большая сосна, которую я видел в жизни, подтвердил слова Ильбрика Артек.

— Стоит там выйти на берег, как все начинает мерцать так, словно вот-вот превратится во что-то неведомое; незыблемой остается одна только гора. Верно?

— Выходит, ты был там! — воскликнул Артек.

— Нет, — ответил Ильбрик. — Я только слышал об этом месте. Он пристально посмотрел на Гоффанона, делавшего вид, что тема разговора его несколько не интересует. Корум слишком хорошо знал Кузнеца для того, чтобы понять, что это совсем не так.

— Разумеется, мы и прежде подходили к этому острову; но место там туманное, а берег там скалистый — так что мы никогда там не высаживались. Да и что там делать?

— Говорят, когда-то к этому острову отправилось несколько кораблей, но ни один из них не вернулся назад, — добавил молодой воин Кэван. — Считается, что там живут Шефанго.

— Не Инис-Скайтом ли зовут этот остров? — спросил Ильбрик.

— Инис-Скайт. Верно. Есть у него и такое имя, — закивал головой Артек, Кажется, именно так его называли в древности.

— Так значит вы оказались на Острове Теней, — Ильбрик растерянно улыбнулся и покачал головой, — Ну и ну, ты смотри, Гоффанон, как предусмотрительна судьба!

Гоффанон сделал вид, что он не слышит Ильбрика, и тут же выразительно посмотрел на него.

— На этом самом острове мы и встретили Принца Корума или, вернее, его двойника, — Кэван покраснел. — Я прошу прощения, Принц Корум, я не хотел...

Корум улыбнулся.

— Может быть, это действительно была моя тень. Не зря же это место называют Инис-Скайт, Остров Теней. — Улыбка постепенно сошла с его лица.

— Я тоже кое-что слышал об острове с таким названием, — неожиданно вмешался в разговор Эмергин. — Это остров колдунов. Именно там постигают злые друиды премудрости черной магии. Это место боялись посещать даже сидхи...

Эмергин повернулся к Ильбрику и Гоффанону, — похоже, взгляды, которыми обменивались сидхи, не остались незамеченными мудрым друидом.

— Инис-Скайт существовал еще до прихода сидхов. В чем-то он был схож с Хи-Брисэйлом, Островом Сидхи, и, все же, он был совсем иным. Если Хи-Брисэйл считают страной волшебных грез, то Инис-Скайт — страна кромешного безумия...

— Верно, — пробурчал Гоффанон. — Говорят, что путь туда заповедан не только мабденам, но и сидхи.

— Скажи мне, Гоффанон, — вкрадчивым голосом спросил Эмергин, — уж не доводилось ли тебе бывать на этом острове?

— Доводилось, — отрезал кузнец и отвернулся.

— Тьма безумия и кошмар отчаяния, — вернулся к своему рассказу Артек. Оказавшись на этом злосчастном острове, мы потеряли дорогу к своим кораблям. Непроходимые леса вставали на нашем пути. Отвратительный туман ел нам глаза. Демоны то и дело нападали на нас. Мы становились добычей безобразных зверей. Погибли все наши дети. Погибли все женщины и большая часть мужчин. Из всего народа Фьяна остались только мы — нам посчастливилось набрести на один из кораблей. — Артек поежился. — Я никогда больше не поплыву туда, пусть даже я буду знать, что там меня ждет жена.

— Она погибла, — тихо сказал молодой воин, пытаясь как-то успокоить старшего. — Я видел это своими собственными глазами.

— А ты уверен в том, что виденное нами было реальностью?

— Нет, Артек. И все же, одно я знаю точно — она погибла.

— Да. — Артек горестно воздел руки к небу. — Она погибла.

— Теперь-то ты понимаешь, почему я не поддержал твою идею? — сказал Гоффанон Ильбрику. Корум перевел взгляд на сидхи.

— На этом острове ты и хотел обрести союзников? — спросил он у Ильбрика. Ильбрик смущенно кивнул.

— Да, Корум.

— Инис-Скайт может принести только зло, — сказал Гоффанон. — Пусть оно и рядится в разные маски.

— Артек, — Эмергин коснулся рукой плеча старого морехода, — Артек, слушай меня. Я дам тебе порошок, от которого ты сразу заснешь. Успокойся, Артек.

Солнце уже садилось. Ильбрик и Корум шли к голубому шатру сидхи. То здесь, то там горели костры — воины готовили себе ужин. Где-то неподалеку высокий мальчишеский голос пел балладу о погибших героях. Друзья вошли в шатер.

— Бедный Артек, — сказал Корум. — Каких это союзников ты хотел найти на Инис-Скайте? Ильбрик

смущенно пожал плечами.

— Я думал, что некоторые обитатели острова могут принять и нашу сторону. Но, похоже, Гоффанон прав — эта идея выглядит нелепо.

— Артек и его товарищи видели на этом острове меня, — сказал Корум. Человек, похожий на меня, как две капли воды, убивал их близких.

— Странное дело, — сказал Ильбрик. — Я о таких вещах никогда не слышал. Может быть, у тебя есть брат?

— Брат? — Коруму вспомнилось пророчество, данное ему старухой. — Нет, у меня никогда не было братьев, хотя в пророчестве и сказано, что я погибну от руки брата. Думаю, там имеется в виду Гейнор — мы связаны с ним достаточно прочными узами. Может быть, речь идет и о том, кто погребен под курганом. Теперь еще этот странный двойник, что ждет меня на Инис-Скайте.

— Ждет? — поразился Ильбрик. — Ты что — собрался посетить Остров Теней?

— Если обитатели этого острова смогли уничтожить большинство людей Фьяна и вызвать такой ужас у бесстрашного Артека, значит, они чего-то стоят, — сказал Корум. — Помимо прочего, мне хотелось бы увидеться с «Братом».

Ильбрик забарабанил пальцами по столу.

— Вряд ли ты сможешь совладать с колдовскими чарами Инис-Скайта.

— Я рискую только собственной жизнью, — сказал Корум. — При этом, как бы не закончилось это предприятие, мабдены ничего не теряют.

— Как бы мне хотелось пойти вместе с тобой. — Ильбрик посмотрел в глаз Коруму. — Но, увы, у тебя ничего не получится — послезавтра ты должен повести армию мабденов в поход.

— Если бы не это, я бы уже плыл к Инис-Скайту, — ответил Корум.

— Ты не боишься ни за свою жизнь, ни за свой разум, ни за свою душу?

— Меня называют Вечным Воителем. Что мне безумие или смерть, если меня ждут все новые и новые жизни? Что может случиться с моей душой, если ее ожидают новые тела? Если у кого-то и есть шанс посетить Инис-Скайт и вернуться оттуда, то это у меня.

— Странно ты рассуждаешь, — сказал Ильбрик. Взгляд его затуманился. — Ты прав только в одном. Если кто-то и сможет побывать на Инис-Скайте, так это ты.

— Я попытался бы привлечь обитателей острова на нашу сторону.

— Как пригодилась бы нам их помощь! — одобрил сказанное Ильбрик.

Полог шатра раскрылся, и на пороге появился Гоффанон, — как всегда, на плече его лежал топор.

— Добрый вечер, друзья мои.

Они поздоровались с карликом, и тот сел на сундук Ильбрика, поставив топор рядом с собой. Кузнец смотрел то на Ильбрика, то на Корума. Что-то в их лицах ему явно не понравилось.

— Так-так, — сказал он. — Надеюсь, услышанное заставит тебя отказаться от твоего дурацкого плана, Ильбрик.

— Ты собирался отправиться на этот остров? — поражение спросил Корум. Ильбрик развел руками.

— Понимаешь...

— Хватит того, что я там побывал, — перебил его Гоффанон. — Я до сих пор в себя прийти не могу. Злые друиды были на этом острове задолго до того, как по земле распространилась раса мабденов. Этот остров куда как старше и вадагов и надрагов, правда раньше он принадлежал совсем другому миру.

— Как же он оказался здесь? — спросил Корум. Ильбрик откашлялся.

— Случайность. На острове этом жили существа, обладавшие такой мощью, что им ничего не стоило уничтожить весь мир. Так уж было угодно Судьбе, что именно в это время сидхи направились на Землю,

чтобы помочь мабденам в их борьбе с Фой Мьёр. Обитатели Инис-Скайта умудрились проскочить сюда вместе с нами, тем самым, именно сидхи повинны в том, что на Земле существует это ужасное место. Жители Инис-Скайта бежали из своего мира, скрываясь от гнева его жителей, но и этот мир оказался для них негостеприимным. Просто так они не могут покинуть своего острова — для этого им приходится пользоваться особыми приспособлениями. Они пытаются вернуться в свое или в какое-то иное, более благоприятное для них Измерение. До сих пор это им не удавалось. Потому я и подумал о них — если мы поможем им отправиться в другой мир, они помогут нам в нашей борьбе с Фой Мьёр.

— В ту же минуту, как ты заключишь договор с ними, они предадут нас, сказал Гоффанон. — Предать для них — то же самое, что для нас дышать.

— Мы должны как-то уберечь себя от этого, — сказал Ильбрик.

Гоффанон всплеснул руками.

— Мы не можем уберечься от этого! Послушай меня, Ильбрик! Я посетил Инис-Скайт в сравнительно тихое время — сразу после победы над Фой Мьёр. Я знал, что мабдены считают мой родной Хи-Брисэйл страшным местом, в котором живут разве что демоны. Видимо, поэтому я и решил, что Инис-Скайт не многим отличается от моего острова — мабдены там жить не могут, сидхи же чувствуют себя так же вольготно, как дома. Это было моей ошибкой. То, чем Хи-Брисэйл является для мабденов, Инис-Скайт является для сидхи. Он не принадлежит ни этому миру, ни миру сидхи. Более того, обитатели острова сознательно мучают и убивают всех тех, кто не похож на них.

— И все же, тебе удалось сбежать оттуда, — заметил Корум. — То же самое можно сказать и об отряде Артека.

— И в том, и в другом случае это было простым зверьем. Артеку посчастливилось наткнуться на свой корабль. Я попросту свалился в море. Целый день меня болтало по волнам, прежде чем я доплыл до крохотного островка. Вскоре меня заметили люди, проплывавшие мимо. Они помогли мне добраться до материка, откуда я тут же переправился на Хи-Брисэйл.

— Впервые слышу об этом, — сказал потрясенный Корум.

— Если бы не Артек, ты не услышал бы этого и сейчас, — угрюмо ответил Гоффанон.

— Послушай, Гоффанон, а ты можешь сказать нам, что же тебя так испугало? спросил Ильбрик.

— Об этом невозможно сказать словами, — ответил Гоффанон и встал на ноги. — Мы должны сражаться с Фой Мьёр, не прибегая к помощи народа Инис-Скайта. Тогда кому-то из нас удастся выжить. Если же мы свяжемся с ними — не сдобровать никому. Я говорю вам правду.

— Правда правде рознь, — не удержался Корум. Лицо Гоффанона словно окаменело. Он взял топор на плечо и молча вышел из шатра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДРУЖБЕ — КОНЕЦ

Этой же ночью в палатах Корума появился Эмергин. Медбх не было — видимо, она гостила у отца. Эмергин вошел без стука — услышав шаги, Корум, стоявший у окна, обернулся.

— Прости меня за бесцеремонность, Принц Корум, но я хочу поговорить с тобой наедине. Мне кажется, ты чем-то рассердил Гоффанона.

Корум кивнул.

— Да, мы немного поспорили.

— Вы говорили об Инис-Скайт?

— Да.

— Скажи — ты хотел отправиться в это место?

— Послезавтра мне вести армию. Ты же видишь — у меня нет на это времени. Корум указал Эмергину на кресло. — Садись, Великий Друид.

Сам же он опустил на свое ложе.

— А если бы армию вел кто-то другой, ты отправился бы туда? — Верховный Правитель говорил медленно, он старался не смотреть на Корума.

— Наверно. Я взял бы с собой и Ильбрика.

— А ты понимаешь, что скорее всего вы не вернетесь оттуда?

— Понимаю. — Корум стал машинально ощупывать расшитую Галиной повязку. Странно, что ты говоришь мне об этом, ведь я — воин.

— Ты прав, конечно, — ответил Эмергин.

— Зачем он мне все это говорит? — подумал Корум. Вслух же он сказал следующее:

— Мабденов могу вести только я. Я для них именно тот, кто уже побеждал Фой Мьёр.

— Верно, — ответил Эмергин. — Я думал об этом не меньше твоего. По я не случайно просил тебя поговорить с Гоффаноном о природе колдовских сил.

— Да, ты говорил об этом.

— Я не изменил своего мнения — в Кэр-Ллюде нам придется не сладко. Если нам никто не поможет — мы проиграли. Но нам нужна именно сверхъестественная помощь. Принц Корум. Говоря так, я не имею в виду сидхи и их дары. Единственное место, откуда она может прийти — Инис-Скайт. Надеюсь, это останется между нами. Можно и не говорить о том, что воины наши должны быть уверены в победе. Если их поведешь не ты, а кто-то другой, их уверенность поколеблется. Но все это неважно — в любом случае мы проиграем. Если ты не отправишься на остров, нам нет смысла и начинать этот поход.

— А если мое путешествие закончится неудачей?

— Мабдены сочтут тебя предателем. Они умрут, проклиная тебя.

— Неужели иного выхода нет? Разве дары сидхи не могут помочь нам?

— То, что осталось, находится у Фой Мьёр. И Котел-Целитель, и Ожерелье Силы находятся в Кэр-Ллюде. Было и еще одно сокровище, но мы никогда не могли понять, как же им следует пользоваться. К тому же оно потеряно.

— Что же это было?

— Старое потрескавшееся седло. Мы хранили его наравне со всеми прочими сокровищами, но, скорее всего, оно оказалось среди них случайно.

— Котел и Ожерелье можно считать недоступными.

— Верно.

— Что ты знаешь о народе Инис-Скайта?

— При малейшей возможности они постараются покинуть это Измерение.

— Это я уже понял. Но ведь мы не можем помочь им в этом.

— Будь у меня Ожерелье Силы, — сказал Эмергин, — и я выполнил бы их желание — я знаю, как это сделать.

— Гоффанон считает, что любая сделка с народом Острова Теней будет стоить нам слишком дорого.

— Если хоть кому-то удастся выжить, жертва эта будет оправдана. Откровенно говоря, я не верю, что в этой войне погибнут все.

— Жизнь стоит не слишком-то дорого. Что еще они могут отнять у нас?

— Не знаю. Если ты считаешь, что риск слишком велик...

— У меня есть и свои причины для того, чтобы побывать там.

— Лучше будет, если ты уедешь незаметно, — сказал Эмергин. — Воинам я скажу, что у тебя внезапно изменились планы и что ты присоединишься к ним у стен Кэр-Ллюда. Будем надеяться на то, что Гоффанон не откажется возглавить наше войско — ведь он знает дорогу в Кэр-Ллюд.

— Ты не должен забывать о том, что у Гоффанона есть одна серьезная слабость, — сказал Корум. — Над ним имеет власть волшебник Калатин. Пока мешочек со слюной Гоффанона находится в его руках, кузнец полностью подчинен ему. Вы должны убить Калатина, как только столкнетесь с ним. Из всех союзников Фой Мьёр Калатин самый опасный — он ближе других к людям.

— Я запомню твои слова, — ответил Великий Друид. — Но, думаю, ты быстро вернешься с Инис-Скайта, Корум...

— Скорее всего, да, — сказал Корум, нахмутив брови. — В каком-то смысле я понимаю обитателей Инис-Скайта — я и сам здесь чужой.

— Что поделаешь, — согласился Эмергин, — не всегда звезды благосклонны к нам. Корум улыбнулся.

— Тебе не кажется, что это звучит глупо?

— Великие истины сродни глупостям, — Великий

Друид поднялся с кресла. — Когда же ты намерен выехать?

— Скоро. Вот только поговорю с Ильбриком.

— Обо всем остальном позабочусь я, — сказал Эмергин. — Тебя же я прошу только об одном — никому не говори о нашем разговоре.

— Хорошо.

Эмергин беззвучно покинул комнату. Неужели Великий Друид затеял такую сложную игру, что ему понадобилось освободиться от Корума, словно от лишней пешки. Принц тут же отогнал от себя эту мысль. Если Эмергина действительно посетило видение, то друид прав — у мабденов попросту нет иного выхода. Не теряя напрасно время, Корум направился к шатру Ильбрика.

Вернувшись от Ильбрика, Корум стал готовиться к отъезду. В комнату вошла Медбх. Похоже, она считала, что Корум спит, — вид супруга, одетого в боевые доспехи, прямо-таки потряс ее.

— Что случилось? Мы что — уже выступаем?! Корум покачал головой.

— Нет. Я отправляюсь в Инис-Скайт.

— Ты что — собираешься бросать армию? — Она деланно засмеялась, в надежде услышать от Корума признание в том, что он шутит.

Корум вспомнил, что ему не следует болтать лишнего, и потому ответил кратко:

— Нет. Я хочу помочь ей.

— Что ты задумал? — спросила девушка дрожащим голосом.

Справившись с охватившим ее волнением, она продолжала:

— Мы не привыкли верить чужакам. Откуда я знаю, может быть, ты предашь нас?

— Медбх, что ты говоришь?! — Он хотел обнять ее, но она оттолкнула его руку.

— Что кроме безумия и смерти ты можешь найти на Инис-Скайте? Разве ты не слышал рассказ Артека? Если ты пойдешь на Кэр-Ллюд вместе с нами, ты — скорее всего — погибнешь, но погибнешь смертью героя.

— Если я смогу, я нагоню вас в Кэр-Ллюде. Я ведь двигаюсь куда быстрее вас. Кто знает, может быть, я успею еще до штурма.

— Все может быть. Ты можешь и сгнуться на этом треклятом острове, — сказала она мрачно.

Он пожал плечами.

От этого гнев ее стал еще сильнее. Она буквально онемела от злости и, хлопнув дверью, вылетела из комнаты. Корум попытался было догнать ее, но быстро понял, что этого делать не следует — так он мог избежать лишних объяснений. Рано или поздно причины, побудившие его отправиться в Инис-Скайт, станут известны, и тогда Медбх поймет и простит его.

И все же тяжело было у него на сердце, когда он покидал замок.

Золотоволосый гигант уже собрался — скакун Тонкая Грива был уже под седлом, гигантский меч Мститель уже висел у Ильбрика на поясе. Сидхи улыбался. Было видно, что предстоящее путешествие чрезвычайно радует его. Корум попытался улыбнуться Ильбрику в ответ, но у него ничего не вышло.

— Времени у нас мало, — сказал Ильбрик. — Как мы и договаривались, Тонкая Грива понесет нас обоих. С ним не сравнится в скорости ни один конь смертных. Кэван дал мне карту. Мы можем выезжать хоть сейчас.

— Ну что ж, тогда поехали!

— Идиоты! — зашипел кто-то прямо под ухом у Корума.

Резко обернувшись, Корум увидел перед собой почерневшего от ярости Гоффанона. Размахивая своим огромным топором, карлик прорычал:

— Если вам и удастся вернуться с Инис-Скайта,

это вряд ли что-нибудь изменит. Там вы сойдете с ума. Скажите мне, разве могут безумцы руководить армией? Нет и еще раз нет. Прошу вас, не ходите в Инис-Скайт! Не ходите!

— Гоффанон, — спокойно сказал Ильбрик. — Ты ведь знаешь, с каким почтением я отношусь к твоей мудрости. Прошу тебя — не мешай нам сейчас.

— Но ведь вы идете на верную смерть, вы предаете тех, кому вы поклялись служить верой и правдой! Оставьте свою затею!

— Мы не можем так поступить, дружище, — тихо сказал Корум.

— Тогда послушайте, что я скажу вам. В вас вселился бес, и вы больше не друзья мне! Слышите, вы мне больше не друзья!

— Гоффанон, ты должен понять нас... — начал было Корум, но Гоффанон вновь перебил его.

— Предположим, что вы сохраните и свой разум, — хотя это и маловероятно. Все равно в вас поселится пагуба. Вы вмешаетесь в дела Судьбы! Я сам видел, как это происходит. Это видение не дает мне покоя ни днем, ни ночью.

Корум заговорил неожиданно резко:

— Вадаги считают, что видения говорят скорее о человеке, удостоившемся их, чем о мире, в котором живет этот человек. Боюсь, что ты избрал ложный путь, ведь ты не можешь даже...

— Я поведу мабденов на Кэр-Ллюд, — сказал Гоффанон, глядя на Корума с презрением.

— Бойся Калатина.

— Не надо ничего говорить. Даже Калатин не стал бы вести себя так, как сейчас ведете себя вы. — Гоффанон даже как-то сгорбился.

— Не примете ли вы и меня в свою компанию? — Голос этот принадлежал Джерри-а-Конелю, только что вышедшему из тени. — Куда идти мне — в Кэр-Ллюд или в Инис-Скайт? Может быть, мне лучше раздвоиться?

— Ты пойдешь в Кэр-Ллюд, — ответил Корум. — Твоя мудрость и знание там пригодятся. Ты ведь куда мудрее меня.

— С каких это пор ты себя в мудрецы определил? — недовольно проворчал Гоффанон, так и не повернувшись к Коруму.

— Ты пойдешь с Гоффаноном, Джерри, — сказал Корум Спутнику Героев. — Ты будешь охранять его от чар Калатина.

Джерри кивнул. Он коснулся рукой плеча Корума и еле слышно пробормотал:

— Прощай, мой вероломный друг. — Джерри грустно улыбнулся.

Ильбрик уже сидел в седле.

— Я тебя жду, Корум.

Корум раздраженно продолжал:

— Но, Гоффанон, я ведь делаю нужную вещь! У меня нет ни малейших сомнений в том, что сейчас я поступаю правильно!

— Тебе придется за это платить, — сказал Гоффанон. — Ты еще заплатишься за это, Корум. Попомни мои слова.

Серебряною рукой Корум коснулся меча, висевшего у него на поясе.

— Твой подарок нас выручит — я в него верю. Скажи — сможет ли защитить нас этот меч?

Гоффанон застонал и яростно замотал своей огромной головой.

— Теперь все зависит только от тебя. О, древние Сидхи! О, Сидхи великие! И зачем только я стал ковать этот меч?

КНИГА ВТОРАЯ,

в которой говорится об Инис-Скайте, о его ужасах, обманах и чарах. Здесь же рассказывается и о нескольких весьма странных превращениях...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧАРЫ ОСТРОВА ИНИС-СКАЙТ

Похоже, Тонкая Грива не забыл древних дорог, пролегших меж Измерениями. Уверенно скакал он по морским просторам, уверенно нес двух седоков — Ильбрика и Корума — все дальше и дальше. Холодные, увенчанные белой пеной валы катили по морю. Они, когда солнце нового дня взошло над миром, зарозовели и зазолотились. Морские просторы наполнились синевой.

— Эмергин сказал мне, что Остров Теней существовал здесь еще до прихода сидхи. — Корум сидел за спиной Ильбрика, изо всех сил держась за его кожаный ремень. — Ты же говорил, что остров этот пришел сюда вместе с сидхи.

— Ты и сам должен знать о том, что в любую эпоху находятся люди, искушенные в тайных науках. Они могут путешествовать меж мирами, — радуясь утренней прохладе, ответил Коруму Ильбрик. — Мабденские друиды бывали на Инис-Скайте еще до того, как этот остров оказался в их Измерении.

— Что же за народ живет на Инис-Скайте? Неужели это мабдены?

— Разумеется, нет. Здесь живут потомки древней расы, уничтоженной мабденами. Живя в изоляции, народ этот выродился и ожесточился, впрочем, вырождаться он начал задолго до этого.

— Как же называлась эта раса?

— Понятия не имею. — Достав из-под кирасы карту Кэвана, Ильбрик внимательно рассмотрел ее и что-то шепнул на ухо своему скакуну.

Конь слегка изменил направление. Теперь они двигались прямо на северо-запад.

Небо затянулось серыми облаками. Стал накрапывать дождь. Не успели путники промокнуть, как вновь вышло солнце. Корум задремал — силы нужно было беречь.

Так спутники оказались на Инис-Скайте, маленьком островке, посереде которого стояла огромная гора, окутанная темным облаком. Они слышали, как ревут волны на его пустынных берегах, видели высокую гору, на вершине которой стояла одинокая сосна; все же остальное было скрыто непроницаемой дымкой. Легким движением руки Ильбрик остановил Тонкую. Гриву. Конь был спокоен, твердью были ему морские зыби.

Корум надел на голову свой посеребренный конический шлем и подтянул ремни на доспехах. На спине висели лук и колчан со стрелами. К левому плечу был приторочен круглый белый щит, в левой руке Принц держал и свой боевой топор. Правой рукой Корум ухватился за пояс Ильбрика; при необходимости он мог взять в нее и свой чудесный меч.

Ильбрик сбросил тяжелый плащ, и тут же солнце заиграло на его золотистых косах, начищенных бронзовых латах и золотых браслетах. Он повернулся к Коруму, и тот увидел, что глаза у Ильбрика были цвета моря. Сидхи улыбался.

— Ну что, Корум, ты готов? Улыбаться так же беззаботно, как сидхи, Корум не мог, однако он не был и

печальным.

— Можно ехать, — ответил вадаг.

Ильбрик дернул поводья, и Тонкая Грива, взметая снопы белоснежных брызг, вновь понесся вперед; к зачарованному острову.

Они были уже возле самого берега, но картина, открывавшаяся их взорам, не становилась ясней. Им казалось, что они видят древний лес, полуразрушенные строения, выброшенные на берег бочки и тюки, огромных парящих птиц, уродливых животных, рыскавших по лесу в поисках добычи; однако образы эти были неверными и зыбкими — стоило присмотреться к ним повнимательнее, как они тут же начинали таять, погружаясь в туманную дымку. Коруму на миг показалось, что из-за скалы на него смотрит великан, но в ту же минуту и великан, и скала обратились в дерево, затем — в строение, затем — в дикий зверя. От Инис-Скайта исходило что-то нечистое и тревожное. Он совсем не походил на дышащий покоем и миром Хи-Брисэйл. Напротив, Коруму он казался полной противоположностью последнему. Тихие звуки плыли над островом, они казались то шорохом, то плачем, то шепотом. Воздух пах гнилью. Инис-Скайт производил странное, гнетущее впечатление, все здесь дышало упадком, упадком духа, и этим он походил на земли Фой. Мьёр. От этой мысли Коруму стало как-то не по себе. Вряд ли народ Инис-Скайта станет помогать, мабденам, скорее он придет на выручку Фой Мьёр.

Ильбрик остановил Тонкую Гриву в паре футов от берега и, подняв левую руку, возгласил:

— Приветствую тебя, Инис-Скайт! Мы хотим ступить на твою землю. Дозволишь ли ты нам сделать это?

Это приветствие было старо, как мир, но оно как-то не вязалось с образом той земли, на которую спутники собирались ступить.

— Приветствую тебя, Инис-Скайт? Мы пришли к тебе с миром, мы хотим поговорить с тобой! — громко выкрикнул златовласый исполин.

Лишь эхо прозвучало ему в ответ. Ильбрик пожал плечами.

— Похоже, нас никто не приглашает. Ну что ж, этикет этикетом, но идти-то нам надо.

— Ты что, ожидал вежливого приема? — спросил Ильбрика Корум.

Ильбрик тронул поводья, и Тонкая Грива ступил наконец на серый берег Инис-Скайта.

Лес, что стоял перед ними, тут же превратился в заросли ярко-алых перистых ветвей. Ветви покачивались, подергивались, постанывали и похныкивали. Корум оглянулся назад — вместо моря он увидел стену расплавленного свинца.

Ильбрик направил коня к зарослям, при его приближении они вытянулись как на параде. Тонкая Грива стал упираться, храпеть и прядать ушами, но Ильбрик сдержал его и заставил идти вперед. Ветви тут же распушили свои перья, мягкие листочки касались их тел, отовсюду слышались вздохи.

Коруму показалось, что тонкие усики, которые, ласкаясь, приникали к нему, достают уже до самого сердца. Как хотелось ему изрубить эти странно шевелящиеся ветви! Теперь он понимал ужас мабденов, что попадали в эти живые заросли, ужас смертельный, сводивший с ума; даже ему, столько повидавшему на своем веку, стоило большого труда сдержаться. Ильбрик же, похоже, вообще ничего не замечал.

— Как тебе здешняя флора, Ильбрик? Я, признаться, вижу подобное впервые.

— Да, флора здесь своеобразная, Корум, — бесстрастно заметил Ильбрик. Такое ощущение, что она даже мыслить умеет.

Шепот становился все громче, странные ветви цеплялись все настойчивее, но наездники ни на минуту не прерывали движения. Вокруг все было ядовито-алым, от яркого этого цвета резало в глазах,

— Кто знает, может быть, все это иллюзия? — предположил Корум.

— Может и иллюзия. Но как все здорово!

Вскоре странные заросли остались позади, теперь конь уже шел по зеленоватой мраморной дорожке,

залитой тонким слоем желтоватой зловонной жижи. Тучи мошкары кружили над путниками. Справа виднелись какие-то развалины: колоннада, увитая жухлым плющом, полуразрушенные галереи, останки стен, сложенных из гранита и мрамора, поросшие ползучими растениями и, распространявшими смрадный запах. Прямо перед собой они увидели странных двуногих существ, которые пили из лужи, то и дело поглядывая по сторонам. Что-то непонятное переползло дорогу. Корум было подумал, что он видит змею, но тут понял, что у этого существа совершенно человеческое обличье. Он хотел разглядеть его получше, но существо это уже исчезло. Через лужу плыла крупная черная крыса. Доплыв до дорожки, она нырнула и скрылась в трещине меж мраморными плитами.

Двуногие твари исчезли, конь ступал уже по топкому лугу; из-под копыт доносились чавкающие звуки. До сих пор путникам ничто не угрожало открыто. Корум стал приходить к мысли о том, что мабдены, погибшие на этом острове, стали жертвами собственного страха, вызванного этими несуразными образами. Откуда-то потянуло отвратительной вонью. Корум закутал лицо шарфом, но это мало помогло ему. Ильбрик с отвращением плюнул.

Дорожка, посыпанная ляпис-лазурью, привела их к темной аллее, по обеим сторонам которой росли деревья, чем-то напоминавшие обычные рододендроны. Чем дальше путники ехали, тем темнее становилось. Деревья обступали их уже так плотно, что лучи солнца, едва пробивавшиеся сквозь плотную листву, не могли осветить темного коридора, в котором друзья оказались. Коруму почудилось, что через редкие просветы на них смотрят лица, однако он тут же одернул себя, поняв, что это плод его воображения.

— Надеюсь, эта дорожка нас куда-нибудь выведет, — стал ворчать Ильбрик. Правда, пока мы не встретили на ней ничего, кроме воню. Слушай, а может это запах обитателей Инис-Скайта?

— Будем надеяться, что нет, Ильбрик. Это сильно помешало бы нашему общению. Ты хоть примерно представляешь, в каком направлении мы движемся?

— Боюсь, что нет, — ответил сидхи. — Может на север, а может и на юг. Слезу-ка я с коня — что-то надоело мне головой ветки считать. Тебе-то можно остаться в седле, только ты держись покрепче.

Ильбрик спешил и повел Тонкую Гриву под уздцы. Теперь, когда великана рядом с ним не было, Коруму стало куда как неуютней. Кто-то смеялся во тьме. Кто-то неслышно шел рядом с конем, готовый в любую минуту наброситься на Корума. Чьи-то пальцы ощупывали его ногу.

Прямо над головой замерцали огоньки.

Послышался кашель.

Корум сжал рукоятку меча.

— Ильбрик, тебе не кажется, что за нами кто-то наблюдает?

— Все может быть. — Гигант держался уверенно, но в голосе его слышались нотки тревоги.

— Судя по всему, некогда на этом острове жил великий народ. Теперь же разумных обитателей здесь, вполне возможно, и не осталось.

— Все может быть...

— Может статься, что кроме зверей и болезней нам здесь бояться нечего. А все эти кошмары и видения могут вызываться воздухом,

— Кто знает?

Голос, ответивший Коруму, Ильбрику не принадлежал.

— Ильбрик? — прошептал Корум испуганно. — Ильбрик!

Стояла гробовая тишина.

— Ильбрик?

— Я его тоже слышал, — отозвался Ильбрик и осторожно взял Корума за руку. Гигант повысил голос:

— Где ты? Кто ты такой?

Ответа не последовало. Они подошли к развилке, от которой шли три тоннеля. Средний был самым темным и самым коротким. На дальнем его конце был виден свет.

— Думаю, сюда нам и следует идти, — сказал Ильбрик. — Как ты считаешь, Корум? Корум пожал плечами.

— Слишком уж соблазнительно этот тоннель выглядит. Как знать, может народ Инис-Скайта хочет заманить нас в ловушку.

— У нас особого выбора нет, Корум.

— Что верно, то верно.

Ильбрик повел Тонкую Гриву в средний тоннель. Вскоре стены его разошлись, и они оказались на дорожке, по бокам которой рос низкорослый чахлый кустарник. Впереди виднелись полуразрушенные колонны, покрытые мертвым лишайником, цвет которого менялся от черного до темно-зеленого. Пройдя между колоннами, изукрашенными изображениями демонических тварей и щерящихся звериных голов, они оказались на мосту, что вел через широкий и поразительно глубокий провал. Перила моста давно рухнули; внизу, на дне провала kloкотала черная вода, в которой тяжело ворочались ящеры всевозможных форм и размеров.

Завыл холодный пронизывающий ветер, порывы которого грозили сбросить друзей в ужасную бездну.

Ильбрик замотался в мантию и посмотрел вниз.

— Ты только посмотри, какие здоровые твари! Никогда таких не видел. А какие у них зубы, какие глаза, какие хвосты! Как хорошо, что мы здесь, а не там, Корум!

Корум охотно кивнул.

— Нет, этот мир не для сидхи, — пробормотал Ильбрик.

— И не для вадагов, — добавил Корум.

Когда друзья достигли середины моста, ветер налетал с такой силой, что трудно приходилось даже Тонкой Гриве. Корум посмотрел вверх и увидел прямо над собой стаю диковинных тварей, внешне походивших на птиц. Это были крылатые ящеры, длинные челюсти которых были усеяны острыми желтоватыми зубами. Корум хлопал Ильбрика по плечу.

— Ильбрик, смотри — драконы!

Да, это были драконы, размерами своими не уступавшие огромным орлам северных гор Бро-ан-Мабдена. Было видно, что они готовятся напасть на седоков Тонкой Гривы. Корум завел свои ноги под подпругу так, чтобы ветер не снес его со спины коня, натянул лук и достал стрелу из колчана. Натянув тетиву и сделав поправку на ветер, Корум выпустил стрелу в ближайшего дракона. Выстрел его был неточен — стрела угодила в крыло чудовища. Дракон взревел и закружился в воздухе, пытаясь схватить стрелу своими страшными зубами. Он стремительно терял высоту, с каждым кругом становясь все ближе и ближе к голодным ящерам, хищно щерящим свои страшные пасти. Корум выпустил еще две стрелы, но оба раза промахнулся.

Один из драконов спланировал прямо на Ильбрика. Тот поднял над головой щит и попытался пронзить мечом брюхо дракона. Тонкая Грива заржал и забил копытом; глаза его округлились. По мосту пошли трещины. С ужасом Корум смотрел на то, как летят с моста камни. Он сделал еще один выстрел и вновь промахнулся, однако, миновав свою цель, стрела угодила в горло другому дракону. Воздух огласился хлопанием крыльев и скрежетом острых зубов. Отбросив лук в сторону, Корум схватил свой безымянный меч, подарок Гоффанона. Едва не ослепнув от сияния клинка, он вонзил его в тело одной из тварей и почувствовал, как меч мягко вошел ей в брюхо. Раненые драконы извивались у ног Тонкой Гривы, срывались с моста и летели вниз, в пасти прожорливых ящеров. С золоченого меча Ильбрика стекала драконья кровь. И тут сидхи запел, будто почувствовал приход своего смертного часа.

Враг с востока наступает

Страшный враг, бесстрашный враг.

Сидхи сын его встречает
И неистовый вадаг.
В час последний мы не дрогнем,
Будем мглу разить огнем мы.

Ледяные когти полоснули Корума по спине. Закричав, Принц взмахнул мечом над головой, чувствуя, как клинок рассекает драконью плоть. Дракон рухнул на мост, с головы до ног залив Корума холодной кровью. Следующим ударом Корум поразил чудовище, камнем летевшее на спину Ильбрика.

Ильбрик продолжал свою песнь.
Время с жизнью распротиться,
Обратиться в жалкий прах.
Пусть же имя сохранится
Тех, кому не ведом страх.
Тех, кто жил в иных мирах,
А почил в земных полях.

Что ж, видимо, они должны были принять смерть от безобразных тварей в неведомой земле. И о битве этой никто никогда не узнает.

Вот уже половина чудовищных тварей полегла от их мечей. Ходуном ходил под ними ветхий мост и вот-вот должен был рухнуть. Все новые и новые камни срывались вниз, все глубже и глубже становились трещины меж каменными плитами. Когти вонзились в плечо Корума, прямо перед его лицом заскрежетали ужасные челюсти. Подставив щит под мягкое брюхо дракона, Корум вонзил меч в рычащую глотку. Бездыханная тварь свалилась на камни моста и в тот же миг мост просел вниз. Корум услышал крик Ильбрика:

— Корум, держись за меня изо всех сил! Принц послушно внял этим словам, хотя в этом уже не было никакого смысла. Он приготовился к смерти. Сначала боль, затем — смерть. И чем скорее, тем лучше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАЛИБАНЫ

Корум даже не заметил того момента, когда падение сменилось подъемом. Тонкая Грива скакал прямо по воздуху в направлении дальней опоры моста. Драконы исчезли — спускаться на дно теснины, кишасшее рептилиями, они явно не хотели.

Заметив смятение Корума, Ильбрик рассмеялся:

— Древние дороги есть всюду. Тонкая Грива прекрасно видит их, и за это мы должны благодарить наших предков.

Конь перешел на легкую рысь.

Корум вздохнул с облегчением. Он не сомневался в способностях Тонкой Гривы, но предположить, что тот сможет скакать по воздуху, он, естественно, не мог. Ступив на твердую почву, конь остановился.

Перед ними лежала дорога, поросшая странными яркими грибами. Ильбрик и Корум спешили и принялись осматривать себя. Корум потерял лук и истратил все стрелы; ранений же на теле не было, если не считать нескольких царапин на руках и плече. Ильбрику драконы тоже не причинили вреда. Друзья улыбнулись друг другу; вспоминать о том, что было с ними всего минуту назад, им не хотелось.

Ильбрик достал из подсумка флягу с водой и подал ее Коруму. Фляга эта больше походила на бочонок. Коруму стоило немалых трудов поднести ее к губам.

— Что меня поражает, — сказал Ильбрик, принимая обратно флягу, — так это размеры Инис-Скайта. С моря он казался совсем крошечным. Теперь же он предстает едва ли не бесконечным. Смотри! — Ильбрик показал на далекую гору с одинокой сосной на вершине, что ясно вырисовывалась на фоне неба. — Гора как будто стала еще дальше. Нет, Корум, без колдовства здесь не обошлось.

— Что верно, то верно, — согласился вадаг, — тут явно нечисто.

Они вновь сели на коня и поехали по тропе, петлявшей между холмами. Вскоре холмы сменились равниной, которая, казалось, была покрыта слоем кованой меди, блиставшей на солнце. Вдали маячили какие-то фигуры. Понять, кто это — звери или люди — пока было невозможно; на всякий случай Корум взял в руки меч, подаренный ему Гоффаноном, и подтянул ремни, крепившие щит к плечу. Тонкая Грива уже скакал по равнине; из-под копыт его раздавался звон.

Корум прикрыл глаза рукой, пытаясь защититься от ослепительного блеска, и стал всматриваться вдаль. Перед ними были мабдены — мужчины, женщины и дети. Стояло всего несколько человек, все же остальные лежали на медном поле.

Ильбрик натянул поводья, и конь перешел на шаг.

— Люди Артека? — предположил сидхи.

— Похоже, что так, — ответил Корум. — Выглядят они так же.

С известною опаской друзья спешили и направились к недвижной группе мабденов.

Подойдя поближе, они услышали голоса, стоны, хныканье и шепот. Все мабдены были наги, медное поле было усеяно их трупами. Казалось, что тела их обожжены огнем. Лица стоявших были усеяны волдырями, можно было только удивляться тому, как люди до сих пор стоят на ногах. Через толстые подошвы своих башмаков Корум чувствовал жар медного поля; легко было представить, что должны были чувствовать те, кто стоял босиком. Вряд ли эти люди пришли сюда сами, похоже, их согнали силой. Они умирали, заживо сгорая. Сюда их привел чей-то жестокий разум. Корум подавил свой гнев. «Сколь же жестокосердным должен быть тот, кто обрек людей на эту страшную пытку», — подумал он. Корум увидел, что руки мабденов связаны за спиной; у него перехватило дыхание, когда он заметил, что взрослые пытаются хоть как-то укрыть своих детей от всежогощающего жара...

Заметив приближающихся к ним Корума и Ильбрика, мабдены стали испуганно щурить слепнувшие

глаза. Потрескавшиеся от жара губы беззвучно молили о помощи.

— Мы вам не враги, — сказал Корум, — мы друзья Артека. Вы народ Фьяна?

Один из мабденов обратил свое распухшее лицо к Коруму. Его голос был бесплотен словно ветер.

— Да, мы то, что осталось от народа Фьяна.

— Кто сделал это с вами?

— Остров. Инис-Скайт.

— Зачем вы пришли на это поле?

— Разве вы не встретили кентавров и гигантских пауков?

Корум покачал головой.

— Мы шли через мост. Мост над кишасей гигантскими ящерами бездной.

— Здесь нет никакой бездны...

Корум немного помолчал и тихо заметил:

— Для нас она была.

Вынув из ножен небольшой нож, Корум хотел было разрезать веревки, стягивающие руки мужчины, но тот испуганно отшатнулся от него.

— Мы друзья, — вновь повторил Корум. — Артек рассказывал нам о том, что приключилось с вами. Не встретить мы его, нас бы здесь не было.

— Так Артек жив? — воскликнула одна из женщин, в изуродованных жаром чертах которой угадывались молодость и красота. — Он жив? — Она двинулась навстречу Коруму. Руки ее тоже были связаны за спиной. Не удержавшись на ногах, она упала на колени и зарыдала. — Артек! Артек!

— Жив не только он, с ним пришло человек двадцать ваших людей.

— О, как я рада, — воскликнула она. — Как я рада!

— Это его жена, — сказал человек, с которым Корум говорил вначале, но Принц уже и сам догадался об этом. — Артек послал вас сюда для того, чтобы освободить ее?

— Для того, чтобы освободить всех вас, — сказал Корум. Он не мог не солгать этим людям. Все они были обречены.

— Вы пришли слишком поздно, — сказала жена Артека.

Корум разрезал веревку, стягивавшую ее руки, и в тот же миг раздался голос, уже знакомый им по тоннелю.

— Не трогай ее. Она наша.

Корум посмотрел по сторонам, но не увидел ничего, кроме колышавшегося воздуха.

— Я хочу освободить ее, — сказал он, — пусть она хотя бы умрет свободной.

— Ты хочешь разозлить нас?

— Я никого не хочу злить. Я — Корум Лло Эрайнт. — Он поднял свою серебряную руку. — Я — Вечный Воитель. Я пришел на Инис-Скайт с миром. Но страдать не должен никто — ни вы, ни они.

— Корум, — тихо заговорил Ильбрик, взявшись за рукоять Мстителя, — оставь их, — иначе нам придется опять драться.

Не обращая внимания на слова сидхи, Корум срезал веревки с обожженного тела женщины.

— Корум.

Корум срезал веревки с людей и поил водой из своей фляги. По сторонам он старался не смотреть.

— Корум! — настойчиво окликнул его Ильбрик. Разрезав веревку с последнего человека, Корум

поднял глаза и увидел, что Ильбрик и Тонкая Грива окружены высокими существами с желто-коричневой морщинистой кожей, на головах у которых почти не было волос. Единственным их одеянием были пояса, на которых висели огромные мечи. Ссохшиеся их губы едва прикрывали десны, щеки и глаза ввалились. Видом своим эти существа напоминали древние мумии. С их тел то и дело сыпались частички иссохшейся кожи. Лица их были мертвы.

Принц смотрел на них с ужасом.

На голову одного из существ была одета высокая корона, украшенная сапфирами и рубинами. Казалось, что в драгоценных этих камнях было заключено больше жизни, чем в существе, их носившем. Белесые глаза уставились на Корума. Лязгая зубами, существо заговорило:

— Мы — малибаны, этот остров наш. Мы вправе оборонять себя. — Существо странно выговаривало слова, однако, понять его было легко. — Древен наш род.

Ильбрик насмешливо кивнул.

Предводитель малибанов заметил это и покачал головой.

— Мы редко пользуемся этими телами, — сказал он, — впрочем, они нам особенно и не нужны. Наша сила в колдовстве.

— Да, это вы умеете, — согласился Ильбрик.

— Род наш древен, — продолжил малибан, — и знание наше велико. Нам подчиняется едва ли не все. Если мы захотим, не встанет и солнце.

— Но если вы так велики, то зачем вы мучаете слабых? — спросил Корум. Разве подобное к лицу божествам?

— Мы вольны наказывать тех, кто покушается на наш остров.

— Но ведь эти люди не причиняли вам вреда. На ваши берега они были выброшены стихией.

Глядя на ужасные ссохшиеся лица малибанов, Корум к своему удивлению нашел в них разительное сходство с вадагами. Неужели это было одно из племен вадагского народа, изгнанное со своих земель в незапамятные времена? Неужели вадаги и были первыми обитателями Инис-Скайта?

— Нас не интересует то, как они попали на наш остров. Мы наказываем их так же, как мы накажем и вас.

— Стало быть, вы наказываете всех, попадающих на ваш остров? — осведомился Ильбрик.

— Почти всех, — ответил предводитель малибанов, — мы смотрим, кто прибыл к нам и зачем.

— Мы пришли сюда, чтобы говорить с вами, — сказал Корум, — мы хотим предложить вам помощь в обмен на услугу.

— И что же за помощь вы предлагаете малибанам?

— Врата в мир, в котором вы не будете чувствовать себя так неуютно, сказал Корум.

— Мы больше не нуждаемся в этом. Корум остолбенел.

— Вам кто-то уже помогает?

— Помощники малибанам не нужны. У нас есть слуги, которых мы заставляем работать.

— В этом мире?

— Да. Но довольно. Общаться с такими примитивными существами, как вы, мы не привыкли. К тому же, надо убрать эту грязь.

В глазах малибана загорелось алое пламя. Раздались отчаянные крики, и медное поле исчезло вместе с людьми.

Теперь Корум, Ильбрик и Тонкая Грива стояли посереде огромной залы с полуобвалившимися сводами. Лучи вечернего солнца освещали истлевшие гобелены, разбитые скульптуры и выцветшие фрески.

— Где мы? — спросил Корум малибана, стоявшего у стены.

Малибан засмеялся.

— Неужели тебе не знакомо это место? Ведь с ним связана вся твоя жизнь.

— Как это может быть? — изумленно спросил Ильбрик, — разве это возможно?

— Многое ведомо малибанам, я же знаю более других, и посему я, Сэктрик, властвую над ними, я — император Малибана.

— Вы величаете этот остров империей? — усмехнулся Ильбрик.

— Этот остров является центром империи столь великой, что пред нею величайшие земные цивилизации кажутся чем-то постыдным и жалким. Когда мы вернемся в наш мир, мир, из которого мы были коварно изгнаны, мы вновь станем его хозяевами.

— Но кто же помогает вам? — спросил Корум, — неужели Фой Мьёр?

— Фой Мьёр? Фой Мьёр — всего лишь больные животные. Чем они могут помочь нам? Нет, у нас есть куда более достойный союзник. Со дня на день он должен вернуться сюда. Может статься, мы позволим вам дожить до его прихода.

Ильбрик тихо сказал Коруму:

— Что-то солнце все не садится. Неужели прошло так мало времени? Сэктрик захохотал.

— Разве два месяца это немного?

— Два месяца? Что ты имеешь в виду? — Корум рванулся к Сэктрику.

— На Инис-Скайте время идет иначе. Корум Лло Эрайнт, ты провел здесь уже два месяца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К ОСТРОВУ ПЛЫВЕТ КОРАБЛЬ

— Хотел бы я знать; как идут дела у мабденов, — сказал Корум своему другу.

Ильбрик ничего не сказал ему в ответ. Долго молчал он, пока, наконец, покачивая головой, проговорил:

— Гоффанон был прав. Мы глупцы. Нам не следовало появляться здесь.

— Считайте, что об одном мы уже договорились, — послышался из тени голос Сэктрика, — на какое-то время я сохраню вам жизнь. Более того, вы сможете свободно передвигаться по острову, называемому вами Инис-Скайтом. — Через какое-то время голос малибана послышался вновь: — Вы знаете Гоффанона?

— Да, знаем, — ответил Ильбрик, — он был против того, чтобы мы отправились на твой остров.

— Я смотрю, ваш Гоффанон мудрый человек.

— Да. Выходит, что так, — сказал Корум. Гнев в его душе еще не унялся, он все еще думал напасть на Сэктрика, хотя и понимал, что меч не страшен мертвому телу малибана. — Ты что, тоже знаком с ним?

— Некогда он побывал здесь. Ну а теперь займемся вашим конем.

Ильбрик с криком бросился к своему скакуну, но глаза Тонкой Гривы тут же померкли, сам же он обратился в глыбу льда.

— С ним ничего не случится, — сказал Сэктрик, — конь этот еще пригодится нам. Он оживет после вашей смерти.

— Тебя-то он точно слушаться не станет, — пробурчал Ильбрик и насупился.

Малибан отступил еще дальше в тень и исчез. Друзья выбрались из замка через провал в стене и стали осматривать остров. Теперь они видели остров таким, каким он и был на деле. Они стояли у подножия холма, на вершине которого стояла одинокая сосна. Весь остров был засыпан падалью, обломками кораблей, костями, истлевшими растеньицами и растрескавшимися камнями. Здесь покоились останки всех кораблей, когда-либо подплывавших к Инис-Скайту, здесь же лежали их грузы и их экипажи. Повсюду были разбросаны ржавые доспехи и оружие, пожелтевшие кости людей и животных. Корум и Ильбрик набрали на кучу черепов, рядом с которой возвышалась и другая куча, сложенная из ребер. Истлевшие хлопчатые и шелковые ткани былых одеяний трепетали на холодном ветру, который нес с собою слабый запах тлена. Кожаные камзолы, ремни, башмаки и рукавицы окаменели и растрескались. Железные и бронзовые орудия были собраны в ржавые кучи; драгоценные камни, которыми были расцвечены их рукояти, потемнели и потускнели так, словно и они были подвержены тлению. Повсюду кружили облачка пепла. Едва опав наземь, пепел вновь вздымался вверх, повинувшись порывам ветра. Остров был напрочь лишен какой бы то ни было живности — здесь не было ни ворон, ни шакалов, всех тех, кто мог бы вдоволь насладиться гниющей плотью,

— Миражи малибанов мне нравились больше, — проворчал Ильбрик, — пусть они едва не доканали нас.

— Реальность оказалась страшнее, — ответил Корум, плотнее закутавшись в плащ. Близилась ночь, друзья перебирались с кучи на кучу, пытаясь отыскать место для ночлега.

Взгляд Ильбрика остановился на каком-то предмете. На земле лежала перевернутая боевая колесница, рядом с которой валялся скелет лошади. Перебравшись через зловонную кучу, Ильбрик коснулся колесницы рукой, и из нее с сухим треском выпал скелет возничего. Сидхи склонился над колесницей и достал из нее запыленный бесформенный предмет. Он нахмурился.

— Что ты там нашел, Ильбрик? — спросил Корум, пробираясь к своему товарищу.

— Сам не знаю, дружище.

Корум стал рассматривать находку Ильбрика. Это было старое рассохшееся седло, с ремнями,

истертыми настолько, что, казалось, их можно было порвать рукой. Половина заклепок выпала, остальные насквозь проржавели. Корум счел эту находку совершенно никчемной.

— Старое седло.

— Седло как седло — ничего особенного.

— Тонкой Гриве такое седло не подойдет. Оно сшито для смертных животных. Ильбрик кивнул.

— Конечно не подойдет.

Тем не менее, он взял седло с собой.

Друзья вышли на берег и нашли сравнительно чистое место, на котором и решили заночевать.

Ильбрик долго не ложился. Он сидел, скрестив ноги, и вращал старое седло то так, то эдак. Корум слышал его бормотание:

— Неужели остались только мы? Неужели теперь нас только двое?

Наступило утро.

Бледные воды заалели, словно их напитала кровь гигантского морского зверя. Солнце поднималось из-за горизонта, расцвечивая златом облака и волны.

Великолепие восхода и красота морской шири делали островок особенно жалким. Он представлял эдакой отстойной ямой, в которую обращали мир великие цивилизации, движимые непомерными притязаниями. Остров этот и был подлинной Империей Малибанов.

Вставать не хотелось. Голова была тяжелой, все члены ныли. Корум стал разминать пальцы, онемевшие настолько, что живая рука казалась ничем не отличимой от протеза. Он потянулся и благодарно вдохнул воздух, напитанный чистотой и прохладой моря. Пустая глазница его воспалилась. Он снял повязку, обнажив молочно-белый рубец и повернулся лицом к ветерку. Обычно Принц скрывал от чужих глаз свою рану, но теперь это казалось ему смешным. Ильбрик расчесал свои золотистые волосы и, собрав их в косы, обвязал голову шнуром, сплетенным из золотых нитей. Голову сидхи защищал разве что этот шнур. Шлема Ильбрик не носил, ибо считал это чем-то зазорным.

Друзья подошли к воде и омыли свои тела соленой морской водою. Море было неожиданно холодным. Коруму вдруг подумалось, что в скором времени может замерзнуть и оно. Похоже, Фой Мьёр празднуют победу за победой. Быть может, Бро-ан-Мабден уже обратился в ледяную пустыню.

— Смотри, — сказал Ильбрик, — ты видишь его, Корум?

Вадагский Принц поднял голову, но ничего не заметил.

— Что же ты там увидел, Ильбрик?

— Со стороны Бро-ан-Мабдена к нам плывет корабль.

— Надеюсь, что это не наши друзья, — печально сказал Корум, — не хотел бы я, чтобы и они попались в эту ловушку.

— Как знать, может быть, мабдены и взяли Кэр-Ллюд, — сказал Ильбрик, — а за этим кораблем последуют и другие.

Слова Ильбрика звучали неискренне; Корум сделал вид, что не слышит их. «Если это действительно корабль, то ничего, кроме новых бед, он нам не принесет.» Теперь и он видел на горизонте темный парус.

— Смотри, — воскликнул Ильбрик, — там еще один корабль!

На мгновение Коруму показалось, что рядом с первым кораблем плывет и другое суденышко, но образ этот тут же померк, и Корум счел его игрою света.

С нетерпением они ждали того момента, когда корабль пристанет к берегу. На носу корабля красовалась резная голова льва, сверкавшая серебром, золотом и жемчугами. Весла были подняты, судно двигалось только силою ветра, огромный черно-красный парус был туго натянут. Сомнений не оставалось — судно шло к Инис-Скайту. Друзья стали кричать, пытаясь привлечь к себе внимание команды,

предупредить людей о грозящей им опасности; однако корабль ничуть не сбавлял хода. Корабль скрылся за мысом. Без лишних церемоний Ильбрик усадил Корума себе на плечи и понесся к тому месту, где должно было пристать судно. К тому времени, когда Ильбрик добежал до бухты, парусник уже стал на якорь. От него плыла к берегу маленькая лодочка.

В лодке сидело трое; греб только один. И гребец, и его товарищи были одеты в тяжелые меховые шубы.

Крича без устали, Ильбрик и Корум вошли в воду по пояс.

— Вернитесь! Вернитесь! Это земля кошмаров! — кричал Ильбрик.

— Это — Инис-Скайт, остров теней. Все смертные, ступившие на него, обречены на ужасную гибель! — предупреждал Корум.

Рослый детина продолжал грести как ни в чем не бывало, спутники его оставались недвижимыми, казалось, что они уже подпали под власть чар Малибана.

Лодка подошла к берегу. Корум стоял у ее борта, Ильбрик же возвышался над ней подобно повелителю морей.

— Здесь опасно, — прокричал Ильбрик, — вы слышите меня?

— Боюсь, они уже ничего не слышат, — сказал Корум, — остров околдовал их.

Человек, который сидел на носу, сбросил с головы капюшон, прикрывавший его лицо, и улыбнулся.

— Ты ошибаешься, Корум Джайлин Ирси. Мы ведомы собственной волей. Разве ты не узнаешь нас?

Корум хорошо знал этого человека. Он помнил тонкие черты его лица, голубые глаза, изящно очерченные губы, седые пряди длинных волос и седую бороду, золотой ворот, украшенный самоцветами, многочисленные перстни на длинных тонких пальцах. Он помнил его вкрадчивый голос, исполненный мудрости, что была возвращена в многолетних упорных трудах. Это был волшебник Калатин, встреченный им в лесу Лаара во время похода за копьем Брионак.

Корум не мог не узнать своего старого недруга. В тот же миг раздался крик Ильбрика:

— Гоффанон! Гоффанон!

За веслами сидел никто иной, как кузнец Гоффанон из Хи-Брисэйла. Глаза его были недвижны, а лицо мертво. Карлик неожиданно заговорил:

— Гоффанон вновь служит Калатину. Корум продолжал настаивать на своем:

— Даже ты, Калатин, не сможешь выжить на Инис-Скайте. Здешние обитатели чрезвычайно искусны в прядении химер. И вы, и мы должны покинуть этот остров пусть наш спор продолжится в более достойном месте.

Калатин обернулся назад. Третий человек так и не поднимал головы, скрытой под капюшоном плаща.

— Не понимаю, чем тебе не нравится этот остров? — спросил волшебник.

— Ты просто не знаешь о том, что здесь происходит, — не унимался Корум. Калатин, давай договоримся так. Если ты отвезешь нас на свой корабль, мы...

Калатин покачал головой и принялся поглаживать свою седую бороду.

— Ничего мне от тебя не надо. Мне надоело болтаться по волнам. Хочешь ты того или не хочешь, но мы высадимся на этом острове.

— Предупреждаю тебя, волшебник, — проревел Ильбрик, — если вы ступите на эту землю, вы разделите судьбу тех, кто попал сюда до вас.

— Посмотрим. Гоффанон, вытащи лодку на берег — я не хочу мочить свои одежды.

Гоффанон послушно выбрался из лодки и потащил ее на берег. Корум и Ильбрик беспомощно наблюдали за происходящим.

Калатин изящно вышел из лодки и, посмотрев вокруг, широко развел руками. Под шубою у него была

мантия, покрытая магическими знаками. Явно блаженствуя, он набрал полные легкие зловонного воздуха и, щелкнув пальцами, призвал к себе третьего седока. Этот, скрывавший свое лицо человек послушно покинул лодку и встал рядом с Калатином и Гоффаноном.

Какое-то время они молча стояли друг против друга.

— Полагаю, вы — беженцы, — нарушил молчание Ильбрик. — После того, как мабдены победили Фой Мьёр, вам пришлось покинуть большую землю.

Калатин улыбнулся и прикрыл рот рукою.

— Если твои господа, — я говорю о Фой Мьёр, — погибли, то

— Фой Мьёр никогда не были моими господами, Корум, — с мягким упреком в голосе ответил Калатин. — Иногда, когда наши цели совпадают, они становятся моими союзниками. Союзниками, Корум, но никак не господами.

— Ты говоришь так, словно они еще живы.

— Так оно и есть, Корум. Они живы, — последние слова Калатин произнес подчеркнуто громко, — они торжествуют. Они побеждают. Они отстояли Кэр-Ллюд и теперь преследуют остатки армии мабденов. Боюсь, что скоро мабденов в этом мире не останется.

— Так значит, битва при Кэр-Ллюде была проиграна?

— А вы ожидали победы? Хочешь, я назову тебе имена павших?

Корум затряс головой и отвернулся, но тут же, справившись с охватившим его ужасом, он выдал из себя:

— Назови.

— В этой битве пал король Маннах. Он был пронзен древком собственного боевого знамени. Мне кажется, ты должен был знать его.

— Я знал его. Вечная ему память.

— А знал ли ты его друга, короля Файахэда?

— Что с Файахэдом?

— Он попал в руки к Гоим.

— Гоим? — Корум внутренне содрогнулся. Ему вспомнились рассказы о страшных поведках этой женщины. — Жив ли Юный Фин, сын Файахэда?

— Он разделил участь отца.

— Что же стало с остальными? — прошептал потрясенный Корум.

— О, их слишком много для того, чтобы говорить о каждом в отдельности. Раздался голос Гоффана:

— Друг Аяна Волосатого Дуболом был растерзан Псами Кереноса. Это же произошло и с воительницами Файоной и Калин.

— Из Пяти Рыцарей Эралски в живых остался только самый юный. Впрочем, он мог и замерзнуть на пустоши. Он бежал на коне; его преследовали Принц Гейнор и Братья Елей, — с явным удовольствием Калатин продолжил рассказ кузнеца. Король Даффин лишился ног и замерз в миле от Кэр-Ллюда. Я сам видел его тело. Король Кхонун из Страны Тухана-Ану был убит прямо на дереве, куда он влез, спасаясь от гулегов. Может быть, ты знаешь и Кернина Оборванца, этого нечистоплотного человечешку?

— Да, Кернина я знаю, — ответил Корум.

— На отряд Кернина был направлен взор Балахра. Воины обратились в лед, не успев сделать ни одного выстрела.

— Рассказывай дальше.

— Были убиты король Гачбес, Гринион Бык, Клэр Западник, Рыжий Лис Мейан, оба Шамейна —

Длинный и Короткий, Узер из Долины Печалей и многие-многие другие. Пвилл Костоправ был тяжело ранен. Ранены были Старик Дилан, Шеонан и Моркан Две Улыбки...

— Стоп, — сказал Корум, — теперь скажи мне, остался ли в живых хоть кто-то?

— Думаю, к настоящему времени мабденов как расы больше не существует. Остатки их армии направились к Крэг-Дону. Это убежище может считаться лишь временным — запасов продовольствия им надолго не хватит. Они сдохнут на своем святилище. Теперь они вряд ли могут рассчитывать на что-то большее. Кончилось их время.

— Разве ты не мабден? — вмешался в разговор Ильбрик. — Ты говоришь об этой расе так, словно сам не принадлежишь к ней.

— Я — Калатин, — волшебник говорил с Ильбриком, будто тот был ребенком, я не принадлежу ни к одной расе. Некогда у меня была семья. Но теперь нет и ее.

— Помнится, ты сам послал своих сыновей на верную гибель, — возмутился Корум.

— Я воспитал послушных детей, — засмеялся волшебник, — но у меня нет и не может быть наследников.

— И поэтому судьба твоего народа тебе безразлична?

— С этим я спорить не стану, — охотно согласился волшебник. — Подумай сам, зачем бессмертному смертные?

— Разве ты бессмертен?

— Видимо, да.

— Как же ты достиг этого? — спросил Корум.

— Мои средства тебе известны. Я должным образом подбираю союзников и мудро использую свои познания.

— Ты прибыл на Инис-Скайт для того, чтобы найти новых, еще более презренных союзников? — мрачно спросил Ильбрик, взявшись за рукоять своего меча. — Должен предупредить тебя — для малибанов ты такой же, как мы, они обойдутся с тобой так же, как они обошлись с нами. Мы тоже хотели пригласить их в союзники.

— Это меня не удивляет, — бесстрастно заметил Калатин.

— Сначала они уничтожат нас, а затем возьмутся за тебя, — сказал Корум.

— Не думаю.

— Почему же? — Ильбрик зло посмотрел на волшебника, поработившего его старого друга.

— Потому что я уже бывал на Инис-Скайте. — Он указал на фигуру, стоявшую справа от него. — Среди людей у меня нет преемников. Но здесь, на Инис-Скайте, мне помогли сотворить сына. Мне нравится думать о нем, как о сыне. Кроме того, здесь я смог многому научиться.

— Так значит Малибан говорил именно о тебе! — воскликнул Ильбрик.

— По всей видимости, да.

Улыбка Калатина была исполнена такого самодовольства, что Корум, не сдержавшись, выхватил меч и бросился на него. Гоффанон ткнул его топором в грудь, и Корум полетел в грязь. Калатин насмешливо покачал головой и сказал:

— Направь свой гнев на себя, Корум Серебряная Рука. Ты послушался дурного совета. Если бы ты был в Кэр-Ллюде, битва могла бы закончиться иначе...

Корум потянулся за мечом, что лежал возле него, но чернобородый Гоффанон, взмахнув топором, отбросил его в сторону.

— Принц Корум, — сказал Калатин, — должен предупредить тебя о том, что оставшиеся в живых мабдены во всем винят только тебя. Они называют тебя оборотнем. Мабдены считают, что ты принял

сторону Фой Мьёр и воюешь теперь против них.

— Да кто же поверит этому? Ты оказывается еще и лжец, Калатин! Все это время я был здесь. У них нет никаких оснований для того, чтобы подозревать меня.

Калатин захихикал:

— Есть у них основания, принц Корум, — и еще какие!

— Выходит, ты околдовал их? Ты смог явить им то, чего нет в действительности?

— Ты льстишь мне, принц Корум.

— Скажи, а где Джерри-а-Конель?

— Поняв, чем закончится битва, Джерри-а-Конель пришел ко мне. Впрочем, у меня он был недолго — он счел за лучшее исчезнуть, и в этом он прав.

Корум зарыдал, даже не пытаясь скрыть своего горя от Калатина.

И тут послышался полный нетерпения голос Сэктрика:

— Калатин. Веди своих людей к Главному Дворцу. Нам не терпится узнать, выполнил ли ты свое обещание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КАК РЕШАЛАСЬ СУДЬБА МИРА

Главный Дворец зданием не был, он был местом, на котором некогда стояло здание. Огромная сосна на вершине единственного на Инис-Скайте холма прежде росла в центре огромного зала, о существовании которого теперь можно было только догадываться.

Смертные и сидхи расселись на поросших травой каменных плитах. Сэктрик стоял перед ними на том месте, где, по его словам, некогда находился его трон, выточенный из цельного рубина (последние слова были встречены с явным недоверием).

— Император Сэктрик, — начал Калатин, — как видишь, я выполнил и последнее условие нашей сделки — я привел к тебе Гоффанона.

Сэктрик пристально посмотрел на безмятежное лицо кузнеца.

— Да, это существо напоминает того сидхи, с которым я хотел встретиться. Насколько же ты властен над ним?

— Я полностью определяю все его действия. — Калатин извлек маленький кожаный мешочек, хорошо знакомый Коруму. Именно в него Гоффанон и плюнул. Корум собственноручно отдал его Калатину, тем самым подчинив Гоффанона волшебнику. Как ненавидел Корум Калатина, как ненавистен он был самому себе! Застонав, он уронил голову на руки. Ильбрик кашлянул и попытался как-то утешить его, но Корум даже не услышал его слов.

— Так отдай же этот мешочек мне. — Ссохшаяся рука протянулась к Калатину, но тот, хитро улыбнувшись, спрятал мешочек во внутренний карман своих одеяний. — Силу нельзя забрать силой, разве ты забыл об этом? Прежде я хочу увериться в том, что и ты выполнил обещанное.

Сэктрик говорил совершенно бесстрастно.

— Мы, малибаны, редко даем обещания. Мы не можем не исполнить обещанного. Ты просил нас уничтожить расу мабденов и пленить Фой Мьёр иллюзией, из которой они не смогут выйти. Ты хотел стать полноправным правителем этого мира. В обмен на это ты должен был привести к нам! Гоффанона и помочь нам навсегда покинуть это Измерение. Ты привел Гоффанона, но это лишь часть обещанного тобой. Мы должны быть уверены в том, что ты в силах помочь нам оставить этот мир и найти для нас другое, более сносное место. Если ты не исполнишь обещанного, мы накажем тебя. И ты об этом знаешь.

— Да, император, знаю.

— Тогда отдай мне свой мешочек.

Калатин было задумался, однако, помешкав минуту, он извлек кожаный мешочек и передал его Сэктрику. От удовольствия император заурчал.

— Гоффанон, слушай хозяина своего Калатина! Друзья кузнеца с ужасом взирали на происходящее.

— Теперь у тебя будет другой хозяин — великий император Сэктрик. — Сделав шаг вперед, Калатин взял Гоффанона за руку и повернул его лицом к Сэктрику. Сэктрик — твой новый хозяин. Ты должен повиноваться ему так же, как ты повиновался мне.

Гоффанон говорил крайне неразборчиво, однако друзья умудрились понять сказанное им.

— Сэктрик — мой новый хозяин. Я буду подчиняться ему так же, как я подчинялся Калатину.

— Хорошо! — Калатин важно отступил назад. — Теперь скажи мне, император Сэктрик, что ты собираешься сделать с моими врагами? — Он указал на Корума и Ильбрика. — Позволь мне самому определить.

— Определять буду я, — сказал Сэктрик, — жаркое хорошо к обеду.

Корум заметил, что Ильбрик побледнел; слова, сказанные Сэктриком, крайне смутили и его. Он стал

думать о том, что тот может входить в свое тело и покидать его по желанию, может производить смертельные иллюзии в мгновение ока. Оставалось надеяться на то, что пока Сэктрик не тронет их.

Калатин пожал плечами.

— Рано или поздно им все равно придется умереть, так почему же.

— Давай сначала испытаем Гоффанона. — Сэктрик повернулся к кузнецу. Гоффанон, ты меня помнишь?

— Я помню тебя. Ты — Сэктрик. Ты — мой новый хозяин, — послушно ответил Гоффанон.

Корум застонал, чувствуя собственное бессилие.

— А помнишь ли ты о том, что ты уже бывал на Инис-Скайте?

— Я уже был на Инис-Скайте. — Сидхи закрыл глаза и с болью в голосе сказал: — Я помню. Как это было ужасно-.

— Но ведь тебе удалось уйти. Ты сумел преодолеть все сотворенные нами иллюзии. Ты сумел уйти.

— Я бежал.

— Но ты не просто бежал. Кое-что ты прихватил с собой. С помощью этой вещи ты защищал себя. Что стало с нею?

— Я ее спрятал, — ответил Гоффанон, — я не хотел на нее смотреть.

— Где ты спрятал эту вещь, карлик?

— Я спрятал ее. — На лице Гоффанона появилась идиотская улыбка. — Я спрятал ее, Сэктрик.

— Ты ведь знаешь, что эта вещь принадлежала мне. Ты должен вернуть ее мне. Я должен получить ее прежде, чем мы покинем это Измерение. Без нее я не смогу уйти. Где ты спрятал ее, Гоффанон?

— Хозяин, я не помню!

Теперь в голосе Сэктрика звучали гнев и, как показалось Коруму, отчаяние.

— Ты должен это помнить! — Сэктрик резко повернулся к Калатину и ткнул в него пальцем, с пальца посыпалась труха. — Калатин! Ты солгал мне?

Калатин встревожился. Благодушие его как рукой сняло.

— Клянусь тебе, о, великий! Он должен это знать. В каких бы глубинах памяти ни таилось это знание, оно может быть раскрыто!

Сэктрик положил свою костлявую руку на широкое плечо Гоффанона и принялся трясти кузнеца.

— Где оно, Гоффанон? Где то, что ты украл у нас?

— Захоронено. Оно где-то захоронено, — еле слышно сказал Гоффанон, — я хорошо спрятал эту вещь. Были наложены особые чары, чтобы никто, кроме меня, не мог найти этой вещи.

— Чары? Какие чары?

— Чары...

— Говори точнее, раб! — завизжал Сэктрик. — Что ты сделал с... Что ты сделал с украденной вещью?

Было очевидно, что император Малибана не хочет, чтобы кто-то узнал о том, что же именно было взято Гоффаноном. И тут вадагский Принц понял, что и этот внешне неуязвимый колдун подвержен определенным слабостям.

Ответ Гоффанона вновь был туманен.

— Я унес ее, хозяин. Она...

— Замолчи! — Сэктрик вновь повернулся к Калатину. Волшебник побледнел. Калатин, поверив в то, что ты приведешь ко мне Гоффанона, я помог тебе сотворить Караха и вдохнуть в него жизнь. Теперь же я вижу, что ты обманул меня...

— Клянусь тебе, Сэктрик, я тебя не обманывал! Я и сам не понимаю, почему сидхи не может ответить на твои вопросы. Он должен беспрекословно выполнять все команды...

— Значит ты обманул меня и, тем самым, обманулся сам. Твое волшебство оказалось несовершенным — сидхи не помнит всего. Без этой тайны мы не сможем покинуть это Измерение, не захотим покидать его. И потому наш договор утрачивает силу.

— Нет! — закричал Калатин, вскочив на ноги, — в сверкавших холодом глазах Сэктрика он увидел собственную смерть. — Клянусь тебе — Гоффанону известна тайна. Дай мне поговорить с ним- Гоффанон, слушай меня, Калатина. Открой Сэктрику свою тайну.

Гоффанон бесстрастно ответил:

— Теперь ты мне не хозяин, Калатин.

— Ну что ж, — сказал Сэктрик, — ты будешь наказан, волшебник.

Отпрянув назад, Калатин закричал.

— Карах! Карах! Убей Сэктрика!

Человек, чье лицо до этой поры было сокрыто, вскочил на ноги и сбросил с себя плащ; на поясе его висел огромный меч.

Ужаснувшись увиденному, Корум закричал.

У Караха было лицо вадага. Он был слеп на один глаз, пустую глазницу его прикрывала расшитая повязка. Левая рука его сверкала серебром. Доспехи Караха были как две капли воды похожи на доспехи Корума. На шлеме изящными вадагскими буквами было написано — «Корум Джайлин Ирси».

На плечах Караха развевалась Алая Мантия, родовая мантия Корума.

Теперь Корум понимал, почему его вид так испугал Артека и его воинов. Он понимал и то, почему мабдены стали считать его предателем. Калатин, забравший у него в свое время Алую Мантию, был прекрасным стратегом. Вид собственного двойника наполнил сердце Корума смертельным холодом.

Сэктрик не спешил прилагать к Караху свое мистическое искусство. Возможно, что чары его были бессильны против того, кто был их порождением. Он приказал своему новому слуге:

— Гоффанон! Защищай меня! Кузнец встал на пути Караха и закрутил топором. Потрясенный, Корум немо взирает на сражающихся; ему вдруг вспомнилось пророчество старухи. Калатин закричал ему:

— Смотри, Корум! Это — Карах! Он убьет тебя и займет твое место. Это мой сын! Это мой наследник! Это бессмертный Карах!

Корум не слушал Калатина, он следил за боем. Бесстрашный, неутомимый Карах обрушивал на Гоффанона удар за ударом, кузнец едва успевал отражать их своим огромным топором. Гоффанон уже качался от усталости. Еще минута, и он должен был пасть от меча Караха. Выхватив меч, Корум бросился к своему двойнику. Он услышал смех Сэктрика:

— Корум, ты спешишь защитити меня? Вадагский принц бросил на малибанского императора взгляд, полный ненависти, и, коснувшись клинком плеча Караха, заставил того повернуться к себе.

— Сразись со мной! — закричал Корум. — Именно для этого ты и был создан!

Он сделал мощный выпад, целя мечом в сердце двойника, но тот неожиданно отступил в сторону, и Корум, продолжая двигаться по инерции, вонзил свой клинок совсем в другое тело.

Удар пришелся в плечо Гоффанона. Корум нечаянно поразил собственного друга. Кузнец рухнул наземь, увлекая за собой и меч Корума, засевший у него в кости. Страшная улыбка заиграла на устах Караха, бездушный глаз его засверкал жаждой крови.

Ильбрик достал свой славный Мститель и поспешил на помощь Коруму. В тот же миг Калатин понесся вниз, в надежде на то, что он успеет добежать до берега прежде, чем Малибан заметит его исчезновение.

Гоффанон выдернул меч из раны и, привстав, заметил удалявшегося Калатина. Не раздумывая ни минуты, он метнул клинок вослед ему.

Серебристый клинок со свистом рассек воздух и вонзился волшебнику в спину.

Тот сделал еще несколько шагов, зашатался и, наконец; рухнул.

— Карах! Карах! Отомсти за меня! Отомсти за меня, сын мой!

Карах повернулся и стал искать взглядом волшебника; меч едва не выпал из его руки. Наконец, он увидел Калатина, который пытался ползти к берегу, где его ждала лодка, столь победно покинутая им недавно. Лицо его исказилось страданием.

— Карах! Отомсти за меня!

Ошеломленный Карах побрел по кровавому следу своего хозяина. Он остановился над его телом. Тонкие, расшитые оккультными символами одежды были перепачканы кровью. Коруму казалось, что он видит живую картину, пришедшую из прошлого или будущего, в которой он сам был главным исполнителем; происходившее представлялось ему сном, — боясь шелохнуться, Принц наблюдал за тем, как Карах, склонившись над своим хозяином, удивленно рассматривает его корчащееся тело. Он коснулся меча, торчавшего из спины Калатина, но тут же отдернул руку, словцо меч был раскален. Он был явно растерян. Калатин что-то говорил Караху; тот, склонив голову набок, внимательно слушал его.

Трясущимися руками Калатин нащупал скалу. Опершись на нее, волшебник на мгновение приподнял свое тело и вновь свалился наземь. Карах вложил в ножны собственный меч и взял хозяина на руки.

Послышался голос Сэктрика, что так и стоял на вершине холма:

— Гоффанон, я твой хозяин. Я приказываю тебе убить двойника.

Голос Гоффанона теперь звучал иначе. Казалось, к кузнецу вернулась былая уверенность.

— Еще не время убивать Караха. К тому же, убить его должен не я.

— Гоффанон! Я приказываю тебе сделать это! — закричал Сэктрик, подняв над головой мешочек со слюной сидхи.

Гоффанон улыбнулся и принялся рассматривать свое раненое плечо.

— Ты не можешь командовать Гоффаноном. — Голос Сэктрика исполнился горечи.

— Так значит смертный волшебник обманул меня! Насколько же был помрачен мой разум, когда я поверил ему!

Лже-Корум вышел на берег, однако к лодке он подходить не стал — держа на руках тело своего хозяина, он вошел в море и направился к кораблю. Алая мантия плыла по воде кровавым пятном.

— Волшебник вовсе не хотел обманывать тебя, — сказал Гоффанон. — Ты должен знать всю правду, Сэктрик. Ни ты, ни он уже не могли управлять мною. Я прикидывался послушным и подчинялся ему только потому, что хотел увидеть своих друзей, хотел помочь им...

— Ни они, — закричал Сэктрик, — ни ты долго не протянете. Ты бы только знал, Гоффанон, как я ненавижу тебя!

— Я пришел сюда по собственной воле, — спокойно продолжал кузнец, — ибо хочу заключить с тобою ту же сделку, что и Калатин-.

— Стало быть, ты знаешь, где хранится украденная тобою вещь? — с надеждой в голосе спросил Сэктрик.

— Конечно, знаю. Что-что, а это уж я не забуду.

— Ты откроешь мне свою тайну?

— Если ты примешь мои условия.

— Я могу принять их только в том случае, если они разумны.

— Ты получишь все то, что ты надеялся получить от Калатина, причем, выглядеть это будет куда достойнее... — сказал Гоффанон. Было видно, что рана причиняет ему боль, однако держался он спокойно.

— Достойнее? Это мабденское понятие... — заговорил Сэктрик.

Повернувшись лицом к Коруму, Гоффанон сказал:

— Вадаг, теперь тебе придется попотеть, чтобы исправить собственные ошибки. Сбегай-ка для начала за своим мечом.

Не отрывая глаз от своего двойника, Корум стал медленно спускаться с холма. Над поверхностью воды оставались только плечи и голова Караха. Карах неожиданно обернулся. Корум вздрогнул, встретившись с ним взглядом. Лицо двойника исказилось, и он издал такой ужасный вопль, что Корум замер, Принц остановился у камня, рядом с которым лежал его меч.

Карах отвернулся и пошел прочь от берега, все глубже и глубже уходя под воду. Сначала скрылась его голова, а через пару секунд исчезла и алая мантия.

Корум поднял меч, подаренный ему Гоффаноном. На серебристом клинке виднелись капли крови его заклятого врага. Как приятно было ему сжимать рукоять этого меча, как странно было слышать ему его имя. В том, что имя найдено им верно, Корум не сомневался. Гоффанон был прав — пришло время, и меч сам подсказал ему свое имя.

С мечом в руках он взошел на вершину холма, встал у огромной сосны и, подняв клинок высоко над головой, тихо сказал:

— Гоффанон, теперь у этого меча есть имя.

— Я это уже понял, — грустно отозвался карлик.

— Я назвал этот меч Предателем, — сказал Корум, — ибо первая пущенная им кровь принадлежала тому, кто ковал его, вторая же тому, кто считал себя властелином первого. Мой меч зовется Предателем.

Меч засверкал еще ярче, и Корум почувствовал, как по нему заструились потоки силы. Не держал ли он уже в руках подобный меч? Не знакомо ли было ему это странное ощущение? Корум посмотрел на Гоффанона и увидел, что тот согласно кивает ему головой — кузнец явно был доволен.

— Предатель, — повторил Гоффанон и прикрыл своей широкой ладонью кровоточащую рану.

Заговорил Ильбрик. Слова, сказанные им, звучали достаточно неожиданно;

— Теперь, когда твой меч поименован, тебе понадобится хороший конь. Без коня рыцарю не обойтись.

— Как сказать, — ответил Корум и Вернул меч в ножны.

Сэктрик сгорал от нетерпения:

— Гоффанон, что за сделку ты предлагаешь малибанам?

Гоффанон не отрывал глаз от Корума.

— Подходящее имя, — сказал он. — Но не светлая сила стоит за ним, а темная.

— Что я могу поделаться, — ответил Корум. Гоффанон пожал плечами и перевел взгляд на Сэктрика.

— Я могу исполнить все ваши желания, вы же должны помочь нам в нашей войне с Фой Мьёр. Если мы одержим победу, если Великий Друид Эмергин останется жив, и, если мы сможем вернуть мабденам сокровища, хранящиеся в Кэр-Ллюде, то вы сможете покинуть этот мир и поселиться в другом, подходящем для вас мире.

Сэктрик кивнул своей ссохшейся головой.

— Такая сделка устроила бы нас.

— Тогда, — сказал Гоффанон, — мы должны поспешить с выполнением первой части нашего договора. Времени осталось мало — мабдены в осаде.

— Калатин сказал правду? — спросил Корум.

— Да, большая часть мабденской армии погибла. Ильбрик сказал:

— Гоффанон, мы знаем о том, что пока у волшебника был мешочек с твоей слюной, он мог управлять тобой. Почему же ты не подпал под его власть на этот раз?

Гоффанон улыбнулся.

— В этом мешочке моей слюны нет. — Он уже приготовился рассказать друзьям историю о мешочке, но тут его перебил Сэктрик.

— Хотите ли вы, чтобы я сопровождал вас на большой земле?

— Конечно, — ответил Гоффанон. — Это просто необходимо.

— Вы ведь знаете о том, как трудно нам покидать этот остров.

— Я повторяю — это необходимо, — сказал Гоффанон. — С нами должен пойти хотя бы один из вас — тот, кому малибаны смогут доверить всю свою силу. Этим малибаном можешь быть и ты.

Сэктрик на миг задумался.

— В таком случае, мне понадобится тело, — сказал он. — Тело, которое я сейчас занимаю, для таких путешествий не подходит. — Немного помолчав, он добавил: — Гоффанон, надеюсь, на этот раз ты не станешь обманывать малибанов-В голосе Сэктрика вновь звучали нотки высокомерия.

— На этот раз это не в моих интересах, — ответил кузнец. — Ты ведь и сам знаешь, Сэктрик, что подобные сделки не в моем вкусе. Сейчас у меня нет иного выбора — ситуация стала слишком серьезной. Боюсь, что для кого-то из нас этот договор обернется бедой — мне страшно даже помыслить о том времени, когда к вам вернется былая сила.

Сэктрик пожал своими тощими плечиками.

— Что я могу с этим поделать, сидхи, — сила есть сила.

— Осталось понять, — вмешался в разговор Ильбрик, — каким образом Сэктрик сможет покинуть Инис-Скайт, если внешний мир так враждебен ему?

— Мне нужно тело, — Сэктрик выразительно посмотрел на друзей. От этого взгляда Корум внутренне содрогнулся.

— Выбор тел у нас не столь уж велик, — сказал Гоффанон. — Кто-то должен пожертвовать собственным телом в интересах общего дела.

— Пусть это буду я, господа.

Никто не ожидал, что здесь, на Инис-Скайте, может прозвучать этот голос. Корум обернулся и к величайшему своему облегчению понял, что слова эти принадлежали Джерри-а-Конелю. Тот стоял, опершись на скалу; шляпа его была надвинута на самые глаза, на плече сидел черно-белый крылатый кот.

— Джерри! — воскликнул Корум, бросившись навстречу другу. — Ты давно здесь?

— Я был свидетелем всего того, что происходило здесь сегодня. — Джерри подмигнул Гоффанону. — Ты просто молодец. Здорово ты провел Калатина...

— Если бы не ты, Джерри-а-Конель, у меня не было бы такой возможности, сказал Гоффанон. — Как только Джерри понял, что дела мабденов плохи, он, притворившись перебежчиком, предложил свои услуги Калатину, с радостью принявшему их. Волшебник не заметил никакого подвоха, поскольку судил о людях по себе. Джерри удалось подменить мешочек. Вместо старого он подложил волшебнику мешочек с талым снегом. Я прилежно исполнял роль слуги Калатина; Джерри же, воспользовавшись общей суетой, исчез и тайно следовал за нами до самого Инис-Скайта...

— Так значит, второй парус все-таки был! — воскликнул Корум. — Это был твой ялик, Джерри?

— Разумеется, — ответил добровольный Спутник Героев. — А теперь я хочу поговорить о деле. Я знаю, что коты вмещают в себя чужие души куда совершеннее, чем люди. Помню, один кот стал сосудом для великого волшебника, правда было это давно, я тогда и звался-то иначе. Думаю, Сэктрик, в моем коте тебе будет удобно...

— Вселиться в животное? — возмутился Сэктрик. — Да чтобы я. Император Малибана...

— Сэктрик, — сказал Гоффанон резко, — разве ты забыл о том, что в скором времени тебя и тебе подобных здесь ждет гибель? Неужели гордыня перевесит твой здравый смысл?

Сэктрик обиделся.

— Карлик, как ты смеешь так говорить со мной? Если бы я не дал слова...

— Но ты уже дал его, — перебил Сэктрика Гоффанон. — Выбирай — или ты вселяешься в кота, или мы разрываем наш договор, и ты остаешься без этой самой штуковины.

— Она мне дороже жизни.

— Тогда делай то, что предлагает тебе Джерри. Какое-то время Сэктрик с презрением смотрел на черно-белого кота. И вдруг шерсть на коте поднялась дыбом, сам же он дико завыл. Ссохшееся тело Сэктрика с треском повалилось наземь. Кот проговорил:

— Мы должны поспешить. Кстати, не следует считать, что я утратил хотя бы одну из своих способностей, переселившись в это животное.

— Мы так и не считаем, — сказал Ильбрик, поднимая с земли старое седло и смахивая с него пыль.

Гигант-сидхи, раненый кузнец Гоффанон, Корум Серебряная Рука и Джерри-а-Конель, на плече у которого сидел великий Сэктрик, направились к берегу, где их ждала лодка.

КНИГА ТРЕТЬЯ,

в которой мабдены, вадаг, сидхи, Малибан и Фой Мьёр сражаются друг с другом за власть над Землей, при этом враги становятся союзниками, а союзники врагами...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧТО ЖЕ УКРАЛ ГОФФАНОН

Путешествие прошло гладко; Ильбрик, скакавший на Тонкой Гриве, указывал кораблю путь к большой земле.

Они стояли на вершине утеса, у основания которого ревело море. Держа топор в здоровой руке, Гоффанон принялся разрывать им дерн в том месте, где была сложена пирамидка из камней.

Черно-белый котик смотрел на кузнеца своими необычайно умными глазами, в которых то и дело загорались алые огоньки.

— Смотри не задень ее, — сказал кот голосом Сэктрика.

— Не бойся. Ее защитят чары, — ответил Гоффанон.

Освободив землю от дерна, гном стал на колени и, разминая руками комья земли, что-то забормотал. Наконец, с этим было покончено; Гоффанон взял нож и стал рыть им мягкую землю.

— Уф, — облегченно вздохнул карлик, увидев искомое. Было видно, что предмет этот вызывает у него крайнее отвращение. — Вот она, Сэктрик.

Он вытянул из земли голову, держа ее за длинные пряди волос. Ссохшаяся эта голова могла принадлежать только женщине, более того, — женщине красивой.

— Терали! — изумленно ахнул черно-белый котик. Глаза его загорелись любовью. — Не причинил ли он тебе вреда, сестричка?

Все замерли от изумления, увидев, как голова раскрывает свои глаза. Цвет этих глаз был изумрудным. С изъеденных времен губ слетело:

— Я слышу твой голос, Сэктрик, но я не вижу твоего лица. Быть может, я все еще подслеповата?

— Нет, просто мне пришлось переселиться в тело кота. Но не волнуйся скоро у нас будут новые тела, новые тела и новый мир. Возможно, скоро мы уйдем отсюда, сестричка.

Они положили голову в шкатулку, сделанную из позолоченной бронзы. За миг до того, как крышка шкатулки закрылась, раздалось: — До свидания, милый Сэктрик!

— До свидания, Терали!

— Ее-то ты и стащил у Сэктрика? — спросил Корум у Гоффанона.

— Да. Эта голова его сестры. От нее больше ничего не осталось. Впрочем, достаточно и этого. Она ничуть не слабее своего брата. Будь на Инис-Скайте и она, вам ни за что бы не удалось выбраться оттуда.

— Гоффанон прав, — сказал черно-белый кот, глядя на то, как кузнец — сует шкатулку себе под мышку. — Теперь вы понимаете, почему я не мог покинуть этот мир. Кроме Терали у меня никого нет. Я люблю ее.

Джерри-а-Конель ласково потрепал кота по головке.

— Любая тварь любви покорна... — Он смахнул со щеки воображаемую слезу.

— Теперь же поспешим в Крэг-Дон, — сказал Корум.

— Но где он? — озираясь по сторонам, спросил Джерри.

— Там, — ответил Ильбрик, указывая на восток, — там, где трещат морозы.

Корум успел отвыкнуть от свирепых морозов страны Фой Мьёр. К счастью, путники оказались в безлюдной деревушке, где они обнаружили не только лошадей, но и меха. Даже Ильбрик решил одеться потеплее. Он закутался в огромную накидку, сшитую из куньего и лисьего меха. Позади было уже четыре ночлега, и каждая последующая ночь была холоднее предыдущей. Повсюду они видели следы недавних побед Фой Мьёр — растрескавшуюся словно от удара огромного молота землю, застывшие в агонии тела, изуродованные трупы людей и животных, разрушенные города, воинов, скованных взглядом Балахра, детей, разодранных в клочья зубами Псов Кереноса. Повсюду стояла ужасная стужа, затягивающая поля и реки, леса и горы.

Путники прокладывали свой путь через снежные заносы. Падая, спотыкаясь, блуждая по снежным пустошам, они спешили к Крэг-Дону, боясь того, что он обратился в братскую могилу мабденов.

С бездонных серых небес падал снег. Кровь стыла в жилах, растрескалась кожа, утратили гибкость члены. Каждый вдох отзывался болью в груди. Как хотелось забыться на мягком снегу, уснуть, умереть, как уже умерли боевые друзья.

По ночам они грелись у небольшого костра. Разговоров не вели — от мороза немели не только тела, но и души. Единственным звуком было негромкое бормотание кота, разговаривавшего с головой, лежавшей в шкатулке. О чем беседовал Сэктрик и Терали, никто не знал, да и вряд ли хотел узнать.

Корум уже сбился со счета дней, проведенных в пути. Принца интересовало теперь только то, сколько дней он еще сможет протянуть.

Путники вышли на гребень невысокой горы, с которого открывался вид на широкую долину, занесенную снегом. Вдали они увидели стену тумана, которую трудно было с чем-либо спутать — этот туман неизменно сопровождал Фой Мьёр. Одни считали, что он порождается их смрадным дыханием, другие, что он служит Фой Мьёр своеобразной защитой от болезней и напастей, преследующих их в этом мире. Итак, путники достигли Семи Каменных Кругов, главного святилища мабденов, средоточия Власти. Перед ними был Крэг-Дон. Подъехав поближе, они услышали жуткий вой Псов Кереноса, странные гулкие голоса Фой Мьёр, шелест и шорох Воинов Елей, ставших братьями деревьям.

Джерри-а-Конель ехал рядом с Корумом. Кони с трудом пробирались через глубокий снег, который порой доходил им до шеи. Джерри сказал:

— Ну что ж, значит кто-то из наших еще жив. Иначе Фой Мьёр не подошли бы так близко к Крэг-Дону.

Корум кивнул. Он знал, что Фой Мьёр избегают Крэг-Дона и боятся его. Этим знанием Принц был обязан Гейнору, который выдал тайну святилища, считая Корума и Джерри своими пленниками.

Ильбрик скакал первым, пробивая путь для всех остальных. Если бы не этот гигант, они замерзли бы в пути, так и не увидев Крэг-Дона. За великаном, как всегда пеший, следовал Гоффанон с топором на плече и ларцом под мышкой. Его рана уже стала подживать, хотя и причиняла ему еще немало страданий...

— Фой Мьёр взяли Крэг-Дон в кольцо, — заметил Ильбрик. — Боюсь, нам не удастся проскочить незамеченными.

— Если и удастся, то не всем. — Корум скорбно посмотрел на облачко пара, вырвавшееся изо рта, и поплотнее закутался в меха.

— А почему бы Сэктрику не одурачить их — у него это выходит замечательно, предложил Джерри.

— Миражи лучше оставить на потом, — возразил Гоффанон. — Иначе в решающий момент враги усомнятся в реальности происходящего...

— Наверное, ты прав, — нехотя согласился Джерри-а-Конель. — Ну что ж, тогда мы должны

действовать стремительно — враг не ожидает атаки с тыла.

— Это и не удивительно, — сказал Корум, грустно улыбнувшись. — Такое может прийти в голову разве что больному,

— А мы больные и есть, — ответил Джерри и подмигнул.

— Что ты нам скажешь, Сэктрик? — обратился к черно-белому коту Ильбрик. Сэктрик нахмурился.

— Мы с сестрой предпочли бы не тратить силы до последней минуты. Дело это не простое, а мы с вами не на Инис-Скайте.

Ильбрик согласился с этим.

— Я буду пробивать путь. Вы же не отставайте. Он извлек из ножен свой огромный меч Мститель, засверкавший непривычным для этих мест светом, — давно не озарялись они солнцем, клинок же, казалось, был его частицей. Снежинки таяли, не успев долететь до лезвия. Ильбрик рассмеялся, его разгоряченное лицо, казалось, тоже источало золотистое сияние. Он закричал своему коню:

— Вперед, Тонкая Грива! Нас ждет Крэг-Дон! Конь стремительно понесся вперед, взметая облака снежной пыли. Друзья не отставали от Ильбрика ни на шаг. Они кричали и потрясали своим оружием, пытаясь хоть как-то согреть и ободрить себя. Ильбрик исчез в студеном тумане Фой Мьёр, устремившись к Крэг-Дону.

Корум последовал за ним, стараясь не отстать от своего товарища, не потерять его из виду. Огромные зловещие тени двигались в тумане. Корум слышал лай псов, видел зеленолицых всадников, пытавшихся понять причину переполоха. И тут он услышал знакомый голос:

— Это великан Ильбрик! Тревога, гулеги! Тревога!

Это был голос Принца Гейнора, голос Проклятого, чья судьба была неразрывно связана с судьбою Корума.

Призывно затрубили рога гулегов, и туман огласился свирепым рыком белоснежных псов с кроваво-красными ушами и горящими злобой желтыми глазами, псов, которых Гоффанон боялся больше всего на свете.

Чудовищный, исполненный боли стон раздался в ответ на призыв Гейнора. Это был голос самого Кереноса, голос одного из Властителей Лимба, что был так же безжизнен, как и мир, явивший этих ущербных богов. Оставалось надеяться на то, что брата Кереноса Балахра рядом не было — одного взгляда его было достаточно для того, чтобы заморозить его навеки.

Прямо перед собой Корум увидел четверых или пятерых безликих тварей, чья кожа своей белизною напоминала снег; в руках эти твари держали изогнутые ножи, которые скорее походили не на оружие, а на инструменты для разделки туш. Это были гулеги.

Корум взмахнул своим серебристым мечом и легко рассек тела нападавших получив имя, меч обрел свою подлинную силу. Раны, полученные гулегами, были столь серьезны, что они уже не представляли опасности. Миновав их ряды, Корум стал нагонять Ильбрика, чей клинок подобно молнии разил Братьев Елей и псов, набежавших на зов гулегов.

В пылу битвы Корум забыл и думать о морозном тумане, однако уже через минуту почувствовал, как его легкие леденеют, а члены цепенеют. Собрав остаток сил, Принц закричал:

— Я — Корум! Я — Кремм Кройх Кургана! Я — Лло Эрайнт, Серебряная Рука! Трепещите, лакеи Фой Мьёр, — на Землю вернулись мабденские герои! Трепещите, ибо мы Враги Холода!

Сверкнул меч, прозванный Предателем, и рухнула наземь дьявольская собака. Гоффанон, неистово кружа топором, пел свою ратную песню; Джерри-а-Конель, на плече которого сидел испуганный кот, размахивал сразу двумя саблями, оглашая окрестности пронзительным криком.

Друзья оказались взятыми в кольцо. Уже слышался зловещий скрип боевых колесниц Фой Мьёр, уже приближались к ним Балахр и Гоим, чье появление сулило друзьям верную смерть, но, с другой стороны, уже была видна и громада Крэг-Дона — гигантские каменные столбы, накрытые сверху не менее

гигантскими плитами.

Близость Крэг-Дона придала Коруму сил. Он пришпорил коня и врубился в плотные ряды Людей Елей, размахивая своим страшным клинком и разя врага налево и направо. Гоффанона окружала уже добрая дюжина собак: не раздумывая ни минуты, Корум направил своего коня прямо на Псов и стал рубить их в клочья. Кузнец, пошатываясь, добежал до каменных столбов и, тяжело дыша, прислонился к одному из них спиной, продолжая наблюдать за происходящим. Через минутку там же оказались и его друзья — они улыбались, глядя друг на друга, не веря в то, что счастье все же улыбнулось им.

Они слышали крик Принца Гейнора, доносившийся из-за пределов каменного круга:

— Вот ловушка и захлопнулась! Теперь они сдохнут от голода!

Но не слышалось торжества в жалких голосах Фой Мьёр; и собаки выли уже не так уверенно. Гулеги и Воины Елей, собравшиеся у круга, смотрели на друзей с известным почтением. Корум обратился к своему извечному врагу, ставшему волею судеб едва ли не его братом:

— Готовься к бою, Гейнор! Сейчас свое слово скажут мабдены!

С удивлением в голосе Гейнор ответил ему:

— Ты считаешь, что они пойдут за тобой, Корум? Теперь ты им враг. Друг мой, они вряд ли станут даже говорить с тобой, пусть надеяться им больше не на кого.

— Прodelки Калатина мне ведомы. Эмергин поверит мне.

Гейнор в ответ только рассмеялся. Смех его больно резанул Корума по сердцу.

Четверка героев медленно ехала к центру Крэг-Дона. Они видели раненых и мертвых, беснующихся и плачущих, ослепших и изнемогших. В самом центре Крэг-Дона стояло несколько палаток; у костров сидели люди в измятых латах и изодранных одеяниях. Они ждали смерти.

Хрупкий Эмергин гордо стоял возле каменного алтаря Крэг-Дона. Корум вспомнил о том, что некогда он возлагал его одетое в овчину тело на эти камни. Одета в перчатку рука Эмергина лежала на алтарном камне; Великий Друид смотрел на приближающуюся к нему четверку. Он молчал; лицо его было мрачно.

Из-за спины Верховного Правителя появилась и другая фигура — женщина, чьи огненно-рыжие волосы были разметаны по плечам. Голова ее была увенчана короной; одета женщина была в длинную кольчугу, что доходила ей до пят, поверх кольчуги была наброшена меховая накидка. Зеленые глаза смотрели на Корума с презрением и ненавистью. Это была Медбх.

Корум двинулся к ней, пробормотав:

— Медбх, я привел...

Отшатнувшись от него, она взялась за рукоять своего меча. Голос ее был холоднее тумана Фой Мьёр.

— Маннах мертв. Отныне я Королева Медбх. Я — королева Медбх, правительница народа Туха-на-Кремм Кройх. Под покровительством нашего Верховного Правителя Эмергина я предводительствую всеми мабденами, оставшимися в живых после твоего гнусного предательства.

— Я не предавал вас, — ответил Корум. — Вы обмануты Калатином.

— Но ведь мы видели тебя, Корум, — тихо произнес Эмергин.

— Вы видели оборотня — Караха, сотворенного Калатином именно для того, чтобы ввести вас в заблуждение.

— Он говорит правду, Эмергин, — сказал Ильбрик. — Все мы видели этого самого Караха на Инис-Скайте.

Эмергин поднес руку к виску. Было видно, что даже это движение далось ему с трудом. Он вздохнул.

— В таких случаях мабдены устраивают суд.

— Суд? — усмехнулась Медбх. — Это в такое-то время? — Она отвернулась от Корума. — Его вина уже доказана. Он лжет так нагло, словно считает нас тупыми животными.

— Мы боремся не только за наши жизни, но и за наши законы, королева Медбх, — сказал Эмергин. — Законов этих пока никто не отменял. Нарушить их — значит умереть. Вначале мы должны выслушать этих людей — лишь после этого мы можем признать их виновными или снять с них обвинения.

Медбх раздраженно пожала плечами. Корум едва не потерял сознание. Никогда он не любил Медбх так сильно.

— Я уверена в том, что мы докажем его вину, — сказала она. — Наказание же ему я придумаю сама.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЖЕЛТЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

В толпе собравшихся мужчин и женщин едва ли можно было найти хотя бы одного человека, который не нуждался бы в помощи. Изможденные, обмороженные, полуголодные лица взирали на Корума, все они были знакомы ему, но ни в одном он не видел ни тени сострадания. Считая его предателем, люди винили его во всех бедах, приключившихся с ними в Кэр-Ллюде. За седьмым кругом Крэг-Дона кружил туман, слышался гул голосов Фой Мьёр и вой Псов Кереноса.

Суд над Корумом начался.

— Возможно, я ошибся, отправившись на Инис-Скайт, — сказал Корум, — я не отрицаю за собой этой вины. Во всем же остальном я не признаю себя виновным.

Моркан Две Улыбки, отделавшийся в битве при Кэр-Ллюде парой легких ранений, нахмурил брови и принялся теревить свой ус. На его смуглом лице белел шрам.

— Мы видели тебя, — сказал Моркан, — ты скакал бок о бок с Принцем Гейнором, волшебником Калатином и предателем Гоффаноном. Вы возглавляли воинство Братьев Елей, гулегов и Псов Кереноса, выступившее против нас. Я видел, как ты зарубил Гриниона Бык и одну из дочерей Милгана Белого Калин. Я слышал, что именно ты повинен в смерти Фадрок-эт-тэ-Крэг-эт-Лита; он и помыслить не мог, что ты можешь изменить нам...

Хайсак Нагрей-Солнце, помогавший Гоффанону ковать меч Корума, был тяжело ранен в левую ногу и потому опирался на алтарь. Он злобно проревел:

— Я видел, как ты убивал наших людей. Мы все видели это.

— Поверьте — это был не я, — настаивал на своем Корум. — Мы пришли помочь вам. Все это время мы были на Инис-Скайте, колдовские чары заставили нас поверить в то, что прошло всего несколько часов, когда на деле мы провели там несколько месяцев...

Медбх зло засмеялась.

— Не надо рассказывать сказки? Неужели ты думаешь, что мы поверим этому вздору?

Корум обратился к Хайсаку Нагрей-Солнце:

— Хайсак, помнишь ли ты меч того, кого вы принимаете за меня? Это он?

Он вынул из ножен свой серебристый клинок, излучавший странное сияние.

— Это он, Хайсак? Хайсак замотал головой.

— Конечно, нет. Этот меч я бы узнал сразу. Разве я не был тогда на кургане?

— Был. Неужели я не воспользовался бы им в бою?

— Может, ты и прав, — согласился Хайсак.

— Смотри! — Корум поднял свою серебристую руку. — Скажи мне, что это за металл?

— Разумеется, серебро.

— Верно! Серебро! А теперь скажи мне, из серебра ли была сделана рука Караха?

— Теперь я припоминаю, — нахмурился Эмергин, — что на серебряную та рука вряд ли походила.

— Оборотни боятся серебра! — воскликнул Ильбрик. — Это всем известно!

— Вы хотите запутать нас, — сказала Медбх, хотя в голосе ее уже не чувствовалось былой уверенности.

— Тогда скажи нам, где же этот оборотень? — спросил Моркан Две Улыбки. Стоило ему исчезнуть, как появился ты. Если бы мы увидели вас вместе, нам было бы легче поверить тебе.

— Хозяин Караха мертв, — сказал Корум. — Его сразил Гоффанон. Карах унес Калатина на дно моря. С тех пор мы их не видели. Как видите, мы уже боролись с этим оборотнем.

Корум обвел взглядом изможденные лица людей и увидел, что выражение их стало меняться. Теперь они готовы были слушать его.

— Зачем же вы вернулись сюда? — спросила Медбх, откинув назад свои длинные рыжие косы. — Ведь вы знали, что наше положение безнадежно.

— Ты хочешь понять, какую выгоду мы преследовали, помогая вам? — спросил Джерри-а-Конель. Хайсак указал пальцем на Джерри.

— Я видел тебя рядом с Калатином. Единственный, кто открыто не сотрудничал с неприятелем, это Ильбрик.

— Мы вернулись потому, — сказал Корум, — что достигли цели нашего похода. Помощь нам будет оказана.

— Помощь? — Эмергин вопросительно посмотрел на Корума. — Та помощь, о которой мы говорили?

— Да, именно она. — Корум показал на черно-белого кота и позолоченный ларец. — Вот она.

— Я представлял себе это как-то иначе...

— И еще. — Ильбрик вынул из подсумка какой-то предмет. — Похоже, оно было на одном из кораблей, потерпевших крушение у берегов Инис-Скайта. Я его сразу узнал. — Он показал собравшимся растрескавшееся старинное седло, найденное им на берегу.

Эмергин удивленно ахнул и простер руки к седлу.

— Оно мне знакомо. Это последнее из наших сокровищ, если не считать Котла, который до сих пор находится в Кэр-Ллюде.

— Верно, — сказал Ильбрик. — Думаю, тебе известно связанное с ним пророчество?

— Ничего определенного припомнить я не могу, — ответил Эмергин. — Меня всегда удивляло то, что среди наших сокровищ оказалось и это старое седло.

— Это седло Легера, — сказал Ильбрик. — Легер был моим дядей. Он погиб в последней из Девяти Битв. Если ты помнишь, он не был простым смертным.

— И он выезжал на Желтом Жеребце, — сказал Эмергин, — который может быть послушен лишь тому, кто борется за правое дело, тому, чей дух чист. Так вот почему это седло оказалось среди прочих наших сокровищ!

— Да, именно поэтому. Но я говорил об этом вовсе не для того, чтобы потянуть время. Я могу вызвать Желтого Жеребца. И, тем самым, я могу доказать невиновность Корума. Пусть Жеребец появится здесь, и пусть Корум попробует оседлать его. Если конь примет его, вы убедитесь, что дух его чист, что он бился за правое дело, и, значит, сражается на вашей стороне.

Эмергин окинул взглядом своих приближенных.

— Это было бы справедливо, — сказал Верховный Правитель.

Одна лишь Медбх не согласилась с решением Эмергина.

— Боюсь, они могут прибегнуть к колдовству, — сказала она.

— Я это тут же замечу, — сказал Эмергин, — Королева Медбх, ты забываешь о том, что я — Эмергин.

Королеве не оставалось ничего иного, как согласиться с Верховным Правителем.

— Очистите место перед алтарем, — приказал Ильбрик, бережно водрузив седло на огромную каменную плиту.

Собравшиеся отступили от алтаря к первому кругу. Ильбрик обратил свое лицо к небу и вскинул руки так, что золотые браслеты засверкали неожиданно ярко. Корума вновь потрясла сила, исходившая от этого благородного великана, божественного сына Мананнана.

Ильбрик приступил к заклинанию:

Во всех битвах Легер сражался. Ростом был мал он, но отвагой своей Всех превзошел воителей сидхских — Не было воина смелей и искусней его.

Имя немеркнувшей славы носил он — Легер. Скрамнейший из скромных на скакуне своем желтом Воинство вел он на Слив-Галлион, Гибельным ставший для многих.

Был день тот победным, но Гоим копьё его поразило. Крови поток хлынул из раны героя, Но седла не покинул доблестный воин. Желтый скакун его горькими плакал слезами.

Только дуб и ольха его внимали последним словам. «Жизнь и конь — все мое достояние», — Так им молвил Легер, достославный, Жизнь отдавший за племя чужое.

Даровал он свободу своему скакуну
И наказ ему дал, отпуская на волю:
Воителю чистому духом служить
В тот час, когда тьма над миром сгустится.
И стало Легера седло верности клятве залогом.
Ибо ведает Желтый Скакун
Оседлать его сможет лишь тот,
Кто правое дело верша, не запятнан изъязном.
На заветных лугах сил набрался скакун,
Он готов к исполнению завета.
Вновь сгущается тьма, этот час уж настал,
Ждет коня воспреемник Легера.

Ильбрик опустил на колени перед алтарем, на котором лежало старое растрескавшееся седло; последние слова были произнесены им еле слышно.

Стало тихо, лишь издалека доносились неясный гул и собачий вой. Люди стояли недвижно. Ильбрик опустил голову. Все чего-то ждали.

Послышались какие-то звуки; неясно было, откуда они исходят — то ли с небес, то ли из-под земли. Стук копыт, который становился все громче и громче. Люди стали озиаться по сторонам, пытаясь отыскать взглядом коня, но того нигде не было видно. Казалось, что конь скачет уже по Крэг-Дону. Они услышали фыркание, звонкое ржание и стук железных подков по промерзшей земле.

Ильбрик поднял голову и счастливо засмеялся.

Желтый конь стоял по другую сторону алтаря. Это грозное животное имело благородную осанку; янтарные глаза светились умом. Струйки пара вырывались из его раздувавшихся ноздрей. Потряхивая гривой, конь испытующе смотрел на Ильбрика; тот медленно поднялся с колен, взял седло в свои огромные руки и бережно опустил его на круп Желтого Жеребца. Поглаживая конскую гриву, Ильбрик ласково заговорил со скакуном, то и дело поминая имя Легера.

Повернувшись к Коруму, он сказал:

— Корум, займи место в седле. Если конь примет тебя, люди перестанут видеть в тебе предателя.

Корум нерешительно вышел вперед. Желтый Жеребец фыркнул и попятился назад, прижав к голове уши. Умные его глаза внимательно следили за Корумом.

Корум положил руку на переднюю луку седла, стараясь не испугать коня резким движением. Он осторожно забрался в седло. Желтый Жеребец неожиданно успокоился и принялся отыскивать под снегом жухлую траву. Он принял Корума.

Корум услышал приветственные крики мабденов — его называли Кремм Кройхом, Лло Эрайнтом, Героем Серебряная Рука и защитником мабденом. Королева Медбх молча протянула Коруму свою мягкую руку. В глазах ее стояли слезы. Корум поцеловал руку королевы.

— Настало время держать совет, — сказал Гоффанон. — Что мы можем противопоставить силе Фой

Мьёр? — Кузнец стоял под одной из каменных арок, держа руку на рукояти топора и глядя на море тумана, окружавшее Крэг-Дон. Туман становился все гуще.

Сэктрик, поселившийся в теле черно-белого котика, спокойно заметил:

— Ситуация, при которой Фой Мьёр оказываются на вашем месте, а вы — на месте Фой Мьёр, представляется мне идеальной.

Эмергин кивнул:

— Если исходить из того, что Фой Мьёр есть чего бояться в этом месте, то да. Если же рассказы о чудесных свойствах Крэг-Дона порождены единственно суевериями, то мы пропали.

Сэктрик сказал:

— Вряд ли это суеверия, Эмергин. Сила Крэг-Дона мне понятна. Но, прежде чем помочь вам, я должен получить гарантии того, что и вы поможете мне. Мне достаточно твоего слова, Эмергин.

— Когда я вновь завладею Воротом Власти, — сказал Великий Друид, — я помогу тебе. В этом сомнений быть не может.

— Прекрасно. Будем считать, что наш договор вступил в силу, — обрадовался Сэктрик. Гоффанон мрачно заметил со своего места:

— Не забывайте о том, что в договоре участвуем и мы.

Корум удивленно посмотрел на своего друга, но тот больше не сказал ни слова.

Как только Корум спешился, Медбх зашептала ему на ухо:

— Мне казалось, что я не смогу этого сделать, но теперь я понимаю, что я ошибалась. С помощью волшебства я смогу помочь тебе.

— С помощью волшебства? Она ответила:

— Дай мне на время свою серебряную руку. Я смогу сделать ее сильнее. Он улыбнулся.

— Но, Медбх, она и так достаточно сильна...

— Ты не должен пренебрегать помощью — эта битва решает все, — настаивала Медбх.

— Кто же научил тебя волшебству? — Корум стал расстегивать зажимы, крепившие протез. — Мудрая старая женщина?

На этот вопрос королева отвечать не стала.

— Это поможет тебе, — сказала Медбх. — Так мне было обещано.

Корум пожал плечами и вручил ей серебряный протез.

— Он мне скоро понадобится, — сказал он. — Битва с Фой Мьёр вот-вот начнется. Королева кивнула.

— Много времени это не займет, — сказала она и одарила его таким взглядом, что на сердце у Принца вновь стало легко. Корум улыбнулся.

Медбх унесла серебряную руку в свою маленькую, сшитую из кожи палатку, стоявшую слева от алтаря.

Корум вернулся к беседе, в которой решались проблемы, связанные с предстоящей битвой. Кроме него самого в беседе участвовали Эмергин, Ильбрик, Гоффанон, Джерри-а-Конель, Моркан Две Улыбки и другие оставшиеся в живых мабденские рыцари.

Вскоре Медбх вернулась и отдала Коруму его металлическую руку. Женщина многозначительно посмотрела Принцу в глаза.

С помощью Терали Сэктрик должен был сотворить грандиозный мираж, преобразить Крэг-Дон во что-то такое, что не пугало бы Фой Мьёр. Но прежде, чем этот мираж будет создан, мабдены должны были пожертвовать несколькими воинами, качав атаку на Народ Льдов.

— Мы подвергаемся серьезному риску, — сказал Эмергин, глядя на то, как Корум пристегивает свою

серебряную руку к запястью. — Мы должны быть Готовы и к тому, что ни один из вас не останется в живых. Мы можем погибнуть прежде чем Сэктрик и Терали выполнят свою часть договора.

Глядя на Медбх, Корум понял, что она вновь любит его, и потому мысль о возможной смерти погружала его в уныние.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БИТВА С ТЬМОЙ

Они выступили против Фой Мьёр, — гордые воины в измятых датах. Они держали высоко над головой свои изорванные знамена. Застонали оси боевых колесниц, застучали копыта коней; звук шагов марширующих воинов походил на удары боевого барабана. Запели волынки, заиграли флейты, загремели походные барабаны. Ни один из мабденов не остался в Крэг-Доне — все она вышли на решающую битву с Народом Льдов.

Крэг-Дон опустел; на древнем алтарном камне остались лишь черно-белый йот и позолоченный ларец.

Корум на своем Желтом Жеребце ехал впереди, в здоровой руке он держал серебристый клинок, звавшийся Предателем; к левому его плечу был пристегнут круглый щит, в серебряной руке Принц держал пару копий и поводья. Радостно было Коруму скакать на Желтом Жеребце, так как он чувствовал силу и преданность его. Рядом с Корумом скакал Верховный Правитель, Великий Друид Эмергин. Презирая доспехи, он облачился в голубую мантию, отороченную мехом горностая; на плечи его была наброшена оленья шкура. По другую сторону от Корума скакала гордая королева Медбх, закованная в латы с головы до ног; сверкающий шлем ее венчала корона; рыжие волосы свободно ниспадали на ворот шубы, сшитой из шкуры медведя. С кинжалом на поясе и обнаженным мечом в руке скакала она. Королева улыбнулась, глядя на то, как Корум, миновав последний каменный круг, углубился в туман.

— Фой Мьёр! Фой Мьёр! Пробил ваш последний час! Это вам говорит Корум.

Желтый Жеребец обнажил зубы и издал звук, похожий скорее не на ржание, а на вызывающий смех. Конь ринулся вперед — было понятно, что его янтарные глаза способны проникать туманную мглу. Он нес Корума так же уверенно, как и прежнего своего хозяина Легера, погибшего в битве у стен Слив-Галлиона.

— Эй, Фой Мьёр! Теперь туман не спасет вас! — закричал Корум и поплотнее запахнул в свою шубу, пытаясь защититься от холода.

На мгновение Принцу открылась огромная темная фигура, тут же исчезнувшая в тумане; Корум услышал знакомый скрип колесницы и топот ног безобразных животных, тянувших ее; услышал негромкий смех, который явно не принадлежал Фой Мьёр. Корум обернулся и увидел трепетное, неверное пламя — это был Принц Гейнор Проклятый, доспехи которого переливались всеми оттенками красного цвета. За ним скакало десятка два Воинов Елей, с неподвижными зелеными лицами, глазами, горящими зеленым огнем; их несли такие же зеленые кони. Корум повернулся к ним лицом и в тот же миг услышал голос Ильбрика, раздававшийся с другого конца поля.

— Гоффанон, берегись — здесь Гоим! Корум не мог увидеть того, что происходило с Ильбриком и Гоффаноном, он не мог и окликнуть их — прямо на него несли принц Гейнор. Корум услышал знакомый звук рога, которым Гоффанон сбивал с толку глупых гулегов и Псов Кереноса.

Восемь стрел Хаоса ярко горели на нагрудном доспехе Гейнора, меч его, что только что бил золотым, сиял голубым светом. Зловещий смех раздался из-за глухого забрала.

— Вот мы и встретились, Корум! Корум успел поднять свой круглый щит так, что удар сияющего меча пришелся по серебряному ободу. Корум обрушил удар своего меча Предателя на шлем Гейнора. Гейнор застонал, потрясенный силой удара, — клинок едва не разрубил сталь.

Гейнор высвободил свой меч и остановился.

— У тебя новый меч, Корум?

— Да. Он зовется Предателем. Как он понравился тебе, Гейнор? — Корум рассмеялся, видя, что его извечный враг впал в замешательство.

— Вряд ли ты должен поразить меня в этой битве, брат, — задумчиво произнес Гейнор.

На миг туман разошелся, и Корум увидел Медбх, сражавшуюся с добрым десятком гулегов.

— Почему ты назвал меня братом? — спросил Корум.

— Наши судьбы так тесно переплетены. Друг от друга нам никуда не деться...

Слова Гейнора напомнили ему о пророчестве старухи. Бойся красоты, арфы и брата...

Закричав, Корум направил своего смеющегося скакуна прямо на Гейнора. На этот раз удар Предателя пришелся по плечу. Гейнор вскрикнул от боли; латы его запылали огненно-красным цветом. Пока Корум пытался извлечь меч из пробитого доспеха, Гейнор нанес Принцу три удара, но Корум сумел отразить их щитом.

— Что-то не нравится мне твое новое оружие, — сказал Гейнор. — Об этом мече мне и слышать не доводилось. — Он на мгновение замолк и продолжил уже другим тоном: — Корум, как ты считаешь — сможет ли убить меня твой меч?

Корум пожал плечами.

— Спроси об этом у кузнеца сидхи — Гоффанона. Он ковал этот клинок.

Но Гейнор уже разворачивал своего коня. Из тумана появились мабдены, они несли в руках зажженные факелы. Воины Елей в ужасе отступали — ничто не страшило их так, как открытое пламя. Гейнор попытался было остановить своих воинов, но из этого у него ничего не вышло; смешавшись с Братями Елей, он исчез в тумане, вновь избежав схватки с Корумом, единственным из смертных, страшившим его, Гейнора Проклятого.

На миг Корум остался один. Он не видел ни друзей, ни врагов; лишь крики и лязг оружия говорили о том, что сошлись в ужасной битве мабдены и Люди Льдов.

Позади себя он услышал слабое постанывание, которое постепенно превратилось в громкое бление, переросшее затем в печальный трубный крик, что был одновременно бездумным и зловещим. Корум узнал этот голос; он понял, что его разыскивает Балахр, полный решимости отомстить своему обидчику. Корум услышал скрип огромной колесницы, смрадный запах больной гниющей плоти ударил ему в нос; Принц едва сдержался от того, чтобы не убежать прочь, и приготовился встретить ужасного Фой Мьёр лицом к лицу. Желтый Жеребец было попятился, но уже через миг, успокоившись, устремил взгляд своих умных глаз куда-то в туман.

Корум увидел, что к нему приближается огромная тень. Существо сильно хромало — казалось, что пара ног, росших у него с одной стороны, была короче других; раздувшиеся члены его и голова раскачивались так, словно тварь была лишена костей. Корум увидел красный беззубый рот, водянистые глаза, почему-то съехавшие на левую сторону, сине-зеленые ноздри, то раздувавшиеся, то опадавшие. Тварь тащила за собой колесницу. В колеснице же, поддерживая себя рукой, стоял разгневанный Балахр — все тело его было покрыто щетиной, то здесь, то там виднелись пятна плесени и гнойные раны.

Лицо Балахра имело багровый цвет и походило на разверстую рану, из которой проглядывали кости. Как и все Фой Мьёр Балахр медленно умирал от страшной неизлечимой болезни, вызванной слишком долгим пребыванием в чуждом мире. На левой щеке Балахра Корум увидел подергивающийся рот, над которым синело омертвевшее веко, прикрывавшее смертоносный страшный глаз. К веку была привязана проволока, что проходила над головой и выходила из-под мышки. Конец проволоки был крепко зажат в двупалой руке Балахра.

Крик чудовища становился все громче, голова поворачивалась из стороны в сторону — Балахр искал Корума. Коруму показалось вдруг, что с уст Фой Мьёр слетело его собственное имя «Корум», но Принц понимал, что это не более чем игра воображения.

Не ожидая команды Корума, Желтый Жеребец ринулся вперед. Рука Балахра, сжимавшая конец проволоки, уже двигалась. Конь оказался за спиной великана; Корум перепрыгнул на колесницу и в тот же миг вонзил копьё Балахру в пах.

Балахр поражение ахнул и попытался нащупать оружие, причинившее ему боль. Второе копьё Корум вонзил в грудь Фой Мьёр.

Первое копьё Балахр отбросил в сторону, второго же он, казалось, и не заметил. Он вновь потянул за

проволоку, открывавшую его гибельный глаз.

Хватаясь за жесткую щетину, Корум вскарабкался на бедро великана и вонзил свой меч в спину Фой Мьёр, повиснув на рукояти.

Балахр фыркнул и вновь издал странный гортанный звук. Не выпуская проволоку, он стал шарить свободной рукой по спине. Корум выдернул меч из тела Фой Мьёр и стал взбираться еще выше.

Балахр принялся раскачивать колесницу; тварь, тащившая ее, приняла это за сигнал к движению и резко дернулась. Фой Мьёр едва не выпал из своего возка, однако успел схватиться за борт и тем восстановить равновесие.

Корум карабкался все выше и выше, едва не теряя сознания от вида и запаха гниющей плоти. Наконец, он добрался до того места, где проволока уходила под мышку Балахра. Он принялся рубить проволоку. Ему удалось перерубить ее лишь с третьего удара. Фой Мьёр стонал, покачивался, выпуская из рта огромные облака зловонного тумана.

Теперь у Балахра были свободны обе руки. Не успел Корум подумать об этом, как рука Фой Мьёр опустилась на его серебристый меч.

Балахр взревел и неожиданно опустил голову. Корум тоже посмотрел вниз и увидел, что Желтый Жеребец колотит по безобразным лапам Фой Мьёр копытами.

Фой Мьёр был достаточно глуп для того, чтобы сражаться одновременно с двумя противниками; рука, прижимавшая Корума к спине великана, неожиданно ослабла. Корум выскользнул из-под нее и принялся рубить мечом пальцы Фой Мьёр. Из ран, нанесенных им врагу, стала сочиться желтоватая зловонная жидкость; один из пальцев полетел вниз, за ним полетел и Корум. Он упал на спину, но тут же поднялся на ноги и увидел, что Желтый Жеребец чему-то радуется. Колесница Балахра закрипела и вновь скрылась в тумане; Корум услышал высокий протяжный крик и почувствовал неожиданную жалость к этому уродливому существу.

Принц снова забрался в седло и поморщился от боли — при падении он отбил себе спину. Желтый Жеребец тут же пустился галопом, оставляя позади тени сражающихся воинов и огромные туши Фой Мьёр. Неожиданно Корум увидел прямо над собою рога, он увидел лицо, больше походившее на волчью морду. Да, это был сам Керенос, предводитель Фой Мьёр, который был подобно псу, сражаясь со златоволосым гигантом. Под великаном был черный гигантский конь с алой попоной, разукрашенной золотом и жемчугами. Это был Ильбрик, сын Мананнана, на своем славном коне Тонкой Гриве; в руках его блистал меч, прозванный Мстителем. Подобно своим далеким предкам он боролся с Хаосом и Вечною Ночью, дабы освободить от них мир мабденов. Миновав бьющихся, Корум увидел безобразное лицо Гоим, пытавшейся схватить своими когтистыми лапами чернобородого кузнеца Гоффанона, неистово размахивавшего своим топором.

Корум хотел остановиться, помочь своим боевым товарищам, но Желтый Жеребец нес его к тому месту, где над своим поверженным скакуном стояла королева Медбх, отбивавшаяся от полдюжины красноухих псов. Желтый Жеребец врезался в собачью свору, и Корум, пригнувшись в седле и вспоров животы сразу двум собакам, прокричал:

— Садись на моего коня, Медбх!

Королева Медбх не замедлила взобраться на Желтого Жеребца, который, казалось, и не почувствовал ее веса. Конь засмеялся и пустился вскачь, не обращая никакого внимания на щерящихся псов.

Туман тут же исчез; они оказались в дубраве. Дубы были охвачены холодным пламенем, столь ярко озарявшим поле битвы, что сражающиеся, опустив оружие, стали изумленно взирать на него. Снег неожиданно исчез.

Пять чудовищных тварей на пяти грубо сработанных колесницах, ведомых пятью безобразными животными, прикрыв лапами глаза, завизжали от боли и ужаса.

Поняв, что происходит, Корум почувствовал, что к сердцу его подступает тревога. Повернувшись в седле, он увидел рядом с собой прекрасную Медбх, но даже ее светлый лик не мог развеять его дурных предчувствий.

В рядах слуг Фой Мьёр царило смятение; оглядываясь на своих господ, они пытались понять, что же им делать дальше, но Фой Мьёр, объятые ужасом, могли лишь кричать, стонать и визжать. Более всего в этом Измерении они боялись дубов и огня.

К Коруму подошел Гоффанон; он хромал так сильно, что ему приходилось опираться на топор. Тело его было изуродовано когтями Гоим. Кузнец был мрачен, но не раны, полученные в бою, были тому причиной.

— Да, — угрюмо произнес он, — Сэктрик знает, что делает. Ты бы знал, как я боюсь этого его знания.

Корум согласно кивнул.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СИЛА КРЭГ-ДОНА

— От иллюзии, посетившей мир хотя бы единожды, избавиться трудно, — сказал Гоффанон. — Она отуманит сознание мабденов на многие тысячи лет. Я в этом не сомневаюсь.

Королева Медбх в ответ на его слова только рассмеялась.

— Я думаю, ты смотришь на вещи слишком мрачно, старый кузнец. Эмергин поможет Малибану, и все на этом закончится. Наша земля избавится от всех недругов.

— Существуют враги невидимые, — возразил ей Гоффанон. — Самый страшный из всех врагов это иллюзия, искажающая истину вещей.

Медбх пожала плечами, не придав значения его словам, и посмотрела туда, где Фой Мьёр метались по полю, пытаясь спастись от пламенеющих дубов.

— Смотрите! Наши враги бегут! Подъехал Ильбрик, еще не остывший от боя. Он засмеялся:

— Все-таки мы были правы, когда отправились на Инис-Скайт!

Ни Корум, ни Гоффанон ничего не сказали в ответ. Ильбрик поехал дальше, то и дело срубая головы Воинам Елей и гулегам. Слугами Фой Мьёр владела паника, они не могли уже сопротивляться неприятелю.

Медбх слезла с Желтого Жеребца и стала ловить коня, бродившего неподалеку. Неожиданно Корум увидел Принца Гейнора Проклятого, скакавшего через пламенеющую дубраву ему навстречу. Не доехав тридцати футов, Гейнор, натянув поводья, остановил коня.

— Что это? — спросил он. — Кто помогает вам, Корум?

— Было бы глупо, если бы я стал отвечать на твой вопрос, Гейнор Проклятый, — ответил Корум. Он услышал вздох Гейнора.

— Все, чего вам удалось достичь, это создать новое святилище, новый Крэг-Дон. Теперь мы будем держать осаду на новых границах, только и всего. Не понимаю — чего вы хотите добиться этим?

— Я и сам этого не знаю, — ответил Корум. Принц Гейнор развернул коня и поскакал прочь, вослед удалявшимся Фой Мьёр. Гулеги, Псы Кереноса и Воины Елей устремились вслед за ним.

— Что теперь? — спросил Гоффанон. — Стоит ли преследовать их?

— Мы будем держаться поодаль, — ответил Корум. Его воины стали перестраиваться в колонну. В живых оставалось не более сотни мабденов. Среди них были Верховный Правитель Эмергин и Джерри-а-Конель, раненный в бок. Лик Спутника Героев был бледен, глаза исполнены страданием. Корум подошел к нему и осмотрел рану.

— Я уже наложил мазь, — сказал Эмергин. — Но должного ухода я ему предложить не смогу.

— Это рука Гейнора, — сказал Джерри-а-Конель. — Я заметил слишком поздно.

— Он за это заплатит, — сказал Корум. — Ты останешься здесь или же будешь преследовать Фой Мьёр вместе с нами?

— Я хочу быть свидетелем того, как с ними будет покончено, — ответил Джерри.

— Да будет так, — сказал Корум.

И они поскакали вслед за отступающими Фой Мьёр.

Фой Мьёр и их воинство, страстно желая побыстрее покинуть пламенеющую дубраву, даже не заметили того, что их преследуют мабдены. Оглянувшись лишь Гейнор — увиденное изумило его. Дубов Гейнор не боялся, его страшил только Лимб.

Что-то коснулось плеча Корума, и он почувствовал, что на плече его сидит кот, черно-белый кот с глазами Сэктрика.

— Насколько далеко простирается эта иллюзия? — спросил Малибана Корум.

— Настолько, насколько нужно, — ответил ему Сэктрик. — Ты это и сам скоро увидишь.

— Но где же Крэг-Дон? Неужели мы заехали так далеко? — спросила Медбх.

На это Сэктрик ничего не ответил. Вместо этого он расправил крылья и улетел неведомо куда.

Эмергин не мог оторвать глаз от пламенеющих дубов. Взгляд его был полон благоговения.

— Как проста эта иллюзия, но какой силой нужно обладать, чтобы сотворить ее! Гоффанон, теперь я понимаю, почему ты так боялся Малибана!

В ответ Гоффанон буркнул что-то неясное.

Минуту спустя кузнец сказал:

— Никак не могу избавиться от мысли, что мы сделали это зря. Лучше бы мабдены погибли. Вы себе и представить не можете, сколько страданий принесут вашим потомкам эти союзники.

— Надеюсь, это не так, Гоффанон, — ответил Великий Друид, но слова Гоффанона заставили его нахмурить брови.

И тут Корум заметил тень, стоявшую за пламенеющими деревьями. Он присмотрелся и только тут понял, что же он видит.

Фой Мьёр остановились. Их крики и стоны становились все громче. Подняв свои пораженные болезнью глаза, они призывали друг друга; в их голосах слышалось что-то по-детски беспомощное.

Голова Корума пошла кругом, когда он заметил еще несколько высоких теней.

— Это Крэг-Дон. Малибан обманул наших врагов. Фой Мьёр вошли в круг! Джерри закричал:

— Кис-кис! Базилий! Куда же запропастился этот Сэктрик? — И Спутник Героев, пришпорив коня, бездумно понесся туда, где собрались Фой Мьёр.

Корум решил, что от боли Джерри повредился в рассудке. Он закричал ему вслед:

— Джерри! Сэктрик стоит за себя и сам!

Но Джерри не слышал Корума. Он уже миновал ближайший отряд Воинов Елей. Корум хотел было броситься за ним, но Желтый Жеребец отказался повиноваться ему. Сколько ни понуждал его Корум, конь не двинулся ни на шаг вперед.

Коруму показалось, что каменные круги стали кружиться; пламенеющие дубы исчезли, растворяясь в привычных холодных небесах, нависших над занесенной снегом пустошью. Корум не верил собственным глазам. Они были во внешнем круге, Фой Мьёр же стояли прямо у алтаря. Великая сила влекла Корума в этот внутренний круг; внезапно поднявшийся ветер пытался снести его туда, но конь под ним, казалось, врос в землю. Он заметил, что многие мабдены, не в силах устоять чудовищным порывам, распластались на мерзлой земле.

Корум услышал ужасный рев и увидел Фой Мьёр, пытающихся вырваться из внутреннего круга, но не способных сразиться с ветром.

— Джерри! — закричал Корум, но шум ветра заглушил его голос. — Джерри!

Все быстрее и быстрее кружились каменные столбы, сливаясь в серые кольца. В седле оставался только Корум. Даже Ильбрик стал на колени рядом с Тонкой Гривой; здесь же стоял Гоффанон, отрешенно взиравший да то, что происходило в центре Крэг-Дона.

Корум увидел полыхавшую алым фигурку, выбравшуюся из внутреннего круга. Это был Гейнор Проклятый. Отчаянно преодолевая сопротивление ветра, он медленно брел к мабденам, то и дело спотыкаясь и падая. Его доспехи переливались всеми цветами радуги.

Корум подумал: Не сможешь ты избежать своей судьбы, Гейнор. Я не допущу этого. Ты должен отправиться в Лимб.

Принц обнажил серебристый меч, названный Предателем. Казалось, что меч внезапно ожил. Корум

встал на пути Гейнора.

Ветер дул все сильнее, но, в отличие от Принца Гейнора, Корумом не владело отчаяние, и потому, стоило ему спешиться в сделать шаг навстречу Гейнору, как ветер едва не сбил его с ног. С трудом держась на ногах, Корум набросился на своего заклятого врага.

Закованный в броню кулак Гейнора угодил Принцу в лицо, другой рукой Гейнор вырвал меч Корума. Он занес меч, чтобы сразить Вадагского Принца. Доспехи Гейнора померкли, став сине-черными.

Тем временем камни Крэг-Дона стали вращаться еще стремительнее.

Корум увидел, как Гоффанон, невесть откуда оказавшийся за спиной Гейнора, схватил его за запястье. Но Гейнор, резко развернувшись, освободился от его хватки и навес кузнецу удар, предназначавшийся Коруму.

Предатель вновь поразил Гоффанона, крепко засев в его теле. Тем временем Гейнор так же отчаянно понесся прочь к выбежал за пределы последнего круга.

Корум подполз к Гоффанону. Рана, нанесенная сидхи, была серьезной. Кровь кузнеца лилась из раны рекой, напивая собой мерзлую землю Корум вытащил серебристый клинок из раны и положил огромную голову Гоффанона себе на колени. Кровь уже отхлынула от лица Гоффанона. Сидхи умирал. Ему оставалось жить всего несколько минут.

Гоффанон произнес:

— Ты хорошо назвал свой меч, Вадаг. Да и меч удался на славу.

— Гоффанон... — начал было Корум, но карлик покачал головой.

— Я хочу умереть. Устал я от этого мира. Для таких, как мы, Вадаг, здесь места нет. По крайней мере сейчас. Они еще не понимают того, что болезнь, принесенная в этот мир Малибаном, не уйдет вместе с ним. Постарайся уйти отсюда...

— Я не могу уйти, — ответил Корум, — здесь живет та, кого я люблю.

— Что до этого... — слова Гоффанона перешли в кашель. Взгляд его застыл, глаза закрылись. Кузнец умер.

Корум медленно поднялся с колен, он уже не замечал ветра, ревающего Вокруг. Фой Мьёр все еще пытались спастись, слуг же их видно уже не было.

Борясь с ветром, к нему приблизился Эмергин. Великий Друид взял Корума за руку.

— Я видел смерть Гоффанона. Если бы мы могли отправить его в Кэр-Ллюд, Котел мог бы вернуть ему жизнь.

Корум покачал головой.

— Он хотел умереть, — сказал Принц Эмергину. Эмергин понимающе кивнул и обратил свой взор к внутреннему кругу.

— Фой Мьёр еще сопротивляются вихрю, но он унес в Лимб едва ли не всю их армию.

Корум вдруг вспомнил о Джерри и попытался разглядеть его среди туманных, зыбких фигур, стоявших у алтаря. На миг ему показалось, что он видит его. Лицо Джерри было бледно, как полотно, он отчаянно размахивал руками, — но тут же образ его исчез.

И тогда один за одним стали исчезать сами Фой Мьёр. Ветер стих, и каменные круги стали замедлять свое кружение. Мабдены со счастливыми криками бросились к алтарю, на котором сидел черно-белый кот и лежал позолоченный бронзовый ларец.

На месте оставались только Корум и Ильбрик, они стояли над телом своего поверженного товарища, карлика Гоффанона.

— Он успел дать мне совет, Ильбрик, — сказал Корум. — Он советует нам как можно быстрее оставить этот мир, ибо с мабденами наши судьбы уже не связаны.

— Возможно, это и так, — отвечивал Ильбрик, — Теперь, когда все уже позади, я вернусь в подводные владения отца. Не радует меня эта победа, не смогу я больше сдвинуть кубки со старым другом Гоффаноном, не смогу я больше спеть вместе с ним старых песен сидхи. Прощай, Корум. — Он опустил свою огромную руку на плечо Корума. — Может быть, ты желаешь пойти вместе со мной?

— Я люблю Медбх, — ответил Корум. — Поэтому я должен остаться.

Ильбрик неторопливо забрался в седло и, не прощаясь, поскакал по заснеженной равнине в направлении запада.

И видел это лишь Корум.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗАМОК ОУИН

К тому времени, когда они вернулись в Кэр-Ллюд, зима уже начала отступать. Нужно было заново отстроить порушенное, предать огню тела погибших, очистить столицу от следов пребывания Фон Мьёр. И все же мабдены были счастливы.

Эмергин вновь занял главную башню, в которой некогда содержался как узник. Он выставил на всеобщее обозрение волшебные Котел и Ворота Власти, как доказательство того, что Фой Мьёр навсегда изгнаны из этих земель, а Вечная Тьма развеяна.

Они чествовали Корума, как великого героя, спасшего их народ. Они слагали песни о его трех походах, о доблести его и отваге. Но Коруму не становилось от этого легче, — сердце его переполняла печаль по унесенному в Лимб Джерри-а-Конелю, по кузнецу Гоффанону, сраженному мечом, нареченным Предателем.

Прошло совсем немного времени с того дня, когда они прибыли в Кэр-Ллюд, когда Эмергин, взяв с собой котика и золоченый ларец, отправился на верх башни. Всю ночь над городом бушевала гроза — сверкали молнии, гремел гром, но ни капли дождя не упало на землю. Наутро Эмергин вышел из башни уже без ларца, держа в руках испуганного кота Базилия, и сказал Коруму о том, что договор выполнен теперь обеими сторонами. Глаза у кота теперь были такими же, как и прежде. С той поры Корум всюду носил его с собой.

Когда прошла первая волна празднеств, Корум простился с Эмергином и сказал ему, что хочет вернуться в Кэр-Малод с оставшимися в живых Туха-на-Кремм Кройх, этого же желала и горячо любимая им королева Медбх. Эмергин поблагодарил Корума и сказал, что в скором времени он намерен посетить Кэр-Малод и провести не один день в беседах с Корумом. Корум отвечал, что он будет с нетерпением ждать визита Верховного Правителя.

На том друзья и расстались.

И вновь они скакали на запад. Земля опять зазеленела, но звери пока не спешили возвращаться в родные места. Встречавшиеся на пути селения были безлюдны. Наконец, путники достигли стен Кэр-Малода, крепости, стоявшей на холме меж дубравой и морем.

Прошло несколько дней. Проснувшись утром, Медбх обняла Корума и шепнула ему:

— Ты стал другим, мой милый. Ты никогда не был таким мрачным.

— Прости меня, — сказал он. — Я люблю тебя, Медбх.

— Я прощаю тебя, — отвечала она ему. — Я тоже люблю тебя, Корум.

Однако голос ее звучал как-то неуверенно, глаза же были устремлены куда-то вдаль.

— Я люблю тебя, — повторила она, поцеловав Принца в губы.

Ночь или две спустя Корум проснулся от кошмара, в котором он увидел свое лицо, искаженное злобой, и услышал звуки арфы, игравшей где-то за стенами Кэр-Малода. Принц хотел разбудить Медбх и рассказать ей об этом, но женщины нигде не было. Наутро Корум спросил ее о том, где же она была в эту ночь; королева же отвечала ему, что один его сон сменился другим — всю ночь она была рядом с Принцем.

Проснувшись следующей ночью, Корум увидел, что королева мирно спит рядом с ним. Некая сила заставила его подняться, облачиться в доспехи и опоясаться мечом, носившим имя Предатель. Корум вышел из замка, ведя под уздцы Желтого Жеребца. За стенами крепости он оседлал его и поскакал к морю, туда, где стоял одинокий утес, называвшийся мабденами Замком Оуин, вадаги же называли замок Эрорн. В этом месте Корум родился и вырос, здесь он был счастлив.

Склонившись к голове Желтого Жеребца, Корум прошептал ему на ухо:

— Конь Легера, ты наделен великими умом и силою. Сможешь ли ты перенести меня через эту пропасть?

Желтый Жеребец посмотрел на него своими добрыми янтарными глазами, исполненными не удивления, а печали. Он фыркнул и забил копытом.

— Помоги же мне, Желтый Жеребец, — сказал Корум, — и я отпущу тебя туда, откуда ты пришел.

Помешкав минуту. Желтый Жеребец подчинился воле своего седока. Он отбежал в направлении Кэр-Малода, развернулся и пустился галопом, с каждым мгновением ускоряя свой бег, пока не оказался на краю пропасти, отделявшей мыс, на котором стоял замок Эрорн, от материка. Внизу бушевало море, рев его напоминал предсмертные стенания Фой Мьёр. Желтый Жеребец напрягся и прыгнул. Сбылась мечта Корума — всадник и конь стояли уже по другую сторону пропасти. Корум спешился.

Желтый Жеребец испытующе посмотрел на него. Корум сказал коню:

— Ты свободен, иди, но не забывай завета Легера.

Желтый Жеребец кивнул головой, развернулся и, перепрыгнув через пропасть, скрылся во мраке. Коруму показалось, что в шуме моря он слышит голос, зовущий его со стен Кэр-Малода. Не Медбх ли звала его?

Принц решил не обращать на голос внимания. Он разглядывал старые, полуразрушенные стены замка Эрорн, вспоминая о том, как мабдены убили всех его близких, искалечили его самого, лишив глаза и руки. Зачем же он так преданно и так долго служил им? Во всем была повинна его любовь к мабденским женщинам, и от этого Коруму становилось особенно грустно. Он любил и Ралину, и Медбх, они отвечали ему любовью, и, все же, меж ними существовало различие, которого Принц не мог объяснить себе.

Из-за стен слышались какие-то звуки. Корум подошел поближе, ожидая увидеть юношу, звавшегося Дагдагом, некогда виденного им здесь. Что-то метнулось в темноте; Коруму показалось, что он видел свою алую мантию.

— Кто здесь? Никто не ответил ему.

Он подошел к самой стене и, положив руку на выглаженный ветром резной камень, тихо спросил:

— Кто здесь?

Он услышал змеиное шипение. Что-то звякнуло. Что-то хрустнуло. В разрушенном оконном проеме Корум увидел силуэт человека. Тот повернулся к Коруму.

Принц увидел свое собственное лицо. Это был оборотень, сотворенный Калатином.

Карах вышел морем.

Оборотень улыбнулся и вынул из ножен меч.

— Приветствую тебя, брат, — сказал Корум, — я не сомневался в том, что пророчество сбудется этой ночью. Поэтому я и пришел сюда.

В ответ на слова Корума Карах только улыбнулся. Корум вдруг услышал сладкие, губительные звуки арфы Дагдага.

— Но что же это за красота, которой я должен бояться? — спросил Корум. Он извлек из ножен меч.

— Оборотень, ты не знаешь этого? Улыбка оборотня стала еще шире; обнажились белые зубы.

— Настало время вернуть мантию, — сказал Корум. — Мне придется сразиться с тобой.

И начался бой. Скрещиваясь, мечи высекали яркие искры, озарявшие темень замка. Как и предполагал Корум, силы их были равными, ни один из них не превосходил своего соперника ни в чем.

Они сражались на растрескавшихся плитах, порушенных стенах, разбитых лестницах. Они бились вот уже час, отвечая ударом на удар, уловкой на уловку. Только теперь Корум понял, каким преимуществом обладал его противник — он не знал усталости.

Чем слабее становился Корум, тем увереннее наступал на него оборотень. Он молчал, возможно, он и

не умел говорить, но улыбка его становилась все шире и язвительнее.

Корум отступал, теперь ему приходилось только защищаться. Оборотень отеснил его за пределы замка и загнал на самый край утеса. Сбрав все силы, Корум сделал неожиданный выпад и ранил соперника в плечо.

Оборотень словно и не почувствовал этого, он возобновил свои атаки с удвоенной силой.

Корум неожиданно споткнулся о камень и рухнул навзничь. Меч выпал из его руки. Он взмолился:

— Это несправедливо!

Вновь заиграла арфа, теперь уже это была песня. В ней пелось:

— Так уж устроен мир. Печален удел героя, долг свой исполнившего...

Желая продлить наслаждение, оборотень медленно занес меч.

Корум почувствовал странную дрожь в левой руке. Казалось, его серебряный протез ожил. Зажимы, крепившие кисть к запястью, расстегнулись, и рука, метнувшись к Предателю, схватилась за его рукоять.

— Я сошел с ума, — прошептал Корум. Но тут он вспомнил о ворожбе Медбх.

И Принц, и королева совершенно забыли об этом.

Оборотень попятился назад, издавая странные шипящие звуки.

Серебряная рука вонзила меч прямо в сердце оборотня. Тот вскрикнул и упал замертво.

Корум рассмеялся.

— Прощай, братец! Не зря я опасался тебя, но видно, не тебе суждено было исполнить предназначенное.

Теперь арфа играла громче, звуки ее доносились уже из замка. Забыв и о мече, и о своей серебряной руке, Корум бросился к замку. Перед ним стоял Дагдаг, златоликий прекрасный юноша; во взгляде его было что-то злое. Он играл на арфе, которая казалась частью его тела. За спиной Дагдага Корум увидел еще одну фигуру — это был Гейнор.

Тут только Корум вспомнил о том, что меч его остался на утесе. Он вскричал:

— Гейнор, как я тебя ненавижу! Зачем ты убил Гоффанона?

— Я сделал это случайно. Я пришел для того, чтобы заключить с тобою мир, Корум.

— Мир? И это говоришь ты, мой первейший враг?!

— Послушай Дагдага, — сказал Гейнор Проклятый.

И Дагдаг заговорил — или запел, — и вот какие слова сказал он Коруму:

— Ты нам не нужен, смертный. Сними свою мантию с трупа оборотня и покинь этот мир. Ты пришел сюда только с одной целью. Теперь, когда эта цель достигнута, ты должен уйти.

— Но я люблю Медбх, — ответил Корум. — Я не оставлю ее!

— Ты любил только Ралину. Ты видишь ее и в Медбх.

Гейнор заговорил настойчивее:

— Я не желаю тебе зла, Корум. Поверь Дагдагу. Пойдем вместе со мной. Он открыл врата в ту землю, на которой мы оба сможем обрести покой и мир. Это правда, Корум, — я только что вернулся оттуда. У нас есть шанс покончить с нашей извечной враждой.

Корум покачал головой.

— Похоже, ты действительно говоришь правду, Гейнор. Глаза Дагдага тоже не лгут. Но я должен остаться здесь. Я люблю Медбх.

— Я уже говорил с Медбх, — сказал Дагдаг. — Она знает о том, что тебе нельзя оставаться в этом мире. В мире, которому ты не принадлежишь. Идем же туда, где вы с Гейнором обретете мир. Я предлагаю

тебе великую награду, о, Великий Воитель. Большого я тебе предложить не смогу.

— Я должен остаться, — сказал Корум.

Дагдаг вновь заиграл на арфе. Музыка ее была прекрасна и сладка. Это была музыка великой любви и самоотверженного мужества. Корум улыбнулся.

Он поклонился Дагдагу, поблагодарив его за сделанное ему предложение, и махнул рукой, прощаясь с Гейнором. Он вышел из древних ворот замка Эрорн и увидел Медбх, что ожидала его по ту сторону пропасти. Улыбнувшись ей. Принц поднял правую руку в приветственном жесте.

Но женщина не улыбнулась Коруму в ответ. Она подняла руку и стала раскручивать пращу. Корум потрясенно смотрел на нее. Не Дагдага ли она хотела убить, Дагдага, которому так доверяла?

Снаряд вылетел из пращи и угодил прямо в лоб Коруму. Принц упал наземь. Сердце часто билось, голова была разбита. Он почувствовал, как кровь заливает лицо.

Корум увидел склонившегося над ним Дагдага. Тот смотрел на него с участием. Из рта Корума вырвался крик.

— Бойся арфы, — сказал Дагдаг своим высоким звонким голосом. — Бойся красоты, — он указал на Медбх, плакавшую по ту сторону пропасти. — Бойся брата...

— Твоя арфа отвратила от меня Медбх, — сказал Корум. — Я не зря боялся ее. Ты прав — красота Медбх сгубила меня. Но я убил своего брата. Карах мертв.

— Нет, — сказал Дагдаг, подняв с земли татлум, брошенный Медбх. — Вот твой брат, Корум. Она смешала его мозг с известью, зная, что только так может быть исполнен твой рок. Она разрыла могилу Кремм Кройха. Я научил ее этому. Кремм Кройх сразил Корума Лло Эрайнта.

— Я не отрекаюсь от нее. — Корум попытался подняться на ноги. Он приложил руку к раскрытому черепу, чувствуя, как из него льется кровь. — Я все еще люблю ее.

— Я говорил с ней. Я говорил ей о своем предложении и о том, что она должна делать, если ты не примешь его. Тебе здесь не место, Корум.

— Мы еще посмотрим!

Собравшись с силами, Корум бросился на Дагдага. Златоликий юноша взмахнул рукой и перКорумом возникла его серебряная рука, сжимавшая серебристый меч, нареченный Предателем.

За миг до того, как меч вошел ему в сердце, Корум услышал крик Медбх. Раздался голос Дагдага:

— Теперь этот мир избавлен от колдовства и богов!

И тогда Корум умер.

Так заканчивается третий, последний том Хроники Корума